

архетипическая диалектика социокультурных проектов

утопическая традиция

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого»

Архетипическая диалектика социокультурных проектов

Часть 1.

Утопическая традиция

Учебное пособие

Великий Новгород
2013

ББК 71.0.я73
А87

Печатается по решению
РИС НовГУ

Учебно-методическая лаборатория
философского факультета
“Берестяная грамота”

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор **Б.В.Марков** (СПбГУ);
доктор философских наук, профессор **Ю.В.Синеокая** (ИФ РАН);
доктор филологических наук, профессор **В.А.Кошелев** (НовГУ).

А87 **Архетипическая** диалектика социокультурных проектов: Учебное пособие в 12 ч. Ч.1. Утопическая традиция / Авторы-составители А.Г.Некита, С.А.Маленко; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2013. – 259 с.

Предлагаемое учебное пособие представляет, тщательно проработанную программу модуля «Диалектика социокультурных проектов», органично дополненную обширным хрестоматийным блоком. Это первая книга из целой серии изданий, посвященных всестороннему анализу архетипической диалектики социокультурных проектов в истории человеческой цивилизации. Издание детально и разннобразно представляет оригинальное авторское видение роли утопических теорий как онтологического, для европейской ментальной традиции, жанра социокультурных проектов, ориентированного на грядущее преобоазование наличной социокультурной реальности в направлении ее гуманизации и соответствию архетипическим началам взаимодействия Природы, Человека и Общества. Материалы модуля на примере как классических, так и малоизвестных текстов, ориентируют читателя в сложной, многовековой эволюции представлений человека об идеальном общественном устройстве, концентрировавшихся в рамках утопической традиции, во многом сформировавшей соврменный облик человеческой культуры.

Адресовано бакалаврам и магистрам кульурологических, философских и других гуманитарных специальностей, всем интересующимся проблемами генезиса современного социума, культуры, а также перспективами их развития в ближайшем и отдаленном будущем.

ББК 71.0.я73

В оформлении обложки использован кадр из фильма «Цвет волшебства» (реж. Вадим Жан, 2008 г.)

© Новг. гос. ун-т, 2013.
© Авт.-сост. А.Г. Некита, С.А. Маленко.
© Обложка С. А. Маленко, 2013.

Содержание

Цели освоения модуля…… 4
Место учебного модуля в структуре ООП направления подготовки…….. 4
Требования к результатам освоения учебного модуля…… 4
Структура и содержание учебного модуля…… 5
Трудоемкость учебного модуля…… 5
Содержание и структура разделов учебного модуля…… 5
Контроль и оценка качества освоения учебного модуля……... 16
Учебно-методическое и информационное обеспечение учебного модуля…… 16

Платон. Государство…… 17
Аристотель. Политика…… 32
Мор Т. Утопия……... 49
Бэкон Ф. Новая Атлантида……... 56
Кампанелла Т. Город Солнца……... 62
Коменский Я. Вселенский совет об исправлении человеческих дел…….. 70
Бержерак С. Де. Иной свет, или государства и империи луны... 79
Верас Д. История севарамбов……..…… 87
Мелье Ж. Завещание…… 93
Мабли Г. Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ. О права и обязанностях гражданина. Письмо второе…….. 97
Дешан Л.-М. Истина, или Истинная система…… 101
Морелли Э. Кодекс природы…… 104
Мерсье Л. Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было…….. 108
Годвин В. О собственности……... 111
Фурье Ш. Судьбы мира и человечества……... 123
Фихте И. Замкнутое торговое государство…….. 130
Оуэн Р. Описание ряда заблуждений и бед, вытекающих из прошлого и настоящего состояния общества……. 138
Кабе Э. Путешествие в Икарию…… 146
Дезами Т. Кодекс общности……. 156
Бланки Л.О. Коммунизм – будущее общества…… 164
Моррис У. Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия…… 170
Беллами Э. Будущий век……... 178
Маяковский В. Клоп……..…….. 182
Хайек Ф.А.фон. Дорога к рабству…… 189
Янг М. Возвышение меритократии……. 193
Маленко С., Некита А. Горизонты архетипического преображения сценариев социального взаимодействия……... 203

Биографии выдающихся мыслителей-утопистов……. 215
Словарь терминов……... 226
Хронологический список утопий, появившихся на иностранных языках…… 229
Хронологический список утопий, появившихся на русском языке…….. 232
Литература к модулю.……..... 234

Цели освоения модуля

***Цель учебного модуля**:* раскрыть специфику диалектики социокультурных проектов в истории мысли, определить ведущие тренды развития человеческой цивилизации и образы будущего, представленные утопической традицией, и на этом основании дать оценку идейно-теоретическим и практическим проектам переустройства социокультурной жизни как компенсации нереализованной природы человека.

***Задачи, решение которых обеспечивает достижение цели**:*
– знать содержание основных утопических социокультурных проектов;
– владеть терминологией утопических социокультурных проектов;
– уметь квалифицировать и адекватно воспроизводить ведущие утопические проекты по историческим периодам и основным идейно-теоретическим и практическим основаниям;
– иметь представление об основных этапах формирования социокультурных идеалов, их национальных особенностях;
– воспроизводить логику становления социокультурных трендов и их социально-политическую апрабацию в истории цивилизации;
– понимать роль и значение культурологии, философии и литературы в осмыслении проблем, связанных с социокультурным проектированием будущего.

Место учебного модуля в структуре ООП направления подготовки.

Учебный модуль «Диалектика социокультурных проектов» входит в вариативную часть (Б3.9) профессионального цикла общей образовательной программы. В соответствии с базовым учебным планом ООП, данная дисциплина читается во 4 семестре на 2 курсе и базируется на знаниях, полученных по соответствующим модулям: «История», «Социология и политология», «Педагогика и психология», «Теория и методология культуры», «История культуры», «История культурологи», «История искусств», «Русская культура», «Религия в современном мире».

Освоение знаний по модулю «Диалектика социокультурных проектов» призвано сформировать у студентов-культурологов базовые знания и навыки, которые станут фундаментом дальнейшей профессиональной подготовки. Компетентностный ресурс, полученный в рамках освоения данного учебного модуля, в дальнейшем используется при изучении таких учебных модулей профессионального цикла, как «Антропология культуры», «Семиотика культуры», «Менеджмент в сфере культуры и культурная политика», «Межкультурная коммуникация», «Философия и социология культуры», «Культура масс-медиа», «Современное искусство и массовое общество», «Корпоративная и деловая этика», «PR и брендинг в сфере культуры».

Требования к результатам освоения учебного модуля

В результате изучения учебного модуля «Диалектика социокультурных проектов» студент формирует и демонстрирует следующие общекультурные и профессиональные компетенции:

ПК-4 – готов к использованию современного знания о культуре и ведущих направлений современной социокультурной деятельности (концепций и инструментария) в организационно-управленческой работе;

ПК-12 – способен применять в производственной социокультурной деятельности базовые профессиональные знания по культурологии.

Содержательное наполнение компетенций через показатели, демонстрация которых позволит принять решение о степени сформированности каждой из них, осуществляется в соответствии с паспортами компетенций.

В соответствии с содержанием основной образовательной программы по направлению подготовки 033000.62 – «культурология», учебный модуль «Диалектика социокультурных проектов» осваивается на базовом уровне.

Структура и содержание учебного модуля

Трудоемкость учебного модуля

Трудоемкость учебного модуля представлена в Таблице № 2.

Таблица № 2 Трудоемкость модуля

Учебная работа (УР)	Всего	Распределение По семестрам	Коды формир-х компет-й
Трудоемкость модуля в зачетных единицах (ЗЕТ)	3 ЗЕТ		
Распределение трудоемкости по видам УР в академических часах (АЧ): - лекции - практические занятия - в т.ч. аудиторная СРС - внеаудиторная СРС	 18 36 9 54	2	 ПК-4 ПК-12
Аттестация: - дифф.зачет			

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА РАЗДЕЛОВ УЧЕБНОГО МОДУЛЯ

ТЕМА 1.
Классические социокультурные проекты: становление утопической традиции

Эгалитарный характер утопической мысли Древнего Китая. Возврат от «человеческого дао» к «естественному дао» как залог восстановления имущественной справедливости. Социально-охранительная и консервирующая специфика утопии «Дао дэ цзин». Утопический прооект справедливого общества Платона. Критика платоновской уравнительной системы как основы государственного и социокультурного строительства в работах Аристотеля. Государство как результат действия справедливости и закона в этико-рационалистической утопии Аристотеля. Социально однородное общество, «философский образ жизни общиной» и рационализированная религия как базовые черты социального идеала Т. Кампанеллы. Вселенские советы об исправлении человеческих дел Я.Коменского. «Общество материального благосостояния» как предпосылка и гарантия социального порядка и отсутствия преступности в концепции А. Сен-Симона. Превращенный характер социальных отношений как главный пункт критики А. Сен-Симоном западной цивилизации. «Равенство», «свобода», «прогресс», «любовь к человеку и человечеству» – базовые понятия «позитивной науки» как формы утопической идеологии А. Сен-Симона. Роль «научной социальной системы» как гарантии предотвращения кризисного характера социальных реформ по А. Сен-Симону. Позитивисткая «промышленная система» в главе со светскими учеными и «промышленниками» и концепция «нового христианства» как основные предпосылки достижения общественного идеала А. Сен-Симона. Критика отчужденного характера капиталистических отношений как стратегия создания положительного социального идеала (Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Р. Оуэн).

Тема 2.
Постклассические интепретации гуманизма в социокультурных проектах

Утопический идеал «свободного общества» П. Фейерабенда как гарантия обеспечения культурным традициям равных прав и одинакового доступа к центрам власти. Диалектика «утопий регламентации» и «утопий свободы» в европейской духовной традиции. «Утопии регламентации» и «утопии технологического упрощения» как исторические и жанровые предтечи антиутопий. Утилитаризация и примитивизация социальных отношений как объективная предпосылка распространения индустриальных антиутопий. «Общность, Одинаковость, Стабильность» как антиутопическая реминисценция лозунга «Свобода, равенство и братство!» и основа социального прогресса по О. Хаксли. Замена принципа производственно-трудовой стратификации социума на биологическую как основа интеллектуально-технократической антиутопии О. Хаксли. Судьба человека как рок принадлежности к определенной биологической касте по О. Хаксли. Технологизация «социального поведения» по Б. Скиннеру как антиутопический рецепт окончательного установления социальной гармонии на основе тотального научного контроля и властного манипулирования бессознательными индивидами. «Новый средний класс» инженерной интеллигенции как главная движущая сила общественных преобразований по Г. Уэллсу. Антиутопический социум как арена бессознательного противостояния «управляющих» и «управляемых». Теоретики элитизма (Платон, Н. Макиавелли, Г. Моска, В. Парето) и их оценка стратификационно-поляризующего характера социальных утопий. Антиутопическая история как воплощение «возвышенной бесцельности» социального пребывания бессознательных индивидов.

Тема 3.
Справедливость как социоформирующая идея будущего

Утопические проекты как воплощение бессознательных проекций идеи социальной справедливости. Утопическая интерпретация справедливости как принципа взаимоотношений между людьми по поводу распределения блага и достоинства. Справедливость в утопиях как мера соотношения прав и обязанностей, деяния и воздаяния. Диалектика «восстановительной», «уравнивающей» и «распределительной» справедливости в утопической традиции. Трактовка справедливости как «радикального равенства» в эгалитарных социальных утопиях. Интерпретация дилеммы «зависть-эгалитаризм» в утопической традиции. Проблема экономической продуктивности и обоснованности утопических эгалитарных обществ. Специфика понимания справедливости в земледельческих общинах Г.Мабли. Идеальный «строй нравственности» как выражение общественного идеала Л.Дешана. «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям» - лозунг Э.Моррели как выражение социальной стправедивости. Преобразование человеческой природы как предпосылка снятия бессознательного отчуждения индивида от деятельностного освоения мира в эгалитарных утопиях. Соотношение руссоистской установки «уравнения собственности» и принципа «обобществления имущества» и средств производства в социалистических и коммунистических утопических моделях. Воздаятельно-распределительная трактовка справедливости как нравственное основание меритократических социальных утопий. Соотношение меритократической утопической традиции и современных коммунитаристских представлений о справедливости на примере идей А. Макинтайра. Мифовоспитание представителей сословия стражей-воинов как ментальная основа формирования идеального государства Платона. Элитарный характер главенства философов в утопии Платона как фактор воспроизводства социальных добродетелей в государстве. Элементы бессознательного социально-политического морализаторства в утопическом дискурсе. «Новый народ», избавившийся от всех «незадачливых» и «неприспособленных» как социальная база североамериканской утопии государственного патернализма. Справедливость как квинтэссенция идеала индивидуальной свободы в либертаристской социальной утопии Ф. А. фон Хайека.

Тема 4. Типология представлений о будущем в социокультурных проектах

Необходимость разграничения утопизма и проективно-конструктивной деятельности в контексте неопределенности исторического будущего человечества. Социально-кризисные явления как стимулятор поиска альтернативных (утопических и антиутопических) вариантов развития общества. Вековые традиции отчужденной от природы человека трагической социальной практики как цивилизационный «капитал» теневой утопизации социального идеала. Социальные потрясения и кризис властно-дискредитированных экзистенциальных ориентиров человечества как повод к возникновению утопий «вневременного порядка». «Утопии места» (Т. Мор, Т. Кампанелла, Э. Кабе, И. Андреа, Ф. Бэкон), «утопии времени» (Л. Мерсье, Э. Беллами) и «утопии вневременного порядка» как разновидности эскапистских утопий по Е. Шацкому. Вытеснение «утопий» «ухрониями» по мере сокращения «территории надежды» и расширения экспансии отчужденной цивилизации. Противостояние прошлого и будущего как сущностная черта «ухронии». Смещение акцента в утопиях с «мечты о лучшем мире» на «мечту о будущем мире» как показатель веры человечества в прогресс. «Внутримирские утопии» будущего как объект критики со стороны идеологов церкви за отступнические интерпретации плана божественного провидения. «Героические утопии» как призывы к конкретным действиям по воплощению в жизнь утопических идеалов. «Утопии ордена» и «утопии политики» как основные формы «героических утопий». Деятельность по созданию «островов добра внутри плохого общества» как практическая реализация «утопий ордена». Утопический проект «закрытого» христианского технократического общества в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона как пример «утопии ордена». Роман И.-В. Гете «Вильгельм Мейстер» как антология западноевропейских утопических мотивов и классический литературный пример «утопии ордена». Какатопии («утопии зла») как результат бессознательной маргинализации утопической традиции. Роман А. Д. Ф. де Сада «Философия в будуаре» как классический пример какатопии.

Тема 5.
Реинкарнация духовно-нравственных идеалов в проектах культурного преображения

Консультационный патронаж монархической власти со стороны философов как гарантия мирного и законного существования единого светского государства без сепаратизма и частной собственности на землю в утопии А. Данте «Монархия». Концепция «всеобщего государства всеобщего счастья» по А. Данте как новый импульс развитию утопических идей о гармоничном государственном устройстве. Христианско-коммунистическая утопия «Город солнца» и утопия всемирной теократической монархии «Монархия Мессии» Т. Кампанеллы как примеры совершенных государств под управлением философов-священников. Антиклерикальный пафос утопических размышлений Л.Бланки. Просветительство, объясняющее людям реальное положение в мире, вместо «отвлеченной проповеди добрых начал» как фундамент реализации социального идеала Г. Уэллса. Реализации «человеком будущего» евангельских ценностей в «открытом обществе» как сущность утопического идеала А. Бергсона. Диалектика утопичности и эсхатологичности в идеологии как структуре, идеал которой, противопоставлен наличной социальной реальности по К. Манхейму. Утопия как рядоположенная религии разновидность «философского самоубийства» по классификации А. Камю.

Тема 6.
Коммунитарный вектор сбывания экзистенции в проекциях будущего

Идеал «грядущего» как образ, раскрывающий универсальное значение утопии. Утопия как воплощение достигнутого совершенства и конечной цели мира. Теория будущего Э. Блоха и «надежда» как знание о будущем. Радость как основа и стимул для свободного труда У.Морриса. Утопия как стремление мира к совершенству и идеал грядущего. «Все» как совершенство, высшее благо и конечная

цель развития мира. Идея коммунизма как достойного будущего для человечества Л.Бланки. Коммунизм как Царство Свободы и органическое единство человека и мира в утопических мечтаниях Э. Блоха. «Коммунистическая космология» Э. Блоха как способ утверждения реальности воплощения Бога в мире грядущего. Утопия как способ предвосхищения состояния «совершенства». Утопия как «еретическое пространство», открывающее путь к обретению «возможной Родины» по Э. Блоху. Утопия как воплощенная «надежда» и философская форма постижения современных общественных проблем. Утопия как пространство созидания новых реальностей, адекватно подлинных себе самим. Эволюция отношения утопистов к противникам установления рая на земле: от непримиримости ко злу в целом, к абсолютному неприятию его конкретных носителей. Почвеннические основания крестьянско-общинного утопического идеала. Утопические мечты о «золотом веке» как отражение культурного идеала в концепции Й. Хейзинги. Утопия как территория «Игры с Идеалом».

Тема 7. Мифологизация места и времени в моделях культурной трансформации

Утопия как пространство ритуализированного воспроизводства общественного порядка. История как утопический образ-понятие «иного» («того, что было бы иным») в концепции Т. Адорно. Особенности структурирования и принципы освоения будущего как «мифологического» времени и пространства в античной утопической традиции (Эвгемер, Ямбул, Платон, киники и стоики). Утопия как мир абсолютного совершенства, предполагающего тождество мышления и бытия. Утопизм харизмы и харизматичность утопии как показатели архетипического происхождения общественного идеала. Социальная утопия как «вечная» тема цивилизации по Й. Хейзинге. Средневековый карнавал как «сфера утопической свободы» по М. Бахтину. «Возврат к природе» как алармистский сценарий достижения «общественного договора» по Ж. -Ж. Руссо. Утопия как рядоположенная мифосознанию разновидность «философского самоубийства» по классификации А. Камю. Холистический принцип организации общества как гарантия сохранения индивидуальной свободы в утопическом проекте «ассоциации» Ж. -Ж. Руссо. Общественный Космос утопии как разумная альтернатива бессознательному хаосу социума. Единая семья-община как утопический идеал Ж.Мелье. Утопия как пространство освоения всех видов социального отчуждения. Сознательное освоение архетипических оснований отношений родства как образ преодоления отчуждения между человеком и человечеством в утопиях. Экотопия как разновидность постиндустриальной утопии. Экотопия как стремление к возврату в естественное состояние природы и духа. Антиутопия как пример бунта Природы, покоренной в ходе научно-технической революции. Систематическое насилие над телами, умами и душами людей в антиутопических проектах как «цивилизованный» способ принудительной социализации архетипических содержаний «Анимы», «Анимуса», «Матери» «Отца». Утопические идеи «народной мудрости» и «народной воли» как показатель ориентированности на поиск смысла в недрах коллективного бессознательного. Утопические надежды на «доброго царя» «матушку-заступницу» и «мирского избавителя» как сценарии переосмысления архетипических образов «Отца», «Матери», «Самости».

Тема 8. Воплощение идеалов силы и порядка в сценариях будущего

Формационно-компиляторский образ утопического будущего как показатель эклектичности социального идеала. Влияние традиций античного полиса и философии Платона на урбанистический характер композиции утопии аль-Фараби «Трактат о жителях добродетельного города». Особенности конституционной монархии Д.Вераса. Жесткая иерархичность идеального государства, примат «счастья государства в целом» над судьбами отдельной личности; жесткая регламентация всех сторон жизни (поступки, одежда, духовная цензура) как основные пункты критики тоталитарного характера платоновского социального идеала со стороны К. Поппера. Преобразовательский пафос утопий: воплощение революционности, со-

циального реформаторства или эскапистского деконструктивизма. Ориентированность утопий на будущее как фактор разрушения существующего социального порядка по К. Мангейму. Трактовка Б. Скиннером культуры как созданного человеком всеподчиняющего аппарата контроля и его социал-реформистские проекты как разновидность сциентистской утопии. Теоретическое обоснование Л. Карсавиным евразийской утопии как наглядный пример тоталитарной интерпретации учения о всеединстве, лишенного идеи «стяжания благодати». Дехристианизация, коммунальное воспитание, просветительский гуманизм, принудительная регуляция численности и социальных обязанностей населения, критика «мнимого существа» демократических свобод как главные пункты программы Маркиза де Сада по созданию утопической «республики, огороженной проволокой».

Тема 9. Образы культурной гармонии в обществе будущего

Проблема предотвращения «экстраполярного будущего» в утопиях Г. Уэллса. Формулы «порядок без организации» и «наше образование и есть наше правительство» как воплощение управленческого утопического идеала в романе Г. Уэллса «Люди как боги». Образованный человек как человек будущего Л.Бланки. Утопическое переустройство социума с помощью науки как единственная возможность освобождения человека от векового угнетения и несправедливости по Ж. Верну. «Таинственный остров» Ж. Верна как пример научно-организованной утопии. Замена отчужденных социальных отношений бесконфликтными человеческими отношениями как уэллсовский идеал общественной гармонии. Утопия как утверждение подлинности и неоспоримости человеческого знания о мире. Утопия как форма нравственного поучения и просвещения читателя. Ликвидация национальной розни, уничтожение опасности войны и роспуск армий как предпосылки воплощения «Современной утопии» Г. Уэллса во всемирном масштабе. «Всемирная ассоциация народов» и стирание национальных границ как главные пункты утопической программы А. Сен-Симона, предвосхитившей неизбежность объединительной тенденции в развитии Европы. Счастливое человечество В.Маяковского. «Разрыв с прошлым» и ориентация на замену плохого социального устройства хорошим как основа «утопии политики». «Заговор во имя равенства» Г. Бабефа и теория «общественного договора» Ж. -Ж. Руссо как сценарии воплощения «утопии политики».

Тема 10. Симулякры цивилизованного будущего в социокультурных проектах

Антиутопия как социальная карикатура на позитивную утопию. Эволюция социального идеала: от «идеологии разума» в утопии к антиутопической «идеологии манипуляции» на уровне инстинкта. Использование приемов фантастизации реальности, аллюзий, реминисценций, сатиры, гротеска и парадоксов с целью дискредитации идеального мира, выявления его нелогичности, абсурдности, враждебности человеку как сущностная черта антиутопий. Динамика социального превращения способов достижения социокультурного идеала: от утопического облагораживания человека и мира к трагедии бессознательно массовизированной, «потребительскоразмытой» личности эпохи антиутопических «бунтов». Антиутопическая реальность как «мир differance», фантасмагорический мир смыслоозначения, пространство и время призраков, находящееся вне пространственно-временной метрики реального мира Бытия по Ж. Деррида. Комфорт как антиутопический аналог стремления человека к Благу. Воцарение социальных симулякров как сигнал тотального замещения реальности антиутопическими сценариями. «Почему мы думаем, что знаем?» как основной гносеологический вопрос антиутопии. Кризис «экзистенциального соучастия» как основной онтологический синдром антиутопии. Столкновение «прошлого», «настоящего» и «будущего» как фактор терроризации социального идеала в антиутопических проектах. Превращение бессознательно-отчужденной истории из формы преодоления человеком пределов своей жизни и трансцендирования своих возможностей в орудие лжи и фабрику производства «кровожадных идолов», поглощающих культуру как характерная черта антиутопических проектов по Й. Хейзинге. Антиутопия как резервация властного «уготованного будущего» и закономер-

ный результат политической манипуляции бессознательными массами. Диалектика прогноза-предостережения «так может случиться»-«так должно случиться» в антиутопиях Г. Уэллса. «О дивный новый мир…» О. Хаксли как классический пример гедонистической антиутопии. Диспропорция научно-технического и индивидуально-сознательного отчуждения/освоения мира как фактор антиутопизации социального идеала. «Волновой» характер социальных как технико-технологических предпосылок глобальной трансформации утопического идеала в антиутопический по О. Тоффлеру. Антиутопии как результат бессознательной маргинализации утопической традиции. Антиутопический социальный идеал как отражение «болезней» цивилизации.

Тема 11.
Судьба человека и архетипические образы ее осуществления

«Метафизик», «Мощь», «Мудрость», «Любовь», «Грамматик», «Логик», «Физик», «Политик», «Этик», «Экономист», «Астролог» как варианты воплощения символических фигур архетипического пантеона в утопии «человеческого разума» Т. Кампанеллы. Утопия как пространство иллюзии совпадения идей и интересов людей по Ш. Фурье. Концепция человека как «машины-желания» в творчестве Маркиза де Сада как антиутопическая бихевиористкая программа властной социализации и манипулирования бессознательным индивида. Утопичность образа «сверхчеловека» у Ф. Ницше как попытка предвидения иррациональности и абсурдности антиутопического будущего. Утопия как способ «удержания» человека в мире через познание «дистанции между совершенством и своими возможностями» по Х. Плеснеру. Утопия как мир преодоления отношения «Я-Оно» и перехода к отношениям «Я-Ты», основанным на установлении неотчужденных, одухотворенных, аутентичных связей между человеком и его окружением по М. Буберу. Анабаптистский хилиазм, либеральный гуманизм, консерватизм и социалистически-коммунистические взгляды как основные формы утопического сознания. Утопия как территория «обретения-творения» сознательной реальности, соразмерной подлинно человеческому в человеке. Э. Блох о возвышенности призвания познающего человека, строящего из подвижных конструкций мира «дом» и «родину», ради утопии «царства человека». «Воинствующий оптимизм» как непрерывная устремленность человека к обретению возможной Родины в утопии «процессуальной трансформации окружающего мира» по Э. Блоху. Катарсическая роль утопического и антиутопического сценариев освоения бытия для индивидуального сознания.

Тема 12.
Дилемма творческого и инстиуционального в стяжании социокультурного идеала

Проблема маевтики образа общественно-полезной деятельности индивида в утопических проектах: божий дар, природный талант, личные усилия, принятие риска и т. д. Общественно-трудовые колонии Ж. Верна (остров Линкольна, «Наутилус») как попытка научной оптимизации утопических проектов Э. Кабе. Уменьшение имущественного неравенства как условие освобожения от социального неравенства (Г.Мабли). Тождественность «осуществления свободы» и предписанных функциональных обязанностей как ведущая черта социального пребывания в «трудовых» антиутопиях (Е. Замятин, Дж. Оруэлл, О. Хаксли, Э. Юнгер). Акт творческой деятельности (создание, постройка, изобретение) как единица измерения времени в утопии Г. Уэллса «Люди как боги». Свобода личного выбора и раскрепощенное воображение как главные моменты творческого преображения труда в утопиях Г. Уэллса. Требование уничтожения частной собственности как источника нищеты и постоянного экзистенциального страха в «Утопии» Т. Мора. Национальное государство как «частное предприятие» по производству власти и отчуждения. Имущественно-уравнительная направленность крестьянских утопий как показатель архетипической неподлинности и народного неприятия стратификационных тенденций цивилизации. Усиление роли государства в утопических проектах Г. Уэллса как способ

введения в «рамки приличия» частной собственности на орудия и средства производства. Деутилитаризация производства и движение к бесприбыльным жизненным ценностям как альтернатива тоталитарным антиутопиям. Иллюзорность индивидуального освоения мира в утопии «свободного» массового потребления как демократической сценарий личностной трагедии. Реклама как пример навязчиво-агрессивной, бессознательно-имагинативной пропаганды утопии «всеобщего потребления».

Тема 13.
Функциональная одномерность человека в институциональной паутине будущего

Антиутопия как территория Трикстера. Эволюция социальной роли познающего человека: от утопического призвания творчески-преобразующего **«***homo sapiens***»**, к антиутопическому уделу производственно-специализированного **«***homo faber***»**. «Рабочий» Э. Юнгера как универсальный тип человека в тоталитарных антиутопиях. Антиутопия как пространство бессознательного превращения архетипической природы Человека и Общества. «Право быть несчастным» как показатель первородной «дикости» человека, стремящегося к возможности «быть». «Путь через лес» как форма добровольного изгнания мыслящего индивида в антиутопической реальности по Э. Юнгеру. Антиутопия как литература «потерянных» и «ненайденных» поколений. «Одномерность» антиутопического индивида как продукт бессознательной детерминации системы его витальных потребностей диктатурой отчужденной власти. Управляемый набором физических стимулов гомункулус как идеальный тип антиутопического человека по Е. Шацкому. Антиутопические стратегии «расчеловечивания человека», превращения его в «винтик» на основе психофизиологической инженерии, уничтожения морали, любви, религии, подлинного искусства и науки. «Технологический придаток к машине» как вариант антиутопической интерпретации цивилизационной сущности человека по Ж. Эллюлю. Киберна-силие власти над созданным с помощью пластической хирургии идеальным человеком в фантастическом романе-техноутопии «Нейромантик» У. Гибсона. Идея отчужденного виртуального пространства как аллегория социального и культурного террора по отношению к реальному человеку по У. Гибсону. Интерпретация человека как всего лишь «момента движения» к некой коллективной антиутопической цели.

Тема 14.
Модели социализации человека будущего: между «Тенью» и «Самостью»

Утопия как пространство снятия государственно-правового отчуждения и воцарения естественного права. Демонстративно-доступный характер антиглобалистской «тусовки» как утопическая альтернатива формализованному пространству западной демократии. Сенсуалистический эдукационизм Ж. -Ж. Руссо как утопическая «общественно-договорная» альтернатива схоластической системе бессознательного формирования нового поколения. Сущность сциентистской утопии Б. Скиннера в контексте интерпретации им культуры как аппарата всеобщего подчинения. Влияние скиннеровской практики низведения ментальных понятий, описывающих внутренний мир человека («выбор», «намерение», «цель», «свобода воли», «моральная ответственность», «достоинство», «автономность личности» и т. п.) к «мифам» и «объяснительным фикциям» на антиутопическую литературу XX века. Образ человека будущего в творчестве В.Маяковского. «Естественное право» как социальная основа утопических проектов Ф. Хатчесона. Утопия как сфера деятельностного преодоления бессознательного социального отчуждения, вековой разделенности субъекта и объекта. Упрощение мотивов социальной коммуникации как предпосылка ее алгоритмизации и искусственного моделирования социальных связей. Сведение бытия к объективной реальности и универсализация возможности социального проектирования на основе научно-технических знаний как онтологический фундамент генезиса технократических утопий. Утрата постмодернистским социальным

идеалом утопических черт как следствие репрессивного характера культуры в отношении социально-интегрированных сознания и бессознательного.

Тема 15. Идеология как копоративный социокультурный проект

Анархизм, мистицизм, радикальный экологизм, информационный луддизм, персонализм как идеологические ориентиры антиутопических проектов постмодерна. Протестно-абсурдистский характер антиутопических проектов как попытка «очищения» общественного идеала социально-отринутым бессознательным. Антиутопия как идеальное пространство бессознательно-отринутой социальной альтернативы. Инфляция возвышающей миссии идеологии к ее антиутопическим функциям как инструмента оперирования инстинктами бессознательных индивидов. Производство и тиражирование бессознательных имиджей идеологических противников как главный фактор консолидации социальных групп в антиутопических проектах. Формирование «тоталитарного синдрома» (невозможности самодетерминации и готовности целиком подчиниться тому, кто обещает стабильное существование) как высшая цель социализации бессознательного индивида в антиутопии. Растворение индивидуальности в тотальных политических структурах антиутопического социального идеала. Антиутопия как тупик бессознательно-социализированной эволюции человека и человечества.

Тема 16. Стратегия и тактика идеологизации будущего

Принципы и методы сакрализации государственного регулирования межличностных отношений в антиутопических проектах. Танатологический характер социальной интегрированности бессознательного индивида в тоталитарных антиутопиях по Г. Маркузе. Принудительно-репрессивный характер государственных институтов в антиутопиях как показатель агрессивности бессознательной социализации природы человека. Антиутопии как «теневые» сценарии гуманистического осмысления социальной практики нацизма, сталинизма и иных форм тоталитаризма. «Нацистский концлагерь» – зона деформации природных и социальных мотивов поведения, уничтожения нормальных психических и телесных реакции, как идеальная модель тоталитарного антиутопического пространства по Х. Арендт. Антиутопический идеал тоталитарного государства как воплощение идеологизированного «духа народа». «Сходки единения» О. Хаксли и «пятиминутки ненависти» Дж. Оруэлла как «режимные моменты» бессознательной социализации тоталитарного индивида. Попытка минимизации преступности и социальных потрясений путем внедрения антиутопической «цивилизации развлечений». Мода как антиутопический канал государственной унификации «массового сознания». Специфика преломления теории социального досуга Ж. Дюмазедье в антиутопических проектах. Самоценный и самодостаточный характер бессознательного антиутопического цивилизационного досуга. Антиутопический социум как «цивилизация услуг» и результат «революции управляющих» по Ж. Фурастье.

Тема 17. Социокультурные сценарии трасформации семьи будущего

Трагедизация бессознательной повседневности как клинический признак здесь-и-сейчас «сбывающейся» антиутопии. Коллективное социальное тело как источник инерции сознавания тоталитарной реальности антиутопии. «Фабрики ощущений» как комплексы технологизации чувств и индустриализации производства суррогатов социализированных чувств. Антиутопические социумы как «коллективные социальные тела», управляемые с помощью насилия и тотальной идеологической манипуляции. Антиутопия как сфера конвейерного производства желаний, бессознательного и властно-управляемого принятия отчужденной системы социального нормирования. Государственно-социальное регулирование создания и функционирования семьи как процедура социализации родовых связей. Эволюция идеи социальной антропометрии семейных отношений от утопии (Д. Дидро) к антиутопии (Е. Замятин). Тотальная объективизация жизненного мира человека как причина

«производства» технократических антиутопий. Статистический учет «количества счастья» в антиутопиях как разновидность тоталитарного гедонизма. Изотермический способ регуляции соответствия брачующихся как основа стабильности утопической семьи по Д. Дидро. «Нумерология» социализированных гендерных отношений в тоталитарной антиутопии Е. Замятина. Наркотизация осчастливленной тоталитарной повседневности «избранных» в антиутопии О. Хаксли. Анатомические особенности человека как предпосылки его профессиональной специализации по утопии Д. Дидро. «Избавление» человечества от «тягот» материнства и отцовства как сценарий оптимизации природы в «технологическом раю» будущего. «Взаимопользование» как конвейерный суррогат семейных отношений в антиутопии О. Хаксли. Идея общности жен и детей у стражей идеального государства Платона как воплощение высшей формы единения его граждан, логическое завершение принципа общности имуществ. Радикальный феминизм как идеологические ориентиры антиутопических проектов постмодерна.

Тема 18. Рациональные мистификации образа исследователя будущего

Отождествление разума и интеллекта как способ их дефилософизации и превращения в атрибутивные категории. Ст. Лем об утопии как «изложении определенной теории бытия при помощи конкретных объектов». «Дом Соломона» как научно-технический центр утопического государства Бенсалем и прообраз современных научных сообществ по Ф. Бэкону. Редукционизм и механицизм антропологических построений мыслителей Нового Времени (Ж. Ламетри, Р. Декарт, К. Гельвеций) в контексте дегуманизированных технократических утопий. «Общество-машина» как воплощение Правды, свободной от хаоса индивидуальных слабостей и социальных особенностей. Гуманитарий как «инженер человеческих душ» в утопических традициях машинного фетишизма. Интеллигенция как слой, трактующий «идеологию» и «утопию» и заинтересованный в достижении истинного знания об обществе по К. Мангейму. Позитивный характер науки как реальная предпосылка утопических социальных проектов по А. Сен-Симону. «Фаустовский» характер становления и развития европейской науки как фактор продуцирования мистифицирующих социальных утопий. Научные занятия как вершина освобожденной деятельности людей в утопиях Г. Уэллса. «Позитивизация» научной парадигмы. Интеллектуальная утопия как попытка создания «разумной» альтернативы тоталитаризму массовой культуры. Критика утопии как «принципиально не верифицируемой и не фальсифицируемой идеи» в политической философии Г. Альберта.

Тема 19. Трансмутация научного настоящего в политическое будущее

Рационализация социальной и личной жизни индивида как предпосылка достижения их научной оптимизации и управляемости. Образы науки будущего в творчество В.Маяковского. Наукизация социального порядка как цивилизованной альтернативы бессознательному хаосу Природы. «Политизация» научных исследований и статуса ученого как причины девальвации социальной роли этих институтов от гарантов созидания утопического «рая», до штатных консультантов правителей тоталитарных антиутопий. Специализация интеллекта как предпосылка эскалации отчуждения ученого и науки вплоть до их асоциальности. Подмена образовательного «идеалотворчества» утилитарным производством специалистов как основа антиутопического «кризиса знаний». Научные модели организации государственной жизни у С. де Бержерака**.** Роль государственно-патронируемой науки в логизации, деформации, дискредитации и развенчании утопического социального идеала. Абсолютизация утопических целей в тоталитарных системах как форма паралича плодотворных научных дискуссий и практики «воспитания и обучения посредством деланья» по Дж. Дьюи. Антиутопия как пространство «мышления по партийной линии» и привилегированного доступа к истине для определенных лиц – носителей священного знания по Г. Альберту. Доминанта властно контролируемой информации как сущностная характеристика тоталитарных антиутопий. Рефлекторно-бессознательная гипнопедия как тоталитарный идеал конвейерного формирования

антиутопической «государственной личности» по О. Хаксли. Антиутопическая направленность стратегии создания информационно-сетевого глобального капитализма как альтернативы бессознательной разобщенности цивилизации. Фетишизация техники и технологии как основы социального порядка и опоры власти в антиутопиях. Научное обоснование виртуальной реальности как образа бессознательно-отчужденного антиутопического идеала будущего.

Тема 20. Технологический детерминизм – клиническая регрессия социального

Антиутопическая виртуализация процессов производства и потребления товаров и услуг как показатель дематериализации социальных отношений. Оценка «производства материальных благ» как бессознательного «производства» «производителей» и «потребителей» в антиутопической традиции. Ф. Бэкон как основоположник темы научно-технического прогресса в утопических произведениях. Машина как способ освоения природы, облегчения непосильного труда человека и залог разумных общественных преобразований в утопических сценариях эпохи Просвещения (Э. Кабе, А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн). Техника как метафизическая и этическая детерминанта феномена бессознательного социального пребывания «рабочего» в обществе будущего по Э. Юнгеру. Абсолютизация социальной значимости технических новшеств как основа идолизации науки, техники и технологии. Подавление человеческого мышления машинным как путь к интеллектуальному вырождению человечества. Социализация машин и информатизация технологии как исторически новые формы опосредствования умственного труда человека. Воспроизводство отчуждения и бессознательной агрессии как главный антицивилизационный фактор человеческой природы в антиутопических социумах. Луддизм как негативный утопический сценарий социализации техники. «Технологический фатализм» антиутопий как разновидность отчужденного социального пессимизма.

Тема 21. Человек в виртуальном пространстве: одиссея вытесненного «не-Я»

Виртуализация технологии как основа процесса технократизации утопии. Переход от обработки информации к ее продуцированию как основа господства техники над людьми. Концепция «искусственного интеллекта» М. Мински как утопический сценарий замещения сознания. Переход от «Галактики Гутенберга» к «электронной эпохе» в теории М. Маклюэна как реализация технокоммункационной утопии. Утопия «информатизированного общества» Ж.-Ж. Сервайн-Шрайберга как «Всемирный вызов» традиции социальных революций. Фетишизация компьютерной техники как бессознательная основа производства утопических «техноидиллий» («постиндустриальное общество» Д. Белла, («технотронная эра» З. Бжезинского, «общество информации» О. Тоффлера, «телематическая революция» М. Понятовского. Интерпретация Ю. Лотманом цивилизации как унифицирующей и деиндивидуализирующей антиутопической структуры. «Интерактивная утопия как иллюзион тотального присутствия власти в бессознательном социальном пребывании индивида. Сетевые информационные отношения как этап институциональной деградации отчужденного социума. Преобладание технического уклона в утопиях XX в. как демонстрация смены приоритетов в описании социального идеала – от изображения социально-политической организации общества, к прогнозированию научных достижений будущего, их социальных и психологических последствий (А. Азимов, Ст. Лем).

Тема 22. Витализация техники как компенсация человеческой многозначности

Понятие «технологического придатка к машине» как интерпретация сущности человека по Ж. Эллюлю. Трактовка Ж. Бодрийяром электроники как социально-снятой витальности и суррогата «божественного» в постиндустриальном обществе. Техника как «органическое продолжение работника» и материальная основа реализации его «воли к власти» (Э. Юнгер, П. Друкер). Многофункциональность техники как отражение содержательного ничтожества массового человека и предел его инструментального измерения. Иллюзии бессознательного господства человека мас-

сы в «производственном процессе» над материей и создании автономного человекоподобного механизма. Виртуализация естественных человеческих потребностей и превращение человека в элемент компьютерной периферии. Отчужденные «технические средства» как самоцель бессознательного «развития» антиутопических «технологических обществ». Витализация техники будущего как форма девитализации Живого настоящего. Андроидизация образа человека в антиутопии как социализированный сценарий конечности его видовой эволюции. Роботизация социальности как предвосхищение реакционной утопии порабощения и уничтожения машиной сущности человека. Робот как антиутопический образ технотронного «человека будущего». Робот как антропоморфный «защитник» человечества от агрессии непознанной природы и бессознательный проект освобождения человечества от вековых пут отчуждённого труда. Робот в системе социальной стратификации: «серые воротнички», «синие воротнички», «белые воротнички» и «стальные воротнички». «Стальные воротнички в роботизированной системе социальной стратификации настоящего и будущего. Бессознательное взаимопотребление технологии и человека в утопических проектах как показатель заката антропологической парадигмы цивилизации.

Тема 23. Парадигмы менеджерского «предотвращения будущего»

Утопия-антиутопия как полярные сценарии социальной деконструкции бытия. Рационализация социального пространства как фактор гарантированного обеспечения консервирующей стабильности в «обществе будущего». Способы достижения «Порядка», «Последовательности» и «Определенности» как главных параметров социального идеала в утопии замкнутого торгового государства И. Г. Фихте. «Катакомбная культура» как охранительная утопия. Утопия «бунта» как инобытие утопий «власти» и «порядка». Аристократически-утопические принципы господства «лучших» как недостижимый сценарий социальной гармонии. Диалектика тождества «власти» и социально-превращаемой «истории» в антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Антиутопия как пространство всепроникающей «патологии власти», диктующей «смерть человека» и произвольной трансформации истории по Б. -А. Леви. История человечества как эскалация зла и общечеловеческих форм отчуждения социального идеала. Миссия интеллектуала как стезя борьбы с всепроникающей «патологией власти». Трансформация индивидуального «выбора» в ритуализированные процедуры демократических «выборов», а «управления» в «манипулирование» как стержень антиутопических социальных реформ. Организация утопического мышления в риторических языковых практиках как политико-идеологическая компенсация невозможности реального воплощения утопий в современном мире. Оценка Б. -А. Леви практики знакового «превращения» языка в структурах власти как гарантии смысловой «смерти человека» и полного нивелирования индивидуально-личностного начала в антиутопических проектах. Власть в тоталитарных антиутопиях как знаково-объектная машина, поглощающая вселенную. Практика насаждения и использования в антиутопических социумах рефлекторно-знаковых «подкрепляющих последствий» как сопутствующих приспособленческих модификаций организма, формирующих определенный репертуар поведения по Б. Скиннеру. Теория «оперантного обусловливания» Б. Скиннера как способ тотального учета роли обратной связи со средой в тоталитарных антиутопических проектах и социальной фантастике. Базальные инстинкты как «естественные» манипулятивные рычаги управления массовизированной совокупностью бессознательных социальных индивидов в антиутопиях. Террор как способ укрепления социальной целостности антиутопического социума. Наказание, вознаграждение, убеждение как основные формы бессознательных властно-технократических манипуляций в антиутопиях по Дж. Гэлбрейту. Антиутопическое пространство как «система управляемой персонализации» власти по отношению к бессознательным массам по Ж. Бодрийяру. Антиутопия как испытательный полигон социальной мифологии.

Тема 24. Элита как антропологический референт будущего цивилизации

Космополитичность элиты как основа глобализации властного пространства в антиутопических сценариях. Патриархальная концепция «глобальной деревни» как антиавторитаристки-эгалитарная альтернатива антиутопии «золотого миллиарда». Диалектика меритократических идей в утопической традиции: от Платона до М. Янга. Научная элита как предпосылка и движущая сила создания меритократической утопии Г. Моски. Элитология как главная наука утопии по Г. Моске. «IQ-идеология» как бессознательно-интеллектуальный способ аргументации и внедрения меритократических утопий. Использование идеи «научной политики» как инструмента господства правящей элиты в антиутопических социумах.

Бюрократия как институционально-профессиональная презентация утопического «единства власти», и «нераздельности собственности». Бюрократическая утопия М. Е. Салтыкова-Щедрина как демонстрация бессознательной абсурдности отчужденного государственного управления. Утопичность социального имиджа бюрократии как высшего идеала социального управления. Тотальная бюрократизация антиутопических социумов как показатель бессознательной безответственности обывателей и ничтожности их культурной организации. Антиутопия как пространство бюрократического замещения управленческого вакуума. Критика бюрократизма и мещанства в комедии В.Маяковского «Клоп». Редукция социально-исторической функции бюрократии к технической системе контроля над антиутопическим социумом. «Техноструктура» Дж. Гэлбрейта как центральное звено выработки и принятия политических решений в антиутопических социумах. Дереализация мира в симулякрах власти на примере технократической антиутопии «Утопия 14» К. Воннегута. Хакеры как «Робин гуды» и луддиты постиндустриальной эры. Деконструктивная парадигма хакерских представлений об общественном идеале будущего и способах его достижения. Властная ротация «тотемических», «магических» и «технических» форм порабощения бессознательного человека в антиутопии. Сверхъестественность имиджа антиутопического вождя как инобытие бессознательности массы. «Новая Антлантида» Ф. Бэкона – первый вариант технократической утопии, воплощение принципа «знание – сила». Власть «продуктивного класса» «индустриалов» как источник социального прогресса в обществе будущего по А. Сен-Симону. Концепции технократии и экспертократии как разновидности антиутопических реминисценций идей А. Сен-Симона о роли носителей знания в историческом процессе. Антиутопия как пространство бессознательного конфликтного противостояния «технократов» и «профессионалов» по А. Турену.

Контроль и оценка качества освоения учебного модуля.

Контроль качества освоения студентами учебного модуля «Диалектика социокультурных проектов» осуществляется непрерывно в течение всего периода обучения с использованием балльно-рейтинговой системы (БРС), являющейся обязательной к использованию всеми структурными подразделениями университета. Для того, чтобы избежать излишнего дублирования, указанные материалы размещены в «Рабочей программе» и ФОС по модулю «Диалектика социокультурных проектов».

Учебно-методическое и информационное обеспечение учебного модуля

Учебно-методическое и информационное обеспечение учебного модуля представлено в «Рабочей программе» и ФОС по модулю «Диалектика социокультурных проектов».

ПЛАТОН[1]
Государство[2]
Книга восьмая

<…> Итак, ты знаешь, что у различных людей непременно бывает столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства. Или ты думаешь, что государственные устройства рождаются невесть откуда - от дуба либо от скалы, а не от тех нравов, что наблюдаются в государствах и влекут за собой все остальное, так как на их стороне перевес? Человека, соответствующего правлению лучших - аристократическому, мы уже разобрали и правильно признали его хорошим и справедливым.

<…> Теперь нам надо описать и худших, иначе говоря, людей соперничающих между собой и честолюбивых - соответственно лакедемонскому строю, затем человека олигархического, демократического и тиранического, чтобы, указав на самого несправедливого, противопоставить его самому справедливому .<…>

Ну так давай попытаемся указать, каким образом из аристократического правления может получиться тимократическое. Трудно пошатнуть государство, устроенное таким образом. Однако раз всему, что возникает, бывает конец, то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению.

<…> Означать же это будет следующее: урожай и неурожай бывает не только на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, - на души и на тела, всякий раз, как круговращение приводит к полному завершению определенного цикла: у недолговечных существ этот цикл краток, у долговечных - наоборот.

<…> Когда железо примешается к серебру, а медь к золоту, возникнут отклонения и нелепые сочетания, а это, где бы оно не случилось, сразу порождает вражду и раздор. Борясь и соперничая друг с другом, они пришли наконец к чему-то среднему: согласились установить частную собственность на землю и дома, распределив их между собою, а тех, кого до той поры они охраняли как своих свободных друзей и кормильцев, решили обратить в рабов, сделав из них сельских рабочих и слуг, сами же занялись военным делом и сторожевой службой. Там побоятся ставить мудрых людей на государственные должности, потому что там уже нет подобного рода простосердечных и прямых людей, а есть лишь люди смешанного нрава; там будут склоняться на сторону тех, кто яростны духом, а также и тех, кто попроще - скорее рожденных для войны, чем для мира; там будут в чести военные уловки и ухищрения, ведь это государство будет вечно воевать. <…>

<…> Такого рода люди будут жадны до денег, как это водится при олигархическом строе; в омрачении они, как дикари, почитают золото и серебро, у них заведены кладовые и домашние хранилища, чтобы все это прятать, свои жилища они окружают оградой, и там, прямо-таки как в собственном логове, они тратятся, не считаясь с расходами, на женщин и на кого угодно.

<…> Удовольствиям они предаются втайне, убегая от закона, как дети от строгого отца, ведь воспитало их насилие, а не убеждение. <…>

<…> Одно только там бросается в глаза - соперничество и честолюбие, так как там господствует яростный дух. Каким же станет человек в соответствии с этим государственным строем?

<…> Он пожестче, менее образован и, хотя ценит образованность и охотно слушает других, сам, однако, нисколько не владеет словом. С рабами такой человек жесток, хотя их и не презирает, так как достаточно воспитан; в обращении со свободными людьми он учтив, а властям чрезвычайно послушен; будучи властолюбив и честолюбив, он считает, что основанием власти должно быть не умение говорить

---

[1] *Авторы-составители, обращают внимание, что представленные в издании хрестоматийные фрагменты носят ознакомительный характер, и подчеркивают необходимость внимательного знакомства читателей с полными вариантами произведений, содержащихся в соответствующих оригиналах.*

[2] *Платон. Государство //Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3.– С. 328-412.*

или что-либо подобное, но военные подвиги и вообще все военное, потому-то он и любит гимнастику и охоту. Следующим после этого государственным строем была бы, как я думаю, олигархия.

<…> Это строй, основывающийся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении.

<…> Скопление золота в кладовых у частных лиц губит тимократию... Чем больше они ценят дальнейшее продвижение по пути наживы, тем меньше почитают они добродетель. Раз в государстве почитают богатство и богачей, значит, там меньше ценятся добродетель и ее обладатели.

<…> А люди всегда предаются тому, что считают ценным, и пренебрегают тем, что не ценится.

<…> Кончается это тем, что вместо стремления выдвинуться и удостоиться почестей развивается наклонность к стяжательству и наживе и получают одобрение богачи - ими восхищаются, их назначают на государственные должности, а бедняки там не в почете.

<…> Установление имущественного ценза становится законом и нормой олигархического строя: чем более этот строй олигархичен, тем выше ценз; чем менее олигархичен, тем ценз ниже. Заранее объявляется, что к власти не допускаются те,у кого нет установленного имущественного ценза. Такого рода государственный строй держится применением вооруженной силы или же был еще прежде установлен путем запугивания.

<…> Главный порок - это норма, на которой он основан. Посуди сам: если кормчих на кораблях назначать согласно имущественному цензу, а бедняка, будь он и больше способен к управлению кораблем, не допускать. <…>

<…> Подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно - бедняков, другое - богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга. Но нехорошо еще и то, что они, пожалуй, не смогут вести какую бы то ни было войну, так как неизбежно получилось бы, что олигархи, дав оружие в руки толпы, боялись бы ее больше, чем неприятеля.

<…> Вдобавок они не пожелали бы тратиться на войну, так как держатся за деньги. <…> Посмотри, не при таком ли именно строе разовьется величайшее из всех этих зол? - Какое именно? - Возможность продать все свое имущество - оно станет собственностью другого, - а продавши, продолжать жить в этом же государстве, не принадлежа ни к одному из его сословий, то есть не будучи ни дельцом, ни ремесленником, ни всадником, ни гоплитом, но тем, кого называют бедняками и неимущими. - Такой строй словно создан для этого! - При олигархиях ничто не препятствует такому положению, иначе не были бы в них одни чрезмерно богатыми, а другие совсем бедными. Вслед за тем давай рассмотрим и соответствующего человека - как он складывается и каковы его свойства.

<…> Пострадав и потеряв состояние, даже испугавшись, думаю я, за свою голову, он в глубине души свергает с престола честолюбие и присущий ему прежде яростный дух. Присмирев из-за бедности, он ударяется в стяжательство, в крайнюю бережливость и своим трудом понемногу копит деньги. Что ж, разве, думаешь ты, такой человек не возведет на трон свою алчность и корыстолюбие и не сотворит себе из них Великого царя..?

<…> А у ног этого царя, прямо на земле, он там и сям рассадит в качестве его рабов разумность и яростный дух. Он не допустит никаких иных соображений, имея в виду лишь умножение своих скромных средств. Кроме богатства и богачей, ничто не будет вызывать у него восторга и почитания, а его честолюбие будет направлено лишь на стяжательство и на все то, что к этому ведет. Он бережлив и деятелен, удовлетворяет лишь самые насущные свои желания, не допуская других трат и подавляя прочие влечения как пустые. Посмотри еще вот что: разве мы не признаем, что у него из-за недостатка воспитание появляются наклонности трутня - отчасти нищенские, отчасти преступные, хотя он всячески их сдерживает из предосторожности? <…>

<…> Он укрощает их не по разумным соображениям, а в силу необходимости, из страха, потому что дрожит за судьбу собственного имущества. И конечно,

его бережливость будет препятствовать ему выступить за свой счет, когда граждане будут соревноваться в чем-либо ради победы или ради удовлетворения благородного честолюбия; он не пожелает тратить деньги ради таких состязаний и славы, боясь пробудить в себе наклонность к расточительству.

<…> После этого, как видно, надо рассмотреть демократию - каким образом она возникает, а возникнув, какие имеет особенности, - чтобы познакомиться в свою очередь со свойствами человека подобного склада и вынести о нем свое суждение.

<…> Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче.

<…> Да ведь при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распущенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние; напротив, правители будут скупать их имущество или давать им под проценты ссуду, чтобы самим стать еще богаче и могущественнее. В таком государстве эти люди, думаю я, сидят без дела, но зато у них есть и жало, и оружие; одни из них кругом в долгах, другие лишились гражданских прав, а иных постигло и то и другое; они полны ненависти к тем, кто владеет теперь их имуществом, а также и к прочим и замышляют переворот.

<…> Между тем дельцы, поглощенные своими делами, по-видимому, не замечают таких людей; они приглядываются к остальным и своими денежными ссудами наносят раны тем, кто податлив; взимая проценты, во много раз превышающие первоначальный долг, они разводят в государстве множество трутней и нищих. Что же касается самих правителей и их окружения, то молодежь у них избалованная, ленивая телом и духом и слабая; у нее нет выдержки ни в страданиях, ни в удовольствиях, и вообще она бездеятельна. Самим же им, кроме наживы, ни до чего нет дела, а о добродетели они радеют ничуть не больше, чем бедняки.

<…> Нередко бывает, что человек неимущий, худой, опаленный солнцем, оказавшись во время боя рядом с богачем, выросшим в тенистой прохладе и нагулявшим себе за чужой счет жирок, видит, как тот задыхается и совсем растерялся. Разве, по-твоему, этому бедняку не придет на мысль, что подобного рода люди богаты лишь благодаря малодушию бедняков, и разве при встрече без посторонних глаз с таким же бедняком не скажет он ему: "Господа-то наши - никчемные люди"?

<…> Подобно тому, как для нарушения равновесия болезненного тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться, - а иной раз расстройство в нем бывает и без внешних причин, - так и государство, находящееся в подобном состоянии, заболевает и воюет само собой по малейшему поводу.

<…> Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравняют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию.

<…> В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову. Разве не чудесна на первый взгляд и не соблазнительна подобная жизнь?

<…> Эта снисходительность вовсе не мелкая подробность демократического строя; напротив, в этом сказывается презрение ко всему тому, что мы считали важным, когда основывали наше государство. Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства - в играх и в своих занятиях - он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе.

<…> Эти и подобные им свойства присущи демократии - строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство - уравнивающее равных и неравных.

<…> Взгляни же, как эти свойства отразятся на отдельной личности.

<…> Когда юноша, выросший, как мы только что говорили, без должного воспитания и в обстановке бережливости, вдруг отведает меда трутней и попадет в общество опасных и лютых зверей, которые способны доставить ему всевозможные наслаждения, самые пестрые и разнообразные, это-то и будет у него, поверь мне, началом перехода от олигархического типа к демократическому.

<…> Опорожнив и очистив душу юноши, уже захваченную ими и посвященную в великие таинства, они затем низведут туда, с большим блеском, в сопровождении многочисленного хора, наглость, разнузданность, распутство и бесстыдство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность - свободою, распутство великолепием, бесстыдство - мужеством. Разве не именно так человек, воспитанный в границах необходимых вожделений, уж ев юные годы переходит к развязному потаканию вожделениям, лишенным необходимости и бесполезным?

<…> Но если, на его счастье, вакхическое неистовство не будет у него чрезмерным, а к тому же он станет немного постарше и главное смятение отойдет уже в прошлое, он отчасти вернется к своим изгнанным было вожделениям, не полностью станет отдаваться тем, которые вторглись, и в его жизни установится какое-то равновесие желаний: всякий раз он будет подчиняться тому из них, которое ему словно досталось по жребию, пока не удовлетворит его полностью, а уж затем - другому желанию, причем ни одного он не отвергнет, но все будет питать поровну.

<…> Изо дня в день такой человек живет, угождая первому налетевшему на него желанию: то он пьянствует под звуки флейт, то вдруг пьет одну только воду и изнуряет себя, то увлекается телесными упражнениями; а то бывает, что нападет на него лень, и тогда ни до чего ему нет охоты. Порой он проводит время в занятиях, кажущихся философскими. Часто занимают его общественные дела: внезапно он вскакивает и говорит и делает что придется. Увлечется он людьми военными - туда его и несет, а если дельцами, то тогда в эту сторону. В его жизни нет порядка, в ней не царит необходимость; приятной, вольной и блаженной называет он эту жизнь и как таковой все время ею и пользуется.

- Ты отлично показал уклад жизни свободного человека в условиях равноправия. <…>

- Что ж? Допустим ли мы, что подобного рода человек соответствует демократическому строю и потому мы вправе назвать его демократическим? - Допустим.

- Но самое дивное государственное устройство и самого дивного человека нам еще остается разобрать: это - тирания и тиран. Как из олигархии возникла демократия, не так ли и из демократии получается тирания?

<…> Благо, выдвинутое как конечная цель - в результате чего и установилась олигархия, было богатство, не так ли?

<…> А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию. <…> Так вот, и то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает. - Что же она, по-твоему, определяет как благо? - Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе. <…> Так вот <…> такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании.

<…> Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе.

<…> Но крайняя свобода для народа такого государства состоит в том, что купленные рабы и рабыни ничуть не менее свободны, чем их покупатели. Да, мы едва не забыли сказать, какое равноправие и свобода существуют там у женщин по отношению к мужчинам и у мужчин по отношению к женщинам.

<…> Лошади и ослы привыкли здесь выступать важно и с полной свободой, напирая на встречных, если те не уступают им дороги! Так-то вот и все остальное преисполняется свободой.

<…> Так вот, мой друг, именно из этого правления, такого прекрасного и по-юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания.

<…> Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь - из-за своеволия - и порабощает демократию. В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше это наблюдается и в государственных устройствах.

<…> Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством.

<…> Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство. Но думаю я, ты об этом не спрашивал, о том, какая болезнь, встречающаяся в олигархии, так же точно подтачивает демократию и порабощает ее.

<…> Этой болезнью я считал появление особого рода людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми тянутся и не столь смелые, мы их уподобили трутням, часть которых имеет жало, а часть его лишена.

<…> Оба этих разряда, чуть появятся, вносят расстройство в любой государственный строй, как воспаление и желчь - в тело. И хорошему врачу, и государственному законодателю надо заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, - главным образом, чтобы не допустить зарождения трутней, - но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты.

<…> Разделим мысленно демократическое государство на три части - да это и в действительности так обстоит. Одну часть составят подобного рода трутни: они возникают здесь хоть и вследствие своеволия, но не меньше, чем при олигархическом строе.

<…> Там они не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногого, распоряжаются подобные люди.

<…> Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по природе.

<…> С них-то трутням всего удобнее собрать побольше меду.

- Как же его и возьмешь с тех, у кого его мало?

- Таких богачей обычно называют сотами трутней. <…>

Третий разряд составляет народ - те, что трудятся своими руками, чужды делячества, да и имущества у них не много. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе.

- Да, но у них нет желания делать это часто, если им не достается их доля меда.

- А разве они не всегда в доле, поскольку власти имеют возможность отнять собственность у имущих и раздать ее народу, оставив большую часть себе?

- Таким-то способом они всегда получают свою долю.

- А разве народ не привык особенно отличать кого-то одного, ухаживать за ним и его возвеличивать?

- Конечно, привык. <…>

- Значит, уж это-то ясно, что, когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа. <…> Он тот, кто подымает восстание против обладающих собственностью.

<…> Если он потерпел неудачу, подвергся изгнанию, а потом вернулся - назло своим врагам, - то возвращается он уже как законченный тиран. В первые дни, вообще в первое время он приветливо улыбается всем, кто бы ему ни встретился, а о себе утверждает, что он вовсе не тиран; он дает много обещаний частным лицам и обществу; он освобождает людей от долгов и раздает землю народу и своей свите. Так притворяется он милостивым ко всем и кротким.

<…> Когда же он примирится кое с кем из своих врагов, а иных уничтожит, так что они перестанут его беспокоить, я думаю, первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе...

<…> да и для того, чтобы из-за налогов люди обеднели и перебивались со дня на день, меньше злоумышляя против него.

<…> А если он заподозрит кого в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны.

<…> Но такие действия делают его все более и более ненавистным для граждан.

<…> Между тем и некоторые из влиятельных лиц, способствовавших его возвышению, станут открыто, да и в разговорах между собой выражать ему недовольство всем происходящим - по крайней мере те, кто посмелее.

<…> Чтобы сохранить за собой власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился.

<…> Значит, тирану надо зорко следить за тем, кто мужествен, кто великодушен, кто разумен, кто богат. Велико же счастье тирана: он поневоле враждебен всем этим людям и строит против них козни, пока не очистит от них государство.

- Дивное очищение, нечего сказать!

- Да, оно противоположно тому, что применяют врачи: те удаляют из тела все наихудшее, оставляя самое лучшее, здесь же дело обстоит наоборот.

– О его блаженстве говорит и стоящий перед ним выбор: либо обитать вместе с толпой негодяев, притом тех, кто его ненавидит, либо проститься с жизнью.

<…> И не правда ли, чем более он становится ненавистен гражданам этими своими действиями, тем больше требуется ему верных телохранителей?

- Конечно.

- А кто ему верен? Откуда их взять?

- Их налетит сколько угодно, стоит лишь заплатить.

- Клянусь собакой, мне кажется, ты опять заговорил о каких-то трутнях, о чужеземном сброде.

- Это тебе верно кажется.

- ...Давай вернемся снова к этому войску тирана, столь многочисленному, великолепному, пестрому, всегда меняющему свой состав, и посмотрим, на какие средства оно содержится. <…>

– Понимаю: раз народ породил тирана, народу же и кормить его и его сподвижников. А если народ в негодовании скажет, что взрослый сын не вправе кормиться за счет отца, скорее уж, наоборот, отец за счет сына, и что отец не для того родил сына и поставил его на ноги, чтобы самому, когда тот подрастет, попасть в рабство к своим же собственным рабам и кормить и сына, и рабов и всякое отрепье? Напротив, раз представитель народа так выдвинулся, народ мог бы рассчитывать освободиться от богачей и так называемых достойных людей; теперь же народ велит и ему и его сподвижникам покинуть пределы государства: как отец выгоняет из дому сына вместе с пьяной ватагой.

- Народ тогда узнает, клянусь Зевсом, что за тварь он породил, да еще и любовно вырастил; он убедится, насколько мощны те, кого он пытается выгнать своими слабыми силами.

- <…> По пословице, "избегая дыма, угодишь в огонь"; так и народ из подчинения свободным людям попадает в услужение к деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство - рабство у рабов. <…>

Книга девятая

Остается рассмотреть <…> самого человека при тираническом строе <…>

<…> Посмотри же, что мне хочется здесь выяснить: из тех удовольствий и вожделений, которые лишены необходимости, некоторые представляются мне противозаконными. Они, пожалуй, присущи всякому человеку, но, обуздываемые зако-

нами и лучшими вожделениями, либо вовсе исчезают у некоторых людей, либо ослабевают и их остается мало. Однако есть и такие люди, у которых они становятся и сильнее, и многочисленнее.

- О каких вожделениях ты говоришь?

- О тех, что пробуждаются во время сна, когда дремлет главное, разумное и кроткое, начало души, зато начало дикое, звероподобное под влиянием сытости и хмеля вздымается на дыбы, отгоняет от себя сон и ищет, как бы удовлетворить свой норов. Если ему вздумается, оно не остановится даже перед попыткой сойтись с собственной матерью, да и с кем попало из людей, богов или зверей; оно осквернит себя каким угодно кровопролитием и не воздержится ни от какой пищи. Одним словом, ему все нипочем в его бесстыдстве и безрассудстве.

<…> Когда человек соблюдает себя в здоровой воздержанности, он, отходя ко сну, пробуждает свое разумное начало, потчует его прекрасными доводами и рассуждениями и таким образом воздействует на свою совесть. Вожделеющее же начало он хоть и не морит голодом, но и не удовлетворяет его до пресыщения: пусть оно успокоится и не тревожит своими радостями и скорбями благороднейшее в человеке; пусть это последнее без помехи, само по себе, в совершенной своей чистоте стремится к исследованию и ощущению того, что ему еще не известно, будь то прошлое, настоящее или будущее.

<…> Но мы слишком отклонились в строну, говоря об этом. Мы хотели убедиться лишь вот в чем: какой-то страшный, дикий и беззаконный вид желаний таится внутри каждого человека, даже в тех из нас, что кажутся вполне умеренными; это-то и обнаруживается в сновидениях.

<…> Человек, мой друг, становится полным тираном тогда, когда он пьян, или слишком влюбчив, или же сошел с ума от разлития черной желчи, а все это из-за того, что такова его натура, либо привычки, либо то и другое.

<…> По-моему, после этого пойдут у них празднества, шествия всей ватагой, пирушки, заведутся подружки, ну и так далее, ведь тиран-Эрот, обитающий в их душе, будет править всем, что в ней есть.

<…> С каждым днем и с каждой ночью будут расцветать много ужаснейших вожделений, предъявляющих непомерные требования.

<…> Значит, и доходы, если какие и были, скоро иссякнут.

<…> А за этим последуют заклады имущества и сокращение средств.

<…> Когда все истощится, тогда рой раздувшихся вожделений, угнездившихся в этих людях, начнет жужжать и эти люди, словно гонимые стрекалом различных желаний, а особенно Эротом, впадут в безумие и будут высматривать, у кого что есть и что можно отнять с помощью обмана или насилия.

<…> У них настоятельная потребность грабить, иначе придется терпеть невыносимые муки и страдания.

<…> Раньше, пока человек подчинялся обычаям, законам и своему отцу и внутренне ощущал себя демократом, эти желания высвобождались у него лишь в сновидениях; теперь же, когда его тиранит Эрот, человек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться не от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это не было: посреди всяческого безначалия и беззакония в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятого им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех вожделений, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного окружения, отчасти же изнутри, от бывших в нем самом такого же рода вожделений, которые он теперь распустил, дав им волю.

<…> Когда подобного рода людей в государстве немного, а все прочие мыслят здраво, те уезжают в чужие земли, служат там телохранителями какого-нибудь тирана или в наемных войсках, если где идет война. Когда же подобные вожделения проявляются у них в мирных условиях, то у себя на родине они творят много зла, хотя и по мелочам.

<…> Они совершают кражи, подкапываются под стены, отрезают кошельки, раздевают прохожих, святотатствуют, продают людей в рабство. Бывает, что они

занимаются и доносами, если владеют словом, а то и выступают с ложными показаниями или берут взятки.

- Нечего сказать, по мелочам! Так ведь ты выразился о причиняемом ими зле, когда этих людей немного?

- Да, по мелочам, потому что сравнительно с великим злом это действительно мелочи, ведь в смысле вреда и несчастья для государства все это лишено, как говорится, того размаха, каким отличается тиран. когда в государстве наберется много таких людей и их последователей и они ощутят свою многочисленность, то как раз из их среды и рождается тиран, чему способствует безрассудство народа. Это будет тот из них, кто сам в себе, то есть в своей душе, носит самого великого и отъявленного тирана.

<…> Подобного рода люди таковы и в частной жизни, еще прежде, чем станут у власти. С кем бы они ни вступали в общение, они требуют лести и полной готовности к услугам, а когда сами в чем-нибудь нуждаются, тогда так и льнут к человеку, без стеснения делая вид, будто с ним близки, но, чуть добьются своего, они опять с ним чужие.

<…> Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывали друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы.

<…> Раз отдельный человек подобен государству, то и в нем необходимо должен быть тот же порядок: душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая.

<…> А ведь рабское и тиранически управляемое государство всего менее делает то, что хочет.

<…> Значит, и тиранически управляемая душа всего менее будет делать что ей вздумается, если говорить о душе в целом. Всегда подстрекаемая и насилуемая яростным слепнем, она будет полна смятения и раскаяния. Богатым или бедным бывает по необходимости тиранически управляемое государство? <…>

- Бедным.

- Значит, и тиранически управляемой душе приходится неизбежно быть всегда бедной и неудовлетворенной.

<…> Что же? Разве такое государство и такой человек не преисполнены неизбежно страха?

<…> Где же еще, в каком государстве, по-твоему, больше горя, стонов, плача, страданий?

<…> А думаешь ли ты, что всего этого больше у кого-нибудь другого, чем у человека тиранического, неистовствующего из-за своих вожделений и страстей?

<…> А разве не в такой тюрьме сидит тот тиран, чью натуру мы разбирали? Ведь он полон множества разных страстей и страхов; со своей алчной душой только он один во всем государстве не смеет ни выехать куда-либо, ни пойти взглянуть на то, до чего охотники все свободнорожденные люди; большей частью он, словно женщина, живет затворником в своем доме и завидует остальным гражданам, когда кто-нибудь уезжает в чужие земли и может увидеть что-то хорошее.

<…> Вдобавок ко всем этим бедам еще хуже придется тому, кто внутренне плохо устроен, то есть человеку с тираническими наклонностями, если он не проведет свою жизнь как частное лицо, а будет вынужден каким-то случаем действительно стать тираном и, не умея справляться с самим собой, попытается править другими. Это вроде того, как если бы человек слабого здоровья, не справляющийся со своими болезнями, проводил свою жизнь не в уединении, а, напротив, был бы вынужден бороться и состязаться с другими людьми.

<…> Значит, <…> кто подлинно тиран, тот подлинно раб величайшей угодливости и рабства, вынужденный льстить самым дурным людям. ему не удовлетворить своих вожделений, очень многого ему крайне не достает, он оказывается поистине бедняком, если кто сумеет охватить взглядом всю его душу. всю свою жизнь он полон страха, он содрогается и мучается, коль скоро он сходен со строем того государства, которым управляет. <…>

<…> Власть неизбежно делает его завистливым, вероломным, несправедливым, недружелюбным и нечестивым; он поддерживает и питает всяческое зло; вследствие всего этого он будет чрезвычайно несчастен и такими же сделает своих близких.

<…> Раз государство подразделяется на три сословия, то и в душе каждого отдельного человека можно различить три начала.

<…> Мы говорили, что одно начало - это то, посредством которого человек познает, другое - посредством которого он распаляется, третье же... мы нарекли вожделеющим - из-за необычайной силы вожделений к еде, питью, любовным утехам и всему тому, что с этим связано. Сюда относится и сребролюбие, потому что для удовлетворения таких вожделений очень нужны деньги.

<…> И, если бы мы назвали это начало сребролюбивым и корыстолюбивым, разве не было бы справедливым и такое наименование?

<…> Дальше. Не скажем ли мы, что яростный дух всегда и всецело устремлен на то, что бы взять верх над кем-нибудь, победить и прославиться? ... Так что, если мы назовем его честолюбивым и склонным к соперничеству, это будет уместно?

<…> Ну а то начало, посредством которого мы познаем? Всякому ясно, что оно всегда и полностью направлено на познание истины, то есть того, в чем она состоит, а о деньгах и молве заботится менее всего.

<…> Назвав его любознательным и философским, мы обозначили бы его подходящим образом?

<…> Но у одних людей правит в душе одно начало, у других - другое; это уж как придется.

<…> Поэтому давай прежде всего скажем, что есть три рода людей: одни философы, другие - честолюбцы, третьи - сребролюбцы.

<…> И что есть три вида удовольствий, соответственно каждому из этих видов людей.

<…> А знаешь, если у тебя явится желание спросить поочередно этих трех людей, какая жизнь всего приятнее, каждый из них будет особенно хвалить свою. Делец скажет, что в сравнении с наживой удовольствие от почета или знаний ничего не стоит, разве что из этого можно извлечь доход.

<…> А честолюбец? Разве он не считает, что удовольствия, доставляемые деньгами, - это нечто пошлое, а с другой стороны, удовольствия от знаний, поскольку наука не приносит почета, - это просто дым?

<…> Чем же, думаем мы, считает философ все прочие удовольствия сравнительно с познанием истины - в чем она состоит - и постоянным расширением своих знаний в этой области? Разве он не находит, что все прочее очень далеко от удовольствия? Да и в других удовольствиях он ничуть не нуждается, разве что их уж нельзя избежать: поэтому-то он и называет их необходимыми.

<…> Так посмотри: из этих трех человек кто всего опытнее в тех удовольствиях, о которых мы говорили?

<…> Философ намного превосходит корыстолюбца, ведь ему неизбежно пришлось отведать того и другого с самого детства. <…>

<…> Многие почитают богатого человека, мужественного или мудрого, так что в удовольствии от почета все имеют опыт и знают, что это такое. А какое удовольствие доставляет созерцание бытия, этого никому, кроме философа, вкусить не дано.

<…> Итак, поскольку имеются три вида удовольствий, значит, то из них, что соответствует познающей части души, будет наиболее полным, и, в ком из нас эта часть преобладает, у того и жизнь будет всего приятнее. <…>

<…>

- Ясно, что удовольствия человека воинственного и честолюбивого ближе к первым, чем удовольствия приобретателя.

- Значит, на последнем месте стоят удовольствия корыстолюбца.

- Конечно.

- Итак, вот прошли подряд как бы два состязания и дважды вышел победителем человек справедливый, а несправедливый проиграл.

<…> Вспомни слова больных. <…>

<…> Они говорят: нет ничего приятнее, чем быть здоровым. Но до болезни они не замечали, насколько это приятно.

<…> И если человек страдает от какой-нибудь боли, ты слышал, как говорят, что приятнее всего, когда боль прекращается?

<…> И во многих подобных же случаях ты замечаешь, я думаю, что люди, когда у них горе, мечтают не о радостях, как о высшем удовольствии, о о том, чтобы не было горя и наступил бы покой.

- Покой становится тогда, пожалуй, желанным и приятным.

- А когда человек лишается какой-нибудь радости, покой после удовольствия будет печален.

<…> Следовательно <…> покой только тогда и будет удовольствием, если его сопоставить со страданием, и, наоборот, он будет страданием в сравнении с удовольствием. Но с подлинным удовольствием эта игра воображения не имеет ничего общего: в ней нет ровно ничего здравого, это одно наваждение.

<…> Рассмотри же те удовольствия, которым не предшествует страдание, а то ты, может быть, думаешь, будто ныне самой природой устроено так, что удовольствие - это прекращение страдания, а страдание - прекращение удовольствия.

<…> Их много, и притом разных <…> возьми удовольствия, связанные с обонянием: мы испытываем их внезапно с чрезвычайной силой и без всякого предварительного страдания, а когда эти удовольствия прекращаются, они не оставляют после себя никаких мучений.

<…> Насчет удовольствия, страдания и промежуточного состояния люди настроены так, что, когда их относит в сторону страдания, они судят верно и подлинно страдают, но, когда они переходят от страдания к промежуточному состоянию, они очень склонны думать, будто это приносит удовлетворение и радость. Можно подумать, что они глядят на серое, сравнивая его с черным и не зная белого, - так заблуждаются они, сравнивая страдание с его отсутствием и не имея опыта в удовольствии.

<…> Вдумайся вот во что: голод, жажда и тому подобное - разве это не ощущение состояния пустоты в нашем теле?

<…> А незнание и непонимание - разве это не состояние пустоты в душе?

<…> Подобную пустоту человек заполнил бы, приняв пищу или поумнев.

<…> А что было бы подлиннее: заполнение более действительным или менее действительным бытием?

<…> то, что причастно вечно тождественному, подлинному и бессмертному, что само тождественно и возникает в тождественном, не находишь ли ты более действительным, чем то, что причастно вечно изменчивому и смертному, что само таково и в таком же возникает?

<…> Значит, всякого рода попечение о теле меньше причастно истине и бытию, чем попечение о душе?

<…> Значит, то, что заполняется более действительным и само более действительно, в самом деле заполняется больше, чем то, что заполняется менее действительным и само менее действительно?

<…> Раз бывает приятно, когда тебя наполняет что-нибудь подходящее по своей природе, то и действительное наполнение чем-то более действительным заставляло бы более действительно и подлинно радоваться подлинному удовольствию, между тем как добавление менее действительного наполняло бы менее подлинно и прочно и доставляло бы менее достоверное и подлинное удовольствие.

<…> Значит, у кого нет опыта в рассудительности и добродетели, кто вечно проводит время в пирушках и других подобных увеселениях, того, естественно, относит вниз, а потом опять к середине, и вот так они блуждают всю жизнь. Им не выйти за эти пределы, ведь они никогда не взирали на подлинно возвышенное и не возносились к нему, не наполнялись в действительности действительным, не вкушали надежного и чистого удовольствия; подобно скоту, они всегда смотрят вниз, склонив голову к земле... и к столам: они пасутся, обжираясь и совокупляясь, и из-за жадности ко всему этому лягают друг друга, бодаясь железными рогами, забивая

друг друга насмерть копытами, все из-за ненасытности, так как они не заполняют ничем действительным ни своего действительного начала, ни своей утробы.

- Великолепно, - сказал Главкон, - словно прорицатель, изображаешь ты, Сократ, жизнь большинства.

<…> Разве не вызывается нечто подобное и яростным началом нашей души? Человек творит то же самое либо из зависти - вследствие честолюбия, либо прибегает к насилию из-за соперничества, либо впадает в гнев из-за своего тяжелого нрава, когда бессмысленно и неразумно преследует лишь одно: насытиться почестями, победой, яростью.

<…> Отважимся ли мы сказать, что даже там, где господствуют вожделения, направленные на корыстолюбие и соперничество, если они сопутствуют познанию и разуму и вместе с ним преследуют удовольствия, проверяемые разумным началом, они все же разрешаются в самых подлинных удовольствиях, поскольку подлинные удовольствия доступны людям, добивающимся истины?

<…> Стало быть, если вся душа в целом следует за своим философским началом и не раздираема противоречиями, то для каждой ее части возможно не только делать все остальное по справедливости, но и находить в этом свои особые удовольствия, самые лучшие и по мере сил самые истинные.

<…> А всего дальше отходит от разума то, что отклоняется от закона и порядка.

<…> Тиран, избегая закона и разума, перешел в запредельную область ложных удовольствий. Там он и живет, и телохранителями ему служат какие-то рабские удовольствия. Тогда говорилось, что человеку, полностью несправедливому, выгодно быть несправедливым при условии, что его считают справедливым. <…>

<…> Принесет ли кому-нибудь пользу обладание золотом, полученным несправедливым путем? Ведь при этом происходит примерно вот что: золото он возьмет, но одновременно с этим поработит наилучшую свою часть самой скверной. Или если за золото человек отдаст сына или дочь в рабство, да еще людям злым и диким, этим он ничего не выгадает, даже если получит за это очень много. Коль скоро он безжалостно порабощает самую божественную свою часть, подчиняя ее самой безбожной и гнусной, разве это не жалкий человек и разве полученная им мзда не ведет его к еще более ужасной гибели, чем Эрифилу, обретшую ожерелье ценой души своего мужа?

<…> А как, по-твоему, не потому ли с давних пор осуждали невоздержанность, что она сверх всякой меры дает волю в невоздержанном человеке той страшной, огромной и многообразной твари?

<…> Почему, как ты думаешь, ставятся человеку в упрек занятия ремеслами и ручным трудом? Не потому ли, что, когда у человека лучшая его часть ослаблена, так что ему не под силу справиться с теми тварями, которые находятся у него внутри, он способен лишь угождать им? Как их ублажать вот единственное, в чем он знает толк.

Для того чтобы и такой человек управлялся началом, подобным тому, каким управляются лучшие люди, мы скажем, что ему надлежит быть рабом лучшего человека, в котором господствующее начало - божественное. Не во вред себе должен быть в подчинении раб, как это думал Фрасимах относительно всех подвластных; напротив, всякому человеку лучше быть под властью божественного и разумного начала, особенно если имеешь его в себе как нечто свое; если же этого нет, тогда пусть оно воздействует извне, чтобы по мере сил между всеми нами было сходство и дружба и все мы управлялись бы одним и тем же началом.

<…> Да и закон, поскольку он союзник всех граждан государства, показывает, что он ставит себе такую же цель. То же и наша власть над детьми: мы не даем им воли до тех пор, пока не приучим их к некоему порядку, словно они - некое государство, и, развивая в себе лучшее начало, не поставим его стражем и правителем над таким же началом у них, после этого мы отпускаем их на свободу.

<…> Так как же тогда, Главкон, и на каком основании могли бы мы сказать, будто полезно поступать несправедливо, быть невоздержанным и творить безобразия? От этого человек будет только хуже, хотя он и приобрел много денег и в других отношениях стал бы могущественным.

<…> И не правда ли, что разумный человек <…> будет прежде всего ценить те познания, которые делают его душу такой, а прочими пренебрежет.

<…> Он не подчинит состояние своего тела и его питание звероподобному и бессмысленному удовольствию, обратив в эту сторону все свое существование. Даже на здоровье он не будет обращать особого внимания, не поставит себе целью непременно быть сильным, здоровым, красивым, если это не будет способствовать рассудительности. Он обнаружит способность наладить гармонию своего тела ради согласия и гармонии души.

<…> И в обладании имуществом у него также будет порядок и согласованность?

<…> Он будет соблюдать свой внутренний строй и будет начеку - как бы там что не нарушилось из-за изобилия или, наоборот, из-за недостатка имущества - так станет он управлять своими доходами и расходами.

<…> Но и в том, что касается почестей, он будет учитывать то же самое: он не отклонит их и даже охотно отведает, если найдет, что они делают его добродетельнее, но, если они нарушат достигнутое им состояние согласованности, он будет избегать их и в частной, и в общественной жизни.

- Раз он заботится об этом, значит, он не захочет заниматься государственными делами.

- Клянусь собакой, очень даже захочет, но только в собственном государстве, а у себя на родине, может быть, и нет, разве уж определит так божественная судьба.

- Понимаю: ты говоришь о государстве, устройство которого мы только что разобрали, то есть о том, которое находится лишь в области рассуждений, потому что на земле, я думаю, его нет нигде.

- Но может быть, есть на небе его образец, доступный каждому желающему; глядя на него, человек задумается над тем, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле и будет ли оно - это совсем не важно. Человек этот занялся бы делами такого - и только такого - государства.

- Именно так.

Книга десятая

<…> Хочешь, мы начнем разбор отсюда, с помощью обычного нашего метода: для каждого множества вещей, обозначаемых одним именем, мы обычно устанавливаем только один определенный вид. <…>

<…> И обычно мы говорим, что мастер изготавливает ту или иную вещь, всматриваясь в ее идею: один делает кровати, другой - столы, нужные нам, и то же самое и в остальных случаях. Но никто из мастеров не создает самое идею. Разве он это может?

<…> Раз он делает не то, что есть, он не сделает подлинно сущего; он сделает только подобное, но не само существующее. И если бы кто признал изделие плотника или любого другого ремесленника совершенной сущностью, он едва ли был бы прав.

<…> Значит, мы не станем удивляться, если его изделие будет каким-то смутным подобием подлинника.

<…> Так вот, эти самые кровати бывают троякими: одна существует в самой природе, и ее мы признали бы, думаю я, произведением бога.

<…> Другая - это произведение плотника.

<…> Третья - произведение живописца, не так ли?

<…> Бог, потому ли, что не захотел, или в силу необходимости, требовавшей, чтобы в природе была завершена только одна кровать, сделал, таким образом, лишь одну-единственную, она-то и есть кровать как таковая, а двух подобных либо больше не было создано богом либо не может быть в природе.

<…> Потому что, если бы он сделал их всего две, все равно оказалось бы, что это одна, и именно та, вид которой имели бы они обе: это была бы та единственная кровать, кровать как таковая, а двух кроватей бы не было.

<…> Я думаю, что бог, зная это, хотел быть действительным творцом действительно существующей кровати, но не какой-то кровати и не каким-то мастером по кроватям. Поэтому-то он и произвел одну кровать, единственную по своей природе.

<…> Хочешь, мы назовем его творцом этой вещи или как-то в этом роде?

- Это было бы справедливо, потому что и эту вещь, и все остальное он создал согласно природе.

<…> - Скажи мне насчет живописца вот еще что: как, по-твоему, пытается ли он воспроизвести все то, что содержится в природе, или же он подражает творениям мастеров?

- Творениям мастеров.

- Таким ли, каковы эти творения на самом деле или какими они кажутся? Это ведь ты тоже должен разграничить. Какую задачу ставит перед собой каждый раз живопись?

<…> – Стремится ли она воспроизвести действительное бытие или только кажимость? Иначе говоря, живопись - это воспроизведение призраков или действительности?

- Призраков.

- Значит, подражательное искусство далеко от действительности. Потому-то, сдается мне, оно и может воспроизводить все что угодно, ведь оно только чуть-чуть касается любой вещи, да и тогда выходит лишь призрачное ее отображение.

<…> Следует рассмотреть, обманывались ли люди, встречая этих подражателей, замечали ли они, глядя на их творения, что такие вещи трое отстоят от подлинного бытия и легко выполнимы для того, кто не знает истины, ведь тут творят призраки, а не подлинно сущее.

<…> Если бы поистине он был сведущ в том, чему подражает, тогда, думаю я, все его усилия были бы направлены на созидание, а не на подражание.

<…> Обо всем впрочем мы не потребуем отчета у Гомера или у кого-либо еще из поэтов; мы не спросим их, были ли они врачами или только подражателями языку врачей. <…> Но когда Гомер пытается говорить о самом великом и прекрасном - о войнах, о руководстве военными действиями, об управлении государствами, о воспитании людей, - тогда мы вправе полюбопытствовать и задать ему такой вопрос: "Дорогой Гомер, если ты в смысле совершенства стоишь не на третьем месте от подлинного, если ты творишь не только подобие, что было бы , по нашему определению, лишь подражанием, то, занимая второе место, ты был бы в состоянии знать, какие занятия делают людей лучше или хуже в частном ли или в общественном обиходе: вот ты и скажи нам, какое из государств получило благодаря тебе лучшее устройство, как это было с Лакедемоном благодаря Ликургу и со многими крупными и малыми государствами благодаря многим другим законодателям?"

<…> Так не установим ли мы, что все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются?

<…> С помощью слов и различных выражений он передает оттенки тех или иных искусств и ремесел, хотя ничего в них не смыслит, а умеет лишь подражать, так что другим людям, таким же несведущим, кажется под впечатлением его слов, что это очень хорошо сказано <…> - так велико какое-то природное очарование всего этого.

<…> Тот, кто творит призраки, подражатель, как мы утверждаем, нисколько не разбирается в подлинном бытии, но знает одну только кажимость.

<…> Применительно к каждой вещи умение может быть трояким: умение ею пользоваться, умение ее изготовить и умение ее изобразить.

<…> Значит, относительно достоинства и недостатков одного и того же предмета создатель его приобретет правильное представление <…>, общаясь с человеком сведущим и волей-неволей выслушивая его указания; но знанием будет обладать лишь тот, кто этим предметом пользуется.

<…> О том предмете, который он изображает, подражатель не знает ничего стоящего; его творчество - просто забава, а не серьезное занятие.

<…> То же самое и с изломанностью и прямизной предметов, смотря по тому, разглядывать ли их в воде или нет, и с вогнутостью или выпуклостью, обусловленной обманом зрения из-за их окраски; ясно, что вся эта сбивчивость присуща нашей душе и на такое состояние нашей природы как раз и опирается живопись со всеми ее чарами, да и фокусы и множество разных подобных уловок.

<…> Следовательно, то начало нашей души, которое судит вопреки подлинным размерам предметов, не тождественно с тем ее началом, которое судит согласно этим размерам.

<…> Как раз к этому выводу я и клонил, утверждая, что живопись - и вообще подражательное искусство - творит произведения, далекие от действительности, и имеет дело с началом нашей души, далеким от разумности; поэтому такое искусство не может быть сподвижником и другом всего того, что здраво и истинно.

<…> Стало быть, подражательное искусство, будучи и само по себе низменным, сочетаясь с низменным низменное и порождает.

<…> Подражательная поэзия изображает людей действующими вынужденно либо добровольно, причем свои действия люди считают удачными или неудачными, и во всех этих обстоятельствах они либо скорбят, либо радуются.

<…> А разве во всех этих обстоятельствах человек остается невозмутимым? Или как в отношении зрительно воспринимаемых предметов, когда у него получается распря с самим собой и об одном и том же одновременно возникали противоположные мнения, так и в действиях человека бывает такая же распря и внутренняя борьба? <…> Душа наша кишит тысячами таких одновременно возникающих противоречий.

<…> Так, обычай говорит, что в несчастьях самое лучшее - по возможности сохранять спокойствие и не возмущаться, ведь еще не ясна хорошая или плохая их сторона, и, сколько не горюй, это тебя ничуть не продвинет вперед, да и ничто из человеческих дел не заслуживает особо серьезного отношения, а скорбь будет очень мешать тому, что важнее всего при подобных обстоятельствах.

<…> Тому, чтобы разобраться в случившемся, и, раз уж это, словно в игре в кости, выпало нам на долю, распорядиться соответственно своими делами, разумно выбрав наилучшую возможность, и не уподобляться детям, которые, когда ушибутся, держатся за ушибленное место и только и делают, что ревут. Нет, мы должны приучат душу как можно скорее обращаться к врачеванию и возмещать потерянное и больное, заглушая лечением скорбный плач.

<…> Лучшее же начало нашей души охотно будет следовать этим разумным соображениям.

<…> А то начало, что ведет нас к памяти о страдании, к сетованиям и никогда этим не утоляется, мы будем считать неразумным, бездеятельным, под стать трусости.

<…> Негодующее начало души зачастую может быть воспроизведено различным образом, а вот рассудительный и спокойный нрав человека, который никогда не выходит из себя, нелегко воспроизвести, и, если уж он воспроизведен, людям бывает трудно его заметить и понять, особенно на всенародных празднествах или в театрах, где собираются самые разные люди, ведь для них это было бы воспроизведением чуждого им состояния.

<…> Ясно, что подражательный поэт по своей природе не имеет отношения к разумному началу души и не для его удовлетворения укрепляет свое искусство, когда хочет достичь успеха у толпы. Он обращается к негодующему и переменчивому нраву, который хорошо поддается воспроизведению.

<…> Таким образом, мы по праву не приняли бы его в будущее благоустроенное государство, раз он пробуждает, питает и укрепляет худшую сторону души и губит ее разумное начало: это все равно что предать государство во власть людей негодных, а кто по приличнее, тех истребить. То же самое, скажем мы, делает и подражательный поэт: он внедряет в душу каждого человека в отдельности плохой государственный строй, потакая неразумному началу души, которое не различает, что больше, а что меньше, и одно и то же считает иногда великим, а иногда малым, создавая поэтому образы, далеко отстоящие от действительности.

<…> Я думаю, мало кто отдает себе отчет в том, что чужие переживания для нас заразительны: если к ним разовьется сильная жалость, нелегко удержаться от нее и при собственных своих страданиях.

<…> Будь то любовные утехи, гнев или всевозможные другие влечения нашей души ее печали и наслаждения, которыми, как мы говорим, сопровождается любое наше действие, - все это возбуждается в нас поэтическим воображением.

Оно питает все это, орошает то, чему надлежало бы засохнуть, и устанавливает его власть над нами; а между тем следовало бы держать эти чувства в повиновении, чтобы мы стали лучше и счастливее, вместо того, чтобы быть хуже и несчастнее.

<…> Уступи им, что Гомер самый творческий и первый из творцов трагедий, но не забывай, что в наше государство поэзия принимается лишь постольку, поскольку это гимны богам и хвала добродетельным людям. Если же ты допустишь подслащенную Музу, будь то мелическую или эпическую, тогда в этом государстве воцарятся у тебя удовольствие и страдание вместо обычая и разумения <…>.

<…> Считаешь ли ты, что благо и зло существуют для каждой вещи? Например, для глаз - воспаление, для всего тела - болезнь, для хлебов - спорынья, для древесины - гниение, для меди и железа - ржавчина, словом, чуть ли не для каждой вещи есть именно ей свойственное зло и болезнь?

<…> Значит, каждую вещь губят свойственные ей зло и негодность, но если это ее не губит, то уж ничто другое ее не разрушит.

<…> Порча тела - болезнь - изнеможда́ет и разрушает тело, а это приводит к тому, что оно уже перестает быть телом; так и все то, что мы теперь перечислили, приходит к небытию, вследствие собственной порочности, которая своим назойливым присутствием губит все изнутри.

<…> Значит, и душу рассмотри точно так же. Может ли присутствующая в ней несправедливость и прочая порочность извести и уничтожить ее своим присутствием до такой степени, чтобы довести ее до смерти, отделив от тела?

<…> Обрати внимание, Главкон, что мы не считаем, будто тело должно погибнуть непосредственно от испорченной пищи, в чем бы эта порча ни состояла, то есть если пища несвежая, протухшая и так далее. А вот когда испорченная пища вызывает в теле телесный недуг, тогда мы скажем, что тело гибнет хотя и через посредство пищи, но от своего собственного порока, иначе говоря, от болезни. А от порчи съестного, поскольку съестное и тело - разные вещи, мы считаем, тело никогда не гибнет, пока это постороннее телу зло не вызовет в нем зла, свойственного телу.

<…> На том же самом основании, если порча тела не вызывает испорченности души, присущей ей самой, мы никогда не признаем, будто душа гибнет от постороннего зла, помимо своей собственной испорченности: это зло и присущее ей зло - разные вещи.

<…> Мы ни за что не согласимся, будто душа гибнет от горячки или другой болезни либо от перерезанного горла: если даже изрубить все тело на мелкие кусочки, все это нисколько не увеличивает возможности ее гибели, пока нам не докажут, что из-за этих страданий тела она сама становится менее справедливой и благочестивой. Если постороннее зло возникает в чем-то постороннем, а собственное зло не рождается, мы не позволим утверждать, будто душа или что-то другое гибнет.

<…> И раз ни одна из них не погибает, то количество их не уменьшается и не увеличивается. Ведь если бы увеличивалось количество того, что бессмертно, это могло бы произойти, как тебе известно, только за счет того, что смертно, и в конце концов бессмертным стало бы все.

<…> Чтобы узнать, какова душа на самом деле, надо рассматривать ее не в состоянии растления, в котором она пребывает из-за общения с телом и разным иным злом, как наблюдаем мы это теперь, а такой, какой она бывает в своем чистом виде. Именно это надо как следует рассмотреть с помощью размышления, и тогда ты найдешь ее значительно более прекрасной, и к тому же можно будет отчетливее разглядеть различные степени справедливости и несправедливости и вообще все то, что мы теперь разбирали.

<…> Разве не признаем мы, что для того, кто угоден богам, все, что исходит от них, будет величайшим благом, если только не положено ему какого-нибудь неизбежного зла вследствие допущенного проступка?

<…> Стало быть, то же самое надо признать и для справедливого человека, все равно, постигнет ли его нищета, болезни или что иное из того, что считается злом, все это, в конце концов, будет ему во благо при жизни и после смерти. <…>

АРИСТОТЕЛЬ
Политика
Книга II
Разбор политических проектов Платона[1]

1. Так как мы ставим своей задачей исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям, то надлежит рассмотреть и те из существующих государственных устройств, которыми, с одной стороны, пользуются некоторые государства, признаваемые благоустроенными, и которые, с другой стороны, проектировались некоторыми писателями и кажутся хорошими. <…>

2. Начать следует прежде всего с установления того принципа, который служит точкой отправления при настоящем рассуждении, а именно: неизбежно, чтобы все граждане принимали участие либо во всем касающемся жизни государства, либо ни в чем, либо в одних делах принимали участие, в других — нет. Чтобы граждане не принимали участия ни в чем, это, очевидно, невозможно, так как государство представляет собой некое общение, а следовательно, прежде всего является необходимость занимать сообща определенное место; ведь место, занимаемое одним государством, представляет собой определенное единство, а граждане являются общниками (koinonoi) одного государства. Но в каком объеме можно допустить для граждан приобщение к государственной жизни? И что лучше для стремящегося к наилучшему устройству государства: чтобы граждане имели сообща по возможности всё или одно имели сообща, а другое — нет? Ведь можно представить общность детей, жен, имущества, как это мы находим в «Государстве» Платона, где, по утверждению Сократа, и дети, и жены, и собственность должны быть общими. Какой порядок предпочтительнее: тот ли, который существует теперь, или же тот, который предписан в «Государстве»? <…>

4. Ясно, что государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи — отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек — нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство. Далее, в состав государства не только входят отдельные многочисленные люди, но они еще и различаются между собой по своим качествам (eidei), ведь элементы, образующие государство, не могут быть одинаковы. Государство — не то же, что военный союз: в военном союзе имеет значение лишь количество членов, хотя бы все они были тождественными по качествам; такой союз ведь составляется в целях оказания помощи и напоминает собой весы, в которых перетягивает та чаша, которая нагружена больше.

5. Точно так же государство будет отличаться и от племенного союза, если допустить, что составляющие его люди, как бы многочисленны они ни были, живут не отдельно по своим селениям, но так, как, например, живут аркадяне. То, из чего составляется единство, заключает в себе различие по качеству. Поэтому, как об этом ранее сказано в «Этике», принцип взаимного воздаяния является спасительным для государств; этот принцип должен существовать в отношениях между свободными и равными, так как они не могут все властвовать одновременно, но либо по году, либо в каком-нибудь ином порядке, либо вообще периодически. Таким образом, оказывается, что правят все, как если бы сапожники и плотники стали меняться своими ремеслами и одни и те же ремесленники не оставались бы постоянно сапожниками и плотниками. <…>

7. Из сказанного ясно, что государство не может быть по своей природе до такой степени единым, как того требуют некоторые; и то, что для государств выставляется как высшее благо, ведет к их уничтожению, хотя благо, присущее каж-

---

[1] *Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4. М.1983. С.403-443.*

дой вещи, служит к ее сохранению. Можно и другим способом доказать, что стремление сделать государство чрезмерно единым не является, чем-то лучшим: семья — нечто более самодовлеющее, нежели отдельный человек, государство — нежели семья, а осуществляется государство в том случае, когда множество, объединенное государством в одно целое, будет самодовлеющим. И если более самодовлеющее состояние предпочтительнее, то и меньшая степень единства предпочтительнее, чем большая.

8. Но если даже согласиться с тем, что высшим благом общения оказывается его единство, доведенное до крайних пределов, все равно о таком единстве не будет свидетельствовать положение, когда все вместе будут говорить: «Это мое» и «Это не мое», тогда как именно это Сократ считает признаком совершенного единства государства. <…>

9. Но в действительности имеющие общих жен и детей уже не будут говорить «Это мое», а каждый из них скажет: «Это наше»; точно так же и собственность все будут считать своей, общей, а не принадлежащей каждому в отдельности. <…>

10. Сверх того, утверждение Сократа заключает в себе и другую отрицательную сторону. К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого. Помимо всего прочего люди проявляют небрежность в расчете на заботу со стороны другого, как это бывает с домашней прислугой: большое число слуг иной раз служит хуже, чем, если бы слуг было меньше.

11. У каждого гражданина будет тысяча сыновей, и они будут считаться сыновьями, и будут сыновьями не каждого в отдельности, но любой в одинаковой степени будет сыном любого, так что все одинаково будут пренебрегать отцами. Далее, при таком положении дел каждый будет говорить «мой» о благоденствующем или бедствующем гражданине безотносительно к тому, сколько таких граждан будет; например, скажут: «Этот мой» или «Этот такого-то», называя, таким образом, каждого из тысячи или сколько бы ни было граждан в государстве, да к тому же еще и сомневаясь. Ведь неизвестно будет, от кого то или иное дитя родилось и осталось ли оно жить после рождения.

12. В каком же смысле лучше употреблять выражение «мое» по отношению к каждому объекту — относить ли это выражение безразлично к двум тысячам или десяти тысячам объектов, или пользоваться им скорее в том значении, в каком «мое» понимается в современных государствах? Теперь одного и того же один называет своим сыном, другой — своим братом, третий — двоюродным братом или каким-либо иным родственником или по кровному родству, или по свойству, сначала с ним самим, затем с его близкими; сверх того, один другого называет фратором или филетом. Ведь лучше быть двоюродным братом в собственном смысле, чем сыном в таком смысле.

13. Как бы то ни было, невозможно было бы избежать тех случаев, когда некоторые граждане стали бы все-таки признавать тех или иных своими братьями, детьми, отцами, матерями: физическое сходство, существующее между детьми и родителями, неизбежно послужило бы им взаимным доказательством действительного родства. Так бывает и по словам некоторых занимающихся землеописанием. В верхней Ливии у некоторых племен существует общность жен, а новорожденные распределяются между родителями на основании сходства. Даже у некоторых животных, например у лошадей и коров, самки родят детенышей, очень похожих на их производителей <…>.

14. Сверх того, тем, кто проектирует подобную общность, трудно устранить такого рода неприятности, как оскорбления действием, умышленные и неумышленные убийства, — драки, перебранки; а все это является нечестивым по отношению к отцам, матерям и близким родственникам, не то, что по отношению к далеким людям. Между тем все это неизбежно случается, чаще в том случае, когда не знаешь своих близких, чем когда знаешь их; в случае если знаешь, можно, по крайней мере, искупить содеянное установленными искупительными обрядами, а когда не знаешь, не можешь. <…>

16. Вообще задуманный закон неизбежно ведет к результату, противоположному тому, какой надлежит иметь законам, правильно установленным, и ради какого Сократ и считает нужным установить именно такое положение женщин и детей. Мы же полагаем, что дружелюбные отношения — величайшее благо для государств (ведь при наличии этих отношений менее всего возможны раздоры), да и Сократ всего более восхваляет единение государства, а это единение, как он сам, по-видимому, утверждает, является результатом дружелюбных отношений (об этом, как известно, говорит в своей речи о любви Аристофан, а именно что любящие вследствие своей сильной любви стремятся к срастанию, стремятся из двух существ стать одним).

17. Таким образом, тут оба существа или одно из них неизбежно приносят себя в жертву; в государстве же проектируемая общность повела бы к созданию дружбы разбавленной, и сын отца и отец сына мог бы называть своим. И подобно тому, как небольшая доза сладкого, будучи смешана с большим количеством воды, делает самую примесь неощутимой на вкус, так точно бывает и с взаимной привязанностью, когда она существует только по названию; а при задуманном государственном строе сын об отце, отец о сыне, братья о братьях будут, конечно, заботиться менее всего. Люди ведь всего более заботятся о том и любят, во-первых, то, что им принадлежит, и, во-вторых, то, что им дорого; но ни того ни другого невозможно предположить среди людей, имеющих такое государственное устройство.

18. И в вопросе о переводе новорожденных детей из сословия земледельцев и ремесленников в сословие стражей и обратно много путаницы. Каким образом будет осуществляться этот перевод? Дающие и перемещающие лица должны будут знать, кому каких детей они дают. При этом неизбежно в еще большей степени будет проявляться то, о чем было сказано ранее, именно бесчинства, ссоры, убийства; ведь переданные в другое сословие не станут называть стражей своими братьями, детьми, отцами, матерями, также и находящиеся среди стражей не будут так называть остальных граждан; выйдет то, что перестанут остерегаться совершать такие проступки, недопустимые по отношению к родственникам. Итак, вот наши соображаения насчет общности детей и жен.

II

1. Вслед за тем надлежит рассмотреть вопрос о собственности. Как она должна быть организована у тех, кто стремится иметь наилучшее государственное устройство, — должна ли собственность быть общей или не общей? Этот вопрос можно, пожалуй, рассматривать и не в связи с законоположениями, касающимися детей и жен. Имею в виду следующее: если даже дети и жены, как это у всех принято теперь, должны принадлежать отдельным лицам, то будет ли лучше, если собственность и пользование ею будут общими<…> Например, чтобы земельные участки были в частном владении, пользование же плодами земли было бы общегосударственным, как это и наблюдается у некоторых варварских племен. Или, наоборот, пусть земля; будет общей и обрабатывается сообща, плоды же ее пусть распределяются для частного пользования (говорят, таким образом, сообща владеют землей некоторые из варваров). Или, наконец, и земельные участки, и получаемые с них плоды должны быть общими?

2. Если бы обработка земли поручалась особым людям, то все дело можно было поставить иначе и решить легче; но раз сами земледельцы трудятся для самих себя, то и решение вопросов, связанных с собственностью, представляет значительно большие затруднения. Так как равенства в работе и в получаемых от нее результатах провести нельзя — наоборот, отношения здесь неравные, — то неизбежно вызывают нарекания те, кто много пожинает, или много получает, хотя и мало трудится, у тех, кто меньше получает, а работает больше.

3. Вообще нелегко жить вместе и принимать общее участие во всем, что касается человеческих взаимоотношений, а в данном случае особенно. Обратим внимание на компании совместно путешествующих, где почти большинство участников не сходятся между собой в обыденных мелочах и из-за них ссорятся друг с другом. И из прислуги у нас более всего бывает препирательств с тем, кем мы пользуемся для повседневных услуг. Такие и подобные им затруднения представляет общность собственности.

4. Немалые преимущества имеет, поэтому тот способ пользования собственностью, освященный обычаями и упорядоченный правильными законами, который принят теперь: он совмещает в себе хорошие стороны обоих способов, которые я имею в виду, именно общей собственности и собственности частной. Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной. Ведь когда забота о ней будет поделена между разными людьми, среди них исчезнут взаимные нарекания; наоборот, получится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит; благодаря же добродетели в использовании собственности получится согласно пословице «У друзей все общее».

5. И в настоящее время в некоторых государствах существуют начала такого порядка, указывающие на то, что он в основе своей не является невозможным; особенно в государствах, хорошо организованных, он отчасти осуществлен, отчасти мог бы быть проведен: имея частную собственность, человек в одних случаях дает пользоваться ею своим друзьям, в других — представляет ее в общее пользование. Так, например, в Лакедемоне каждый пользуется рабами другого, как своими собственными, точно так же конями и собаками, и в случае нужды в съестных припасах — продуктами на полях государства. Таким образом, очевидно, лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею — общим. Подготовить же к этому граждан — дело законодателя.

6. Помимо всего прочего трудно выразить словами, сколько наслаждения в сознании того, что нечто принадлежит тебе, ведь свойственное каждому чувство любви к самому себе не случайно, но внедрено в нас самой природой. Правда, эгоизм справедливо порицается, но он заключается не в любви к самому себе, а в большей, чем должно, степени этой любви; то же приложимо и к корыстолюбию; тому и другому чувству подвержены, так сказать, все люди. С другой стороны, как приятно оказывать услуги и помощь друзьям, знакомым или товарищам!

7. Это возможно, однако, лишь при условии существования частной собственности. Наоборот, у тех, кто стремится сделать государство чем-то слишком единым, этого не бывает, не говоря уже о том, что в таком случае, очевидно, уничтожается возможность проявления на деле двух добродетелей: целомудрия по отношению к женскому полу (ведь прекрасное дело — воздержание от чужой жены из целомудрия) и благородной щедрости но отношению к своей собственности; при общности имущества для благородной щедрости, очевидно, не будет места, и никто не будет в состоянии проявить ее на деле, так как щедрость сказывается именно при возможности распоряжаться своим добром. <…>

9. Но все это происходит не из-за отсутствия общности имущества, а вследствие нравственной испорченности людей, так как мы видим, что и те, которые чем-либо владеют и пользуются сообща, ссорятся друг с другом гораздо больше тех, которые имеют частную собственность; нам представляется, однако, что число тех, кто ведет тяжбы из-за совместного владения имуществом, невелико в сравнении с той массой людей, которые владеют частной собственностью. Сверх того справедливость требует указать не только на то, какие отрицательные стороны исчезнут, если собственность будет общей, но и на то, какие положительные свойства будут при этом уничтожены; на наш взгляд, само существование окажется совершенно невозможным. Коренную ошибку проекта Сократа должно усматривать в неправильности его основной предпосылки. Дело в том, что следует требовать относительного, а не абсолютного единства как семьи, так и государства. Если это единство зайдет слишком далеко, то и само государство будет уничтожено; если даже этого и не случится, все-таки государство на пути к своему уничтожению станет государством худшим, все равно как если бы кто симфонию заменил унисоном или ритм одним тактом.

10. Стремиться к объединению и обобщению массы нужно, как об этом сказано и ранее, путем ее воспитания. Тот, кто намерен воспитывать массу и рассчитывает, что посредством ее воспитания и государство придет в хорошее состояние, жестоко ошибся бы в своих расчетах, если бы стал исправлять государство средствами, предлагаемыми Сократом, а не внедрением добрых нравов, философией и законами, как решил вопрос имущества законодатель в Лакедемоне и на Крите пу-

тем установления сисситий. Не должно при этом упускать из виду, а, напротив, следует обращать внимание на то, что в течение столь большого времени, столь длинного ряда лет не остался бы неизвестным такой порядок, если бы он был прекрасным. Ведь чуть ли не все уже давным-давно придумано, но одно не слажено, другое, хотя и известно людям, не находит применения.

11. Это особенно станет ясным, если присмотреться к осуществлению этого единства в действительности. Невозможным окажется создание государства без разделения и обособления входящих в его состав элементов либо при помощи сисситий, либо при помощи фратрий и фил. Таким образом, от законоположений Сократа останется только одно, имен но что стражи не должны заниматься земледелием; это последнее лакедемоняне пробуют проводить в жизнь и в настоящее время. Каким образом будет устроен государственный порядок в его целом виде у имеющих общее имущество — об этом Сократ тоже ничего не сказал, да и нелегко было бы на этот счет высказаться. Хотя остальные граждане составляют, как оказывается, почти все население государства, однако относительно их ничего определенного не сказано: должна ли и у земледельцев собственность быть общей или у каждого частной, равно как должна или не должна быть у них общность жен и детой.

12. Ведь если таким образом все у всех будет общим, то чем же земледельцы будут отличаться от стражей? Или чего ради они будут подчиняться их власти? Или стражи должны будут для сохранения власти придумать нечто такое, что придумали критяне, которые, предоставив рабам все прочие права, запрещают им только посещение гимнасиев и приобретение оружия? Если же в них будет тот же порядок, что и в остальных государствах, то в чем же найдет свое выражение общность граждан? Неизбежно возникнут в одном государстве два государства, и притом враждебные одно другому. Сократ ведь придает стражам значение как бы военного гарнизона, земледельцев же, ремесленников и остальное население ставит в положение граждан.

13. Обвинения, тяжбы, все то зло, какое, по словам Сократа, встречается в государствах, — от всего этого не будут избавлены и граждане его государства. Правда, Сократ утверждает, что воспитание избавит граждан от необходимости иметь много узаконении, например касающихся астиномии, агораномии и тому подобного, поскольку воспитание будут получать только стражи. Сверх того, он предоставляет собственность во владение земледельцам на условии уплаты оброка, хотя, очевидно, такие собственники будут более опасными и зазнавшимися, чем в некоторых государствах илоты, пенесты и рабы.

14. Впрочем, совсем не определено, одинаково ли это является необходимым или нет, равно как и относительно предметов, близких к этому, как-то: каково будет политическое устройство [земледельцев], в чем будет заключаться их воспитание, какие будут установлены для них законы? Между тем все это нелегко установить, хотя далеко не безразлично, каковы будут порядки у земледельцев для сохранения той же общности, что и у стражей. Допустим, что жены у земледельцев будут общие, собственность же будет принадлежать каждому отдельно, — кто будет управлять домом, подобно тому как мужья распоряжаются всем, что касается полей? А если у земледельцев и собственность и жены будут общие<…>

15. Было бы нелепо брать пример с животных, думая, что жены должны заниматься тем же, что и мужья, ведь у животных нет никакого домохозяйства.

Шатко обосновано у Сократа и устройство должностей. Власть, по его мнению, должна всегда находится в руках одних и тех же. Однако это служит источником возмущения даже у людей, не обладающих повышенным чувством собственного достоинства, тем более — у людей горячих и воинственных. Ясно, что, с его точки зрения, необходимо, чтобы власть находилась в руках одних и тех же: ведь «божественное злато» не примешано в души то одних, то других людей, оно всегда в душах одних и тех же. По уверению Сократа, тотчас при рождении божество одним стражам примешивает золото, другим — серебро, а медь и железо предназначены для тех, которые должны быть ремесленниками и земледельцами.

16. Помимо того, отнимая у стражей блаженство, он утверждает, что обязанность законодателя — делать все государство в его целом счастливым. Но невоз-

можно сделать все государство счастливым, если большинство его частей или хотя бы некоторые не будут наслаждаться счастьем. Ведь понятие счастья не принадлежит к той же категории, что и понятие четного числа: сумма может составить четное число при наличии нечетных слагаемых, но относительно счастья так быть не может. И если стражи не счастливы, то кто же тогда счастлив? Ведь не ремесленники же и вся масса занимающихся физическим трудом.

Итак, вот какие затруднения и еще другие, не менее существенные, чем указанные, представляет то государственное устройство, о котором говорит Сократ.

III

1. Почти так же обстоит дело и с написанными позже «Законами». Поэтому целесообразно рассмотреть вкратце и описанное там государственное устройство. В «Государстве» Сократ определяет совсем немногое: как должно обстоять дело с общностью жен во и детей, а также с собственностью и гражданством. Все народонаселение предполагается разделить на две части: одна часть — земледельцы, другая — воины; третья часть, образуемая из последних, — совещающаяся и правящая государством. Принимают ли участие в управлении, и если принимают, то в чем именно земледельцы и ремесленники, имеют ли они право владеть оружием и участвовать в походах вместе с воинами или нет — на все эти вопросы Сократ не дал никакого определенного ответа. Женщины, напротив, должны, по мнению Сократа, вместе с воинами принимать участие в походах и получать то же самое воспитание, что и стражи. Впрочем, его рассуждения наполнены не идущими к делу соображениями как вообще, так и в тех частях, которые касаются вопроса, каким должно быть воспитание стражей. <…>

4. Далее, в «Законах» говорится, что законодатель при установлении законов должен считаться с двумя элементами: землей и людьми. Хорошо было бы прибавить к этому и «соседние места», раз государство должно вести государственный, а не уединенный образ жизни; ведь государству неизбежно приходится пользоваться такого рода вооруженными силами, которые пригодны не только для защиты собственной территории, но и для действий в местностях вне ее. Если даже кто-либо не одобряет такого образа жизни — ни частного, ни общественного, тем не менее, необходимо внушать страх врагам не только при их вторжении в страну, но и когда они далеко.

5. И относительно размера земельной собственности нужно еще подумать, не лучше ли определить его иначе, более точно. Он говорит, что размер ее должен быть таким, чтобы можно было жить благоразумно, как если бы кто-нибудь сказал «жить в довольстве», Но это определение слишком уж общее; да и, креме того, можно жить скромно и все-таки испытывать недостаток. Поэтому лучше было бы определить так: жить благоразумно, но так, как это подобает свободнорожденному человеку; ведь если исключить одно из этих условий, то в одном случае получится жизнь в роскоши, в другом — жизнь, полная тяжелых трудов. В самом деле, одни только указанные добродетели и могут приниматься в соображение, когда рассматривается вопрос о пользовании собственностью; скажем, нельзя относиться к собственности «уравновешенно» или «мужественно», пользоваться же ею благоразумно и с благородной щедростью можно. Соответственно таким и должно быть отношение к собственности.

6. Нелепо и то, что, уравнивая собственность, он не упорядочивает количество граждан, а, наоборот, допускает возможность неограниченного деторождения, предполагая, что оно будет уравновешено и не увеличит количества граждан, так как некоторое число граждан будут бездетными, раз это и теперь наблюдается в государствах. Но здесь не может быть полного сходства в государствах — тогда и теперь: теперь никто не испытывает нужды, так как собственность делится между любым количеством, а тогда, когда собственность не будет подлежать разделу, весь избыток населения, меньше ли его будет или больше, очевидно, не будет иметь ничего.

7. Пожалуй, кто-нибудь подумает, что должно поставить предел скорее для деторождения, нежели для собственности, так чтобы не рождалось детей сверх какого-либо определенного числа. Это число можно было бы определить, считаясь со всякого рода случайностями, например с тем, что некоторые из новорожденных ум-

рут или некоторые браки окажутся бездетными. Если же оставить этот вопрос без внимания, что и бывает в большей части государств, то это неизбежно поведет к обеднению граждан, а бедность — источник возмущений и преступлений. <…>

8. В «Законах» оставлен в стороне и вопрос о том, каким образом правящие будут отличаться от управляемых. Сократ говорит: как в ткани основа делается из другой шерсти, чем вся нить, такое же отношение; должно быть между правящими и управляемыми. Но если он допускает увеличение всякой собственности вплоть до пятикратного размера, то почему не применить то же самое до известного предела и к земельной собственности? Должно также обратить внимание и на раздробление того участка, на котором возведены строения, как бы это раздробление не причинило ущерба хозяйству (ведь он уделяет каждому два отдельно лежащих участка для строений, а жить на два дома — дело трудное).

9. Государственный строй в его целом является не демократией и не олигархией, но средним между ними — тем, что называется политией; полноправны при ней только те, кто носит тяжелое вооружение. Если законодатель устанавливает ее для государств как наиболее пригодный сравнительно с остальными видами, то это утверждение, пожалуй, правильно; но если он считает ее наилучшим после того вида, который описан им раньше, то тут он ошибается; пожалуй, всякий станет более восхвалять лакедемонское государственное устройство или какое-нибудь иное с еще более сильно выраженным аристократическим характером<…>

10. некоторые утверждают, что наилучшее государственное устройство должно представлять собой смешение всех государственных устройств; по мнению одних это смешение состоит из олигархии, монархии и демократии, поэтому они восхваляют лакедемонское устройство: ведь царская власть в Лакедемоне олицетворяет собой монархию, власть геронтов — олигархию, демократическое же начало проявляется во власти эфоров, так как последние избираются из народа; по мнению других, эфория представляет собой тиранию, демократическое же начало они усматривают в сисситиях и в остальном повседневном обиходе жизни.

11. В «Законах» же говорится, что наилучшее государственное устройство должно заключаться в соединении демократии и тираннии; но эти последние едва ли кто-либо станет вообще считать видами государственного устройства, а если считать их таковыми, то уж наихудшими из всех. Итак, правильнее суждение тех, кто смешивает несколько видов, потому что тот государственный строй, который состоит в соединении многих видов, действительно является лучшим.

Далее, это государственное устройство, как оказывается, не содержит в себе никакого монархического начала, а лишь начало олигархическое и демократическое, причем оно скорее склоняется к олигархии. Это; ясно видно из способа назначения должностных лиц, то, что они назначаются по жребию из числа предварительно избранных, роднит этот строй с обоими государственными устройствами, но то, что лишь обладающие большим имущественным цензом обязаны принимать участие в народном собрании, назначать должностных лиц и вообще заниматься государственными делами, другие же устранены от этого, — все это подходит к олигархии, равно как и стремление к тому, чтобы большая часть должностных лиц назначалась из состоятельных людей, а самые главные должности замещались людьми с наивысшим имущественным цензом.

12. По-олигархически он устанавливает и способ пополнения совета: в выборах участвуют непременно все, но избирают только из людей первого имущественного слоя, затем снова таким, же образом из второго, далее — из третьего; однако в выборах не обязательно участвовать всем людям третьего и четвертого слоя, а участие в выборах из четвертого слоя обязательно лишь для людей первого и второго слоя. Затем, говорит он, из выбранных таким способом должно быть назначено одинаковое число из каждого слоя.

При таком порядке выборов большинство, очевидно, составят люди, принадлежащие к высшим имущественным слоям, и притом наилучшие, так как некоторые люди из народа не станут принимать участия в выборах, не будучи к ним привлекаемы принудительно.

13. Что такого рода государственное устройство не будет представлять собой соединения демократического и монархического начал, ясно из вышесказанно-

го и станет еще очевиднее из того, что будет сказано впоследствии, когда мы дойдем до исследования подобного рода государственного устройства. Относительно же избрания должностных лиц нужно еще заметить, что, когда выборы происходят из намеченных заранее кандидатов, создается опасное, положение: если известное число лиц, даже и небольшое, захотят войти между собой в соглашение, то выборы всегда будут совершаться так, как они того пожелают.

Так обстоит дело с государственным строем, описанным в «Законах».

Разбор проектов Фалея и Гипподама

IV

1. Имеются и другие проекты государственных устройств, предложенные, с одной стороны, частными лицами, с другой — философами и государственными мужами. Все эти проекты стоят ближе, нежели те два, к существующим государственным устройствам, лежащим в основе государственной жизни. Никто не вводил таких новшеств, как общность детей и жен или а женские сисситии; напротив, все эти проекты больше исходят из требований жизни. Некоторым представляется наиболее существенным ввести прекрасный порядок в то, что относится к, собственности, поскольку, говорят они, все обычно вступают в раздоры именно по поводу такого рода дел. Поэтому Фалей Халкедонский первый сделал на этот счет такое предложение: земельная собственность у граждан должна быть равной.

2. По его мнению, это нетрудно провести сразу во время образования государств; после их образования это труднее, хотя уравнять собственность следовало бы как можно скорее, и вот каким образом: богатые должны давать приданое, но не получать его; бедные же приданого не дают, но получают его.

Платон, сочиняя «Законы», полагал, что должно допустить увеличение собственности до известного предела, а именно: никому из граждан, как сказано ранее, не должно быть дозволено приобретать собственность, превосходящую более чем в пять раз наименьшую существующую собственность.

3. Вводящие такого рода законоположения не должны упускать из виду (а теперь это упускается из виду), что, устанавливая норму собственности, нужно также определить и норму для, числа детей; ведь если число детей будет превосходить размеры собственности; то закон [о равенстве наделов] неминуемо утратит свою силу; да и помимо того плохо будет, что многие из богачей превратятся в бедняков, ведь маловероятно, чтобы такие люди не стремились к изменению порядков.

4. Что уравнение собственности имеет значение для государственного общения — это, по-видимому, ясно сознавали и некоторые из древних законодателей. Так, например, Солон установил закон (да и у других он имеется), по которому запрещается приобретение земли в каком угодно количестве. Равным образом законы воспрещают продажу собственности; так, у локрийцев существует закон, запрещающий продажу собственности, если человек не докажет, что с ним случилась явная беда. Есть также закон, касающийся сохранения исконных земельных наделов; отмена такого закона на Левкаде привела к тому, что ее государственный строй стал слишком демократическим: оказалось, что домогаться должностей можно и не имея определенного Ценза.

5. Но допустим возможность осуществления имущественного равенства; в таком случае имущество окажется или чрезмерно большим, так что повлечет за собой роскошь, или, наоборот, чрезвычайно малым, так что жизнь будет скудная. Отсюда ясно, что законодателю не достаточно еще уравнять собственность; он должен стремиться к чему-то среднему. Но если бы даже кто-нибудь установил умеренную собственность для всех, пользы от этого не было бы никакой, потому что скорее уж следует. уравнивать человеческие вожделения, а не собственность. А этого возможно достигнуть лишь в том случае, когда граждане будут надлежащим образом воспитаны посредством законов.

6. На это Фалей, быть может, сказал бы, что и он согласен с этим положением, так как, и, по его мнению, равенство должно осуществляться в государствах в двояком отношении: в отношении имущественного владения и в отношении воспитания. Но следует указать, в чем это воспитание будет заключаться; если же сказать, что воспитание для всех будет одно и то же, то от этого нет никакой пользы.

Оно может быть единым для всех, но таким, что и получив его граждане все-таки будут ненасытно стремиться к деньгам, или к почести, или к тому и другому вместе.

7. Кроме того, люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях. Распри же в обоих этих случаях бывают противоположного рода: толпа затевает распри из-за имущественного неравенства, а люди образованные — из-за почестей в том случае, если последние будут для всех одинаковыми. Об этом и сказано: «Та ж и единая честь воздается и робким и храбрым». Люди поступают несправедливо по отношению друг к другу не только ради предметов первой необходимости (противоядие этому Фалей и усматривает в уравнении собственности, так что никому не придется прибегать к грабежу от холода либо бедности), но также и потому, что они хотят жить в радости и удовлетворять свои желания. Если они будут жаждать большего, чем то, вызывается насущной необходимостью, то они станут обижать других именно в целях удовлетворения этого своего стремления, да и не только ради этого одного, но также и для того, чтобы жить в радости среди наслаждений, без горестей.

8. Какое лекарство поможет против этих трех зол? У одних — обладание небольшой собственностью и труд, у других — воздержность; что же касается третьих, то, если бы кто-нибудь пожелал найти радость в самом себе, ему пришлось бы прибегнуть только к одному средству — философии, так как для достижения остальных средств потребно содействие людей. Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости; так, например, становятся тиранами не для того, чтобы избегнуть холода; поэтому большие почести назначаются не тому, кто убьет вора, но тому, кто убьет тирана. Таким образом, предлагаемое Фалеем государственное устройство может обеспечить защиту только против мелких несправедливостей.

9. Сверх того, он желает устроить свое государство так, чтобы граждане в их взаимных отношениях жили прекрасно. Но ведь не должно упускать из виду и их отношения с соседями и со всеми чужими. Необходимо, следовательно, чтобы в государственном устройстве учитывалась военная мощь, а об этом он ничего не сказал, равно как и о материальных средствах [государства]. <…>

11. Итак, имущественное равенство представляется до некоторой степени полезным во взаимных отношениях граждан, устраняя между ними несогласия, но, вообще говоря, большого значения оно отнюдь не имеет. Ведь люди одаренные станут, пожалуй, негодовать на такое равенство, считая его недостойным себя; поэтому они зачастую оказываются зачинщиками возмущений. К тому же человеческая порочность ненасытна: сначала людям достаточно двух оболов, а когда это станет привычным, им всегда будет нужно больше, и так до бесконечности. Дело в том, что вожделения людей по природе беспредельны, а в удовлетворении этих вожделений и проходит жизнь большинства людей.

12. Основное во всем этом — не столько уравнять собственность, сколько устроить так, чтобы люди, от природы достойные, не желали иметь больше, а недостойные не имели такой возможности; это произойдет в том случае, если этих последних поставят в низшее положение, но не станут обижать. <…> Итак, нужно, стремиться установить во всем этом либо равенство, либо какую-либо среднюю меру, а не то все оставить, как есть. <…>

V

1. Гипподам, сын Еврифонта, уроженец Милета <…>, первым из не занимавшихся государственной деятельностью людей попробовал изложить кое-что о наилучшем государственном устройстве.

2. Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую — земледельцы, третью — защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную. Священная — та, с доходов которой должен отправляться установленный религиозный культ; общественная — та, с доходов которой) должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев. По его мысли, и законы существуют только троякого вида, поскольку судебные дела

возникают по поводу, троякого рода преступлений (оскорбление, повреждение, убийство).

<…>

4. Сверх того, он устанавливает закон относительно тех, кто придумывает что-либо полезное для государства: они должны получать почести; и дети павших на войне должны воспитываться на казенный счет, коль скоро такого установления еще нет у других. <…>

5. Прежде всего, каждого, пожалуй, поставит в тупик предлагаемое разделение гражданского населения. В управлении государством принимают участие все: и ремесленники, и земледельцы, и воины. Между тем земледельцы не имеют права носить оружие, ремесленники не имеют ни земли, ни оружия, так что они оказываются почти рабами имеющих право носить оружие. Для них невозможно, следовательно, обладать всеми почетными правами, ведь необходимо назначать и стратегов, и охранителей порядка, и, вообще говоря, верховных должностных лиц из тех, кто имеет право носить оружие. А не принимающие участия в управлении государством могут ли дружественно относиться к государственному строю?

6. Но, с другой стороны, люди, имеющие право носить оружие, должны быть и сильнее тех, кто принадлежит к обеим другим частям. Это дело нелегкое в том случае, если носящие оружие немногочисленны. Если же они будут сильнее, то к чему остальным гражданам принимать участие в государственном управлении и иметь право голоса в назначении должностных лиц? Далее, чем полезны для государства земледельцы? Ремесленники должны существовать, поскольку каждое государство в них нуждается и они могут, как и в остальных государствах, жить на доходы от своего ремесла. Земледельцы же только в том случае могли бы на законном основании составлять часть государства, если бы они доставляли пропитание тем, кто имеет право носить оружие; между тем, по предположению Гипподама, земледельцы владеют своими земельными участками на правах частной собственности и эти участки будут возделывать частным образом, для себя.

7. Сверх того, если защитники государства сами будут возделывать ту часть государственной территории, с которой они будут получать средства к жизни, то воины не будут отличаться от земледельцев, как того желает законодатель. Если же будут какие-нибудь другие люди, отличные от обрабатывающих землю для себя и от воинов, то в государстве получится новая, четвертая часть населения, не принимающая участия ни в чем, чуждая гражданству. Если же устроить дело так, чтобы одни и те же люди возделывали и свои участки, и участки, составляющие собственность государства, то, во-первых, не будет от обработки земли отдельным человеком такого количества продуктов, которое было бы достаточно для двух семей, а во-вторых, почему бы этим отдельным лицам не получать себе пропитание и не доставлять его воинам непосредственно от своей земли и от своих наделов? Во всем этом немало путаницы. <…>

10. Что касается предложения о необходимости оказывать какой-либо почет тем, кто придумал что-нибудь полезное для государства, то на этот счет небезопасно вводить узаконение. Такого рода предложения лишь на вид очень красивы, а в действительности могут повести к ложным доносам и даже, смотря по обстоятельствам, к потрясениям государственного строя. Впрочем, это соприкасается уже с другой задачей и требует самостоятельного обсуждения. Дело в том, что некоторые колеблются, вредно иди полезно для государства изменять отеческие законы, даже в том случае, если какой-нибудь новый закон оказывается лучше существующего. Потому нелегко сразу согласиться, с указанным выше предложением, раз вообще не полезно изменять существующий строй; может оказаться, что кто-нибудь, будто бы ради общего блага, внесет предложение об отмене законов или государственного устройства.

<…>

12. <…> Вообще же все люди стремятся не к тому, что освящено преданием, а к тому, что является благом; и так как первые люди — были ли они рождены из земли или спаслись от какого-нибудь бедствия — походили на обыкновенных людей, к тому же не одаренных развитыми мыслительными способностями, как это и говорится о людях, рожденных из земли, то было бы безрассудством оставаться

при их постановлениях. Сверх того, было бы не лучше писаные законы оставлять в неизменном виде: как в остальных искусствах, так и в государственном устроении невозможно изложить письменно все со всей точностью. Ведь законы неизбежно приходится излагать в общей форме, человеческие же действия единичны, Отсюда ясно, что некоторые законы иногда следует изменять.

13. <…> Если исправление закона является незначительным улучшением, а приобретаемая таким путем привычка с легким сердцем изменять закон дурна, то ясно, что лучше простить те или иные погрешности как законодателей, так и должностных лиц: не столько будет пользы от изменения закона, сколько вреда, если появится привычка - не повиноваться существующему порядку.

14. Обманчив также пример, заимствованный из области искусств. Не одно и то же — изменить искусство или изменить закон. Ведь закон бессилен принудить к повиновению вопреки существующим обычаям; это осуществляется лишь с течением времени. Таким образом, легкомысленно менять существующие законы на другие, новые — значит ослаблять силу закона. <…>

Разбор государственного устройства лакедемонян

VI

<…> 2. Общепризнано, что в том государстве, которое желает иметь прекрасный строй, граждане должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости. Но нелегко уяснить, каким образом это осуществить. <…>

4. Но помимо всего-прочего самый надзор за подчиненными представляет, по-видимому, трудную задачу: как следует с ними обходиться? Если распустить их, они начинают проявлять наглость и требовать для себя равноправия со своими господами; если же держать их в угнетении, они начинают злоумышлять против господ и ненавидеть их. <…>

5. Слишком вольготное положение женщин оказывается вредоносным с точки зрения той главной цели, какую преследует [лакедемонский] государственный строй, и не служит благополучию (eydainionian) государства вообще. Ведь как мужчина и женщина являются частями семьи, так и государство необходимо следует считать разделенным на две части — на мужское и женское население. При том государственном строе, где плохо обстоит дело с положением женщин, половина государства неизбежно оказывается беззаконной. <…>

6. При таком государственном строе богатство должно иметь большое значение, в особенности если мужчинами управляют женщины, что и наблюдается большей частью среди живущих по-военному воинственных племен, исключая кельтов и, может быть, некоторых других, у которых явным преимуществом пользуется сожительство с мужчинами. <…>

9. <…> Ненормальное положение женщин не только вносит нечто неподобающее в самый государственный строй, как сказано раньше, до некоторой степени содействует и развитию корыстолюбия.

10. После такого утверждения некоторые станут, пожалуй, с упреком указывать и на неравномерность распределения собственности: оказалось, что одна часть граждан владеет собственностью очень больших размеров, другая — совсем Ничтожной. Поэтому дело дошло до того, что земельная собственность находится в руках немногих. Законоположения на этот счет также страдают недостатком: законодатель поступил правильно, заклеймив как нечто некрасивое покупку и продажу имеющейся собственности, но он предоставил право желающим дарить эту собственность и завещать ее в наследство, а ведь последствия в этом случае получились неизбежно такие же, как и при продаже.

<…>

13. Законоположения, касающиеся деторождения, также имеют целью противодействовать малолюдству; законодатель, стремясь к тому, чтобы спартиатов было как можно больше, побуждает граждан к возможно большему деторождению. У них существует даже закон, что отец трех сыновей освобождается от военной службы, а отец четырех сыновей свободен от всех повинностей. И, тем не менее, ясно, что даже при возрастании населения существующий порядок распределения земельной собственности неизбежно должен увеличивать число бедняков.

14. Плохо обстоит дело и с эфорией. Эта власть ведает у них важнейшими отраслями управления; пополняется же она из среды всего гражданского населения, так что в состав правительства попадают зачастую люди совсем бедные, которых вследствие их необеспеченности легко можно подкупить, и в прежнее время такие подкупы нередко случались, да и недавно они имели место в андросском деле, когда некоторые из эфоров, соблазненные деньгами погубили все государство, по крайней мере, насколько это от них зависело. Так как власть эфоров чрезвычайно велика и подобна власти тираннов, то и сама цари бывали вынуждены прибегать к демагогическим приемам, отчего также получался вред для государственного — строя: из аристократии возникала демократия.

15. Конечно, этот правительственный орган придает устойчивость государственному строю, потому что народ, имея доступ к высшей власти, остается спокойным; создалось ли такое положение благодаря случайности, оно оказывается полезным, ведь целью того государственного строя, который рассчитывает на долговечное существование, должно служить то, чтобы все части, составляющие государство, находили желательным сохранение существующих порядков. Цари желают этого благодаря оказываемому им почету, люди высокого общества (kaloi kagathoi) — благодаря герусии (избрание на эту должность является как бы наградой за добродетель), народ — благодаря эфории и тому, что она пополняется из всех.

16. Однако избрание на эту должность следовало бы производить из всех граждан и не тем слишком уж ребяческим способом, каким это делается в настоящее время. Сверх того, эфоры выносят решения по важнейшим судебным делам, между тем сами они оказываются случайными людьми; поэтому было бы правильнее, если бы они выносили свое приговоры не по собственному усмотрению, но следуя букве закона. Самый образ жизни эфоров не соответствует общему духу государства: они могут жить слишком вольготно, тогда как по отношению к остальным существует скорее излишняя строгость, так что они, не будучи в состоянии выдержать ее, тайно в обход закона предаются чувственным наслаждениям.

17. Неладно у них обстоит дело и с властью геронтов. Если они — люди порядочные и благодаря воспитанию обладают качествами, присущими совершенному человеку, то всякий немедленно признает их пользу для государства, хотя бы даже возникло сомнение, правильно ли то, что они являются пожизненными вершителями всех важных дел, ведь как у тела, так и у разума бывает старость. Но если геронты получают такого рода воспитание, что сам законодатель относится к ним с недоверием, не считая их совершенными мужами, то герусия не безопасна для государства.

18. Люди, занимающие эту должность, оказывается, бывают доступны подкупу и часто приносят в жертву государственные дела ради угождения. Поэтому было бы лучше, если бы они не были освобождены от всякого контроля, а теперь это именно так. Правда, на это можно возразить, что всех должностных лиц контролируют эфоры. Однако это обстоятельство и дает в руки эфории слишком большое преимущество, да и самый способ осуществления контроля, по нашему мнению, должен быть иным. Сверх того, и способ избрания геронтов в отношении оценки их достоинства тоже ребяческий; неправильно и то, что человек, стремящийся удостоиться избрания на эту должность, сам хлопочет об этом, тогда как следует, чтобы достойный занимал должность независимо от того, хочет он этого или не хочет.

19. Теперь же и в этом отношении, как равно и в остальных делах, касающихся государственного строя, законодателем руководило, по-видимому, одно соображение: он стремился вселить в граждан честолюбие и хочет играть на нем же в деле избрания геронтов. Ведь никто не станет добиваться должности, не будучи честолюбивым. Однако же и большая часта сознательных преступлений совершается людьми именно вследствие честолюбия и корыстолюбия,

20. О царской власти — лучше ли, чтобы она имелась в государстве, или нет — речь будет в другом месте. Однако лучше с ней будет обстоять дело, во всяком случае, лишь когда каждый из лакедемонских царей будет ставиться на царство по оценке его образа жизни. Ясно, впрочем, что и сам законодатель не рассчитывал на то, чтобы можно было сделать царей людьми совершенными; во всяком случае, он

не верит в то, что они в достаточной степени доблестные мужи. Вот почему вместе с ними посылали, в качестве сопровождающих, их личных врагов и считали спасением для государства, когда между царями происходили распри.

21. Не могут считаться правильными и те законоположения, которые были введены при установлении сисситий, так называемых фидитий. Средства на устройство иве должно давать скорее государство, как это имеет место на Крите. У лакедемонян же каждый обязан делать взносы, несмотря на то, что некоторые по причине крайней бедности не в состоянии нести такие издержки, так что получается результат, противоположный намерению законодателя. Последний желает, чтобы институт сисситий был демократическим, при существующих законоположениях он оказывается менее всего демократическим. Ведь участвовать в сисситиях людям очень бедным нелегко, между тем как участие в них, по унаследованным представлениям, служит показателем принадлежности к гражданству, ибо тот, кто не в состоянии делать эти взносы, не пользуется правами гражданства.

22. Что касается закона о навархах, то его порицали уже некоторые другие, и порицание это вполне основательно: он бывает причиной распрей; в самом деле, наряду с царями, которые являются несменяемыми полководцами, навархия оказалась, чуть ли не второй царской властью.

Против основной мысли [спартанского] законодателя должно было бы сделать упрек, какой высказал Платон в «Законах»: вся совокупность законов рассчитана только на одну часть добродетели, именно на воинскую доблесть, так как она полезна для приобретения господства. Поэтому они держались, пока вели войны, и стали гибнуть, достигнув гегемонии: они не умели пользоваться досугом и не могли заняться каким-либо другим делом; которое выше военного дела.

23. Не меньше и другая ошибка: по их мнению блага, за которые бьются люди, достигаются скорее при помощи добродетели, чем порока, и в этом отношении они совершенно правы; но нехорошо то, что эти блага они ставят выше добродетели.

Плохо обстоит дело у спартиатов и с государственными финансами: когда государству приходится вести большие войны, его казна оказывается пустой и взносы в нее поступают туго; а так как большая часть земельной собственности сосредоточена в руках спартиатов, то они и не контролируют друг у друга внесение налогов. И получился результат, противоположный той пользе, какую имея в виду законодатель: государство он сделал бедным денежными средствами, а частных лиц — корыстолюбивыми. <…>

Разбор государственного устройства критян и карфагенян

VII

1. Критский государственный строй близок к лакедемонскому. Некоторые его черты не хуже, в большей же своей части он все же оказывается, менее искусно созданным. Вероятно — да это подтверждается и преданием, — лакедемонское государственное устройство во многих своих частях явилось подражанием критскому, а известно, что старинные учреждения бывают в большинстве случаев менее разработаны, чем более поздние. <…>

3. Сходство между критскими и лакедемонскими порядками заключается в следующем: для спартиатов земли обрабатывают илоты, для критян — периеки; у спартиатов и у критян существуют сисситии, которые в первоначальные времена назывались у лакедемонян не фидитиями, а, как у критян, андриями — явное доказательство, что они были заимствованы оттуда. Далее, политический строй: эфоры имеют ту же власть, какая на Крите принадлежит так называемым космам; разница лишь в том, что число эфоров — пять, число космов — десять. Геронты соответствуют тем геронтам, которых критяне называют советом. Прежде существовала и царская власть, но критяне ее отменяли; предводительство же на войне у них принадлежит космам.

4. В народной собрании участвуют все, но права выносить самостоятельное решение народное собрание не имеет ни в чем, а только утверждает постановления героитов и космов. С сисситиями у критян дело обстоят лучше, чем у лакедемонян. В Лакедемоне каждый поголовно должен делать положенный взнос — в про-

тивном случае закон лишает его гражданских прав, как об этом было сказано выше; на Крите сисситии имеют более общенародный характер: от всего урожая, от всего приплода, от всех доходов, получаемых государством, и взносов, платимых периеками, отчисляется одна часть, идущая на дела культа и же общегосударственные расходы, а другая часть идет на сисситии. Таким образом, все, и женщины, и дети, и мужчины, кормятся на государственный счет.

5. Законодатель придумал много мер к тому, чтобы критяне для своей же пользы ели мало; также в целях отделения женщин от мужчин, чтобы не рожали много детей, он ввел сожительство мужчин с мужчинами; дурное ли это дело или не дурное — обсудить это представится другой подходящий случай.

То, что сисситии поставлены у критян лучше, чем у лакедемонян, ясно. Напротив, с их космами дело обстоит еще хуже, чем со спартанскими эфорами. Отрицательные стороны, присущие институту эфоров, свойственны и космам, так как в их число попадают случайные люди. Но той пользы, какая получается там для государственного строя, мы здесь не находим: там эфоры избираются из всех, и народ, имея таким образом доступ к высшей власти, желает сохранения существующего государственного порядка; здесь же избирают космов не из всех, но из определенных родов, А геронтов — из тех, кто был раньше космами.

6. О них можно сказать то же самое, что и о геронтах в Лакедемоне: их безответственность и несменяемость — слишком высокая честь сравнительно с их достоинством, а то, что они управляют не на основании писаных законов, но самовластно, не безопасно. Спокойствие народа, лишенного участия в управлении, никоим образом не служит доказательством правильности такого порядка. Космов — в противоположность эфорам — нет никакой возможности подкупить, потому что они живут на острове, далеко от тех, кто мог бы их подкупить. Средство же, которым критяне стараются исправить ошибку, нелепо и пригодно не для строя политии, а для династического строя.

7. Именно часто против космов соединяются некоторые из их сотоварищей или из частных лиц и изгоняют их; разрешается также и самим космам во время отправления ими должности отказаться от нее. Было бы, конечно, лучше, если бы все это совершалось на законном основании, а не по человеческому усмотрению, так как эти последнее мерило небезопасно. Самое же печальное — возможность полной отмены порядка; это часто устраивается теми могущественными лицами, которые не желают подчиниться грозящему им суду. Отсюда ясно, что критский строй имеет нечто от политии, но это не полития, а скорее династия. В порядке вещей и то, что знать, присоединяя к себе народ и друзей, создает анархию, взаимные распри и междоусобную борьбу.

8. Чем отличается такое состояние от временного прекращения государственной жизни вообще? И разве не рушится при этом государственное общение? Когда, государство находится в состоянии, подобном описанному, то возникает большая опасность, если кто пожелает и будет в состоянии напасть на него. Но, как сказано выше, строй этот спасается благодаря географическому положению государства; отдаленность приводит к тем же последствиям, что и меры, направленные к изгнанию иноземцев. <…>

VIII

1. И карфагеняне, как полагают, пользуются прекрасным государственным устройством, которое во многих отношениях отличается от остальных; в некоторых частях оно сходно главным образом с лакедемонским. Вообще эти три государственных устройства — критское, лакедемонское и карфагенское — до известной степени очень близки друг к другу и значительно отличаются от остальных. Действительно, многие стороны государственной жизни устроены у карфагенян прекрасно. Доказательством слаженности государственного устройства служит уже то, что сам народ добровольно поддерживает существующие порядки и что там не бывало ни заслуживающих упоминания смут, ни тираннии.

2. Сходство с лакедемонским государственным устройством в следующем: подобно лакедемонским фидитиям, в Карфагене существуют сисситии товариществ; эфорам соответствует должность ста четырех; (отличие — и в положитель-

ную сторону — этих ста четырех от эфоров заключается в следующем: в то время как эфорами бывают первые попавшиеся, сто четыре избираются исключительно из людей благородного происхождения); цари и герусия соответствуют лакедемонским царям и геронтам, причем опять-таки преимущество заключается в том, что в Карфагене цари не должны ни непременно происходить из одного и того же рода, ни из какого попало, но должны принадлежать к выдающемуся роду<…> избираются из числа этих, а не по возрасту. В самом деле, геронты, захватив главные должности, могут принести большой вред, если они окажутся людьми ничтожными, и уже принесли вред в Лакедемонском государстве.

3. Главное, в чем можно было бы упрекнуть этот государственный строй с точки зрения отклонения от безукоризненного строя, присуще в одинаковой мере всем указанным выше трем государствам. То, что замыслу призвано служить власти лучших (aristokratias) и политика, имеет элементы, склоняющиеся отчасти в сторону демократии, отчасти — в сторону олигархии. Цари вместе с геронтами в случае полного; согласия между ними уполномочены вносить или не вносить дела на решение народного собрания; если же; согласия нет, то решающий голос принадлежит народному собранию. В тех делах, которые вносят на его решение цари и геронты, оно не только выслушивает постановления властей, но и имеет право обсуждать их, и каждый желающий может говорить против вносимых предложений, чего мы не находим при других государственных устройствах.

4. То же, что пентархии, обладающие многими важными полномочиями кооптируются сами собой, что они избирают совет ста, что, сверх того, они остаются у власти более продолжительное время, чем остальные должностные лица (пентархии остаются у власти и после сложения с себя должности, и собираясь вступить в должность), — все это черты, свойственные олигархическому строю. Напротив, отсутствие вознаграждения должностным лицам за службу, назначение их не по жребию и другое подобное этому следует считать чертами, свойственными аристократическому строю; ему соответствует также и то, что в Карфагене все судебные дела разбираются определенными должностными лицами, а не так, как в Лакедемоне, где различные дела подлежат ведению различных судей,

5. Всего же более отклоняется от аристократического строя в сторону олигархии карфагенское государственное устройство в силу вот какого убеждения, разделяемого большинством: они считают, что должностные лица должны избираться не только по признаку благородного происхождения, но и по признаку богатства, потому что необеспеченному человеку невозможно управлять хорошо и иметь для этого достаточно досуга. Но если избрание должностных лиц по признаку богатства свойственно олигархии, а по признаку добродетели — аристократии, то мы в силу этого могли бы рассматривать как третий тот вид государственного строя, в духе которого у карфагенян организованы государственные порядки; ведь они избирают должностных лиц, и притом главнейших — царей и полководцев, принимая во внимание именно эти два условия.

6. Но в таком отклонении от аристократического строя следует усматривать ошибку законодателя. Ведь самое важное — и на это нужно, прежде всего, обращать внимание — заключается в том, чтобы лучшие люди в государстве могли иметь досуг и ни в чем не терпели неподобающего с собой обращения, будут ли они должностными лицами или частными. Хотя должно считаться и с тем, что богатство способствует досугу, однако плохо, когда высшие из должностей, именно царское достоинство и стратегия, могут покупаться за деньги. Такого рода закон ведет к тому, что богатство ценится выше добродетели и все государство становится корыстолюбивым.

7. Ведь то, что почитается ценным у власть имущих, неизбежно явится таковым и в представлении остальных граждан. А где добродетель не ценится выше всего, там не может быть прочного аристократического государственного устройства. Вполне естественно, что покупающие власть за деньги привыкают извлекать из нее прибыль, раз, получая должность, они поиздержатся; невероятно, чтобы человек бедный и порядочный пожелал извлекать выгоду, а человек похуже, поиздержавшись, не пожелал бы этого. Поэтому править должны те, кто в состоянии править наилучшим образом (arista). Если законодатель не приложил старания к тому,

чтобы порядочным людям дать возможность жить в достатке, то он должен был, по крайней мере, позаботиться о том, чтобы должностные лица имели необходимый Досуг.

8. Отрицательной стороной можно считать и то, что одному человеку предоставлена возможность занимать одновременно несколько должностей; между тем в Карфагене такой порядок процветает. Однако всякое дело лучше всего исполняется одним человеком. С этим обязательно должен считаться законодатель он не должен допускать, чтобы один и тот же человек и на флейте играл, и сапоги тачал. Таким образом, в государстве не слишком малых размеров чертой, более свойственной политии, а вместе с тем и демократии, являлось бы участие возможно большего числа граждан в управлении: тогда всякий будет делать свое дело, как мы сказали, и более сообразуясь с общественной пользой, и лучше, и скорее. Это ясно сказывается в военном и морском деле, где приказание и послушание как бы пронизывают все.

9. Хотя, таким образом, государственное устройство Карфагена и является] олигархическим, карфагеняне, однако, удачно спасаются [от возмущений со стороны народа тем, что дают ему возможность] разбогатеть, а именно они постоянно высылают определенную часть народа в подвластные города. Этим они врачуют свой государственный строй и придают ему стойкость. Но здесь всё — дело случая, между тем как предупреждение волнений среди граждан вменяется в обязанность законодателя. При нынешнем же положении стоит случиться какой-нибудь беде, и масса подвластных перестанет повиноваться, а в законах не найдется средства для водворения спокойствия.

Так обстоит дело с государственным устройством Лакедемона, Крита и Карфагена, которые заслуженно пользуются хорошей славой.

IX

1. Среди тех, которые высказались так или иначе о государственном устройстве, некоторые даже и в малой степени не принимали участия в государственных делах, но провели всю свою жизнь частными людьми; то, что было ими высказано более или менее замечательного в этом отношении, почти все уже упомянуто выше. Некоторые, напротив, были законодателями; одни из них издавали законы для своих государств, другие — для чужих, причем они и лично принимали участие в государственной деятельности. Из этих законодателей одни были только создателями законов, другие, как, например, Ликург и Солон, также создателями государственного строя; они создали и законы, и государственное устройство.

2. О лакедемонском государственном устройстве было сказано выше. Солона же некоторые считают превосходным законодателем: он упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию, удачно_ смешав элементы разных государственных устройств; ареопаг представляет олигархический элемент, замещение должностей посредством избрания — элемент аристократический, а народный суд — демократический. Однако Солон, по-видимому, удержал то, что уже существовало прежде, а именно ареопаг и выборность должностных лиц, но демократию именно он установил тем, что ввел народный суд, где могут быть судьями все.

3. Некоторые упрекают Солона за это, указывая, что он свел на нет другие элементы государственного строя, передав всякую власть суду, члены которого назначаются по жребию. Когда народный суд усилился, то пред простым народом стали заискивать, как перед тираном, и государственный строй обратился в нынешнюю демократию. Значение ареопага уменьшил Эфиальт вместе с Периклом; Перикл ввел плату за участие в суде, и таким способом каждый из демагогов вел демократию все дальше — вплоть до нынешнего положения.

4. Произошло это, как представляется, не в соответствии с замыслом Солона, а скорее по стечению обстоятельств. Ведь во время Персидских войн простой народ, став причиной гегемонии на море, возгордился и, несмотря на противодействие порядочных людей, взял себе дурных руководителей; между тем Солон, по-видимому, дал простому народу лишь самую необходимую власть — избирать должностных лиц и принимать от них отчёты (если бы он этими правами не обладал, то находился бы на положении раба и был бы враждебно настроен); но все

должности по замыслу Солона должны были замещаться людьми знатного происхождения и состоятельными — из пентакосиомедимнов, зевгитов и из третьего слоя — так называемого всадничества; четвертый слой составляли феты, не имевшие доступа ни к какой должности.

5. Законодателями были также Залевк из Локров Эпизефирских и Харонд из Катаны для своих сограждан, а также для остальных халкидских городов в Италии и Сицилии. Некоторые пытаются включить в число законодателей и Ономакрита, который будто бы был первым отличившимся в деле законодательства; указывают, что он, локр по происхождению, получил выучку на Крите, где он жил, изучая искусство мантики; что его товарищем был Фалет; что слушателями Фалета были Ликург и Залевк, а слушателем Залевка — Харонд. Но те, кто устанавливает такую преемственность, слишком мало считаются с хронологией.

6. У фиванцев законодателем был Филолай Коринфянин. Филолай происходил из рода Бакхиадов; вступив в любовную связь с Диоклом, победителем да олимпийских состязаниях, он удалился в Фивы, когда тот, возненавидев преступную любовь к себе своей матери Алкионы, покинул Коринф. Там же оба и окончили свои дни. И теперь еще показывают их могилы, расположенные таким образом, что с одной из них можно хорошо видеть другую, но коринфская земля со стороны одной могилы видна, со стороны другой — нет.

7. По преданию, относительно погребения они распорядились сами: Диокл — из отвращения к тому, что с ним приключилось, — хотел, чтобы с его могильной насыпи не была видна Коринфская область, а Филолай, напротив, — чтобы она была видна. Оба они поселились у фиванцев по указанной выше причине. Филолай, между прочим, установил у них также законы, касающиеся деторождения (эти законы они называют законами об усыновлении); они были установлены им специально с целью сохранения одинакового числа земельных наделов.

8. В законодательстве Харонда нет ничего своеобразного, за исключением закона о судебном преследовании за лжесвидетельства (он первый установил привлечение за них к ответственности). По точности формулировки своих законов Харонд выделяется даже среди нынешних законодателей. У Фалея своеобразен закон об уравнении собственности. У Платона — общность жен; детей и имущества, женские сисситии, а также закон о попойках, а именно то, что председательствовать на них должны люди трезвые, далее — закон о военных упражнениях, в силу которого упражняющиеся должны уметь одинаково владеть обеими руками, так как не следует, чтобы одна рука была полезной, а другая — бесполезной.

9. Есть законы Драконта, но он дал их для уже существовавшего государственного устройства. Своеобразного, заслуживающего упоминания в этих законах нет ничего, исключая только их суровость из-за размеров наказания. И Питтак был творцом законов, но не государственного устройства. Своеобразен следующий закон Питтака: пьяные за совершенные ими проступки должны подвергаться большему наказанию, нежели трезвые; так как пьяные в большинстве случаев отличаются большей наглостью, чем трезвые, то он позаботился об общественной пользе и не пожелал оказывать снисхождение, какое должны были бы, пожалуй, вызывать к себе пьяные.

У фракийских халкидян был законодатель Андродамант, уроженец Регия; ему принадлежат законы касательно убийств и о дочерях-наследницах; впрочем, едва ли кто-либо мог бы указать на какую-нибудь своеобразную черту в законодательстве Андродаманта.

Вот наши рассуждения о государственных устройствах, как существующих в действительности, так и оставшихся только в проектах. <…>

МОР Т.
Утопия[1]

О должностных лицах

<…> Каждые тридцать семейств избирают себе ежегодно должностное лицо, именуемое на их прежнем языке сифогрантом, а на новом – филархом. Во главе десяти сифогрантов с их семействами стоит человек, называемый по-старинному транибор, а ныне протофилархх. Все сифогранты, числом двести, после клятвы, что они выберут того, кого признают наиболее пригодным, тайным голосованием намечают князя, именно – одного из тех четырех кандидатов, которых им предложил народ. Каждая четвертая часть города избирает одного и рекомендует его сенату. Должность князя несменяема в течение всей его жизни, если этому не помешает подозрение в стремлении к тирании. Траниборов они избирают ежегодно, но не меняют их зря. Все остальные должностные лица избираются только на год. Транибоы каждые три дня, а иногда, если потребуют обстоятельства, и чаще, ходят на совещания с князем. Они совещаются о делах общественных и своевременно прекращают, если какие есть, частные споры, которых там чрезвычайно мало. Из сифогрантов постоянно допускаются в сенат двое, и всякий день различные. Имеется постановление, чтобы из дел, касающихся республики, ни одно не приводилось в исполнение, если оно не подвергалось обсуждению в сенате за три дня до принятия решения. Уголовным преступлением считается принимать решения по общественным делам помимо сената или народного собрания. Эта мера, говорят, принята с тою целью, чтобы нелегко было переменить государственный строй путем заговора князя с траниборами и угнетения народа тиранией.

Поэтому всякое дело, представляющее значительную важность, докладывается собранию сифогрантов, которые сообщают его семействам своего отдела, а затем совещаются между собою и свое решение сообщают сенату. Иногда дело переносится на собрание всего острова. Сенат имеет сверх того и такой обычай, что ни одно из предложений не подвергается обсуждению в тот день, когда оно впервые внесено, но откладывается до следующего заседания сената, чтобы никто не болтал зря первое, что ему взбредет на ум, ибо потом он будет более думать о том, как подкрепить свое первое решение, а не о пользе государства; извращенный и ложный стыд заставит его пожертвовать скорее общественным благом, нежели мнением о себе, что якобы вначале он мало позаботился о том, о чем ему надлежало позаботиться, а именно – говорить лучше обдуманно, чем быстро. <…>

О занятии ремеслами

<…> У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие – земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают.

Кроме земледелия (которым, как я сказал, занимаются все), каждый изучает какое-либо одно ремесло, как специальное. Это обыкновенно или пряжа шерсти, или выделка льна, или ремесло каменщиков, или рабочих по металлу и по дереву. Можно сказать, что, кроме перечисленных, нет никакого иного занятия, которое имело бы у них значение, достойное упоминания. Что же касается одежды, то, за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холоду и жаре. И вот эту одежду каждая семья приготовляет себе сама. Но из других ремесел всякий изучает какое-либо, и притом не только мужчины, но также и женщины. Впрочем, эти последние, как более слабые, имеют более легкие занятия: они обычно обрабатывают шерсть и лен. Мужчинам поручаются остальные ремесла, более трудные. По большей час-

---

[1] *Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства // Утопический роман XVII-XVIII в. в., М., 1971.*

ти каждый вырастает, учась отцовскому ремеслу: к нему большинство питает склонность от природы. Но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь; при этом не только отец этого лица, но и власти заботятся о том, чтобы передать его солидному и благородному отцу семейства. Кроме того, если кто, изучив одно ремесло, пожелает еще и другого, то получает на это позволение тем же самым способом. Овладев обоими, он занимается которым хочет, если государство не нуждается скорее в каком-либо одном.

Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом, но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся подобно скоту. Такой тяжелый труд превосходит даже долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть: три до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув после обеда в течение двух послеполуденных часов, они опять продолжают работу в течение трех часов и заканчивают ее ужином. Так как они считают первый час начиная с полудня, то около восьми идут спать; сон требует восемь часов. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лености, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам. Они имеют обыкновение устраивать ежедневно в предрассветные часы публичные лекции; участвовать в них обязаны только те, кто специально отобран для занятий науками. Кроме них, как мужчины, так и женщины всякого звания огромной толпой стекаются для слушания подобных лекций, одни – одних, другие – других, сообразно с естественным влечением каждого. Впрочем, если кто предпочтет посвятить это время своему ремеслу, – а это случается со многими, у кого нет стремления к проникновению в какую-либо науку, – то в этом никто ему не мешает; мало того, такое лицо даже получает похвалу, как приносящее пользу государству.

После ужина они проводят один час в забавах: летом в садах, а зимой в тех общих залах, где совместно кушают. Там они или занимаются музыкой, иди отдыхают за разговорами. Что касается игры в кости и других нелепых и гибельных забав подобного рода, то они даже не известны утопийцам. Впрочем, у них имеются в ходу две игры, более или менее похожие на игру в шашки: одна – это бой чисел, где одно число ловит другое; другая – в которой пороки в боевом порядке борются с добродетелями. В этой игре в высшей степени умело указуется и раздор пороков между собою, и согласие их в борьбе с добродетелями, а также то, какие пороки каким добродетелям противополагаются, с какими силами они оказывают открытое сопротивление, с какими ухищрениями нападают искоса, с помощью чего добродетели ослабляют силы пороков, какими искусствами уклоняются они от их нападений и, наконец, каким способом та или другая сторона одерживает победу.

Но тут, во избежание дальнейших недоразумений, необходимо более пристально рассмотреть один вопрос. Именно, если только шесть часов уходят на работу, то отсюда можно, пожалуй, вывести предположение, что следствием этого является известный недостаток в предметах первой необходимости. Но в действительности этого отнюдь нет; мало того, такое количество времени не только вполне достаточно для запаса всем необходимым для жизни и ее удобств, но дает даже известный остаток. Это будет понятно и вам, если только вы поглубже вдумаетесь, какая огромная часть населения у других народов живет без дела: во-первых, почти все женщины – половина общей массы, а если где женщины заняты работой, то там обычно взамен их храпят мужчины. Вдобавок к этому, какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы! Прикинь сюда всех богачей, особенно владельцев поместий, которых обычно именуют благородными и знатью; причисли к ним челядь, именно – весь этот сброд ливрейных бездельников; присоедини, наконец, крепких и сильных нищих, предающихся праздности под предлогом какой-либо болезни, и в результате тебе придется признать, что число тех, чьим трудом создается все то, чем пользуются смертные, го-

раздо меньше, чем ты думал. Поразмысли теперь, сколь немногие из этих лиц заняты необходимыми ремеслами; именно, раз мы все меряем на деньги, то неизбежно должны находить себе применение многие занятия, совершенно пустые и излишние, служащие только роскоши и похоти. Действительно, если бы эту самую толпу, которая теперь занята работой, распределить по тем столь немногим ремеслам, сколь немного требуется их для надлежащего удовлетворения потребностей природы, то при таком обильном производстве, которое неизбежно должно отсюда возникнуть, цены на труд, понятно, стали бы гораздо ниже того, что нужно рабочим для поддержки своего существования. Но возьмем всех тех лиц, которые заняты теперь бесполезными ремеслами, и вдобавок всю эту изнывающую от безделья и праздности массу людей, каждый из которых потребляет столько продуктов, производимых трудами других, сколько нужно их для двух изготовителей этих продуктов; так вот, повторяю, если всю совокупность этих лиц, поставить на работу, и притом полезную, то можно легко заметить, как немного времени нужно было бы для приготовления в достаточном количестве и даже с избытком всего того, что требуют принципы пользы или удобства (прибавь также – и удовольствия, но только настоящего и естественного).

Очевидность этого подтверждается в Утопии самой действительностью. Именно, там, в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифогранты, которые хотя имеют по закону право не работать, однако не избавляют себя от труда, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду, то его удаляют обратно к ремесленникам. И, наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых.

Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, траниборов и, наконец, самого главу государства, которого на старинном своем языке они именуют барзаном, а на новом адемом. Так как почти вся прочая масса не пребывает в праздности и занята небесполезными ремеслами, то легко можно рассчитать, сколько хороших предметов создают они и в какое небольшое количество часов.

К приведенным мною соображениям присоединяется еще то преимущество, что большинство необходимых ремесел берет у них гораздо меньшее количество труда, чем у других народов. Так, прежде всего постройка или ремонт зданий требуют везде непрерывного труда очень многих лиц, потому что малобережливый наследник допускает постепенное разрушение воздвигнутого отцом. Таким образом, то, что можно было сохранить с минимальными издержками, преемник должен восстановлять заново и с большими затратами. Мало того, часто человек с избалованным вкусом пренебрегает домом, стоившим другому огромных издержек, а когда этот дом, оставленный без ремонта, в короткое время разваливается, то владелец строит себе в другом месте другой, с не меньшими затратами. У утопийцев же, у которых все находится в порядке и государство отличается благоустройством, очень редко приходится выбирать новый участок для постройки домов; рабочие не только быстро исправляют уже имеющиеся повреждения, но даже предупреждают еще только грозящие. Поэтому при малейшей затрате труда здания сохраняются на очень долгое время, и работники этого рода иногда с трудом находят себе предмет для занятий, если не считать того, что они получают приказ временно рубить материал на дому и обтесывать и полировать камни, чтобы, если случится какое задание, оно могло быстро осуществиться.

Далее, обрати внимание на то, какое небольшое количество труда нужно утопийцам для изготовления себе одежды. Во-первых, пока они находятся на работе, они небрежно покрываются кожей или шкурами, которых может хватить на семь лет. Когда они выходят на улицу, то надевают сверху длинный плащ, прикрывающий упомянутую грубую одежду. Цвет этого плаща одинаков на всем острове, и

притом это естественный цвет шерсти. Поэтому сукна у них идет не только гораздо меньше, чем где-либо в другом месте, но и изготовление его требует гораздо меньше издержек. На обработку льна труда уходит еще меньше, и потому этот материал имеет гораздо большее применение. Но в полотне они принимают во внимание исключительно чистоту. Более тонкая выделка не имеет никакой цены. В результате этого у них каждый довольствуется одним платьем, и притом обычно на два года, в других же местах одному человеку не хватает четырех или пяти верхних шерстяных одежд, да еще разноцветных, а вдобавок требуется столько же шелковых рубашек, иным же неженкам мало и десяти. Для утопийца нет никаких оснований претендовать на большее количество платья: добившись его, он не получит большей защиты от холода, и его одежда не будет ни на волос наряднее других.

Отсюда, так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во всем. Вследствие этого огромной массе населения приходится иногда отправляться за город для починки дорог, если они избиты. Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни. <…>

О взаимном общении

<…> Однако, по моему мнению, пора уже изложить, как общаются отдельные граждане друг с другом, каковы взаимоотношения у всего народа и как распределяются у них все предметы. Так как город состоит из семейств, то эти семейства в огромном большинстве случаев создаются родством. Женщины, придя в надлежащий возраст и вступив в брак, переселяются в дом мужа. А дети мужского пола и затем внуки остаются в семействе и повинуются старейшему из родственников, если только его умственные способности не ослабели от старости. Тогда его заменяет следующий по возрасту.

Во избежание чрезмерного малолюдства городов или их излишнего роста принимается такая мера предосторожности: каждое семейство, число которых во всяком городе, помимо его округа, состоит из шести тысяч, не должно заключать в себе меньше десяти и более шестнадцати взрослых. Что касается детей, то число их не подвергается никакому учету. Эти размеры легко соблюдаются путем перечисления в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших. Если же переполнение города вообще перейдет надлежащие пределы, то утопийцы наверстывают безлюдье других своих городов. Ну, а если народная масса увеличится более надлежащего на всем острове, то они выбирают граждан из всякого города и устраивают по своим законам колонию на ближайшем материке, где только у туземцев имеется излишек земли, и притом свободной от обработки; при этом утопийцы призывают туземцев и спрашивают, хотят ли те жить вместе с ними. В случае согласия утопийцы легко сливаются с ними, используя свой уклад жизни и обычаи; и это служит ко благу того и другого народа. Своими порядками утопийцы достигают того, что та земля, которая казалась раньше одним скупой и скудной, является богатой для всех. В случае отказа жить по их законам утопийцы отгоняют туземцев от тех пределов, которые избирают себе сами. В случае сопротивления они вступают в войну. Утопийцы признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея попусту и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам, отказывает все же в пользовании и обладании ею другим, которые по закону природы должны питаться от нее. Если какойнибудь несчастный случай уменьшает население собственных городов утопийцев до такой степени, что его нельзя восстановить из других частей острова при сохранении надлежащих размеров для каждого города (а это, говорят, было только дважды за все время – от свирепой и жестокой чумы), то такой город восполняется обратным переселением граждан из колонии. Утопийцы дают лучше погибнуть колониям, чем ослабнуть какому-либо из островных городов.

Но возвращаюсь к совместной жизни граждан. Как я уже сказал, во главе семейства стоит старейший. Жены прислуживают мужьям, дети родителям и вообще младшие старшим, Каждый город разделен на четыре равные части. Посредине каждой части имеется рынок со всякими постройками. Туда, в определенные дома, свозятся предметы производства каждого семейства, и отдельные виды их распределяются в розницу по складам. В них каждый отец семейства просит того, что нужно ему и его близким, и без денег, совершенно без всякой уплаты, уносит все, что ни попросит. Да и зачем ему отказывать в чем-либо? Ведь, во-первых, все имеется в достаточном изобилии, а во-вторых, не может быть никакого опасения, что кто-либо пожелает потребовать больше, чем нужно. Зачем предполагать, что лишнего попросит тот, кто уверен, что у него никогда ни в чем не будет недостатка? Действительно, у всякого рода живых существ жадность и хищность возникают или от боязни нужды, или, у человека только, от гордости, вменяющейся себе в достоинство превзойти прочих излишним хвастовством своим имуществом. Порок такого рода совершенно не имеет места среди обычаев утопийцев.

К упомянутым мною рынкам присоединены рынки для съестных припасов, куда свозятся не только овощи, древесные плоды и хлеб, но также рыба и все съедобные части четвероногих птиц, для чего за городом устроены особые места, где речная вода смывает гниль и грязь. Оттуда привозят скот, после того как слуги убьют его и снимут шкуру. Утопийцы не позволяют своим согражданам свежевать скот, потому что от этого, по их мнению, мало-помалу исчезает милосердие, самое человечное чувство нашей природы. Затем они не дают ввозить в город ничего нечистого и грязного, гниение чего портит воздух и может навлечь болезнь.

Кроме того, на всякой улице имеются поместительные дворцы, отстоящие друг от друга на равном расстоянии; каждый из них известен под особым именем. В них живут сифогранты. К каждому из этих дворцов приписаны тридцать семейств, именно – но пятнадцати с той и другой стороны. Тут эти семьи должны обедать. Заведующие кухней каждого дворца в определенный час собираются на рынок и получают пищу согласно указанному ими числу своих едоков.

Но в первую очередь принимаются во внимание больные, которые лечатся в общественных госпиталях. У утопийцев имеются четыре больницы за стенами города, в небольшом от них расстоянии, настолько обширные, что их можно приравнять к стольким же слободам. Цель этого, с одной стороны, та, чтобы не размещать больных, в каком бы большом количестве они ни были, тесно и вследствие этого неудобно, а с другой – та, чтобы одержимые такой болезнью, которая может передаваться от одного к другому путем прикосновения, могли быть дальше отделены от общения с другими. Эти больницы прекрасно устроены и преисполнены всем нужным для восстановления здоровья; уход в них применяется самый нежный и усердный; наиболее опытные врачи присутствуют там постоянно. Поэтому хотя никого не посылают туда насильно, но нет почти никого в целом городе, кто, страдая каким-либо недугом, не предпочел бы лежать там, а не у себя дома. Когда заведующий кухней больных получит пищу согласно предписанию врачей, то затем все лучшее распределяется равномерно между дворцами сообразно числу едоков каждого. Кроме этого, принимаются во внимание князь, первосвященник, траниборы, а также послы и все иностранцы (если таковые находятся, а они бывают вообще в малом количестве и редко; но когда появляются, то для них также приготовляют определенные и оборудованные жилища). В эти дворцы в установленные часы для обеда и ужина собирается вся сифогрантия, созываемая звуками медной трубы. Исключение составляют только больные, лежащие в госпиталях или дома. Правда, никому не запрещается по удовлетворении дворцов просить с рынка пищу на дом. Утопийцы знают, что никто не сделает этого зря. Действительно, хотя никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обильная. В этом дворце все работы, требующие несколько большей грязи и труда, исполняются рабами. Но обязанность варки и приготовления пищи и всего вообще оборудования обеда лежит на одних только женщинах, именно – из каждого семейства поочередно. За обедом садятся за тремя или за большим количеством столов, сообразно числу кушающих; мужчи-

ны помещаются с внутренней стороны стола, у стены, а женщины напротив, чтобы, если с ними случится какая-либо неожиданная беда (а это бывает иногда с беременными), они могли встать, не нарушая рядов, и уйти оттуда к кормилицам.

Эти последние сидят отдельно с грудными детьми в особой назначенной для того столовой, где всегда имеются огонь и чистая вода, а иногда и люльки, чтобы можно было и положить туда младенцев, и, в случае их желания, при огне освободить их от пеленок и дать им отдохнуть на свободе и среди игр. Каждая мать сама кормит ребенка, если не помешает смерть или болезнь. Когда это случается, то жены сифогрантов разыскивают кормилицу, да это и не трудно: женщины, могущие исполнить эту обязанность, берутся за нее охотнее, чем за всякую другую, потому что все хвалят такую особу за ее сострадание, и питомец признает кормилицу матерью. В убежище кормилиц сидят все дети, которым не исполнилось еще пяти лет. Что касается прочих несовершеннолетних, в числе которых считают всех лиц того или другого пола, не достигших еще брачного возраста, то они или прислуживают сидящим, или, если не могут этого по своим летам, все же стоят тут, и притом в глубоком молчании. И те и другие питаются тем, что им дадут сидящие, и не имеют иного отдельного времени для еды. Место в середине первого стола считается наивысшим, и с него, так как этот стол поставлен поперек в крайней части столовой, видно все собрание. Здесь сидят сифогрант и его жена. С ними помещаются двое старейших, так как за всеми столами сидят по четверо. А если в этой сифогрантии есть храм, то священник и его жена садятся с сифогрантом, так что являются председательствующими. С той и другой стороны размещается молодежь; затем опять старики; и, значит, таким образом во всем доме ровесники соединены друг с другом и вместе с тем слиты с людьми противоположного возраста. Причина этого обычая, говорят, следующая: так как за столом нельзя ни сделать, ни сказать ничего такого, что ускользало бы от повсеместного внимания старцев, то, в силу своей серьезности и внушаемого ими уважения, они могут удержать младших от непристойной резкости в словах или движениях. Блюда с едой подаются не подряд, начиная с первого места, а каждым лучшим кушаньем обносят прежде всего всех старейших, места которых особо отмечены, а потом этим блюдом в равных долях обслуживают остальных. А старцы раздают по своему усмотрению сидящим вокруг свои лакомства, если запас их не так велик, чтобы их можно было распределить вдоволь по всему дому. Таким образом, и за пожилыми сохраняется принадлежащий им почет, и тем не менее их преимущества постольку же доступны всем.

Каждый обед и ужин начинается с какого-либо нравоучительного чтения, но все же краткого, чтобы не надоесть. После него старшие заводят приличный разговор, однако не печальный и не лишенный остроумия. Но они отнюдь не занимают все время еды длинными рассуждениями; наоборот, они охотно слушают и юношей и даже нарочно вызывают их на беседу. Они хотят через это узнать способности и талантливость каждого, проявляющиеся в непринужденном застольном общении. Обеды бывают довольно кратки, а ужины – подольше, так как за первыми следует труд, а за вторыми сон и ночной покой, который, по мнению утопийцев, более действителен для здорового пищеварения. Ни один ужин не проходит без музыки; ни один десерт не лишен сладостей. Они зажигают курения, распрыскивают духи и вообще делают все, что может создать за едой веселое настроение. Они особенно охотно разделяют то мнение, что не нужно запрещать ни один род удовольствия, лишь бы из него не вытекало какой-либо неприятности.

Так устроена их совместная жизнь в городах; а в деревнях, где семьи удалены дальше друг от друга, каждая из них ест дома. Никто не испытывает никаких продовольственных затруднений, так как из деревни идет все то, чем питаются горожане. <…>

<…> Я описал вам, насколько мог правильно, строй такого общества, какое я, во всяком случае, признаю не только наилучшим, но также и единственным, которое может присвоить себе с полным правом название общества. Именно, в других странах повсюду говорящие об общественном благополучии заботятся только о своем собственном. Здесь же, где нет никакой частной собственности, они фактически занимаются общественными делами. И здесь и там такой образ действия вполне правилен. Действительно, в других странах каждый знает, что, как бы обще-

ство ни процветало, он все равно умрет с голоду, если не позаботится о себе лично. Поэтому в силу необходимости он должен предпочитать собственные интересы интересам народа, то есть других. Здесь же, где все принадлежит всем, наоборот, никто не сомневается в том, что ни один частный человек не будет ни в чем терпеть нужды, стоит только позаботиться о том, чтобы общественные магазины были полны. Тут не существует неравномерного распределения продуктов, нет ни одного нуждающегося, ни одного нищего, и хотя никто ничего не имеет, тем не менее все богаты. Действительно, может ли быть лучшее богатство, как лишенная всяких забот, веселая и спокойная жизнь? Тут не надо тревожиться насчет своего пропитания; не приходится страдать от жалобных требований жены, опасаться бедности для сына, беспокоиться о приданом дочери. Каждый может быть спокоен насчет пропитания и благополучия как своего, так и. всех своих: жены, сыновей, внуков, правнуков, праправнуков и всей длинной вереницы своих потомков, исчисление которой принято в знатных родах. Далее, о потерявших работоспособность утопийцы заботятся нисколько не меньше, чем и о тех, кто работает теперь. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь посмел сравнить с этим беспристрастием справедливость других народов. Да провалиться мне, если я найду у них какой-нибудь след справедливости и беспристрастия! В самом деле, возьмем какого-нибудь дворянина, золотых дел мастера, ростовщика или кого-нибудь другого подобного. Какая же это будет справедливость, если все эти люди совершенно ничего не делают или дело их такого рода, что не очень нужно государству, а жизнь их протекает среди блеска и роскоши и проводят они ее в праздности или в бесполезных занятиях? Возьмем теперь, с другой стороны, поденщика, ломового извозчика, рабочего, земледельца. Они постоянно заняты усиленным трудом, какой едва могут выдержать животные; вместе с тем труд этот настолько необходим, что ни одно общество не просуществует без него и года, а жизнь этих людей настолько жалка, что по сравнению с ними положение скота представляется более предпочтительным. В самом деле, скот не несет постоянно такого труда, питание его только немного хуже, а для него и приятнее, и наряду с этим у него нет никакого страха за будущее. Что же касается людей, то их угнетает в настоящем бесплодный и безвыгодный труд, убивает мысль о нищенской старости. Поденная плата их слишком мала, чтобы ее хватало на потребности того же дня; нечего и говорить тут, чтобы ежедневно оставался какой-нибудь излишек для сбережения на старость.

Можно ли назвать справедливым и благодарным такое общество, которое столь расточительно одаряет так называемых благородных, золотых дел мастеров и остальных людей этого рода, ничего не делающих, живущих только лестью и изобретающих никчемные удовольствия, а с другой стороны, не выказывает ни малейшей заботы о земледельцах, угольщиках, поденщиках, ломовых извозчиках и рабочих, без которых не было бы вообще никакого общества? Мало того, обременяя их работою в цветущую пору их жизни, оно не вспоминает об их неусыпном старании, забывает о принесенных ими многих и великих благодеяниях, а когда на них обрушатся старость, болезни и тяжкая нужда, с самой черствой неблагодарностью вознаграждает их жалкой смертью. Далее, из поденной платы бедняков богачи ежедневно урывают кое-что не только личными обманами, но также и на основании государственных законов. Таким образом, если раньше представлялось несправедливым отплачивать черной неблагодарностью за усердную службу на пользу общества, то они извратили это так, что сделали справедливостью путем обнародования особых законов.

При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах. Они измышляют и изобретают всякие способы и хитрости, во-первых, для того, чтобы удержать без страха потери то, что стяжали разными мошенническими хитростями, а затем для того, чтобы откупить себе за возможно дешевую плату работу и труд всех бедняков и эксплуатировать их, как вьючный скот. Раз богачи постановили от имени государства, значит, также и от имени бедных, соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами. Но и тут, когда эти омерзительные люди, в силу своей ненасытной алчности, поделили в своей среде все

то, чего хватило бы на всех, как далеки они все же от благоденствия государства утопийцев! Выведя деньги из употребления, они совершенно уничтожили всякую алчность к ним, а какая масса тягостей пропала при этом! Какой посев преступлений вырван с корнем! Кто не знает, что с исчезновением денег совершенно отмирают все те преступления, которые подвергаются ежедневной каре, ноне обузданию, а именно: обманы, кражи, грабежи, ссоры, восстания, споры, мятежи, убийства, предательства, отравления; вдобавок вместе с деньгами моментально погибнут страх, тревога, заботы, труды, бессонница. Даже сама бедность, которая, по-видимому, одна только нуждается в деньгах, немедленно исчезла бы с совершенным уничтожением денег.

Чтобы это было яснее, вообрази себе какой-нибудь бесплодный и неурожайный год, в который голод унес много тысяч людей. Я решительно утверждаю, что если в конце этого бедствия порастрясти житницы богачей, то там можно было бы найти огромное количество хлеба; и если бы распределить этот запас между теми, кто погиб от недоедания и изнурения, то никто и не заметил бы подобной скупости климата и почвы. Так легко можно было бы добыть пропитание, но вот пресловутые блаженные деньги, прекрасное изобретение, открывающее доступ к пропитанию, одни только и загораживают дорогу к пропитанию. Не сомневаюсь, что богачи тоже чувствуют это; они отлично знают, что лучше быть в таком положении, чтобы ни в чем не нуждаться, чем иметь в изобилии много лишнего; лучше избавиться от многочисленных бедствий, чем быть осажденным большими богатствами. Мне и в голову не приходит сомневаться, что весь мир легко и давно уже принял бы законы утопийского государства как из соображений собственной выгоды, так и в силу авторитета Христа-спасителя, который по своей величайшей мудрости не мог не знать того, что лучше всего, а по своей доброте не мог не посоветовать того, что он знал за самое лучшее. Но этому противится одно чудовище, царь и отец всякой гибели, – гордость. Она меряет благополучие не своими удачами, а чужими неудачами. Она не хотела бы даже стать богиней, если бы не оставалось никаких несчастных, над которыми она могла бы властвовать и издеваться; ей надо, чтобы ее счастье сверкало при сравнении с их бедствиями, ей надо развернуть свои богатства, чтобы терзать и разжигать их недостаток. Эта адская змея пресмыкается в сердцах людей и, как рыба подлипало, задерживает и замедляет избрание ими пути к лучшей жизни.

Так как она слишком глубоко внедрилась в людей, чтобы ее легко можно было вырвать, то я рад, что, по крайней мере, утопийцам выпало на долю государство такого рода, который я с удовольствием пожелал бы для всех. Они последовали в своей жизни именно таким уставам и заложили на них основы государства не только очень удачно, но и навеки, насколько это может предсказать человеческое предположение. Они истребили у себя с прочими пороками корни честолюбия и раздора, а потому им не грозит никакой опасности, что они будут страдать от внутренних распрей, исключительно от которых погибли многие города с их прекрасно защищенными богатствами. А при полном внутреннем согласии и наличии незыблемых учреждений эту державу нельзя потрясти и поколебать соседним государям, которые под влиянием зависти давно уже и неоднократно покушались на это, но всегда получали отпор <…>.

БЭКОН Ф.
Новая Атлантида[1]
Описание «Дома Соломона»

«Благослови тебя Господь, сын мой; я подарю тебе величайшую из драгоценностей, какими владею; ибо открою тебе, во имя любви к Богу и людям, истинный устав Соломонова дома. А для этого, сын мой, я буду держаться следующего порядка. Прежде всего изложу цель, ради которой он был основан; во-вторых, опи-

[1] *Бэкон Ф. Новая Атлантида //Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х т. М., 1972.*

шу сооружения и приборы, какими располагаем мы для наших работ, в-третьих, расскажу о разделении труда и обязанностей между членами Дома; и, наконец, – о наших обычаях и порядках.

Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным.

Для этого располагаем мы следующими сооружениями: есть у нас обширные и глубокие рудники различной глубины; наиболее глубокие достигают 600 морских сажен; а некоторые вырыты под высокими холмами и горами; так что если сложить вместе вышину холма и глубину рудника, то некоторые из них достигают в глубину трех миль. Ибо мы полагаем, что внутренность горы, считая до поверхности земли, и глубина рудника, считая также от земной поверхности, в сущности, одно и то же; ибо они равно лишены солнечных лучей и доступа воздуха. Эти рудники называются у нас нижнею сферой и применяются для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел. Мы пользуемся ими также для воссоздания природных рудников и для получения новых, искусственных металлов из составов, которые закладываем туда на многие годы. Иногда (пусть не покажется это странным) мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для продления жизни отшельников, которые соглашаются поселиться там, снабженные всем необходимым, и живут, действительно, очень долго; так что мы многому от них научились.

Применяем мы также захоронение в различных почвах всякого рода составов, как это делают китайцы со своим фарфором. Только у нас составы эти более разнообразны, а некоторые сорта их более тонки. Нам известны также различные способы изготовлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной.

Есть у нас высокие башни; самые высокие из них достигают полумили, а некоторые выстроены на высоких горах; так что если прибавить еще и высоту горы, то в самой высокой из башен будет не менее трех миль. Эти места называем мы верхнею сферой, а то, что находится посредине, – среднею сферой. Эти башни служат нам, сообразно с их высотой и расположением, для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, равно как и для наблюдений над явлениями природы, как-то: над ветрами, дождем, снегом, градом, а также некоторыми огненными метеорами. В некоторых из этих башен обитают отшельники, которых мы по временам навещаем, чтобы поручить то или иное наблюдение.

Есть у нас обширные озера, как соленые, так и пресные, служащие для разведения рыбы и водяной птицы, а также для погружения некоторых тел; ибо мы обнаружили, что тела сохраняются различно, смотря по тому, погребены ли они в земле, хранятся в подземелье, или же погружены в воду. Есть у нас также водоемы, где мы получаем пресную воду из соленой или, наоборот, соленую из пресной. Есть скалы посреди моря и заливы, вдающиеся в сушу, предназначенные для некоторых работ, требующих морского воздуха и испарений. Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения настоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрее, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником: ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продлению жизни.

Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые считаем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения че-

ловеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огороды, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав.

В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков, и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми деревьями, дающие разнообразные результаты. Там заставляем мы деревья цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях. С помощью науки мы достигаем того, что они становятся много пышней, чем были от природы, а плоды их – крупнее и слаще, иного вкуса, аромата, цвета и формы. А многим из них мы придаем целебные свойства.

Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое.

Есть у нас всевозможные парки и заповедники для животных и птиц, которые нужны нам не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытии и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека. При этом нами сделано множество необычайных открытий, как, например, сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы считаете жизненно важными; оживление животных после того, как, по всем признакам, наступила смерть, и тому подобное. На них испытываем мы яды и иные средства, хирургические и лечебные. С помощью науки делаем мы некоторые виды животных крупнее, чем положено их породе, или, напротив, превращаем в карликов, задерживая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы, или, напротив, бесплодными; а также всячески разнообразим их природный цвет, нрав и строение тела. Нам известны способы случать различные виды, отчего получилось много новых пород, и притом не бесплодных, как принято думать. Из гнили выводим мы различные породы змей, мух и рыб, а из них некоторые преобразуем затем в более высокие виды живых существ, каковы звери и птицы; они различаются по полу и производят потомство. И это получается у нас не случайно, ибо мы знаем заранее, из каких веществ и соединений какое создание зародится.

Есть у нас особые водоемы, где подобные же опыты производятся над рыбами. Есть у нас особые места для разведения червей и бабочек, имеющих какие-либо полезные свойства, вроде ваших пчел или шелковичных червей.

Не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где приготовляются различные напитки, хлебы и кушанья, имеющие особые свойства. Вино выделываем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и кореньев; а также из смесей и настоек меда, сахара, манны и сухих фруктов, или из древесных соков и сердцевины тростника. Напитки эти выдерживаются – иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, кореньев и пряностей, куда добавляют иной раз белого мяса, причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба. Особенно стараемся мы изготовлять напитки из мельчайших частиц, которые проникали бы в тело, по при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вылиты на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, которым мы умеем придавать питательные свойства и превращать в отличные напитки; так что многие предпочитают их всем прочим. Хлеб печем мы из различного зерна, кореньев и орехов, а иногда из сушеного мяса или рыбы, с большим разнообразием заквасок и приправ; так что некоторые сорта его служат для возбуждения аппетита, а другие настолько питательны, что многие ничего кроме них не употребляют и живут, однако же, очень долго. Также и мясо подвергается у нас такой обработке, измельчению и разжижению – без всякого, однако, ущерба для его свежести, – что даже слабый жар больного желудка превращает их в полноценный млечный сок с такой же легкостью, с

какой обычно мясо переваривается здоровым желудком. Есть у нас сорта мяса и другой пищи, прием которой позволяет затем человеку вынести длительное голодание, и есть другие, от которых мышцы становятся заметно плотнее и тверже, и силы прибывают необычайно.

Есть у нас аптеки. И коль скоро имеется у нас такое разнообразие растений и животных, большее, нежели у нас, европейцев (ибо все ваши породы нам известны), то и лекарственных трав и других веществ должно быть соответственно больше. Некоторые из них мы выдерживаем и подвергаем длительному брожению. Что касается приготовляемых из них лекарств, то нам известны не только многие совершенные способы перегонки и выделения – чаще всего посредством равномерного нагревания и процеживания сквозь различные фильтры, иногда весьма плотные, – но также и точные формулы соединений, благодаря которым из множества составных частей получаем как бы природное вещество.

Есть у нас различные производства, неизвестные вам, и немало изделий, как-то: бумага различных сортов; льняные, шелковые и другие ткани; нежные ткани из пуха с удивительными переливами; отличные краски и многое другое.

И есть мастерские как для изделий, вошедших в общее употребление, так и для редкостных. Ибо из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране, но если что было изобретено нами, то остается у нас в качестве образца.

Есть у нас различного устройства печи, дающие и сохраняющие самую различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом; раздуваемые мехами; с сухим или влажным жаром и тому подобное. Но важнее всего то, что мы воспроизводим жар Солнца и других небесных светил, который подвергаем различным изменениям, проводя через циклы, усиливая или уменьшая и тем достигая удивительных результатов. Мы воспроизводим также теплоту навоза, чрева животных и их пасти; теплоту их крови и тела; теплоту сена и трав, когда их сгребли влажными; теплоту негашеной извести и другие. Есть у нас также приборы, порождающие теплоту одним лишь своим движением. Есть особые места для сильного прокаливания на солнце, а также подземные помещения, где поддерживается естественное или искусственное тепло. Этими различными видами тепла мы пользуемся смотря по тому, какую производим работу.

Есть у нас дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением и со всевозможными цветами и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета (не в виде радуги, как мы это видим в драгоценных камнях и призмах), но по отдельности.

Мы умеем также усиливать свет, который передаем на большие расстояния и можем делать столь ярким, что при нем различимы мельчайшие точки и линии. Здесь же производим мы опыты с окрашиванием света, со всевозможными обманами зрения в отношении формы, величины, движения и цвета, со всякого рода теневыми изображениями.

Мы открыли также различные, еще не известные вам, способы получать свет из различных тел. Мы нашли способы видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах; близкие предметы мы умеем представить отдаленными, а отдаленные – близкими и можем искусственно создавать впечатление любого расстояния. Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные трубы. Есть стекла и приборы, позволяющие отчетливо рассмотреть мельчайшие предметы – как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен или изъяны в драгоценных камнях, которые иначе не удалось бы обнаружить, – и найти в крови и моче вещества, также невидимые иным способом.

Мы искусственно получаем радугу, сияния и ореолы вокруг источников света. А также воспроизводим явления отражения, преломления и усиления видимых лучей.

Есть у нас всевозможные драгоценные камни, из коих многие отличаются дивной красотой и вам не известны; а также хрусталь и разного рода стекло, которое мы получаем не только из известных вам веществ, но также из металлов, при-

веденных в стеклообразное состояние. Есть немало не известных вам ископаемых и низших минералов, магниты огромной мощи и другие редкие камни, как природные, так и искусственные.

Есть у нас дома звука для опытов со всевозможными звуками и получения их. Нам известны неведомые вам гармонии, создаваемые четвертями тонов и еще меньшими интервалами, и различные музыкальные инструменты, также вам не известные и зачастую звучащие более приятно, чем любой из ваших; есть у нас колокола и колокольчики с самым приятным звуком. Слабый звук мы умеем делать сильным и густым, а густой – ослабленным или пронзительным; и можем заставить дрожать и тремолировать звук, который зарождается цельным. Мы воспроизводим все звуки речи и голоса всех птиц и зверей. Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух. Есть также различные диковинные искусственные эхо, которые повторяют звук многократно и как бы отбрасывают его, или же повторяют его громче, чем он был издан, выше или ниже тоном; а то еще заменяющие один звук другим. Нам известны также способы передавать звуки по трубам различных форм и на разные расстояния.

Есть у нас дома ароматов, где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями. Мы умеем, как это ни странно, усиливать запахи, умеем искусственно их создавать и заставлять все вещества издавать иной запах, чем свойственно им от природы. Мы умеем также подражать вкусу различных веществ, так что эти подделки способны обмануть кого угодно. Тут же имеется у нас кондитерская, где изготовляются всевозможные свежие и сухие сладости, а также различные сладкие вина, молочные напитки, бульоны и салаты, куда более разнообразные, чем у вас.

Есть у нас дома механики, где изготовляются машины и приборы для всех видов движения. Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи колес и других способов, – и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков. Мы производим артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде и неугасимый; а также фейерверки всех видов, как для развлечения, так и для других целей. Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета. Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные на вечном движении. Мы подражаем движениям живых существ, изготовляя для этого модели людей, животных, птиц, рыб и змей. Кроме того, нам известны и другие виды движения, удивительные по равномерности и точности.

Есть у нас математическая палата, где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством.

Есть у нас особые дома, где исследуются обманы органов чувств. Здесь показываем мы всякого рода фокусы, обманы зрения и иллюзии и тут же разъясняем их обманчивость. Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление, мы могли бы также бесчисленными способами обманывать органы чувств – стоит лишь облечь эти явления тайной и представить в виде чудес. Но нам настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества под угрозой штрафа и бесчестья запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности.

Таковы, сын мой, богатства Соломонова дома. Что касается различных обязанностей и занятий членов нашего Дома, то они распределяются следующим образом: двенадцать из нас отправляются в чужие земли, выдавая себя за представителей других наций (ибо существование нашей страны мы храним в тайне), и отовсюду привозят нам книги, материалы и описания опытов. Их называем мы торговцами светом.

Трое из нас извлекают материал для опытов, содержащийся в книгах. Их называем мы похитителями.

Трое других собирают опыт всех механических наук, равно как и всех свободных искусств и тех практических знаний, которые не вошли в науку. Их мы называем охотниками за секретами.

Еще трое производят новые опыты, по собственному усмотрению. Их называем мы пионерами, или изыскателями.

Еще трое заносят результаты опытов всех названных четырех категорий в таблицы и сводки для более удобного извлечения из них общих наблюдений и законов. Их называем мы компиляторами.

Еще трое занимаются изучением опытов своих товарищей ради изобретений, которые могут быть полезны в обиходе, а также всего пригодного для дальнейших работ или для учебного объяснения причин явлений и наиболее легкого усвоения состава и свойств различных тел. Их называем мы дарителями, или благодетелями.

А после того как указанные работы подвергнутся обсуждению на общих совещаниях членов нашего Дома, трое других составляют на их основе указания для новых опытов, более высокого порядка и глубже проникающих в природу, нежели предыдущие. Их называем мы светочами.

Еще трое осуществляют эти новые опыты и дают о них отчет. Их называем мы прививателями.

И наконец, еще трое возводят все добытые опытом открытия в общие наблюдения, законы и принципы. Их называем мы истолкователями природы.

Есть у нас также, как ты понимаешь, новопосвященные и ученики, дабы не прекращалась преемственность в работе, не считая многочисленных слуг и подручных обоего пола. И вот что еще мы делаем: на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые – нет.

Обратимся теперь к нашим обычаям и обрядам. Есть у нас две просторные и красивые галереи; в одной из них выставлены образцы всех наиболее ценных и замечательных изобретений; в другой – скульптурные изображения всех великих изобретателей. Среди них находится статуя вашего Колумба, открывшего Вест-Индию; а также первого кораблестроителя; монаха, изобретшего огнестрельное оружие и порох; изобретателя музыки; изобретателя письменности; изобретателя книгопечатания; изобретателя астрономических наблюдений; изобретателя обработки металлов; изобретателя стекла; изобретателя культуры шелка; первого винодела; первого хлебопашца и первого, кто начал добывать сахар. Все они известны нам более достоверно, нежели вам. Кроме того, у нас немало и своих отличных изобретателей. Но, поскольку ты не видел этих изобретений, описывать их было бы чересчур долго; к тому же по описанию ты можешь составить о них ошибочное суждение. За каждое ценное изобретение мы воздвигаем автору статую и присуждаем щедрое и почетное вознаграждение. Статуи делаются иногда из меди, из мрамора и яшмы, из кедрового или другого ценного дерева, позолоченного и изукрашенного, из железа, серебра или золота.

Есть у нас особые гимны и ежедневные литургии для восхваления Господа и благодарения за чудесные Его творения, и особые молитвы о содействии нашим трудам и обращении их на цели благие и благочестивые.

И наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным. А также предсказываем – сопровождая это естественными объяснениями – повальные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду и тому подобное и даем жителям советы, как предупредить стихийные бедствия и бороться с ними».

Окончив свою речь, он встал, а я, как мне было указано, преклонил колена; после чего он возложил правую руку мне на голову и произнес: «Да благословит те-

бя Господь, сын мой; и да благословит Он мое повествование. Дозволяю тебе огласить его на благо другим народам.

Ибо мы находимся здесь в лоне Господнем и живем никому не ведомые». С этим он оставил меня, пожаловав мне и моим спутникам около двух тысяч дукатов. Ибо члены Соломонова дома раздают щедрые дары всюду, куда прибывают.

КАМПАНЕЛЛА Т.
Город Солнца[1]

СОБЕСЕДНИКИ:

Главный Гостинник и Мореход из Генуи

<…> **Гостинник:** Поведай мне, пожалуйста, о всех своих приключениях во время последнего плавания.

Мореход: Я уже рассказывал тебе о своем кругосветном путешествии, во время которого попал я в конце концов на Тапробану, где был вынужден сойти на берег. Там, опасаясь туземцев, укрылся я в лесу; когда же я наконец из него выбрался, очутился я на широкой равнине, лежащей как раз на экваторе.

Гостинник: Ну, а там что с тобой приключилось?

Мореход: Я неожиданно столкнулся с большим отрядом вооруженных мужчин и женщин, многие из которых понимали наш язык. Они сейчас же повели меня в Город Солнца

<…> **Гостинник:** Прошу тебя, доблестный муж, разъясни мне подробно всю их систему управления. Это меня особенно интересует.

<…> **Мореход:** Верховный правитель у них – священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или по-нашему: Мощь, Мудрость и Любовь.

В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солнца. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астролог, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

По повелению Мудрости во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки. На внешних стенах храма и на завесах, ниспадающих, когда священник произносит слово, дабы не терялся его голос, минуя слушателей, изображены все звезды, с обозначением при каждой из них в трех стихах ее сил и движений.

На внутренней стороне стены первого круга изображены все математические фигуры, которых значительно больше, чем открыто их Архимедом и Евклидом. Величина их находится в соответствии с размерами стен, и каждая из них снабжена подходящей объяснительной надписью в одном стихе: есть там и определения, и теоремы, и т. п. На внешнем изгибе стены находится прежде всего крупное изображение всей земли в целом; за ним следуют особые картины всевозможных областей, при которых помещены краткие описания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей; также и алфавиты, употребляемые во всех этих областях, начертаны здесь над алфавитом Города Солнца.

---

[1] *Кампанелла Т. Город Солнца // Утопический роман XVII-XVIII в. в., М., 1971.*

На внутренней стороне стены второго круга, или второго ряда строений, можно видеть как изображения, так и настоящие куски драгоценных и простых всякого рода камней, минералов и металлов, с пояснениями при каждом в двух стихах. На внешней стороне изображены моря, реки, озера и источники, существующие на свете; так же как и вина, масла и все жидкости; указано их происхождение, качества и свойства; а на выступах стены стоят сосуды, наполненные жидкостями, выдержанными от сотни до трехсот лет, для лечения различных недугов. Там же, с соответствующими стихами, находятся и подлинные изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений.

На внутренней стороне стены третьего круга нарисованы все виды деревьев и трав, а иные из них растут там в горшках на выступах наружной стены строений; они снабжены пояснениями, где какие впервые найдены, каковы их силы и качества и чем сходствуют они с явлениями небесными, среди металлов, в человеческом теле и в области моря; каково их применение в медицине и т. д. На внешней стороне – всевозможные породы рыб речных, озерных и морских, их нравы и особенности, способы размножения, жизни, разведения, какая от них польза миру и нам, равно как и сходства их с предметами небесными и земными, созданными природой или искусственно; так что я был совершенно поражен, увидев рыбу епископа, рыбу цепь, панцирь, гвоздь, звезду, мужской член, в точности соответствующих по своему виду предметам, существующим у нас. Там можно увидеть и морских ежей, и улиток, и устриц и т. д. И все достойное изучения представлено там в изумительных изображениях и снабжено пояснительными надписями.

На внутренней стороне четвертого круга изображены всякие породы птиц, их качества, размеры, нравы, окраска, образ жизни и т. д. И Феникса они считают за действительно существующую птицу. На внешней стороне видны все породы пресмыкающихся: змеи, драконы, черви; и насекомые: мухи, комары, слепни, жуки и т. д., с указанием их особенностей, свойств ядовитости, способов применения и т. д. И их там гораздо больше, чем даже можно себе представить.

На внутренней стороне стены пятого круга находятся высшие земные животные, количество видов которых просто поразительно: мы не знаем и тысячной их части. И такое их множество и таковы их размеры, что изображены они и на внешней стороне круговой стены. Сколько там одних только лошадиных пород, какие все это прекрасные изображения и как толково все это объяснено!

На внутренней стороне стены шестого круга изображены все ремесла с их орудиями и применение их у различных народов. Расположены они сообразно их значению и снабжены пояснениями. Тут же изображены и их изобретатели. На внешней же стороне нарисованы все изобретатели наук, вооружения и законодатели. <…>

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами.

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные.

Гостинник: Но скажи, пожалуйста: все эти их должности, учреждения, обязанности, воспитание, образ жизни, – что это: республика, монархия или аристократия?

Мореход: Народ этот <…> решил вести философский образ жизни общиной. И хотя общность жен и не установлена среди остального населения, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить.

Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине. <…>

<…> следует ведь обратить внимание на то, что хотя им и неоткуда делать друг другу никаких подарков, – потому что все, в чем они нуждаются, они получают от общины и должностные лица тщательно следят за том, чтобы никто не получал больше, чем кому следует, никому, однако, не отказывая в необходимом, – но дружба у них проявляется на войне, во время болезни, при соревновании в науках, когда они помогают друг другу и взаимно делятся знаниями; а то в похвалах, словах, при исполнении обязанностей и во взаимном одолжении необходимого.

Все сверстники называют друг друга братьями; тех, кто старше их на двадцать два года, зовут они отцами, а тех, кто на двадцать два года моложе, – сыновьями. И должностные лица внимательно следят за тем, чтобы никто не нанес другому никакой обиды в этом братстве.

Гостинник: Каким же образом?

Мореход: У них столько же должностных лиц, сколько мы насчитываем добродетелей: есть должность, называемая Великодушие, есть – именуемая Мужество, затем Целомудрие, Щедрость, Правосудие – уголовное и гражданское, Усердие, Правдолюбие, Благотворительность, Любезность, Веселость, Бодрость, Воздержность и т. д. На каждую из подобных должностей избираются те, кого еще с детства признают в школах наиболее пригодным для ее занятия. Поэтому, так как нельзя среди них встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, – они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка.

Гостинник: Скажи, а какой у них порядок выбора должностных лиц?

Мореход: Этого ты как следует не поймешь, прежде чем не познакомишься с их образом жизни. Прежде всего да будет тебе известно, что мужчины и женщины у них носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин доходит только до колен. И все они обучаются всяким наукам совместно. По второму и до третьего года дети обучаются говорить и учат азбуку, гуляя вокруг стен домов; они разделяются на четыре отряда, за которыми наблюдают поставленные во главе их четыре ученых старца. Эти же старцы спустя некоторое время занимаются с ними гимнастикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются все их члены. При этом до седьмого года они ходят всегда босиком и с непокрытой головой. Одновременно с этим водят их в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для выяснения наклонностей каждого.

На восьмом году, после начального обучения основам математики по рисункам на стенах, направляются они на лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеется по четыре лектора; и в течение четырех часов все четыре отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях.

Затем все они приступают к изучению более отвлеченных наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно занимаясь обсуждениями и спорами. Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, – каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за достойнейшего, кто изучил больше искусств и реме-

сел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель государства столько бездельников и злодеев. Остальных должностных лиц избирают четыре главных правителя: 0, Пон, Син и Мор и руководители соответственных наук и ремесел, хорошо знающие, кто наиболее пригоден заведовать тем или иным мастерством и ведать ту или иную добродетель. И никто не выступает сам в качестве соискателя, как это обычно принято, а предлагается на Совете должностными лицами, где каждый на основании своих сведений высказывается за или против избрания определенного лица.

Но никто, однако, не может достичь звания 0, кроме того, кто знает историю всех народов, все их обычаи, религиозные обряды, законы, все республики и монархии, законодателей и изобретателей наук и ремесел и строение и историю неба. Также почитается для этого необходимым ознакомиться со всеми ремеслами (ведь всего в какие-нибудь два дня можно постичь одно из них, хотя и не овладевая им практически, но освоившись с ним по его применению и изображениям). Также надо знать и науки физические, и математические, и астрологические. Не так существенно знакомство с языками, так как у них имеется много переводчиков, которыми служат в их республике грамматики. Но преимущественно перед всем необходимо постичь метафизику и богословие; познать корни, основы и доказательства всех искусств и наук; сходства и различия в вещах; необходимость, судьбу и гармонию мира; мощь, мудрость и любовь в вещах и в Боге; разряды сущего и соответствия его с вещами небесными, земными и морскими и с идеальными в Боге, насколько это постижимо для смертных, а также изучить пророков и астрологию. Таким образом, уже задолго известно, кто станет 0. Но никто, однако, не возводится в это звание ранее достижения тридцатипятилетнего возраста. Должность эта несменяема до тех пор, пока не найдется такого, кто окажется мудрее своего предшественника и способнее его к управлению.

Гостинник: Но разве может кто бы то ни было обладать такою ученостью? Да и не способен, мне кажется, к управлению тот, кто посвятил себя наукам.

Мореход: Это же самое возражал им и я. Они же мне, ответили: «Мы, несомненно, лучше знаем, что столь образованный муж будет мудр в деле управления, чем вы, которые ставите главами правительства людей невежественных, считая их пригодными для этого лишь потому, что они либо принадлежат к владетельному роду, либо избраны господствующей партией. А наш 0, пусть он даже будет совершенно неопытен в делах управления государством, никогда, однако, не будет ни жестоким, ни преступником, ни тираном именно потому, что он столь мудр. Но, кроме того, да будет вам известно, что твой аргумент имеет силу применительно к вам, раз вы считаете ученейшими тех, кто лучше знает грамматику или логику Аристотеля или другого какого-либо автора. Для такого рода мудрости потребны только рабская память и труд, от чего человек делается косным, ибо занимается изучением не самого предмета, а лишь книжных слов, и унижает душу, изучая мертвые знаки вещей, и не понимает из-за этого ни того, каким образом Бог правит сущим, ни нравов и обычаев, существующих в природе и у отдельных народов. Но ничего такого не сможет случиться с нашим ¤, ибо ведь никто не в состоянии изучить стольких искусств и наук, не обладая исключительными способностями ко всему, а следовательно, в высшей степени и к правлению. Нам также прекрасно известно, что тот, кто занимается лишь одной какой-нибудь наукой, ни ее как следует не знает, ни других. И тот, кто способен только к одной какой-либо науке, почерпнутой из книг, тот невежествен и косен. Но этого не случается с умами гибкими, восприимчивыми ко всякого рода занятиям и способными от природы к постижению вещей, каковым необходимо и должен быть наш 0. Кроме того, как видишь, в нашем городе с такою легкостью усвояются знания, что ученики достигают больших успехов за один год, чем у вас за десять или пятнадцать лет. Проверь это, пожалуйста, на наших детях».

Я был совершенно изумлен и справедливостью их рассуждений, и испытанием тех детей, которые хорошо понимали мой родной язык. Дело в том, что каждые трое из них должны знать или наш язык, или арабский, или польский, или какой-

либо из прочих языков. И они не признают никакого иного отдыха, кроме того, во время которого приобретают еще больше знаний, для чего и отправляются они в поле – заниматься бегом, метанием стрел и копий, стрелять из аркебузов, охотиться на диких зверей, распознавать травы и камни и т. д. и учиться земледелию и скотоводству в составе то одного, то другого отряда.

Троим же соправителям Солнца полагается изучать лишь те науки, которые относятся к их области управления: с другими, общими для всех, они знакомятся только наглядным путем, свои же знают в совершенстве и, естественно, лучше всякого другого. Так, Мощь в совершенстве знает кавалерийское дело, построение войска, устройство лагеря, изготовление всякого рода оружия, военных машин, военные хитрости и все вообще военное дело. Но, кроме того, эти правители непременно должны быть и философами, и историками, и политиками, и физиками. <…>

Гостинник: Теперь мне бы хотелось, чтобы ты рассказал об их учреждениях – подробно о каждом – и разъяснил получше их общественное воспитание.

Мореход: Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на притолоке. Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин, с одним только различием – наиболее тяжелые ремесла и загородные работы исполняются мужчинами так: пахота, сев, сбор плодов, молотьба да и сбор винограда. Но для дойки овец и приготовления сыра обычно назначаются женщины; точно так же они выходят недалеко за черту города собирать травы и работать в садах. А к женскому труду относятся те работы, какие исполняются сидя или стоя: так, например, тканье, пряденье, шитье, стрижка волос и бороды, изготовление лекарств и всякого рода одежды. Однако для столярных и кузнечных работ и изготовления орудий женщины не применяются. Но к занятию живописью они допускаются, если обнаруживают к ней способности. Что же касается музыки, то ею занимаются исключительно женщины, потому что она у них получается приятнее, да дети, однако на трубах и барабанах они не играют. Они же и готовят и накрывают на стол; но прислуживать за столом составляет обязанность мальчиков и девушек до двадцати лет. В каждом круге есть свои кухни, магазины, кладовые для посуды, съестных припасов и напитков. Для наблюдения за исполнением всех обязанностей по этой части приставлены маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить или приказывать бить нерадивых и непослушных; и в то же время они замечают и отличают мальчиков и девушек, лучше других исполняющих отдельные обязанности. Вся молодежь прислуживает старшим, кому минуло сорок лет. И вечером, при отходе ко сну, и утром начальник и начальница отправляют одного из молодых людей по очереди прислуживать в каждую отдельную спальню. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся!

Столы ставят у них в два ряда, сиденьями по обеим сторонам; с одной стороны сидят женщины, с другой – мужчины, и, как в монастырских трапезных, не бывает там никакого шума. Во время еды один из юношей с возвышения читает нараспев внятно и звучно по книге, а должностные лица часто беседуют по поводу какого-нибудь примечательного места из прочитанного. И, право, приятно смотреть, как ловко прислуживает им такая красивая молодежь в подпоясанной одежде, и видеть, как столько друзей, братьев, сыновей, отцов и матерей живут вместе в такой степенности, благообразии и любви. Каждому полагается своя салфетка, миска, похлебка и кушанье. На обязанности врачей лежит заказывать поварам еду на каждый день: что готовить старикам, что молодым и что для больных. Должностные лица получают большие и лучшие порции, и из своих порций они всегда уделяют что-нибудь на стол детям, выказавшим утром больше прилежания на лекциях, в ученых беседах и на военных занятиях. И это считается одной из величайших почестей. А по праздничным дням они любят и петь за столом; поют или в несколько голосов, или кто-нибудь один под аккомпанемент лютни и т. п. И так как все в равной мере принимают участие в домашнем хозяйстве, то никогда ни в чем не оказывается никакого недостатка. Почтенные пожилые люди наблюдают за кухней и при-

служивающими в столовой и тщательно следят за чистотой постелей, посуды, одежды, мастерских и кладовых.

Одежду их составляет белая нательная рубахи, а поверх нее платье, являющееся одновременно и камзолом и штанами, сшитое без складок, с разрезами от плеч до голени и от пупа до зада между ляжками. С одной стороны этих разрезов идут петли, а с другой – пуговицы, на которые они застегиваются. Штаны оканчиваются завязками у самых щиколоток; затем носят они высокие гамаши, вроде голенищ, на застежках и поверх них – башмаки. И, наконец, как мы сказали, накидывают они плащ. И так ладно и ловко сидит на них платье, что, когда скидывают они плащ, вся их фигура обрисовывается во всех подробностях. Они меняют одежды четыре раза в год: когда Солнце вступает в знаки Овна, Рака, Весов и Козерога; распределением одежды сообразно с условиями необходимости ведают врачи и хранители одежды отдельных кругов. И удивительно, сколько у них имеется одновременно всякой нужной одежды, плотной или легкой, смотря по времени года.

Одежду носят они белого цвета, и стирается она ежемесячно щелоком или мылом. Нижние помещения заняты мастерскими, кухнями, кладовыми, магазинами, оружейными складами, столовыми и мыльнями. Однако моются они возле колонн галерей, а вода стекает по желобам, ведущим в сточные канавы. На каждой площади отдельных кругов есть свои фонтаны, куда вода подается по трубам из недр горы исключительно действием искусно устроенного крана. У них имеется вода и ключевая и в водоемах, которые наполняются дождевой водой, скопляющейся на крышах и стекающей по акведукам с песком. Часто также моют они свое тело по указанию врача и начальника. Всеми ремеслами занимаются они внизу, под колоннадами, а отвлеченными науками – наверху, на балконах и галереях, где находятся соответствующие картины; а в храме изучаются священные науки. При входах в дома и на зубцах круговых стен имеются солнечные часы с колоколами и флаги, показывающие время и направление ветра.

Гостинник: Скажи, пожалуйста, а не бывает ли в их среде зависти или досады у тех, кого не выбрали в начальники или на какую-нибудь другую должность, которой они добивались?

Мореход: Нисколько. Ведь никто из них не терпит никакого недостатка не только в необходимом, но даже и в утехах. На деторождение они смотрят как на религиозное дело, направленное ко благу государства, а не отдельных лиц, при котором необходимо подчиняться властям. И то, что мы считаем для человека естественным иметь собственную жену, дом и детей, дабы знать и воспитывать свое потомство, это они отвергают, говоря, что деторождение служит для сохранения рода, как говорит святой Фома, а не отдельной личности. Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц – лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство, и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица. Поэтому производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам, согласно правилам философии. Платон считает, что этот подбор должен производиться по жребию, дабы те, кому не дают красивых жен, в зависти и гневе не взбунтовались против властей, и полагает, что тех, кто недостоин оплодотворять наиболее красивых, надо властям хитро обманывать при жеребьевке, так, чтобы доставались им всегда подходящие, а не те, коих они сами хотят.

Но Соляриям нет надобности прибегать к такой хитрости, чтобы безобразным мужчинам доставались и женщины безобразные, ибо среди них безобразия не встречается, так как у женщин благодаря их занятиям образуется и здоровый цвет кожи, и тело развивается, и они делаются статными и живыми; а красота почитается у них в стройности, живости и бодрости. Поэтому они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо, или стала бы носить обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом, или длиннополое платье, чтобы скрыть свои дубоватые ноги. Но и при всем желании ни одна не могла бы там этого сделать: кто стал бы все это ей доставать? И они утверждают,

что у нас все эти прихоти появились из-за праздности и безделья женщин, отчего портится у них цвет кожи, отчего они бледнеют и теряют гибкость и стройность; и потому приходится им краситься, носить высокие каблуки и добиваться красоты не развитием тела, а ленивой изнеженностью и таким образом вконец разрушать естественное развитие и здоровье не только свое, но и своего потомства.

Кроме того, если кто-нибудь страстно влюбится в женщину, то влюбленные могут и разговаривать, и шутить, и дарить друг другу венки из цветов или листьев, и подносить стихи. Однако, если это может быть опасно для потомства, совокупление им ни в коем случае не разрешается, кроме того случая, что женщина беременна (чего и ждет мужчина) или же она неплодна. Но, впрочем, любовь у них выражается скорее в дружбе, а не в пылком любовном вожделении. Предметы домашнего обихода и пища их мало занимают, так как всякий получает все, что ему нужно, а представляют для них интерес лишь тогда, когда это выдается в качестве почетной награды. А героям и героиням раздаются от государства на празднествах во время трапезы обычно либо красивые венки, либо вкусные блюда, либо нарядная одежда.

Хотя днем и в черте города все они носят белую одежду, по ночью и за городом надевают красную – или шерстяную, или шелковую; черный же цвет для к их так же отвратителен, как всякая грязь; поэтому они терпеть не могут Японцев за их пристрастие к темному цвету.

Самым гнусным пороком считают они гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унизительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т. д.

Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногам ходить, заду испражняться, а глазам видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык – слюни, подобно испражнениям. Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами, и даже с избытком. Но у нас, увы, не так; в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д. и множество народа портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей. Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением.

Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. Не разрешается лишь играть в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры, а играют там в мяч, в лапту, в обруч, борются, стреляют в цель из лука, аркебузов, метают копья и т. д.

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов.

Гостинник: Ты до сих пор не сказал еще о науках и властях.

Мореход: Нет, я говорил, но раз ты этим так интересуешься, я добавлю еще. Каждое новолуние и полнолуние собирается Совет по совершении богослужения. В нем присутствуют все от двадцати лет и старше, и всем предлагается поодиночке высказаться о том, какие есть в государстве недочеты, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие – дурно. Также каждый восьмой день со-

бираются все должностные лица, именно Верховный 0 и вместе с ним Мощь, Мудрость и Любовь, из которых каждому подчинены три начальника, так что всех их – тринадцать. Все они ведают соответствующей отраслью управления: Мощь – военным делом, Мудрость – науками, Любовь – продовольствием, одеждой, деторождением и воспитанием. Собираются и все начальники отрядов – как женских, так и мужских, – десятники, полусотники и сотники для обсуждения государственных дел и выбора должностных лиц, которые на Большом совете только намечаются заранее. Точно так же, ежедневно 0 и трое главных правителей совещаются о текущих делах; проверяют, утверждают и приводят в исполнение постановленное на выборах и обсуждают другие необходимые мероприятия. К жеребьевке не прибегают, кроме тех случаев, когда совершенно не знают, какое следует принять решение. Должностные лица сменяются по воле народа. Но четверо высших несменяемы, если только сами на совещании между собою не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим, умнейшим и безупречнейшим. Они действительно настолько разумны и честны, что охотно уступают мудрейшему и сами у него поучаются, но такая передача власти случается редко. Лица, стоящие во главе отдельных наук, подчинены правителю Мудрости, кроме Метафизика, который есть зам 0, главенствующий над всеми науками, как архитектор: для него было бы постыдно не знать чего-либо доступного смертным. Таким образом, под началом Мудрости находятся: Грамматик, Логик, Физик, Медик, Политик, Этик, Экономист, Астролог, Астроном, Геометр, Космограф, Музыкант, Перспективист, Арифметик, Поэт, Ритор, Живописец, Скульптор. Под началом правителя Любви: Заведующий деторождением, Воспитатель, Медик, Заведующий одеждой, Агроном, Скотовод, Стадовод, Заведующий приручением животных, Главный кухмистр, Откормщик и т. д. В распоряжении триумвира Мощи находятся: Стратег, Начальник единоборцев, Кузнечных дел мастер, Начальник арсенала, Казначей, Заведующий чеканкой монеты, Инженер, Начальник разведки, Начальник конницы, Конюший, Главный гладиатор, Начальник артиллерии, Начальник пращников и Юстициарий. А этим всем подчинены особые специалисты. <…> По своим взаимоотношениям они представляются совершенно как бы членами одного и того же тела.

Желательно, чтобы ты обратил внимание на то, что если кто-либо, совершив проступок, сам, не дожидаясь обвинения, добровольно повинится в нем, явившись к начальству, и принесет покаяние, пока его не обвинили, то наказание как за сокрытое преступление к нему не применяется и изменяется на другое. Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия. И так как они всегда ходят и работают отрядами, то для уличения преступника требуется пять свидетелей; иначе его отпускают под присягой и с предостережением. Если же он будет обвинен вторично или в третий раз при двух или трех свидетелях, то несет сугубое наказание.

Законы их немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма, то есть под колоннадой; и на отдельных колоннах можно видеть определение вещей в метафизическом, чрезвычайно сжатом стиле; именно: что такое Бог, что такое ангел, мир, звезда, человек, рок, доблесть и т. д. Все это определено очень тонко. Там же начертаны определения всех добродетелей, и у каждой колонны, на которой начертано соответствующее определение, находятся кресла или судилища судей всех этих добродетелей. Во время судопроизводства судьи сидят там и говорят обвиняемому: «Сын мой, ты прегрешил против этого священного определения (благотворительности, великодушия и т. д.). Читай». И по обсуждении дела приговаривают обвиняемого к наказанию за проступок, им совершенный (то есть за злодеяние, малодушие, гордость, нерадивость и т. д.). А обвинительные приговоры являются истинными и верными лекарствами и воспринимаются скорее как нечто приятное, а не наказание. <…>

КОМЕНСКИЙ Я.
Вселенский совет об исправлении человеческих дел.
Часть шестая. Панортосия[1]

Глава I. Что такое всеобщее исправление дел, почему никогда еще не стремились к нему всеобщим образом и насколько оно желанно

1. Счастью рода человеческого мешают сами же люди. Бог от века и присно не упускал и не упускает делать всё необходимое для блага образа своего, сотворенного им на радость себе; и только люди, обращаясь по большей части дерзко и безрассудно с Богом, с вещами и с самими собой, вызывают его гнев па себя, разрушают мир вокруг себя и тонут в причиняемых себе же бедах. "Бог сотворил человека правым, – сказал мудрец, видя это, – а они запутались в бесконечных разысканиях" (Еккл. 7, 30).

2. Основанием человеческого счастья должно быть поэтому избавление людей от бесконечных разысканий и занятий ради делания того главного, в чем человеку от Бога дано быть правым, – то есть такое возвращение всех на пути разума, чтобы никто впредь не вносил в мир беспорядок, никто впредь не гневил Бога и никто не причинял зла себе и другим. Кто усомнится, что это возможно через подлинное и всеобщее исправление всех трех наших высших способностей, интеллекта, воли и деятельной силы, из троякого источника которых проистекают все наши действия? В самом деле, если все мы поймем одно, а именно истину вещей, каковы они есть; если все будем стремиться волей к одному, а именно к Богу и к божественным вещам, то есть к единственному, истинному, надежному и вовеки нерушимому благу; если направим свою деятельную силу на одно, а именно на мудрое управление другими и владение собой ради сохранения всеобщего мира и спокойствия, – кто сможет помешать нам? […]

3. Итак, лишь бы люди примирились с миром через истинную философию, с самими собой – через истинное общественное устройство и с Богом – через истинную религию, и в человеческих делах началось бы истинное исправление, или преображение, обновление, восстановление, возрождение (все эти слова берутся в одном значении), в отличие от всех частных реформаций, в старину или на нашей памяти и памяти отцов и дедов предпринимавшихся в разных местах с немалыми потугами, шумом и не без насилия. Попытки делались разные и по-разному: Валла, Петрарка, Эразм, Буде, Луллий, Рамус, Картезий и другие реформировали просвещение; Вальд, Гус, Лютер, Кальвин, анабаптисты, Со цин, а с другой стороны, папа и император, один на соборах в Констанце, Базеле, Триденте, другой посредством жестоких казней, огнем и мечом, реформировали состояние религии; третьи, выступая и борясь в разных местах против тирании, восстанавливая законность и создавая новые государства, утверждали общественный мир.

4. И те и другие, как известно, удовлетворялись своими усилиями и считали свою реформацию совершенной; но так ли это на самом деле? Совершенно то, что достигло цели. Совершенным зовут человека, у кого мысль, речь, поведение согласны с долгом. Совершенное здоровье то, когда ни одно телесное отправление не поражено и не затруднено, все в живом действии. И совершенная медицина та, которая совершенно восстанавливает недугующее тело; совершенная теология та, которая возвращает покой и нерушимое блаженство совести, совершенная философия - уму, совершенная государственная наука - человеческому обществу.

5. Истинной и совершенной реформацией нужно будет называть, поэтому ту, которая поистине преобразит людей: сделает их подлинно образованными, подлинно благочестивыми и подлинно мирными. А где они сейчас таковы? Отсюда и в нравах такое несогласие, и в таинствах веры (если уж говорить о них по поводу религиозных реформаций) такое невежество народа, такое замешательство ученых, такая вражда между вероучениями! Молчу о заблуждениях: ни одна сторона не признает их за собой, все их обличают у других. Хоть бы мы стали менее уверен-

---

[1] *http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000054/st021.shtml*

ными в себе и не приписывали каждый одному себе всю истину, когда хоть один человек на свете нам противоречит! В самом деле, ведь не могу же я спокойно владеть домом, полем, садом, кафтаном, пока есть хоть один человек, заявляющий на них свое право и ведущий со мной тяжбу (какая разница, справедливую или несправедливую?) об имуществе!

6. Но прежде всего необычайное размножение плодящихся друг от друга сект, направлений и школ, на которые расколоты ученые, верующие и политики, должно заставить нас заподозрить в несовершенстве все наши бывшие до сих пор реформации. Если истина одна и если верно, что ее достаточно ясно видят все с уверенностью и торжеством возглашающие о своем совершившемся и совершающемся избавлении от заблуждений, предрассудков и тираний, то почему они не видят в ней ни единства, ни залога единения, а разбредаются по бесчисленным путям? Ясно, что ясный свет еще не проник туда, где никто еще ни сам явственно не видит то, что жаждет разглядеть, ни другим не в силах ясно показать.

7. Само дело вопиет о несовершенстве. Во-первых, никакие реформаторы не брались до сих пор за исправление всего нуждающегося в исправлении, но каждый брался за частную задачу: смотря по тому, в каких обстоятельствах он оказывался, какой неправедностью был задет, он направлял свои силы и свой разум на то или на другое. Во-вторых, применяемые средства всегда были недостаточны, что можно показать на многих примерах. В-третьих, подход к делу был редко мирным и всё вплоть до нашего времени полно насилия, возмущения, великих расколов не только в политике, но и в школах и, что самое омерзительное - ибо это здесь поистине мерзость в месте святе, - внутри церкви.

8. И вот, приведенные к этому обстоятельствами, мы мечтаем не об ορυωσις, исправлении, но о παν-ορυωσια, универсальном, всеобщем, полном исправлении (1) всех, (2) во всем, (3) всесовершенно.

9. Всех: т. е. всех лиц и состояний, чтобы преображение захватило не того или другого без прочих, но всех сразу, и верующих, и ученых, и властителей, причем не в одном месте или одном народе, а повсюду на земле, чтобы не только некоторые, не только немногие или многие, но все причастные человеческой природе пришли к совершенству этой своей природы.

10. Мы мечтаем еще, чтобы все усовершились во всем, что создает полноту человека и делает из него образ божий; чтобы человек научился совершенствовать свое общение с расположенными ниже его и предназначенными для его употребления вещами, с равными ему и данными ему в сообщество людьми и с высшим ему источником своего блаженства Богом.

Глава V. Идея всеобщего исправления

1. Представляется необходимым вывести из области идей, что такое вообще исправление и из каких непременных частей оно состоит, чтобы нам было легче рассмотреть обязательные условия всеобщего исправления.

18. Исправлять здесь будут все и каждый (люди, сословия, народы), поскольку каждый - человек: свободное творение, созданное по подобию творца и настолько предоставленное собственному разумению, что оно радо управлять самим собой и предпочитает погибнуть по своей безрассудной воле, самостоятельно отклонившись от пути спасения, чем подневольно идти к нежеланному благу. Даже Бог, вновь призвав его к себе и искупив после падения, не неволит его, но действует с ним только убеждением, привлекая к добру обетованиями, отвращая от зла угрозами и уча, как видеть перед собой пути спасения, как сторониться гибельных бездн и принимать тем самым благие решения. Добровольно следующим своему совету, водительству и зову Бог щедро обещает награду за свободное послушание; отказывающимся идти за ним объявляет гибель по собственной вине, призывая в свидетельство небо и землю. Поэтому нам только и остается, подражая Богу, учить людей - то есть всех пока еще не умеющих - мудро править собой и исправлять любые прежние ошибки, чтобы, направив свое знание, силу, волю на достижение личного и всеобщего спасения, все люди научились, смогли и захотели добродетельно способствовать своим частным соработничеством всеобщему преображению.

19. И все научатся исправлению (себя самого - всякий живущий, а своих пасомых - всякий отец семьи, всякий школьный учитель, всякий служитель церкви, ру-

ководитель всякого человеческого общества), если, правильно наученные идеям вещей, они будут понимать, что с необходимостью требуется для управления собой и другими, для предотвращения заблуждений и исправления ошибок. (Этому могут научить 1) веления здравого разума, 2) повсюду встречающиеся примеры из области природы и искусства и 3) свидетельства божественного откровения. В самом деле, всё говорит о том, что любое человеческое общество есть живое благоупорядоченное тело, которое нужно сохранять согласованными действиями и направлять только по разумным путям, будь то единая душа со своими способностями, или один человек со своими органами, или одна семья со своими членами, или одно селение со своими семьями, или одна область со своими селениями, или одно царство со своими областями и провинциями, или, наконец, весь человеческий род, как бы единое мировое государство, со всеми своими царствами. (...))

20. Наконец, всех надо научить знанию своих возможностей, чтобы поняв, какие им даны полномочия для совершенствования себя и ближних, какие предоставляются поводы для этого более чем желанного дела и как легко за него взяться теперь, полагаясь на посылаемую от Бога помощь, люди возрадовались этим своим полномочиям, этим поводам, призывам и помощи и возликовали в Боге.

21. Это ликование и порожденное им рвение к святому делу исправления можно было бы еще увеличить показом величия столь грандиозного предприятия. В самом деле, цель его - возвращение к состоянию, которое наступило бы в раю, если бы мы не пали: (1) к созерцанию Бога просвещенным умом, (2) к любовному взаимообщению согласных душ и (3) к жизни в чистоте сердца перед Богом. Поскольку, оставшись такими, мы должны были заполнить круг земель, теперь, когда мы его заполнили, тоже в высшей степени желательно устремиться к тому - или, вернее, возвратиться к тому, - чтобы весь мир стал (1) школой божией, а тайные школы Сатаны, плоти и мирской тщеты сгинули бы насовсем; (2) царством Христовым, а частные царства и государства перешли бы в Христово подданство; (3) единым храмом божиим с единым поклонением единому Богу в единой всеобщей религии, а сектантских религий не осталось бы ни одной; (4) и, наконец, домом, открытым для всех, где все обитатели земли были бы единой божией семьей, связанной узами единого всеобщего языка, а частные языки или умолкли бы, или ни в одном слове не противоречили языку всех.

Глава VI. О преодолении зла, мощно противостоящего всеобщему исправлению, и прежде всего об искоренении в человеческих душах косности, самоуверенности, предрассудков и упрямства

1. Приступим же к разбору того, что мешает исправлению! Прежде всего остановимся на зле, которое сковывает нас изнутри, лишая способности ко всякому делу совершенствования. Истинный корень всякого нашего порока и нашей неисправимости - в чем он? Попробуем разыскать его, предприняв специальное рассмотрение.

2. Прекрасен и здрав совет философа Сенеки: "Всего важней для человека, - говорит он, - не следовать на манер скота за стадом впереди идущих, двигаясь не куда должно, а куда бредут все". Однако слишком ясно, что люди давно забыли об этом совете; мало кто из смертных еще задумывается над тем, откуда мы приходим в мир, куда из него уходим и каким путем должны идти от начала к концу. Вместо этого мы беззаботно миримся с состоянием - хорошим ли, плохим ли, - в котором находимся, по большей части ничуть не стараясь переменить свою жизнь к лучшему. Что хуже, мы смиряемся со своим положением настолько, что даже представившуюся возможность улучшения отвергаем, а то и яростно гоним ее от себя прочь, приобретя ненависть ко всему чужому, вплоть до жажды изничтожить его.

3. Таким образом, наша глубоко въевшаяся привычка ко злу распадается на три части: (1) беззаботность и косность, (2) предвзятое мнение о якобы уже достигнутых истине и благе и возникающая отсюда самоуверенность и (3) злое пристрастие ко всему своему и ненависть к чужому. Всю эту троицу надо полностью искоренить и превратить в свою противоположность, а именно в (1) живейшее внимание ко всему происходящему, (2) тщательнейшую заботу о более истинном познании мира и (3) неустаннейшую волю и стремление к принятию улучшений.

4. Кто не замечал тупой вялости толпы по отношению ко всему существующему и происходящему? Большинство погружено в глубокое невежество о Боге, мире, о себе и обо всем на свете. Даже знающие что-то едва знакомы с поверхностью вещей и мало хлопочут о том, чтобы проникнуть поглубже или заняться старательным отграничением истины от лжи, добра от зла. Пока человеческие чувства скованы этой вялостью, напрасно надеяться на какое-то всеобщее исправление: что исправит человек, который не ведает о порче и о необходимости исправления? А не ведает о них тот, кто не знает идеального и совершенного состояния вещей, от которого всё отошло. Итак, желая внушить человеку заботу о всеобщем исправлении, мы раньше всего должны стряхнуть с него эту сонливость. А как? Внушая и убеждая, что раз все допущены в божии театры, все наделены зрением, слухом и другими чувствами, то все должны, - воспрянув душой, живо внимать всему и, всё самостоятельно рассматривая и разузнавая, приобщаться умом к вселенскому свету. Если это удастся, если в умах проснется тяга к свету, то первая и злейшая помеха, темнота умов, будет сломлена. Каким порядком можно добиться этого от всех, разобрано и ясно изложено у нас в Пампедии.

5. Другую, не менее вредную, помеху представляет некая как бы прирожденная умам беспечная самоуверенность (securitas), настолько удовлетворяющаяся своим познанием мира, каким бы оно ни было и откуда бы ни пришло, что даже для идущих в руки более истинных и благих вещей уже не находится места. Поскольку ранние впечатления глубже всего запечатляются в душе и цепко держатся, не уступая позднейшим, то мы оказываемся во власти того, что раньше усвоили. Здесь корень предвзятого убеждения, что наши взгляды истинней и лучше чужих, хотя бы и неизвестных нам. Умы так скованы этим предрассудком, что какие бы мнения человеку ни довелось иметь, случайно или по привычке чужие не ставятся с ними ни в какое сравнение: мы их сторонимся, гнушаемся и про себя тихонько осуждаем. Так получается, что своя философия и свои представления о вещах, своя религия и манера богопочитания, свой общественный строй и привычный образ правления для каждого [народа] становится чем-то вроде идола. Итак, при серьезной попытке исправления придется вложить немало труда, устраняя и это препятствие в стремлении к тому, чтобы всякий смертный признал и себя тоже человеком, способным наравне со всяким другим смертным бредить наяву, заблуждаться и делать промахи. Кое-что об этом мы уже сказали (Панавгия, гл. 15, § 20). Пока мы не избавим всех людей от пут подобных предрассудков, напрасны надежды на всеобщее исправление.

6. Из предрассудка возникает третья помеха исправлению, упрямство, из-за которого мы не только тяготимся истиной и благом, но и отказываемся от них, и упорно отталкиваем их. Из этого источника - ядовитейшие споры в философии, жесточайшие войны в политии, свирепейшая ненависть в религии с жестокими преследованиями одних другими; а поскольку всякий воображает, что борется или страдает за истину, за мир, за Бога, то даже среди всех этих уродств возникает самодовольство, которое апостол назвал "ревностью не по рассуждению" (Рим. 10, 2). Поистине, если мы не преодолеем такую ревность и не научим преодолевать ее других, то и будем ревновать без конца и без всякой пользы, и мир останется таким, как есть, - расчлененным, разрозненным, никак не приходящим в согласие.

7. Всем поэтому важно устроить всё иначе: так, чтобы мы (1) стали более чуткими к миру и не было на свете вещи, которую каждый из нас не мог бы разумно ставить под сомнение и судить (dubitare et iudicare), (2) всё испытывали и держались добра, по совету самого Бога (1 Фесс. 5, 20), (3) и каждый был готов, заметив где-либо заблуждение, заменить ошибку истиной.

8. Будет великая польза для всех, если все мы всерьез сделаем это: (1) никто не будет мнить, что знает больше, чем знает; (2) никто не забудет, что люди, согласно слову Господа, блуждают как овцы (Ис. 53, 6); (3) никто не будет лишен возможности вернуться от известной ошибки к известной истине, - и святое желание преодолеть все заблуждения овладеет всеми, когда ясный, как день, откроется единственный путь всеобщего исправления: возвращение туда, где ты сбился с пути. (...)

11. Поскольку же отклонились мы (1) от единства через бесконечные случайности к бесконечной путанице, (2) от истины через бесконечные мнения к бесконечным заблуждениям, (3) от блага через бесконечные соблазны к бесконечным неустроенным и гибельным желаниям и страстям,

12. то и вернемся (1) от путаницы через простоту к единству, (2) от заблуждений через оставление мнений к истине, (3) от страстного раздора и войн через дружелюбие к миру и согласию.

13. чтобы всякий человек в глубине своей души стал поистине единым без всякого разлада с самим собой, и всякая семья, и всякий дом составили бы единое тело, равно как и всякий город, царство и весь народ, а в конце концов и весь род человеческий со всей совокупностью мира и со всеми ангельскими хорами, - сделавшись единым под началом Единого, воистину Единого, во веки вечные Единого, которому хвала и слава навеки, аминь!

14. И всякий человек (а потом и семья, и общество, и государство, и церковь и т. д.) станет в своей сути светлым творением божиим, избавленным от мрака, уверенным в свете и истине;

15. и всякий человек исполнится истинной и нерушимой радости и достоверности в Боге - равно как и всякая семья, и всякое сообщество, и всякая церковь, и всякая школа.

16. Так первым и надежным началом возрождения стала бы очистка родника чувств, источника интеллекта и ключа воли от всякой грязи, лености, предрассудков и злого упрямства, чтобы повсюду потекли более чистые реки внимания, суждения и бодрой расположенности к принятию большего блага.

Глава IX. Об искоренении опрометчивого и безрассудного, то есть слепого, беспорядочного и насильственного обращения с вещами

1. В главе V мы видели, что исправление дел надо начинать с преодоления пороков, а потом взялись говорить о стоящих на его пути опрометчивых и безрассудных действиях по отношению к Богу и к людям. Чтобы можно было надеяться на всеобщее исправление, мы все должны затем отучиться от безрассудного обращения и с вещами. Надо поэтому сказать, (1) что такое опрометчивое и безрассудное обращение с вещами, (2) какими средствами его надо исправить (3) и каким путем.

2. Безрассудно обращаться с вещами - значит (1) либо мыкаться по свету словно без глаз, рук и души, ничего не понимая в свойствах или назначении вещей, (2) либо смотреть на вещи всегда чужими, не своими, глазами, (3) либо, наконец, применять вещи не для того, для чего каждая из них дана, а для чего-то другого, действуя неумело, беспорядочно, насильственно.

3. Относиться к вещам без внимания - первая ступень дикарства и начало бесчисленных зол. В самом деле, мир полон вещей, и все они существуют и живут ради нас, так что если люди невнимательны к сути, причинам и способу существования вещей, вещи останутся бесполезно разбросанными по своим беспорядочным множествам. Мало того: на каждом шагу зло смешано в вещах с добром, добро со злом, и только зоркий сможет избежать незаметного вреда, не упустив в то же время скрытой полезности. Слепой или бредущий с закрытыми глазами не может не ушибиться, не споткнуться, не поскользнуться. Хочешь обезопасить его от промахов? Верни ему зрение.

4. Правду сказать, во многих случаях нет недостатка в пристальном внимании к вещам; но до правильного применения этого внимания далеко. В самом деле, люди щепетильны в вещах смехотворных, пустых, ничтожных; в серьезном они оказываются вдруг дикарями. "Стоит актеру чуточку сбиться с ритма, - говорит Цицерон,- или произнести стих с маленькой ошибкой в долготе слога, и его освищут и опозорят". Вот как придирчива толпа к самым ничтожным тонкостям! То же касается танцевальных движений под музыку, кулинарных приправ и других ненужных, мелких, преходящих вещей. Но перейди к важным, умственным, божественным вещам - и тотчас увидишь одичание. Человеческая старательность хромает всего больше там, где она всего больше нужна.

5. Другие, правда, и здесь усердствуют, стараясь не быть невеждами в важных вещах, да не хватает предприимчивости в самостоятельном исследовании вещей: не задают себе труда самостоятельно разобрать, взвесить, изучить дело и

плетутся в хвосте у других, считая незыблемым всё, что им внушают. Такие люди ищут знания только в книгах и роются в библиотеках, загромождая ум чужими мнениями о вещах. Я говорю, что они смотрят на мир чужими глазами и уподобляются человеку, который, надевая на нос разные очки, надеется увидеть три дерева там, где видел два.

6. Третий род безрассудных - те, кто хочет, чтобы вещи (все равно, познанные или непознанные) служили по их воле: не так, как требует природа каждой, а чтобы ключом колоть дрова, топором открывать ворота, заставлять быка охотиться за зайцем, в рыбачьи сети ловить оленей и так далее, веля быть тому, чего не может быть. Ведь не всё что угодно приспособлено ко всему что угодно. Не обращая на это внимания, смертные в своем подходе к вещам по большей части берут за правило тираническое: "Так я хочу, так велю; вместо разума будет пусть воля". А когда бестолково употребляемые вещи не подчиняются, их обычно забрасывают как бесполезные, отвергают и губят вопреки всем (показанным в "Мире искусства") законам природы и разума.

7. Из этого троякого корня безрассудства плодится троякое зло.

Первое зло в том, что некоторые - и даже целые народы - не имеют или не читают никаких книг и живыми учителями мудрости тоже пренебрегают, погружаясь вместе с животными в одну чувственную жизнь. Если не положить конец этой дикости, никакого преображения не наступит: мир постоянно будет такой, какой он есть, - жестокий, бессмысленный, неразумный, блуждающий в потемках, спотыкающийся на каждом шагу, падающий в разнообразные западни.

8. Другая беда бывает от переизбытка руководств: бесконечная неразбериха мнений, намерений и предприятий. В самом деле, поскольку многие и не хотят, и не умеют идти своим путем, то, цепляясь за заблудших водителей, они не могут не блуждать вместе с ними, а следуя за разными авторитетами, неизбежно теряются и путаются на распутьях. Это можно видеть на примере культурных народов, которые тем больше приходят в разлад и изводят себя в столкновениях мнений, чем больше имеют школ, книг и ученых занятий, - так что если мы хотим расчистить пространство для исправления мира, то надо будет или разрушить, или завалить еще и эти лабиринты.

9. Третье зло идет от неумелого применения вещей. Из-за него среди щедрого изобилия, которое Господь заготовил для обитателей дома своего мира, многие смертные или мучимы нищетой, или вместо наслаждения терпят тяготы, вместо здоровья страдают от болезней, вместо долголетия встречают безвременную смерть. Если не прекратить это насилие (как в виде действия, так и в виде бездействия) над вещами, полноценное возрождение мира невозможно.

10. Так что же делать? Троякой чуме надо противопоставить троякое лекарство: (1) слепоте - руководство и исцеляющие снадобья, (2) обманам зрения - изгнание мрака и более ясный свет, (3) извращениям - умелое обращение с вещами.

11. Как благоразумным водительством следует охранять от падений ослепленную пороком человеческую природу и как надлежит раскрыть все ее способности, было разобрано в Пампедни и будет еще затронуто ниже, в гл. XXII: разумно ведя всех с самого раннего возраста и потом в течение всей жизни через театры божественной премудрости, надо предоставить всем возможность непрестанного упражнения чувства, разума и веры.

12. Поскольку же обманы зрения происходят от мрака, не дающего ясно разглядеть ни цель, ни надежный путь к цели, и поскольку один водитель показывает и предлагает одно, другой - другое, единственное лекарство будет в том, чтобы вести всех прямо к самим вещам в ярком свете истины, идя одним-единственным, простым и открытым путем и минуя все перепутья, коим несть числа. Хочу этим сказать, что искатели света премудрости должны искать его у источника премудрости, Господа - в его деяниях, речениях и помыслах, - а не у тех, кто встал вне истинного Бога и истинного знания о нем и, называя себя мудрым, обезумел; не у языческих философов, не у тех, кто еще не видит, а пока только ищет, на тысячу манер пробуя один одно, другой другое и годясь больше на то, чтобы всё запутать, а не распутать. Надо избавить умы от языческой философии и от безбрежного хаоса книг.

19. Чтобы воссияли для Израиля времена окончательного освобождения, он должен избавиться не только от чуждого ига, но и от нагромождений своего же домашнего груза. Что это за груз? К нему относится, между прочим, и безбрежная, для мира уже невыносимая масса книг, написанных от человеческого ума. Разумеется, изобретение письма, незаменимого средства против подстерегающего людей забвения, - неоценимый дар божий, и всякий с готовностью согласится, что мудрецы оставили в письменных памятниках свои высокие думы на благо потомкам. Однако страшное злоупотребление полезнейшей вещью, давшее о себе знать еще в век Соломона, распространилось теперь до невозможности: души раздерганы бесчисленными поучениями так, что не остается уже никакой надежды на всеобщее согласие, хотя бы мир просуществовал еще тысячу тысяч лет. Наоборот, если, оставив человеческие измышления, взяв вождем единственного Бога с тремя его книгами, мы все будем держаться только его пути, к нам придет столь же достоверная надежда, как достоверно то, что сердце, уста, руки божии не могут быть между собой в раздоре. Итак, святое дело - избавить сынов церкви от этого, как говорит Соломон (Еккл. 12, 12), бесконечного терзания, как бы вернуть их после странствий домой, к самим себе, в свое жилище (природу вещей) и к общему отцу (Богу) и взамен томительных лабиринтов подарить радостный рай.

20. Последним лекарством от безрассудного и опрометчивого обращения с вещами будет то, что все мы, остерегаясь злоупотреблений, начнем наблюдать и соблюдать истинные законы применения вещей. Да сгинет правило тирана, часто действовавшее до сих пор в отношении как вещей, так и людей:

Так я хочу, так велю; вместо разума будет пусть воля.

Пусть на смену ему придет другое высокое правило:

Так хотят вещи и Бог; моей воли причиною - разум.

В самом деле, Бог велит и предписывает, а совестливый разум заставляет ни одну вещь не применять для иной цели и обращаться с ней иначе, чем она сама хочет, чтобы ее применяли и с ней обращались. Для точного соблюдения этого потребуется надежное руководство истинной и ясной философии. Поспешим же к ней!

Глава XII. О новой всеобщей политии, направительнице человеческого общества к состоянию совершенства

Основой мирного века будет всеобщая полития - насколько возможно совершенное осуществление человеческого благоразумия при управлении человеческой природой, благодаря чему всё в жизни каждого человека будет пребывать и сохраняться в мире, каждый человек, никем и ничем не тревожимый, будет безмятежно и уверенно владеть своим достоянием и свободно пользоваться общей свободой, а всё человеческое общество (малое, большое и всемирное) придет в такое же согласие, как и сам созданный премудростью Божией и прекрасно хранящий самого себя своей благоупорядоченностью мир, как любое живое и здоровое тело растения, животного и человека или как любое построенное искусством тело часов, кареты, корабля и т. д. Эту политию можно было бы назвать гражданствованием святых или, по Даниилу (7, ст. 18, 22 и 27), царством святых, глава и правитель которых - сам царь царей, Иисус Христос. (Слово "полития" приходится употреблять здесь в более широком смысле, чем его изначальное значение. Оно идет от πολις "город, общество граждан" и прежде всего означает то более воспитанное обращение, которое принято между городскими жителями, в отличие от деревенщины. Поскольку, однако, само слово πολις происходит в свою очередь от πολεω "вращать, вращаться"[6] и обычно употребляется для обозначения всякого отточенного, воспитанного и приятного общения между людьми, употребим его так же и здесь: "политика" будет означать искусство мудрых взаимоотношений и благоразумного управления каким угодно и сколь угодно великим человеческим обществом, а "полития" - соответствующее состояние общества, неизменно мирное, обеспеченное, благоустроенное.) Она по праву сможет называться всеобщей, или универсальной, политией: всю жизнь всех людей она будет блюсти в неизменном и безмятежном покое (полагаясь на милосердие Бога, если он когда-то сочтет мир достойным такого покоя), неизменно помогая ее распространению и возрастанию до тех пор, пока весь род человеческий не станет огненно-светлым стеклянным морем, - но без притока и оттока, без коловращения и буйства, - над которым встанут с гуслями и восславят

Бога победители звериного века (Откр. 15, 2). По праву она сможет именоваться и новой, хоть построена согласно извечным идеям неба и земли: такого, какой была на небесах до дерзкого бунта части ангелов, какой сохраняется посейчас в иерархии добрых ангелов и какой стала бы у людей, процветавших бы в благом порядке, мире и покое, если бы они не совратились и не пали в раю.

Назначением, или целью, этой политии будет собирание народов вселенной в согласии: безмятежный мир в роде человеческом, прекращение войн и устранение самих причин к войнам. До сих пор были времена розни; отныне начнутся времена мира (...)

Основание новой политии - человеческая природа, познанная внутренним чувством, разумом, или светом ума, в опоре на опыт внешних чувств с наглядными примерами и на божественное откровение; политику-христианину будет стыдно учреждать что бы то ни было, помимо чувства, разума и божественного авторитета. В самом деле, человеческая природа сотворена свободной, она не терпит и не может терпеть принуждения, если не хочет разрушить себя, и пребывает в равновесии со своим ближним, тоже во всех отношениях свободным. Равновесие это сводится к закону:

ЧТО | хочешь / не хочешь | ЧТОБЫ ДЕЛАЛИ ТЕБЕ, | делай / не делай | ДРУГОМУ!

В нем вершина божественного закона, нравственного закона, гражданского закона и права всех народов. Пожелай мы во всем его соблюдать - и вся юриспруденция вместе с глубинами политики стала бы общедоступнейшим делом; не было бы надобности в подробных и путаных законах и казусах, если бы мы дали им правильное определение, научились их предупреждать и в конце концов упразднили. Апостол в этом смысле возвестил, что закон не установлен для праведника.

Средства - три: (1) живой пример, неизменный и яркий; (2) точные, ясные, краткие законы для всех случаев; (3) их должное исполнение. В самом деле, если бы правители пожелали воспитывать управляемых (1) примерами неотступного исполнения долга, (2) увещаниями жить в согласии с законами, (3) внимательным и строгим исправлением проступков, а управляемые пожелали бы (1) следовать добрым примерам, (2) повиноваться праведным законам, (3) исправляться и совершенствоваться, - то исчезло бы в роде человеческом насилие, стало бы шириться и процветать всё.

Способы их применения:

1. Все средства должны быть введены в действие и не упущено ничто, могущее способствовать миру и покою, чтобы всё утвердилось в мире, чтобы и пес не лаял ни на кого (как говорится в книге Иудифь) и исполнилось всё сказанное об изобилии мира в царстве Христовом.

2. Упорядоченность. Должны быть главенствующие и подчиненные. Во всяком государстве да будет верховная власть, которой подчиняются прочие; единое судилище, рассуживающее остальные; в этом едином судилище - единый судья, подобно тому как в едином городе должны быть единые общественные часы, по которым велись бы все общественные дела. Внимание высших к низшим - как непосредственное, так и через явных заместителей, префектов, и тайных, вестников, - должно быть постоянным. Над всеми и над всем учреждаются эфоры (1) для простонародья, (2) для нищенствующих, (3) для ремесленников, (4) для торговцев, (5) для молодежи, (6) для находящихся в супружестве, (7) а также для властей - и это не только в государстве вообще, но и в школах, и в церкви, и даже в каждом доме. Больше того, было бы прекрасно всем благоразумным гражданам государства исполнять какую-либо должность и быть таким образом для самих себя хранителями и наблюдателями ради повсеместного соблюдения порядка и справедливости. А мерою всех деяний должны быть закон и правда.

3. Подлинность и надежность. Надо не рассуждать и созерцать, а действовать и совершать, чтобы наша полития была не тенью или бесплотной идеей, а живым телом, скрепленным узами законов и права, наград и наказаний так, чтобы совестливые и благородные поступки совершались с охотой, а злые внушали отвра-

щение, и вся наша полития являла собой не пустую теорию, а практику нравственного мира, возвращая всё по мере возможности к единству.

Характер общения между гражданами всего лучше вывести из идеи человека как образа божия, а именно (1) как всякий человек должен вести себя по отношению к Богу, так он пусть ведет себя по отношению к образу божию, то есть к себе самому и ближним, и (2) как Бог ведет себя по отношений к своему образу, так и мы – по отношению к его образу: он указывает нам путь своим примером. Кроме того, идеи истинной политии можно заимствовать из природы – скажем, пусть хозяин учится благоразумию у муравья, а политик у пчел – и из созданий искусства, причем не походя, принимая сходства за нечто случайное, но всерьез, видя в них образы, предназначенные вечной премудростью именно для нас. В самом деле, для природных созданий эти их действия служат важной цели и производимые ими плоды реальны; таковы же должны быть и наши. Например, всякое живое, органичное и упорядоченное тело есть от Бога посланная нагляднейшая идея согласия, которой должен держаться любой общественный организм. И если мы хотим свободных, удобных, надежных отношений между людьми, то науке общения надо будет учиться не у людей (особенно каких-нибудь ахитофеликов и макиавеллистов), а у Бога, у здравого разума и у природы с ее наглядными примерами, – такими, как согласие между органами тела, небесными телами и т. д. Когда язычники и некоторые из наших начинают строить общество иным порядком, из них выходят Ахитофелы, Сибны, Гаманы, скорее возмутители, чем устроители спокойствия. Надо возродить политику патриархов, Давида, Соломона (Пс. 101).

Итак, мы рассмотрели назначение, средства, приемы новой политии. Из вышесказанного уже легко можно вывести: (1) что такое полития святых в своей сути? Ответ. Полития святых есть не что иное, как разумное и мирное общежительство всех людей при постоянном, внимательном и благоразумном стремлении никому не вредить, воздавать каждому должное и неизменно поддерживать самого себя, своих ближних, других и все в мире в наилучшем возможном положении. (2) Каково различие между этой политией и тем, что мы излагали в Пансофии? Такое же, как между практикой и теорией: наша новая всеобщая полития по своей сути должна быть не чем иным, как практическим осуществлением нравственного мира. (3) Какая разница между современной политией и нашей новой? Ответ. Существовавшая до сих пор политика была многотрудной, утонченной и коварной, когда люди искали не столько Бога и общественное благо, сколько свою частную выгоду, заботу о всеобщем благосостоянии общества превращали в преследование личных интересов и вместо природной простоты были вынуждены следовать сложным хитростям. Недаром и не было никогда в мире настоящего покоя, а только подозрительность, зависть, ненависть, мятежи, войны и т. д., – словом, принуждение и насилие. Наоборот, в новой политии все подлежит возвращению к первым началам (всеобщности, простоте, самопроизвольности); воцарится, наконец, добрый порядок. В противном случае, чем изощреннее будут писать и учить о политических искусствах, тем более извращенным все будет становиться в человеке и в мире. Порядок человеческой жизни держится на изначальных добрых нравах; это значит, что необходимо вернуться к первобытной райской простоте, о которой учит и на которой настаивает Бог в Писании. (...)

Далее можно ответить и на следующий вопрос: будут ли существовать тогда войны? Нет, потому что изначально их не было. Драки – дело дьявола, поскольку небесный Отец до поры не искоренял их, терпел и стремился направить к лучшему. Однако Христом предначертано и провозвещено иное: некоторое время надлежит претерпеть и пройти через противоборство (Лук. 2, 34; Матф. 10, 34), но потом Господь отменит войны и сделает так, что повсюду будет мир; никто не будет стремиться к войне, ибо волки, медведи, тигрицы, львы, отложив свою ярость, соединятся со стадом Христовым. (...)

Спрашивается, какою же будет форма правления? О наилучшей и превосходнейшей форме правления споры ведутся до сих пор. Но всякое благо – в умеренности; всякое зло от излишка и злоупотребления. Так, миром правит самодержец Бог, однако через ангелов и людей; свой дух он дарует всякому творению, но всегда – через избранных им себе помощников. Аристократия правит народом че-

рез кого-то одного, избранного из своей среды ради порядка. Демократия избирает правительство и одного, кто в свой черед всеми управляет. А что будет при новом состоянии мира? Все формы правления должны будут расцвести во всех трех состояниях: монархия – потому что Христос будет править царями, епископами, философами; аристократия – потому что лучшие люди будут повсюду вести дела; демократия – потому что каждый без исключения будет в своем доме и в глубине своей совести и царь, и священник, и мудрец для себя и для других.

О, счастливо будет тогда человеческое общество! О славное царство! Его главой и повелителем будет Христос, чьими управляющими будут лучшие из народа, а подданными – цари, священники, ученые! Не может быть, чтобы не наступил мир и всеобщее процветание там, где мирный Господь возглавляет все человеческие дела, где лучшие люди ему служат, где все подданные научились, захотели и смогли управлять собой, поклоняться божеству, наставлять и просвещать самих себя и других!

БЕРЖЕРАК С. ДЕ
Иной свет, или Государства и империи Луны[1]

Светила полная Луна, небо было ясно и уже пробило девять часов вечера, когда я и четверо моих друзей возвращались из одного дома в окрестностях Парижа. Наше остроумие, очевидно, отточилось о камни мостовой, ибо в какую сторону оно ни обращалось, всюду оно заострялось, и как далека ни была Луна, она не могла от него спастись. <…>

Я был так удивлен, как тем, что увидел книгу, которая сама себя принесла, так и тем, на какой странице она оказалась открытой и в какую минуту все это произошло, что все это сцепление обстоятельств я считал за внушение свыше, требовавшее от меня, чтобы я разъяснил людям, что Луна – обитаемый мир. <…>

<…> Но, прибавил я, как же мне объяснить себе эти сомнения иначе, как поднявшись на Луну? И почему же нет, тотчас же отвечал сам себе. – Ведь восходил же Прометей на небо, чтобы похитить огонь. Разве я менее отважен, чем он? И какие же у меня основания не надеяться на такую же удачу?

За этими вспышками горячечного бреда последовала надежда, что мне удастся совершить это чудное путешествие.

Чтобы довести дело до конца, я удалился в довольно уединенный дом в деревне, где, предавшись моим мечтаниям и обдумав несколько возможностей их осуществить, я поднялся на небо и вот каким образом. <…>

<…> Подкрепив свое сердце бутылкой целебной настойки, я отправился на поиски своей машины, но не нашел ее, так как кучка солдат, которых послали в лес нарезать сучьев для праздничных костров, случайно набрела на нее и принесла ее в форт. Долго рассуждали они о том, что бы это могло быть, наконец напали на изобретенную мною пружину; тогда стали говорить, что нужно привязать к машине как можно больше летучих ракет: благодаря быстроте своего полета они унесут ее очень высоко; одновременно с этим под действием пружины начнут махать большие крылья машины, и не найдется ни одного человека, кто бы не принял ее за огненного дракона.

Долго я не мог найти ее, наконец разыскал посереди площади Квебека, в ту минуту, когда собирались ее зажечь. Увидя, что дело моих рук в опасности, я пришел в такое отчаяние, что побежал и схватил за руку солдата в ту минуту, когда он подносил к ней зажженный фитиль; я вырвал фитиль из его рук и бросился к своей машине, чтобы уничтожить горючий состав, который ее окружал; но было уже поздно, и едва я вступил на нее ногами, как вдруг я почувствовал, что поднимаюсь на облака. Ужас, овладевший мной, однако, не настолько отразился на моих душевных способностях, чтобы я забыл все то, что случилось со мной в эту минуту. Знайте же, что ракеты были расположены в шесть рядов по шести ракет в каждом ряду и укре-

[1] *Утопический роман XVI-XVII веков. М., 1971. С.227-297.*

плены крючками, сдерживающими каждую полдюжину, и пламя, поглотив один ряд ракет, перебрасывалось на следующий ряд и затем еще на следующий, так что воспламеняющаяся селитра удаляла опасность в то самое время, как усиливала огонь. Материал, наконец, был весь поглощен пламенем, горючий состав иссяк, и когда я стал уже думать только о том, как сложить голову на вершине какой-нибудь горы, я почувствовал, что хотя сам я совсем не двигаюсь, однако, я продолжаю подниматься, а что машина моя со мной расстается, падает на землю.

Это невероятное происшествие исполнило мое сердце такой необычайной радостью, и я был так счастлив, что избежал верной гибели, что я имел наглость начать по этому поводу философствовать. Итак, в то время как я искал глазами и обдумывал головой, что же могло быть причиной всего этого, я увидел свое опухшее тело, еще жирное от того бычачьего мозга, которым я натер себя, чтобы залечить раны, полученные при падении; я понял тогда, что Луна на ущербе (а в этой четверти она имеет обыкновение высасывать мозг из костей животных), что она пьет тот мозг, которым я натерся и с тем большей силой, чем больше я к ней приближаюсь, причем положение облаков, отделяющих меня от нее, нисколько не ослабляло этой силы.

Когда, по расчету, сделанному мною много времени спустя, я пролетел три четверти расстояния, отделяющего Землю от Луны, я почувствовал, что падаю ногами кверху, хотя я ни разу не кувыркнулся; я бы даже не заметил такого своего положения, если бы почувствовал на голове своей тяжесть своего тела. Правда, я скоро сообразил, что не падаю на нашу Землю, ибо, хотя и находился между двумя лунами, я ясно понимал, что удаляюсь от одной по мере приближения к другой; я был уверен, что самая большая из этих лун – земной шар, ибо после дня или двух такого путешествия она стала представляться мне лишь большой золотой бляхой, как и другая луна, вследствие того, что отдаленное отражение солнечных лучей совершенно сгладило все различие поясов Земли и контуров тел. Ввиду этого я предположил, что спускаюсь к Луне, и утвердился в этом предположении, когда вспомнил, что начал падать собственно только после того, как пролетел три четверти пути. Ведь эта масса, говорил я сам себе, меньше чем масса нашей Земли, поэтому сфера ее воздействия тоже должна охватывать меньшее пространство, вследствие чего я позднее почувствовал на себе силу ее притяжения.

Я, очевидно, очень долго падал, о чем могу только догадываться, так как быстрота падения мешала мне что-либо замечать, и самое первое, что я могу вспомнить, это то, что я очутился под деревом, запутавшись в трех или четырех толстых ветках, которые треснули под ударом моего падения, и что лицо мое было мокро от расплющенного на нем яблока.

К счастью, это место было, как вы вскоре узнаете, земным раем, а дерево, на которое я упал, оказалось древом жизни. Итак, вы понимаете, что, не будь этого счастливого случая, я бы был тысячу раз убит. Часто впоследствии я думал о распространенном в народе представлении, будто, бросаясь с очень высокого места, человек умирает от удушения прежде, чем коснется земли; из случившегося со мной происшествия я заключил, что это ложь, или же, что живительный сок плода, который потек мне в рот, вернул в тело мою душу, так как она еще не была далеко от него, и оно не успело еще остыть и отвыкнуть от своих жизненных функций. Действительно, как только я очутился на земле, всякая боль у меня прошла даже раньше того, чем она исчезла из моей памяти, а о голоде, от которого я раньше сильно страдал, я вспомнил только потому, что перестал ощущать его. Когда я поднялся, я едва успел рассмотреть самую широкую из четырех больших рек, которые, сливаясь, образовывали озеро, как мое обоняние исполнилось самым сладостным ароматом от разлитого по этой местности благоухания незримой души трав. Я узнал также, что подорожный камень здесь неровен и тверд лишь на вид и становится мягким под шагами.

Прежде всего я увидел перекресток, где скрещивалось пять великолепных аллей, обсаженных деревьями, которые по своей необычайной высоте, казалось, поднимались до самого неба в виде высокоствольного леса. Оглядывая их от корня до самых верхушек и еще раз спускаясь взором от верхушек до подножия, я усомнился в том, несет ли их земля или сами они несут землю, прицепившуюся к их кор-

ням; их гордые вершины, казалось, тоже гнулись под тяжестью небесных сводов, бремя которых они несли лишь с тяжелыми стонами. Их ветви, распростертые к небесам, казалось, обнимали их, моля светила небесные осенить их благосклонным и очищающим своим воздействием, и о том, чтобы воспринять его еще чистым и не утратившим своей девственности от смешения с земными элементами. Здесь со всех сторон цветы, единственный садовник которых – природа, издают сладостный, хотя и дикий аромат, который возбуждает и радует обоняние. Тут алый цветок шиповника, лазоревая фиалка, растущая под терновником, не оставляют свободы для выбора, и одна вам кажется прекраснее другой; здесь весна не сменяется другими временами года, здесь не вырастает ядовитое растение, а если оно и появляется, то сейчас же погибает; здесь ручьи веселым журчанием рассказывают камням о своих путешествиях; здесь тысячи пернатых певцов наполняют лес звуком своих мелодичных песен; сборище этих трепещущих божественных музыкантов так велико, что кажется, будто каждый лист этого леса превратился в соловья. Эхо так восхищается их мелодиями, что, слушая, как оно их повторяет, кажется, будто оно само хочет их выучить. Рядом с этим лесом видны две поляны, их сплошная веселая зелень кажется изумрудом, которому нет конца. Весна, рассыпая разнообразные краски по сотням мелких цветочков, смешивает их с восхитительной небрежностью и оттенки их перебрасывает с одного цветка на другой; и не знаешь, друг от друга ли бегут эти цветы, волнуемые летним зефиром, или же они убегают от него, чтобы спастись от шаловливых его ласк. Этот луг можно было бы даже принять за океан, ибо он безбрежен, как море, и мой взор, испуганный тем, что забежал так далеко и не увидел края, поспешил послать туда мою мысль; мысль же моя, сомневаясь в том, что это конец мира, хотела убедить себя, что красота этих мест, быть может, заставила небо соединиться с землей. Среди этого великолепного и обширного цветочного ковра серебряной струей пробивается ключ; трава, окаймляющая его, пестрит кувшинками, лютиками, фиалками и сотней других мелких цветов; они теснятся к воде, будто каждый из них спешит полюбоваться на свое отражение. Но ручей еще в колыбели; он только что родился, и на его юном и гладком лице нет ни одной морщинки. Большие изгибы, которые он делает, по тысячу раз возвращаясь к месту своего рождения, показывают, что он очень неохотно покидает свою родину, и, как бы устыдившись того, что его ласкают в присутствии матери, он журча отталкивает мою руку, которая хочет к нему прикоснуться. Животные, подходившие к ручью, чтобы утолить свою жажду, более разумные, чем животные нашей Земли, выражали свое удивление тому, что с неба льется свет, между тем как они видят солнце в ручье; они не решаются склониться к краю воды из опасения упасть на небо.

Я должен вам признаться, что при виде стольких красот я ощутил то приятное и болезненное чувство, которое, говорят, испытывает эмбрион в ту минуту, когда вливается в него душа. Старые волосы упали с меня и уступили место другим, более густым и более мягким. Я почувствовал, как загорелась во мне молодая кровь, мое лицо покрылось румянцем, моя естественная теплота незаметно и гармонически проникла все мое существо, одним словом, я оказался помолодевшим на четырнадцать лет.

Я прошел приблизительно с полмили в лесу жасминов и мирт, когда заметил, что в тени что-то зашевелилось. Это был юноша, величественная красота которого заставила меня с благоговением пасть перед ним на колени. Он встал, чтобы помешать этому. «Не мне, – сказал он, – а богу ты должен поклоняться». «Вы видите человека, – сказал я, – потрясенного этими чудесами настолько, что он не знает, чем он должен прежде всего восхищаться, ибо, прибыв сюда из мира, который вы здесь, без сомнения, считаете Луной, я предполагал, что попал в тот мир, который мои соотечественники с своей стороны точно так же называют Луной; а между тем я очутился в раю, у ног божества, которое не хочет, чтобы ему поклонялись».

<…> Я был чрезвычайно удивлен, увидя, что я совсем один и в совершенно неизвестной мне стране. Сколько я ни озирался кругом, сколько ни оглядывал окружавшую меня местность, я не видел ни одного живого существа, которое радовало бы взор. Наконец я решил идти вперед, до тех пор, пока судьба не пошлет мне навстречу какое-нибудь живое существо или же смерть.

Судьба действительно исполнила мое желание, и, пройдя четверть мили, я увидел перед собой двух больших и сильных зверей. Один из них остановился передо мной, другой с необыкновенной легкостью убежал по направлению к своему жилищу, по крайней мере, я так предположил, ибо некоторое время спустя он вернулся в сопровождении более чем семи или восьми сотен подобных же зверей, которые и окружили меня. Когда я мог их разглядеть поближе, я увидел, что они похожи на нас как лицом, так и сложением и ростом. Это приключение напомнило мне слышанные мною в былые времена рассказы моей кормилицы о сиренах, фавнах и сатирах. От времени до времени эти звери издавали такое бешеное гиканье, вызванное, вероятно, моим видом, который приводил их в восхищение, что я сам чуть было не поверил, что превратился в чудовище. Наконец одно из этих существ, полулюдей, полузверей, ухватило меня за шиворот, так, как волк хватает овцу, перекинуло меня себе за спину и понесло меня в их город, где я был еще более удивлен, ибо увидел, что эти звери действительно люди, но что ни один из них не ходит иначе, как на четырех ногах.

Когда я проходил мимо толпы этих людей и они увидели, как я мал ростом (большинство из них имеют в длину более двенадцати локтей), а также и то, что мое тело поддерживается двумя только ногами, они не хотели верить, что я человек, ибо считали, что если природа одарила человека, как и зверя, двумя руками и двумя ногами, он должен пользоваться ими так же, как делают это они. И действительно, раздумывая впоследствии по этому поводу, я пришел к заключению, что такое положение вовсе не так нелепо: я вспомнил, что ведь дети ходят на четвереньках, пока единственной наставницей их является природа, и что они становятся на две ноги только по наущению своих нянек, которые сажают их в колясочки и привязывают ремнями, чтобы помешать им вновь упасть на четвереньки, – единственное, собственно, положение, при котором человеческое тело естественно отдыхает.

Оказывается, они говорили (мне это разъяснили уже впоследствии), что я несомненно самка маленького животного королевы. В качестве ли этого животного, или чего-либо другого, меня повели прямо в городскую ратушу, где я понял из общего говора и из жестов как народа, так и членов магистрата, что они совещаются о том, чем бы я мог быть. После того как они долго обсуждали этот вопрос, некий гражданин, на котором лежала обязанность охранять редких зверей, стал упрашивать городских старшин сдать меня ему на хранение, пока королева не пришлет за мной, чтобы соединить меня с моим самцом. Этому не встретилось препятствий, и фокусник принес меня к себе в дом, где научил меня изображать шута, кувыркаться, строить гримасы; в послеобеденное время он брал деньги за вход и показывал меня желающим. <…>

<…> Вы должны знать, что во всей стране принято два наречия: одно служит для знати, другое – в употреблении у народа.

Язык знатных не что иное, как различное сочетание нечленораздельных звуков, слегка напоминающих нашу музыку, когда к мелодии не присоединяется слов, и, конечно, это изобретение в то же время и приятное и полезное, ибо когда эти люди устали говорить, или же когда они не хотят более тратить горло для этой цели, они берут лютню или какой-нибудь другой инструмент, которым они владеют так же хорошо, как и голосом, для передачи своих мыслей, так что иногда их соберется целое общество в пятнадцать или двадцать человек и какой-нибудь богословский вопрос или сложный процесс обсуждается ими при помощи самого прекрасного концерта, который может ласкать ухо.

Другой язык, тот, который в употреблении у народа, осуществляется посредством движения членов, но не так, как можно было бы думать, ибо движение некоторых частей тела уже прямо обозначает целую речь. Например, движение пальца руки, уха, губы, глаза, щеки составляет каждое в отдельности молитву или же целый период со всеми его членами. Другие движения служат только для того, чтобы обозначать отдельные слова, таковы, например, такие движения, как сморщивание лба, подергивание мускулов, поворот ладони к верху, хлопанье ногами, выворачивание рук, все эти движения выражают отдельные слова, потому что при существующем у них обычае ходить голыми и привычке жестами передавать свои мысли, когда они говорят, члены их находятся в таком непрерывном движении, что кажет-

ся, будто имеешь перед собой не человека, который говорит, а тело, которое дрожит. <…>

<…> Мой спутник повел меня в залу, великолепно убранную, где, однако, я не заметил никаких приготовлений к ужину. Такое отсутствие всего съестного, когда я совершенно изнемогал от голода, вызвало с моей стороны вопрос: где накрыт стол? Ответа я уже не слушал, так как в эту минуту ко мне подошли трое или четверо юношей, дети нашего хозяина; они с большой учтивостью сняли все, что было на мне надето, до самой рубашки. Этот новый обряд меня до такой степени озадачил, что я не решился спросить у своих прекрасных слуг, для чего это делается, я даже не понимаю, как мой гид на свой вопрос, с чего я хочу начать, добился от меня ответа: с супа. Но едва я выговорил эти слова, как я почувствовал запах самого сочного навара, который когда-либо ласкал обоняние дурного богача. Я хотел встать, чтобы носом проследить, где же источник этих приятных испарений, но мой гид остановил меня. «Куда вы? – спросил он. – Мы скоро пойдем гулять, а теперь время еды, кончайте ваш суп, после этого мы закажем что-нибудь другое». «Да где же, черт возьми, этот суп? – гневно крикнул я, – уж не побились ли вы об заклад издеваться надо мной весь сегодняшний день?» «Я думал, – возразил он, – что в том городе, откуда мы пришли, вы видели, как ваш хозяин или кто-либо другой принимает пищу, потому я вам еще не говорил о том, как здесь питаются. Так знайте же, если это вам до сих пор не было известно, что здесь люди питаются одними испарениями. Все поваренное искусство состоит здесь в том, чтобы в большие сосуды, сделанные специально с этой целью, заключить те пары, которые выделяются из мяса во время его варки; когда наберется достаточное количество таких сосудов различных сортов и различного вкуса, то, в зависимости от аппетита гостей, раскупоривают тот сосуд, в котором заключен требуемый запах, затем другой и так далее, пока общество не насытится.

Если вы никогда не питались таким образом, вы не поверите, что один нос, без помощи зубов или гортани, может для питания человека заменить ему рот, но я хочу, чтобы вы убедились в этом по собственному опыту». Не успел он произнести эти слова, как зала стала постепенно наполняться таким приятным ароматом и таким насыщающим, что менее чем через несколько минут я почувствовал себя совершенно сытым. Когда мы встали, он вновь заговорил: «Это не должно вас особенно удивлять, не могли же вы прожить столько времени и не заметить, что в вашем мире повара и кондитеры, которые едят меньше, чем люди других профессий, в то же время самые толстые. Откуда происходит их полнота, по вашему мнению, если не от тех испарений, которыми они постоянно окружены, которые проникают в их тело и питают их? Потому здоровье обитателей этого мира гораздо крепче и не изменяет им, что питание их почти не вызывает выделений, являющихся причиной чуть ли не всех болезней. Вас, может быть, удивило то, что перед обедом вас раздели, так как это не принято в вашей стране, но здесь таков обычай, и это делается ради того, чтобы тело легче могло проникаться испарениями». <…>

<…> Я не буду останавливаться на разных приключениях, задерживавших нас в пути, который в конце концов привел нас к тому городу, где король имел свою резиденцию. Как только мы приехали, меня привели во дворец, где вельможи встретили меня с радостными восклицаниями, однако более сдержанными, чем встречал меня народ, когда я проходил по улицам. Но вельможи пришли относительно меня к тому же заключению, как и народ, т. е. что я, без сомнения, самка маленького животного королевы. Так объяснял дело мой гид, однако ему самому была непонятна эта загадка, и он не знал, что за животное было у королевы; вскоре все это разъяснилось, ибо через некоторое время король велел его привести. <…> Я отвечал на его приветствие почти в тех же выражениях. Но увы, когда они услышали, что мы разговаривали между собой, они еще более утвердились в своем предвзятом мнении, и это не привело для нас ни к чему хорошему, ибо из всех присутствующих даже тот, кто горячее всех стоял за нас, утверждал, что наш разговор не что иное, как хрюканье, вызванное в нас естественным инстинктом и радостью, испытанной при свидании. Этот маленький человек рассказал мне, что он европеец, уроженец старой Кастильи, что он нашел средство при помощи птиц долететь до той Луны, на которой мы теперь находимся; что он попал в руки королевы, что она

приняла его за обезьяну, потому что здешние жители по случайному совпадению одевают своих обезьян в костюм испанцев; что, увидя его одетым в такой костюм, королева не усомнилась в том, что он принадлежит к той же породе. «Надо думать, – возразил я, – что из всевозможных костюмов, которые они на них примеряли, они не нашли ни одного, который был бы смешней; поэтому они так и наряжают своих обезьян, которых держат только для забавы». «Ваши слова показывают, – сказал он, – что вам незнакомо достоинство нашей нации, ради которой вселенная производит человечество, чтобы снабжать нас рабами и в которой природой не создано ничего, что могло бы служить предметом насмешки». Он стал затем упрашивать меня рассказать ему, каким образом я решился подняться на Луну при помощи машины, о которой я ему говорил; я отвечал, что это произошло вследствие того, что он похитил птиц, на которых я собирался взлететь. Эта насмешка вызвала его улыбку, и приблизительно четверть часа спустя король велел сторожам обезьян увести нас, строго наказав им положить меня и испанца вместе для того, чтобы размножить наш род в его королевстве. Воля короля была исполнена в точности, чему я был очень рад, так как мне было приятно иметь около себя человека, с которым бы я мог разговаривать во время своего пребывания в заключении и на положении скотины. Однажды мой самец (меня принимали за самку) рассказал мне, что он объездил всю землю, но нигде не мог найти страны, где бы даже воображение могло быть свободно. Это и заставило его покинуть наш мир для Луны. «Видите ли, – сказал он, – если вы не носите четырехугольной шапочки, клобука или рясы и если ваши слова идут вразрез с принципами, которым учат эти суконные доктора, то, как бы умно вы ни говорили, вы все-таки идиот, сумасшедший или атеист. У меня на родине меня хотели посадить в тюрьму инквизиции за то, что я утверждал в лицо педантам, что существует пустота и что ни одно вещество на свете не весит более другого вещества».

<…> Мы, однако, беседовали только по ночам, потому что с шести часов утра и до вечера нам мешала огромная толпа народа, которая приходила на нас смотреть. Некоторые бросали нам камни, другие орехи, третьи траву. Только и было разговоров, что о животных короля. Нас каждый день кормили в определенные часы, и король и королева часто брали на себя труд ощупывать мне живот, чтобы посмотреть, не наполняется ли он, ибо они сгорали желанием положить начало роду этих маленьких животных. Потому ли, что я был более внимателен к издаваемым ими звукам и к их гримасам, чем мой самец, но я раньше его научился понимать их язык и с грехом пополам его коверкал; вследствие этого на нас стали смотреть иначе, чем до тех пор, и тотчас же по всему королевству распространился слух, что появилось двое диких людей, меньшего роста, чем остальные, вследствие дурного питания, доставленного им природой, и передние ноги которых вследствие изъяна в семени отца были недостаточно сильны, чтобы они могли на них опираться. Это мнение стало распространяться и даже укрепляться, если бы этому не воспрепятствовали жрецы той страны; они говорили, что верить в то, что не только животные, но и чудовища принадлежат к той же породе, как и они, – это ужасающее нечестие. Было бы гораздо естественнее думать, прибавляли наименее страстные из них, что домашним животным, родившимся в нашей стране, дано участвовать в привилегиях, дарованных человеку, а следовательно, и в бессмертии, скорее, чем какому-то чудовищному зверю, который утверждает, что родился где-то на Луне. «А затем обратите внимание на то, какая разница между ними и нами. Мы ходим на четырех ногах, ибо бог не хотел доверить столь драгоценный сосуд менее устойчивому положению и побоялся, что если человек будет ходить иначе, с ним случится несчастие; вот почему он взял на себя труд утвердить его на четырех столбах, дабы он не мог упасть. Строением этих двух скотов он пренебрег и предоставил его игре природы, которая, не беспокоясь о возможной гибели такого ничтожества, утвердила его только на двух ногах».

«Даже птицы, – говорили они, – не так обделены, как обделены они, так как получили перья взамен слабости своих ног, для того чтобы взлететь на воздух, когда мы прогоним их от себя; тогда как природа, отняв две ноги у этих уродов, отняла у них возможность бежать, чтобы спастись от нашего правосудия.

Обратите также внимание на то, как у них голова обращена к небу. Ведь она так поставлена вследствие той скудости, с которой бог оделил их во всем, ибо это умоляющее их положение показывает, что они жалуются небу на своего создателя и умоляют его позволить им воспользоваться теми отбросами, которые остаются после нас. А посмотрите на нас, мы совсем другое дело: у нас голова склоняется книзу, чтобы мы могли созерцать те блага, которыми мы владеем, и еще потому, что на небе нет ничего, чему бы мы могли в нашем счастии завидовать».

Каждый день я слышал в своей конуре, как жрецы рассказывали эти басни или другие, им подобные; они так хорошо овладели умами населения по этому вопросу, что было постановлено считать меня в лучшем случае попугаем без перьев, и тех, кто уже был в этом убежден, они продолжали убеждать в том, что, как и у птицы, у меня только две ноги. Все это кончилось тем, что меня посадили в клетку по чрезвычайному приказу Верховного совета.

Ко мне ежедневно приходил птицелов королевы, на которого была возложена обязанность учить меня насвистывать, наподобие того как здесь учат снегирей; в клетке я был, по правде сказать, счастлив, потому что у меня не было недостатка в корме. Между тем, прислушиваясь к той чепухе, которую несли люди, приходившие на меня смотреть, и от которой у меня уши вяли, я научился говорить, как и они. Когда я достаточно напрактиковался и научился выражать на их языке большинство своих мыслей, я принялся им рассказывать всякие небылицы. В обществе только и было речи, что о прелести моих острот и о моем уме. Дело дошло до того, что жрецы были принуждены опубликовать декрет, по которому запрещалось верить, что у меня есть разум; в то же время был издан очень строгий приказ, относившийся одинаково ко всему населению без различия звания и положения, на основании которого все умные мои поступки должны были быть приписаны инстинкту.

Между тем вопрос о том, что же я в конце концов и как определить мою сущность, разделил город на две партии. Партия, стоявшая за меня, росла со дня на день, и наконец, несмотря на все анафемы, которыми жрецы старались устрашить народ, мои приверженцы стали требовать собрания штатов, чтобы разрешить этот религиозный спор. Долго не могли договориться относительно того, кто будет иметь право голоса, но третейский суд примирил враждующих, уравняв число заинтересованных лиц обеих сторон. Меня, трепещущего, отвели в зал суда, где со мной обращались так сурово, как только возможно себе представить. Экзаменаторы стали, между прочим, ставить мне вопросы по философии, я совершенно чистосердечно рассказал им то, чему научили меня мои учителя; но им не стоило ни времени, ни труда опровергнуть все это очень убедительными доводами. Когда я уже совершенно не знал, что им возражать, я прибегнул как к последнему оплоту к Аристотелю, однако его принципы так же мало помогли мне, как и софизмы, ибо они в двух словах раскрыли мне всю ложность их. Этот Аристотель, говорили мне, ученость которого вы так превозносите, очевидно, прилаживал свою философию к принципам, вместо того чтобы выводить принципы из философии; во всяком случае, он должен был бы прежде всего доказать, что его принципы более разумны, чем принципы других сект, о которых вы нам рассказывали. А потому пусть этот господин остается в покое. В конце концов они убедились, что ничего другого они от меня не услышат, как только то, что они не более учены, чем Аристотель, и что мне запрещено спорить против тех, кто отрицает его принципы, и единогласно вынесли решение, что я не человек, но, быть может, порода страуса, ввиду того, что, как и страус, я держу голову кверху, хожу на двух ногах; после этого птицелову было приказано вновь отнести меня в клетку. Я проводил там время довольно приятно, так как вполне усвоил их язык, и болтовней моей забавлялся весь двор, а прислужницы королевы, между прочим, всегда совали какие-нибудь остатки в мою корзину, та же из них, которая была милее других, прониклась ко мне любовью и приходила в величайший восторг, когда я, сидя в заключении, рассказывал ей о нравах и развлечениях людей нашего света, особенно же о наших колоколах и других музыкальных инструментах, она со слезами на глазах уверяла меня, что если когда-либо я буду иметь возможность полететь и вернуться в наш мир, она охотно последует за мной.

<…> Едва я успел пройти по улице, находившейся против нашего дома, как увидел на другом конце довольно многочисленную толпу людей, имевших печальный вид.

Четверо из них несли на своих плечах нечто похожее на гроб и покрытое черным. Я спросил одного из стоявших на улице зрителей, что означает это шествие, напоминающее мне торжественные похоронные процессии в нашем мире; он мне отвечал, что накануне умер человек злой, заклейменный народом посредством щелчка по правой коленке, изобличенный в зависти и неблагодарности. Более двадцати лет тому назад он был осужден парламентом к смерти в своей кровати и после смерти к погребению. Я рассмеялся его ответу, а он спросил меня, почему я смеюсь. «Вы меня удивляете, – сказал я, – когда говорите, что то, что в нашем мире является признаком благодарности, т. е. долгая жизнь, покойная смерть и пышное погребение, что все это в здешнем мире служит примерным наказанием». «Как? Вы считаете погребение за благословение? – возразил мне этот человек. – Но, по чести, можете ли вы себе представить нечто более страшное, чем мертвое тело, ползающее от множества червяков, которые в нем кишат, отданное на съедение жабам, которые грызут его, одним словом, чуму, облеченную в человеческое тело. Боже милосердный! Одна только мысль о том, что когда я умру, лицо мое будет покрыто простыней и надо мной будет лежать слой земли в пять локтей, уже отнимает у меня дыхание. Этот негодяй, которого несут перед вашими глазами, был приговорен не только к тому, чтобы его тело было брошено в могилу, но и к тому, чтобы во время похорон его сопровождало сто пятьдесят его друзей, а им было приказано в наказание за то, что они любили завистника и неблагодарного человека, явиться на эти похороны с печальным лицом; если бы судьи не сжалились над ними и не приписали его преступления недостатку его ума, то был бы отдан приказ, чтобы они на похоронах плакали. Здесь сжигают всех, кроме преступников; и это обычай очень пристойный и очень благородный, ибо мы думаем, что так как огонь отделяет чистое от нечистого, то тепло, исходящее из пламени, при сожжении по симпатии привлекает то естественное тепло, которое составляло душу умершего, и дает ей силу, поднимаясь все выше и выше, достигнуть какого-нибудь светила, представляющего собою землю, обитаемую другим народом, более бесплотным и более интеллектуальным, чем мы, потому что его темперамент соответствует чистоте того светила, на котором он обитает, составляя его часть; и там это животворное пламя, еще более очистившееся благодаря утонченности элементов этого мира, создает нового гражданина этой огненной страны.

И это еще не самый прекрасный из способов похорон, которым мы пользуемся. Когда кто-нибудь из наших философов достигает того возраста, когда он чувствует, что слабеет его ум и застывают его чувства, он собирает своих друзей на роскошный пир, разъясняет им все причины, заставляющие его принять решение проститься с жизнью, говоря, что он уже мало надеется что-либо прибавить к совершенным им уже деяниям; тогда ему или оказывают милость, т. е. позволяют ему умереть, или дают строгий приказ продолжать жить. Когда же, на основании решения, вынесенного по большинству голосов, ему отдают во власть его дыхание, он сообщает о назначенном для смерти месте и дне своим самым близким и дорогим. Эти последние очищают себя и воздерживаются от еды в течение двадцати четырех часов; затем, придя к жилищу мудреца, они входят в комнату, где благородный старик ожидает их на парадной кровати. Каждый из них по очереди и согласно своему положению подходит к нему и целует его; когда очередь доходит до того, кого он любит больше всех, то, нежно поцеловав его, он нежно прижимает его к своему животу и, прильнув своим ртом к его рту, он правой свободной рукой пронзает свое сердце кинжалом. Любящий друг не отрывает своего рта от рта умирающего любимого человека, пока не почувствует, что он испустил последнее дыхание; тогда он вынимает кинжал из его сердца и, закрывая рану своим ртом, глотает его кровь, которую высасывает сколько может; его сменяет другой, а первого уносят и укладывают на кровать; когда насытится второй, его тоже укладывают и он уступает место третьему; наконец, после того, как это проделает все общество, каждому приводят шестнадцати или семнадцатилетнюю девушку, и в течение тех трех или четырех дней, которые они проводят в наслаждениях любви, они питаются только мясом

умершего, которое должны есть в совершенно сыром виде с тем, что если от ста объятий уродится хотя бы одно существо, они могли бы быть уверены, что это ожил их друг».

Я не дал себе злоупотреблять терпением этого человека и оставил его продолжать свою прогулку. Хотя я недолго гулял, однако на эти зрелища и на посещение некоторых мест в городе я потратил столько времени, что когда я, вернулся, обед ждал меня уже два часа. Меня спросили, почему я так запоздал. «Я не виноват, – сказал я повару, который жаловался, – я несколько раз спрашивал на улице, который час, но мне отвечали, только открывая рот, сжимая зубы и поворачивая лицо в сторону».

«Как! – воскликнуло все общество. – Вы еще не знаете, что этим они показывали вам, который час?»

«По чести, им бы долго пришлось выставлять на солнце свои длинные носы, прежде чем я бы это понял!» – «Это большое удобство, которое дает им возможность обходиться без часов, ибо зубы служат им самым верным циферблатом; когда они хотят кому-нибудь указать время, они раскрывают губы, и тень от носа, падающая на зубы, показывает, как на солнечных часах, то – время, которое интересует любопытного. Теперь, чтобы вам было понятно, почему в этой стране у всех большие носы, знайте, что как только женщина родила ребенка, матрона несет его начальнику Семинарии; а в самом конце года собираются эксперты; если его нос находят короче той определенной нормы, которая хранится у старшины, он считается курносым и его отдают в руки людей, которые его кастрируют. Вы спросите меня, какова причина этого варварства и как возможно, что мы, для которых девство есть преступление, насильно производим девственников? Но да будет вам известно, что мы стали поступать так после того, как в течение тридцати веков наблюдали, что большой нос есть вывеска, на которой написано: вот человек умный, осторожный, учтивый, приветливый, благородный, щедрый; маленький же нос – признак противоположных пороков. Вот почему из курносых у нас делают евнухов: республика предпочитает не иметь детей, чем иметь таких, которые были бы на них похожи». <…>

ВЕРАС Д.
История севарамбов. Избранное[1]
Часть третья. История севариаса

История Севариаса законодателя севарамбов первого вице-короля солнца, и его преемников, или третья часть истории севарамбов

<…> Севариас, достигнув, наконец, главной цели и добившись верховной власти, решительно принялся за обработку и украшение страны, за составление законов, предложенных им затем его новым подданным. <…>

Первоначальным их проектом было разделение народа на различные классы, ибо они думали сначала делить земли и предоставлять их в собственность частным лицам, по примеру почти всех народов нашего материка. Все парси стояли за этот раздел, и было почти решено разделить народ на семь классов, подчиняющихся один другому.

В первом должны были быть земледельцы и все те, которые работают на земле. Во втором — все люди, занимающиеся грубыми ремеслами, как каменщики, плотники, ткачи и им подобные.

Третий должен был состоять из тех, которые занимаются ремеслами более тонкими и более сложными, как живописцы, вышивальщики, столяры и другие подобные им ремесленники. В четвертом объединялись купцы и перекупщики всякого рода товаров.

Богатые буржуа, литераторы и другие люди, занимающиеся свободным искусством, должны были составлять пятый класс. Простые дворяне должны были

[1] *Верас Д. История севарамбов. М.1956. С. 256-304.*

быть включены в шестой класс; и, наконец, седьмой — самый почетный — должен был быть классом разных знатных вельмож. При разделе земель добрая часть земли должна была отойти на обычное содержание государства, а в исключительных случаях каждый класс должен был принимать участие в расходах в соответствии с чинами и средствами, причем никто не мог представлять исключения или пользоваться особыми привилегиями, потому что несправедливо и противоречит здравому смыслу, чтобы те, которые являются членами государства, защищаются его законами и пользуются всеми общественными преимуществами, не принимали участия в его поддержании, в то время как другие обременялись бы податями и налогами. От них освобождалось лишь имущество государя, а все его подданные должны были участвовать в общественных расходах, каждый в соответствии со своим общественным положением и возможностями при равном распределении. Но чтобы они постоянно признавали власть государя и чтобы уплата податей вошла в привычку, предполагалось обложить каждого, достигшего двадцатилетнего возраста, умеренным годовым налогом, который должен был называться подушной податью. Кроме того, если достигшие в законном обладании имуществом и богатствами определенного ограниченного законами предела захотели бы перейти в высший класс, то они были бы обязаны уплатить государству сумму денег, в соответствии с правилами, установленными на этот предмет. Один класс должен был отличаться от другого своей одеждой, чтобы низшие никогда не могли воспользоваться почестями высших, и таким образом каждый занимал бы место соответственно его достоинству. Этот проект, действительным автором которого, мне кажется, был Джованни, должен был заключать в себе еще многие правила. Севариас же, ознакомившись с этим государственным строем и некоторыми другими проектами, предложенными ему, отказался от них и сам составил проект, несравненно более справедливый и лучший, чем те, которые применялись до тех пор. Обладая благоразумием и необыкновенной мудростью, он стал изыскивать и внимательно изучать причины раздоров, войн и других бед, которые обычно омрачают жизнь людей и приводят в уныние народы и нации, после чего он признал, что общественные бедствия исходят главным образом из трех источников: гордости, алчности и праздности.

Гордость и честолюбие большей частью приводят людей к желанию возвыситься над другими и подчинить их себе, и ничто так непотворствует этой страсти, как преимущество знатного происхождения, когда дворянство является наследственным. Блеск знатного имени так сильно ослепляет получивших его из рук судьбы, что они забывают о своем природном происхождении, и мысли их направлены лишь на внешние блага, которыми они обязаны своим предкам, а не собственным заслугам. Они очень часто воображают, что все другие люди должны во всем им подчиняться, что они рождены, чтобы распоряжаться, и не задумываются над тем, что природа создала нас всех равными, не делая различия между дворянином и простолюдином. Природа подвергает нас всех одним и тем же болезням, мы все вступаем в жизнь одним и тем же путем, ни богатство, ни знатность не могут ни на минуту продлить жизнь монархов, а также и их подданных, самое же лучшее, что позволяет отличать людей друг от друга, — это преимущества, вытекающие из добродетели. Чтобы устранить все ненормальности, порождаемые неравенством происхождения, Севариас не пожелал иного деления среди своего народа, кроме как на должностных и на частных лиц, и среди этих последних лишь различие в возрасте могло составить разницу в положении.

Богатство и обладание собственностью вызывают большие контрасты в обществе, и от них ведут начало алчность, зависть, вымогательство и множество других болезней. Поэтому он отменил право собственности, лишил его частных лиц и пожелал, чтобы все земли и народные богатства принадлежали исключительно государству, которое может ими неограниченно распоряжаться, так чтобы его подданные могли получить лишь то, что им будет предоставлено должностными лицами. Таким образом, он совершенно изгнал страсть к наживе, оброки, налоги, голод и бедность, порождающие столько бедствий в различных государствах мира. Со времени установления этих законов все севарамбы богаты, хотя и не имеют никакой собственности. Им принадлежат все богатства государства, и каждый из них может

считать себя столь же счастливым, как самый богатый в мире монарх. Если среди этого народа кому-нибудь понадобится что-либо необходимое для жизни, ему стоит лишь попросить это у должностного лица, и он всегда получит. Ему не приходится заботиться ни о питании, ни об одежде, ни о жилище в продолжение всей своей жизни, ни даже о содержании жены и детей, хотя бы их у него были сотни и тысячи. Государство заботится обо всем этом, не требуя ни податей, ни налогов, и весь народ под управлением государя живет в счастливом довольстве и с обеспеченным отдыхом. Но так как должностное лицо, являющееся главой политического тела, нуждается в помощи других членов, которые необходимо упражнять, а также из опасения, чтобы они не возмутились в довольстве и в удовольствиях или не размякли от безделья, Севариас пожелал дать работу всем своим подданным и держать их в бодром состоянии посредством труда полезного и умеренного.

Для этой цели он разделил день на три равные части: первую часть он предназначил для труда, вторую для развлечений и третью для отдыха. Он пожелал, чтобы все люди, достигшие определенного возраста, которых болезни, старость и другие несчастья не освобождают от выполнения требований законов, работали по восемь часов в день и остальное время употребляли на дозволенные и пристойные развлечения или на сон и отдых. Так жизнь протекает очень спокойно, тело утомляется от умеренного труда, но не напрягается от непосильной работы. Ум занят, но в меру, и не обременен заботами, тревогами и горем. Развлечения и удовольствия сменяют труд, отдыхают и обновляются тело и ум, а затем покой освежает их и дает возможность восстановить силы. Таким образом, людям, занятым добрым делом, нет времени думать о зле, они почти не знают изгоняемых честным трудом пороков, к которым их привела бы праздность. Зависть, происходящая от трех причин, уже указанных нами, редко проявляет неистовую злобу среди этих народов, а сердце обычно согревается благородным соревнованием, исходящим из любви к добродетели и из справедливого желания похвал, заслуженных добрыми делами.

Севариасу не стоило больших трудов заставить новых подданных принять его законы, ибо, будучи одобрены божеством, его законы к тому же немногим отличались от обычаев туземцев, ибо (мы уже раньше об этом говорили) эти народы жили общинами и не имели почти никакой собственности. Когда мы будем говорить о государственном строе севарамбов, существующем в настоящее время, мы остановимся на этом более подробно, пока же ограничимся несколькими общими словами. Хотя этот великий законодатель сам установил основы законов и общественного управления, тем не менее он не устанавливал всех порядков, существующих ныне среди севарамбов, а предоставил своим преемникам право, в зависимости от обстоятельств, изменять, увеличивать или уменьшать все то, что они найдут необходимым для блага нации. Однако, он очень определенно запретил им вводить что-либо противоречащее естественному праву или основным законам государства, направленным к сохранению гелиократической формы управления, т. е. к непризнаванию другого государя, кроме солнца, и к непринятию других законов, кроме тех, которые он внушил своему наместнику и его совету.

Вице-королем утверждать лишь того, кого избирает солнце из среды высших министров государства, что делается при помощи жребия и о чем будет рассказано дальше.

Ни в коем случае не допускать, чтобы собственность на имущество перешла в руки частных лиц, а сохранить полностью принадлежность его государству, с неограниченным правом распоряжения им.

Не разрешать наследственных чинов и званий, а заботиться о сохранении равенства по рождению, чтобы лишь собственные заслуги могли возвысить частных лиц до общественных должностей.

Заставить уважать старость и с самых ранних лет приучить молодежь уважать тех, кто стоит выше их по возрасту и опыту.

Изгнать праздность из всей страны, потому что она — мать пороков и источник ссор и беспорядка, и приучить детей к умению работать.

Не занимать их бесполезными и пустыми искусствами, служащими лишь для роскоши и тщеславия, возбуждающими лишь гордость и порождающими зависть и раздор, отталкивающими сердца от любви и добродетели.

Наказывать всякую невоздержанность, ибо она развращает тело и душу и оказывает действие, противоположное добродетели, сохраняющей и то и другое в состоянии спокойствия.

Защищать законы о браке и заставить взрослых людей соблюдать их как для умножения рода и увеличения нации, так и для того, чтобы избежать супружеских измен, кровосмешения и других отвратительных преступлений, уничтожающих справедливость и нарушающих общественное спокойствие.

Особенное внимание обращать на воспитание детей, которые должны быть усыновлены государством, как только они достигнут семилетнего возраста, чтобы с самых ранних лет они приучались к соблюдению законов и к повиновению должностным лицам, являющимся действительными отцами родины.

Обучать молодежь обоего пола обращению с оружием, чтобы иметь во всякое время людей, способных отразить нападение врагов государства.

Наконец, укреплять религию, чтобы связать людей совестью, убедив их, что ничего не остается скрытым от божества и что не только в этой жизни, но и после смерти оно приготовило награды для добрых и наказания для злых.

Вот вкратце главнейшие статьи законов Севариаса, публично утвержденные через пять лет после его прибытия в австралийские земли и свято соблюдавшиеся его преемниками. Опубликовав их, он тщательно добивался выполнения их мягкостью и угрозой своего оружия. Он принял настолько правильные меры, добиваясь своего, что встретил весьма мало препятствий к выполнению своих намерений: находилось мало людей, осмеливавшихся им противиться, потому что, если, с одной стороны, законы были мало приятны для злых, то все добрые их одобряли, как правильные и справедливые. Правда, что парси было трудно привыкнуть к общности имущества, но все они были чужеземцы, и их богатство зависело исключительно от их вождя. Поэтому они в конце концов подчинились его воле тем более легко, что они видели, как струкарамбы, уже привыкшие жить общинами, охотно этому подчинялись. Тем, которые всю жизнь провели в праздности, было труднее принудить себя к определенной работе, поэтому к ним эта статья не применялась со всей строгостью. Но молодежь заставляли точно выполнять ее, так что менее чем через двадцать лет она выполнялась уже всеми, и бездельников больше не стало, разве только среди пожилых людей. <…>

О воспитании севарамбов

Мудрый законодатель, создавая столь прекрасные законы для своего народа, не мог пренебречь заботой о воспитании молодежи, прекрасно понимая, что от воспитания зависит сохранение или разрушение тех же законов и что падение нравов является обычно причиной многочисленных политических заблуждений. Очень трудно порочному и плохо воспитанному человеку стать умелым министром или хорошим подданным, потому что, с одной стороны, сила его страстей притягивает к пороку, а с другой — невежество не позволяет ему отличить добро от зла и правду от лжи. Люди от природы имеют большую склонность к пороку, и если не исправлять их справедливыми законами, хорошими примерами и воспитанием, дурные наклонности растут и крепнут и чаще всего заглушают заложенные в людях природой семена добродетели. Тогда они отдаются во власть своих разнузданных аппетитов, отдавая господство над разумом своим диким и буйным страстям, и нет таких несчастий, в которые бы они не были завлечены. Отсюда идут насилие и грабеж, зависть, ненависть, гордость и желание покорять, восстания, войны, разгромы, пожары, кощунства и прочие бедствия, которым обычно подвергаются люди.

Хорошее воспитание очень часто исправляет, а иногда и совсем заглушает порочные наклонности людей и развивает добродетельные.

Это прекрасно понимал великий Севариас, и поэтому он издал несколько указов, касающихся воспитания детей. Прежде всего, признавая, что детей очень часто портят родители своей безумной снисходительностью или слишком большой строгостью, он не пожелал оставить эти юные растения на руках людей, столь мало способных к их взращиванию.

Поэтому он учредил общественные школы, чтобы воспитывать их всех вместе и под руководством лиц избранных и умелых, не побуждаемых ни любовью, ни ненавистью, чтобы проводить равное воспитание всех детей при помощи наставле-

ний, наказаний и примеров, приучая их ненавидеть порок и любить добродетель; а чтобы родители не могли мешать наставникам исполнять свои обязанности, он пожелал, чтобы родители, проявив первые родительские заботы и свою первую нежность к драгоценным плодам своей любви, отказались от своей родительской власти и передали ее государству и его должностным лицам, являющимся политическими отцами родины.

Согласно этому распоряжению, по достижении детьми семилетнего возраста, отцы и матери четыре раза в год в определенные дни обязаны их отводить в храм Солнца, где, сняв с них белые одежды, которые они носили со дня рождения, вымыв их, обрив им головы и натерев маслом, облачают их в желтые одежды и посвящают божеству. Отец и мать целиком лишаются данной природой власти над детьми, сохраняя лишь их любовь и уважение, и с этого момента дети становятся детьми государства. Их тотчас же направляют в общественные школы, где в течение четырех лет их учат повиновению законам, обучают читать и писать, а также танцевать и обращаться с оружием.

После четырехлетнего пребывания в этих школах, когда дети физически окрепли, их посылают в деревню, где в течение трех месяцев их учат обрабатывать землю, заставляя работать по четыре часа в день, а четыре часа они продолжают упражняться в тех предметах, которым их уже обучали в школах. Разница между воспитанием девочек и мальчиков очень невелика, но воспитываются они отдельно: осмазии бывают для одного и для другого пола, и обычно в деревне они отстоят далеко одна от другой.

Когда дети достигают четырнадцатилетнего возраста, меняются их жилища и одежда: желтую одежду снимают и надевают зеленую, и тогда на местном языке их называют эдирнаи, то есть живущие третье семилетие своей жизни. Первое семилетие их называют адирнаи, а второе — гадирнаи; иначе их называют также в зависимости от цвета их одежды: алистаи означает белые одежды, эримбаи — желтые одежды, фурруаи — зеленые одежды. Для девочек изменяется лишь окончание «аи» на «еи», например: адирнеи, алистеи и т. д. После этого их обучают основам грамматики и заставляют избрать себе профессию. В течение некоторого времени они проходят испытания, и если они оказываются способными, их отдают учителям для обучения, а если у них больших способностей не оказывается, то им предоставляется выбор либо стать земледельцами, либо каменщиками, что является основным занятием нации.

Девочек обучают соответствующим их полу ремеслам, не столь тяжелым, как мальчиков. Они занимаются пряжей, шитьем, ткут полотно и обучаются другим вещам, где не требуется, как для мужчин, применения физической силы.

Когда им исполняется шестнадцать лет, а мальчикам девятнадцать, им разрешается любить и думать о браке. Это делается следующим образом.

В этом возрасте им разрешается в присутствии учителей встречаться на прогулках, на балах, на охоте, на спектаклях и на всех публичных празднествах. В этих случаях юноши могут обращаться к девушкам и свободно говорить им о своей любви, а девушки могут без стыда выслушивать их признания. Происхождение, богатство, положение и прочие жизненные блага не имеют для них никакого значения, потому что в этом отношении они все равны и отличаются одни от других только полом и тремя годами в возрасте между юношами и девушками. Неравные браки разрешаются лишь тем девушкам, которые, не найдя себе мужа, вынуждены выбрать себе в мужья общественного деятеля, чтобы не остаться старыми девами. Если у них бывают какие-либо немощи, врожденные или вследствие несчастных случаев, освобождающие их от обязанности выйти замуж, их отсылают в Споромб, так как таких людей в Севарамбе не терпят. Когда собираются вместе юноши и девушки, любовь делает свое дело и побеждает много сердец. Каждый старается понравиться красотою лица и очарованием ума. Тех, которые отличаются этими достоинствами в соединении с безукоризненной честностью и добродетелью, чаще всего предпочитают другим: благоразумные девушки предвидят, что такие легко достигнут высокого положения, а вследствие этого и они получат свою долю в почестях, ожидающих их мужей. Но бывает и совершенно противоположная предусмотрительность: из боязни, как бы достойный уважения человек, достигнув поло-

жения, не воспользовался в то же время соответствующей его чину привилегией иметь при желании более одной жены, они предпочитают выходить замуж за человека, ничем не выдающегося, чем полюбить такого, который, возвысившись, пожелал бы разделить свое сердце, которым они хотели бы обладать безраздельно. И так каждый, имея свои собственные наклонности, приспособляет свое поведение к своим вкусам: одни любят наслаждения, а другие почести.

Так как севарамбы умны от природы, вежливы и хорошо воспитаны, любовники не упускают случая при встречах со своими возлюбленными преподносить цветы и фрукты, пускать в ход смех, песни и красноречивые слова, чтобы высказать им свою страсть. Все это им разрешено, и никто не может в этом найти повода к порицанию, наоборот, заслуживают презрения те, которых любовь не трогает, их считают людьми со злым нравом и гражданами, недостойными милостей родины.

Однако во всех этих случаях от правил приличия уклоняются очень редко, и ничего, что может оскорбить целомудрие, не делается и не говорится, это решительно запрещено, и даже самые дерзкие ничего не могут позволить себе, потому что они беседуют с девушками при всех и в присутствии их воспитательниц.

В течение восемнадцати месяцев девушки на выданьи, называемые энибеи, и юноши — спараи имеют возможность видеться, знакомиться и любить друг друга, не заключая никаких условий, но, согласно обычаю, по истечении этого срока договариваются и дают друг другу слово, после чего отвергнутые соперники удаляются, а девушка продолжает видеться лишь с возлюбленным, обещавшим на ней жениться. Когда настает время оспаренибона, т. е. торжественного бракосочетания, они идут в храм, где их сочетают браком, что я уже описывал в первой части этой истории.

После свадьбы юношам выдают синюю одежду по случаю достижения ими двадцати одного года, а также и девушкам, потому что они соединены с ними узами, но чтобы отметить, что девушка не достигла еще четвертого дирнемиса, т. е. ей еще не исполнилось двадцати одного года, у ее синей одежды рукава зеленые. А достигнув полностью двадцати одного года, она надевает на голову покрывало и прикрывает волосы, которые до тех пор у нее остаются открытыми.

В вечер свадьбы устраивается пир, в котором принимает участие много людей различного возраста и пола; пир сопровождается музыкой и танцами. Это происходит в одной из зал, предназначенной для них осмазии, в которой им приготовляют две комнаты, выходящие одна на улицу, а другая во двор, и тут осуществляется их союз. Однако в первые три года их брака им разрешается проводить вместе лишь одну ночь из трех, а затем до двадцати восьми лет — одну ночь из двух, после чего они свободны проводить вместе столько ночей, сколько им захочется. Самым большим достоинством женщины является любовь к мужу и воспитание нескольких детей родине. Среди жен частных лиц наибольшим почетом пользуется женщина, (имеющая большее количество детей, а жены государственных должностных лиц — в зависимости от положения, занимаемого их мужем. Бесплодных женщин презирают, и если муж проживет с такой женой пять лет, то ему разрешается жениться на вдове или какой-нибудь девушке, не нашедшей себе мужа, или иметь рабу в качестве наложницы. Единственный возможный способ для бесплодных женщин смыть свой позор — это ухаживать за больными или, если у них есть на то способности, заниматься воспитанием молодежи. Каждая мать должна сама кормить своего ребенка, если она не настолько слаба, чтобы это представляло большой риск для ее здоровья. В противном случае ей дают кормилицу из женщин, у которых умер ребенок. Они очень уважаемы, потому что за неимением своего они кормят плод другой женщины и растят родине ребенка.

Вот каков у севарамбов обычный порядок воспитания и поведения молодежи. Однако дети, обладающие необыкновенными дарованиями и способные к наукам и свободным искусствам, воспитываются иначе, — их освобождают ради умственного труда от физических работ. Для этой цели существуют специальные школы, и из учеников этих школ через каждые семь лет отбираются лица, отправляемые на наш материк для изучения всего, что там есть полезного. Это у них практикуется с тех пор, как было установлено Севаристасом, одобрявшим такого рода путешествия. Однако они не могут покинуть страну, не оставив по крайней мере трех

детей, чтобы обеспечить свое возвращение. Не знаю, в этом ли причина того, что всегда, когда есть возможность, они возвращаются обратно, но я ни разу не слышал, чтобы с тех пор, как был установлен этот обычай, хотя бы один человек дезертировал и остался жить в другом месте; все те, которые не умерли в путешествии, вернулись на родину. <…>

МЕЛЬЕ Ж.
Завещание[1]

<…> Цель моя – по мере сил моих открыть вам глаза, хоть и поздно, на те нелепые заблуждения, среди которых мы все, сколько нас есть, имели несчастье родиться и жить. Я все более убеждался в слепоте и злобе людей, в бессмысленности их суеверий, в несправедливости, с которой ими управляют. Таким образом, хотя я никогда не был тесно связан с миром, я мог сказать вместе с мудрым Соломоном, что видел – и видел, можно сказать, с удивлением и негодованием, – как по всей земле царит беззаконие.

<…> Я видел столько злобы в мире, что даже самая совершенная добродетель и самая чистая невинность не были свободны от злословия клеветников.

<…> Я видел – и это можно еще и теперь наблюдать на каждом шагу, – как множество несчастных людей подвергается без всякой вины и основания преследованиям и несправедливому угнетению, видел, что их несчастье никого не трогает, что они нигде не находят милосердного покровителя, который пришел бы им на помощь.

<…> Знайте, друзья мои, что всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство; что все законы и повеления, издаваемые именем и властью бога и богов, – не что иное, как измышление человека, точно так же, как все великолепные празднества и жертвоприношения и прочие действия религиозного и культового характера, совершаемые в честь богов.

<…> Все это выдумано хитрыми и тонкими политиками, потом обработано и умножено лжепророками, обманщиками и шарлатанами, затем слепо принято на веру невеждами и, наконец, поддержано и закреплено законами государей и сильных мира сего, которые воспользовались этими выдумками для того, чтобы с их помощью легче держать в узде народы, творить свою волю, ибо, в сущности, все эти выдумки не что иное, как узда для коров, как говорил сьер де Монтень они служат лишь для обуздания умов невежд и простофилей.

<…> На мудрых не наденешь эту узду, они не поддаются ей, только невежды и простофили могут верить этим россказням и позволить водить себя, таким образом, за нос. Когда я говорю здесь вообще о вздорности и ложности религий мира, я имею в виду не только языческие и различные другие религии, которые и вы сами тоже считаете ложными, – я имею в равной мере в виду также вашу христианскую религию, которую вы называете католической, апостольской и римской; в самом деле, она не менее вздорна и ложна, чем всякая другая религия, и, пожалуй, нет религии, столь смехотворной и нелепой в своих основных положениях и главных пунктах, как эта, столь противоречащей самой природе и здравому смыслу.

<…> Религия, которая терпит, одобряет и даже поощряет злоупотребления, противные справедливости и хорошему управлению, которая поощряет даже тиранию сильных мира во вред народу, не может быть истинной, не может быть действительно богоустановленной, так как все божественные законы и установления должны быть справедливыми и беспристрастными, и всякая религия, если она божественна, должна порицать и осуждать все, что противно справедливости и доброму управлению.

Первым злом является огромное неравенство между различными состояниями и положениями людей; одни как бы рождены только для того, чтобы деспо-

---

[1] *Мелье Ж. Завещание. М., 1954.С.3-18, 312-358, 700-703.*

тически властвовать над другими и вечно пользоваться всеми удовольствиями жизни; другие, наоборот, словно родились только для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю свою жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда. Такое неравенство глубоко несправедливо, потому что оно отнюдь не основано на заслугах одних и на проступках других; оно ненавистно, потому что, с одной стороны, лишь внушает гордость, высокомерие, честолюбие, тщеславие, заносчивость, а с другой стороны, лишь порождает чувства ненависти, зависти, гнева, жажды мщения, сетования и ропот.

Все эти, страсти оказываются впоследствии источником и причиной бесчисленных зол и злодеяний, существующих в мире. Последних, несомненно, не было бы, если бы люди установили между собой правильное соотношение, необходимое лишь для установления и сохранения между ними справедливого подчинения, а не для тиранического властвования одних над другими.

Все люди равны от природы. Они все в равной степени имеют право жить и ступать по земле, в равной степени имеют право на свою естественную свободу и свою долю в земных благах, все должны заниматься полезным трудом, чтобы иметь необходимое и полезное для жизни. Но люди живут в обществе, а так как общество (или община людей) не может быть благоустроенным и, даже будучи благоустроенным, не может сохранять добрый порядок без наличия некоторой зависимости и подчинения, то для блага человеческого общества, безусловно, необходимо, чтобы была между людьми некоторая зависимость и некоторое подчинение одних другим.

Но вместе с тем эта зависимость и это подчинение одних другим должны быть справедливы и соразмерны, т. е. они не должны допускать чрезмерного возвышения одних и чрезмерного принижения других, гордыни одних и попирания других, предоставления слишком многого одним и лишения всего других. Еще одно зло, принятое и узаконенное почти во всем мире, заключается в том, что люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща

В самом деле, посмотрим: что происходит от этого распределения благ и богатств земли в частную собственность для использования их порознь отдельно от других, как каждому вздумается? Получается то, что каждый старается получить их возможно больше всякого рода путями как хорошими, так и дурными; ибо жадность ненасытна и, как известно, в ней корень всех зол. Имея полный простор для удовлетворения своих вожделений, она не упускает случай и заставляет людей идти на все, чтобы иметь обилие благ и богатств как для обеспечения себя от нужды, так и для удовлетворения всевозможных своих прихотей. Оттого и получается, что наиболее сильные, наиболее хитрые и ловкие, зачастую они же и самые злые и недостойные, лучше всех других наделены земными угодьями и всякими удобствами жизни.

Это еще не все. От злоупотребления, о котором я говорю, а именно от неправильного распределения благ людьми, получается еще другое зло. Если одни имеют все или гораздо больше, чем полагалось бы им по справедливости, а у остальных, напротив, нет ничего или они испытывают недостаток в большинстве вещей, для них необходимых, то в результате возникают чувства ненависти и зависти между людьми. Эти чувства порождают ропот, мятежи, жалобы, смуты и войны, причиняющие бесконечное зло в жизни людей. Из этого источника рождаются также тысячи тысяч неприятных процессов, которые частные лица вынуждены вести между собой, чтобы отстаивать свое достояние и права, на какие они претендуют. Эти тяжбы доставляют им тысячу физических мук и тысячу тысяч душевных тревог и часто доводят обе стороны до полного разорения. Поэтому те, у кого ничего нет или у кого нет самого необходимого, как бы вынуждены волей - неволей прибегать ко многим неблаговидным средствам для того, чтобы существовать.

Отсюда возникают обманы, мошенничества, плутни, несправедливости, хищения, кражи, налеты, убийства, разбои, грабежи, причиняющие великое зло людям. Вы удивляетесь, бедняки, что в нашей жизни так много зла и тягот? Это оттого, что вы одни несете всю тяжесть полуденного зноя, как виноградари в евангельской

притче, это происходит оттого, что вы и вам подобные несете на своих плечах все бремя государства. Вы отягощены не только всем бременем, возлагаемым на вас вашими королями, государями, которые являются вашими главными тиранами; вы содержите еще вдобавок все дворянство, все духовенство, все монашество, все судебное сословие, всех военных, всех откупщиков, всех чиновников соляной и табачной монополии; одним словом, всех трутней и бездельников на свете. Ибо только плодами ваших тяжких трудов живут все эти люди со своими слугами. Вы своим трудом доставляете все необходимое для их существования и сверх того все, что может служить к их развлечению и удовольствию. Что сталось бы, например, с самыми великими государями и с самыми великими властителями земли, если бы народ не содержал их? Ведь только от народа, с которым они, однако, так плохо обращаются, только от народа, повторяю, исходит все их величие, все богатство и могущество.

Если бы люди, и в частности наши христоподклонники, не сделали бы брак нерасторжимым, а, напротив, предоставили бы одинаковую свободу мужчинам и женщинам беспрепятственно сходиться, следуя своему влечению, равно как свободу расходиться и расставаться друг с другом, когда им станет в тягость совместная жизнь или когда новое влечение побудит их к заключению другого союза, тогда без сомнения, не было бы столько неудачных браков, столько случаев несчастных семейных союзов, как это наблюдается теперь; не было бы столько раздоров и несогласий, как наблюдается теперь между мужьями и женами.

Разнородное воспитание, образование и образ жизни вызывают в людях чувство отчуждения и создают различия в темпераменте, мнениях, чувствах; поэтому люди не могут мирно ужиться и, следовательно, не могут единодушно стремиться к общему благу; это создает смуты и постоянные раздоры между ними. Но если все воспитаны и наставлены с юности в одних и тех же принципах морали и усвоили себе к руководству одни и те же правила жизни, тогда они все беззаветно стремятся к благу, все единодушно и мирно стремятся к общему благу.

Платон, божественный Платон, желая создать государство, в котором сограждане могли бы жить в полном согласии, с полным основанием изгоняет в нем слова «мое» и «твое», совершенно разумно полагая, что пока есть, что делить, всегда найдутся недовольные, отчего происходят смуты, расколы и тяжбы. К этой жизни сообща, как лучшей и наиболее подходящей для людей, христианская религия вначале хотела, по всей видимости, привести своих последователей. Это явствует не только из того, что она внушала им смотреть друг на друга как на братьев и как на равных, но также и из практики первых христиан. Ибо в их книгах говорится, что они все отдавали тогда в общую казну и что между ними не было ни одного бедняка.

Оттого-то они сделали одним из главных пунктов символа своей веры и своей религии «общину святых», т. е. общность благ, находившихся в распоряжении святых, желая этим сказать и подразумевая под этим, что ониксе были святые и что все блага были у них общим достоянием, но эта якобы святая община, или общность имуществ, не долго продержалась у них; ибо жадность, прокравшись в их сердце, скоро разрушила эту общность имуществ и внесла между людьми ту же рознь, какая существовала у них прежде. Тем не менее, они не желали, чтобы казалось, что они совсем уничтожили этот пункт своего символа веры и своей религии, самый главный и единственный, который они должны были хранить в самой строгой нерушимости. И что же они сделали? Они, а именно первые и главные среди них, заполучив себе львиную долю, решили сохранить навсегда в силе самый пункт их символа веры, но связать слово общность с воображаемым причащением благ духовных, на самом деле существующих лишь в фантазии. Монахи, как народ более разумный и предусмотрительный в этом отношении, чем прочие, всегда старались сохранить все свои блага в общем владении и пользоваться ими сообща.

Несомненно, что если бы они перестали владеть своим достоянием сообщи и вздумали поделить все между собой и пользоваться каждый в отдельности своей частью и долей, как кому захочется, то они вскоре стали бы такими же, как прочие, и были бы подвержены всем бедствиям и всем трудностям жизни. Наконец, вот еще одно зло, которое делает большинство людей окончательно несчастными на всю жизнь. Это почти повсеместная тирания великих мира сего, тирания королей и кня-

зей, которые господствуют почти на всей земле и имеют неограниченную власть над всеми прочими людьми. Ибо все эти короли и князья в настоящее время – подлинные тираны, они тиранят и не перестают тиранить самым жестоким образом бедные народы, которые им подчинены в силу множества обременительных законов и обязанностей, повседневно их гнетущих. <…>

Итак, раз короли желают без конца обогащаться и стать неограниченными владыками всего, то бедным народным массам приходится исполнять все, что те требуют от них, приходится отдавать им все, что у них спросят; и все это под страхом разных принудительных мер: наложения секвестра и продажи за долги их имущества, заключения в тюрьму и других насильственных мер, заставляющих стенать население под игом жестокого рабства.

0дин древний автор говорил некогда, что реже всего тиран доживает до старости, и причина этого та, что люди никогда не поддаются слабости и подлости оставлять долго тиранов в живых и позволять им долго царствовать. У них хватало духа и мужества отделаться от тиранов, когда тираны злоупотребляли своей властью; но в настоящее время уже более не редкость видеть, что тираны долго остаются в живых и подолгу царствуют. Люди незаметно свыкались с рабством и теперь так сжились с ним, что даже почти надумают, чтобы вернуть себе свободу; им кажется, что рабство есть естественное состояние. Поэтому гордыня тиранов все растет, и они изо дня в день все более и более усиливают нестерпимый гнет своего тиранического правления.

Поймите же, дорогие народы, что заблуждения и суеверия вашей религии и тирания ваших царей и всех тех, кто управляет вами под сенью их власти, являются роковой и проклятой причиной всех ваших зол, тягостей, тревог и бедствий. Вы будете счастливее, если вы избавитесь от того и другого нестерпимого ярма: от гнета суеверия и от гнета тирании, и будете управляться только добросовестными и мудрыми управителями.

А поэтому, если у вас мужественное сердце и если вы желаете освободиться от ваших зол, то стряхните с себя окончательно иго тех, которые вас угнетают, стряхните с себя по дружному соглашению иго тирании и суеверия, с общего согласия отвергните всех ваших священников, всех ваших монахов и всех ваших тиранов с тем, чтобы поставить на их место добросовестных, умных и дальновидных управителей, способных мирно управлять вами, способных добросовестно отправлять правосудие над всеми вами, одинаково и неусыпно блюсти общественное достояние и спокойствие, людей, которым вы пожелаете безоговорочно и добросовестно повиноваться. Ваше благополучие находится в ваших руках. Ваше освобождение будет зависеть только от вас, если вы сумеете все столковаться руг с другом.

У вас есть все необходимые средства и силы, чтобы освободиться и превратить в рабов самих своих тиранов; ибо ваши тираны, какими могущественными и страшными они ни представляются, не могут иметь никакой власти над вами без вас самих; все их величие, все их богатство, все их силы и все их могущество – только от вас. Ваши дети, ваши родственники, ваши товарищи и друзья служат им на войне и в гражданских должностях. Тираны ничего не сумели бы сделать без них и без вас. Они пользуются вашими собственными силами против вас самих для того, чтобы всех вас, сколько вас ни есть, сделать своими рабами; они воспользовались бы этими силами также и для уничтожения всех вас, одних вслед за другими, если б какой-нибудь из их городов или какая-нибудь из их провинций дерзнули воспротивиться им и стряхнуть с себя их иго. Но не то было бы, если бы весь народ, все города и все провинции пришли к единодушию, если бы, они все сговорились между собой, чтобы всем освободиться от общего рабства, в котором находятся. Тогда тираны были бы быстро сметены и уничтожены. Объединись же, народ, если есть у тебя здравый ум; объединитесь все, если у вас есть мужество освободиться от своих общих страданий! Поощряйте все друг друга к такому благородному, смелому и важному делу! Начните с тайного сообщения друг другу своих мыслей и желаний! Распространяйте повсюду с наивозможной ловкостью писания, вроде, например, этого, которые всем показывают пустоту, заблуждения и суеверия религии и которые всюду вселяют ненависть к тираническому управлению князей и царей.

Поддерживайте все друг друга в этом справедливом и необходимом деле, которое касается общего интереса всего народа! Если вы умны, отложите прочь все чувства ненависти и личной вражды между собою; обратите всю свою ненависть и все свое негодование против своих общих врагов, против этих надменных знатных родов, которые вас тиранят, которые вас делают такими жалкими и вырывают у вас все лучшие плоды ваших трудов.

Объединитесь все в единодушной решимости освободиться от этого ненавистного и омерзительного ига их тиранического господства да не будет другой религии, кроме религии решимости окончательно уничтожить тиранов и суеверный культ богов и их идолов; да не будет никакой другой религии, кроме стремления поддерживать повсюду справедливость и нелицеприятие; да не будет никакой другой религии, кроме религии добросовестного труда и благоустроенной жизни всех сообща; да не будет никакой другой религии, кроме стремления охранять народную свободу, и, наконец, да не будет никакой другой религии, кроме взаимной любви друг к другу и нерушимого сохранения мира и доброго согласия в вашей среде! Вы будете оставаться жалкими и несчастными, вы и ваши потомки, пока не объединитесь все вместе или, по крайней мере, пока не достигнете единодушия и не выступите смело за избавление от рабства, в котором вы все пребываете и до которого вы все доведены нестерпимым игом тиранического господства князей и ненавистным гнетом пустых и суеверных обрядов ложной религии. <…>

МАБЛИ Г.Б.

Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ. О права и обязанностях гражданина.

Письмо второе[1]

Вторая беседа, В каждом государстве гражданин имеет право стремиться создать правительство, наиболее способное составить счастье общества, Его обязанность установить такое правительство. Средства, которые он должен для этого употребить.

Сегодня утром мы гуляли в верхних садах <…>, их роскошь снова была предметом нашей беседы. Сколь унизительна эта роскошь для обездоленных бедняков! И что это за недуг ума человеческого, заставляющий людей, вместо того, чтобы возмущаться этой роскошью, почти всегда восторгаться ею? Какой утомительной она должна быть для богатых! Они не вознаграждаются за свои усилия, ибо, согласно природе, искусственные потребности, которые мы сами создали себе, не приносят нам истинного удовольствия. Какой пошлой и какой несправедливой должна казаться эта роскошь лицам, умеющим ценить истинное величие! Но к несчастью – и это то, что сердит милорда, – роскошь более, чем все остальное, способствует распространению ложных идей в умах; она открывает сердце всем порокам и, заставляя любить их, мешает народам пытаться приблизиться к законам природы.

Принимая во внимание высказанные нами вчера размышления, – сказал мне, наконец, милорд, – мне думается, что разум, каким одарила нас природа, свобода, которую она дала нам от рождения, и то непреоборимое желание счастья, которое она вложила в нашу душу, являются тремя пунктами, которые каждый человек имеет право отстаивать против несправедливого правительства, под властью которого он живет. Из этого я заключаю, что гражданин не является ни заговорщи-

---

[1] *Мабли Г.Б. Избранные произведения. М.: Издательство Академии Наук, 1950. С. 236–255.*

ком, ни нарушителем общественного спокойствия, если он предлагает своим соотечественникам форму политики, более разумную, чем та, которую они приняли по своей воле или которую события, страсти или обстоятельства незаметно установили. Согласны ли вы принять это положение? Это необходимо, милорд, иначе было бы абсурдно. Что же! – возразил он, – я вывожу из этого неоспоримое следствие, что если бы было возможно доказать, что существует только одно хорошее правительство, каждый гражданин был бы вправе употребить все усилия для установления такого правительства.

Я готов принять ваше следствие, – сказал я милорду, – вашему гражданину легко оспаривать право, которым он никогда ее сможет воспользоваться. Как вы это понимаете? – возразил он, перебивая меня. – Почему никогда? Потому, – ответил я ему, – что политики не собираются прийти к соглашению по этому вопросу. Предоставьте им недобросовестно и вкривь и вкось одарить и рассуждать, – ответил милорд, – они могут сколько угодно мудрить и могут поставить свою логику на службу деспоту или каких-нибудь честолюбивых правителей. Тем не менее, очевидно, что общество было создано лишь для того, чтобы лишить страсти содержащегося в них опасного яда, оказать доверие разуму, утвердив господство законов и предупредив посредством этого тиранию и анархию. Таким образом, была создана сокровищница общественного счастия, из которой каждый гражданин, каждое должностное лицо черпает свое личное счастье.

Если государственный строй таков, что при нем страсти подавляются только у одной части граждан, разве не очевидно, что этот строй будет ненавистен гражданам? Что из этого следует? Это ведет за собой десятки последствий, – продолжал милорд, – но вот последнее из них: общественный порядок, при котором должности становятся наследственными или даже только пожизненными, противоречит той цели, которую общество должно ставить перед собой. Такой общественный порядок неизбежно таит в себе существенный порок, портящий, заражающий все частные учреждения, как бы хороши они ни были сами по себе. Представьте себе картину безумств и несчастий человечества; исследуйте развитие наших страстей, изучите историю и делайте затем выводы. Я уверен, что вы без колебаний примете за несомненную истину для всех времен и для всех стран, что государственные должности или исполнительную власть следует доверять только на ограниченный срок. Такое устройство должно быть целью, которую каждый честный гражданин должен себе ставить,

Я не знал, как мне быть, сударь, и так как милорд заметил, какими неожиданными были для меня эти столь мало известные положения, он, взял меня за руку, сказал: Выслушайте меня до конца, и если я неправ, то обещаю вам сразу же взять обратно сказанное мной. Разве не зерно, – продолжал он, – что страсти, эти вечные враги общественного порядка, заставляющие каждого человека видеть и чувствовать только свой частный интерес, не будут уничтожены или разумно управляемы в обществе, если закон не облечет правителей такой властью и такой силой, которым гражданин не мог бы сопротивляться. Подумайте об этом хорошенько и вы увидите, что этот недостаток породил все беспорядки, всю анархию древних и современных республик, где граждане, не испытывая на себе тяжести законов и власти правителей, становились беспокойными и, смешав в своей непокорности свободу со своими причудами и распущенностью, ускорили крах государства.

Но если бы ваши правители имели ту обширную власть, о которой я говорю, как стали бы вы, в свою очередь, регулировать и обуздывать их страсти, если бы они владели своей должностью пожизненно или если бы она стала их наследственным достоянием. Повсюду наследственная или государственная пожизненная

должность превращала в деспотизм и тиранию власть, которая прежде была строго ограничена. Можно ли, зная человеческое сердце, усомниться в этом хотя бы на один миг? Сколько бы вы ни нагромождали препятствий на препятствия, чтобы помешать вашему вечному правителю злоупотребить своей властью, вы скоро убедитесь, что если граждане не могут выйти из повиновения ему, он сам нарушит законы. Они станут орудием его жадности, его честолюбия или его мести. Права, которые вы предоставили правителю, послужат ему для захвата других прав, которых он сам домогается. Его принудят отказаться от скромности и умеренности: вскоре граждане, забыв, по глупости, свое достоинство и поверив в то, что они на самом деле стоят ниже человека, который не может больше быть членом одного с ними класса, своими низостями, угодливостью и своей лестью возбудят его страсти. <…>

Еще хуже наследственная власть. Родиться великим – это значит быть всю жизнь малым; испорченный с малых лет похвалами и ложью, опьяненный удовольствиями и страстями в юности, человек не научается мыслить и в старости прозябает в своей гордости, в своих предрассудках, среди своих куртизан. Некоторые короли были талантливы, но ни один не знал своих обязанностей и не был достоин своей судьбы. А если вы и сможете назвать мне несколько исключений, то ведь не на трех или четырех исключениях захотите вы учредить систему всеобщего счастья общества.

<…> Мы оба согласились, что абсолютная власть должностного лица над гражданином и законов – над должностным лицом неизбежны для достижения счастья, являющегося целью общества. Все древние думали так, и здравый смысл громко говорит об этом каждому. Какими аргументами будете вы оспаривать перед гражданином какого-нибудь государства, которое плохо управляется, законы которого изменчивы, а власть должностных лиц, угнетающая или ненадежная, его право делать все от него зависящее, чтобы привести своих соотечественников к желаемому нами управлению? Вспомните принципы, какие мы с вами установили вчера. Вы, кажется, в затруднении? Согласитесь откровенно с этим правом, либо осмельтесь сказать, что обязанность гражданина, любящего свою родину, состоит в измене основным интересам общества.

<…> У народов, сохранивших еще какую-то силу в сердцах и в умах, разум более смелый и, в то же время, не менее мудрый; именно потому, что большинство философов, писавших об обществе и о гражданине, не делало различия между разумным стремлением к осуществлению своих прав и погоней за химерой, они давали лишь смутные понятия о нашем уме и наших обязанностях, и поэтому, столько реформаторов были свидетелями провала своих замыслов» Используя свое право неблагоразумным образом, способным восстановить ваших сограждан, вы настолько будете достойны осуждения, насколько вы были бы почитаемы, действуя скромно, осторожно и осмотрительно, как то предписывает благородное человеческое сердце. Я согласен, что порой благоразумно надеяться на большее, чем это признает верная житейская мудрость, ибо честный гражданин перестает надеяться на спасение республики только в крайнем случае, а иногда слишком большая надежда открывает вам в самом себе силы, которых вы не знали; но об этих обстоятельствах надлежит судить только гению, потому что он один может сделать их благоприятными.

<…> Верховная власть, которую можно уважать, не дрожа от страха, подвержена потрясениям, проистекающим от страстей гражданина, правителей или монарха и тех мероприятий, более или менее действенных, которые правительство принимает, чтобы увековечить и утвердить свою власть. Хотя нация в целом и не является своим собственным законодателем, она сохраняет еще какое-то значение,

которым она обязана своей гордости и которое вызывает страх и уважение к ней. Одним словом, верховная власть, стремящаяся к новым успехам, может встретить на своем пути препятствия; она может отстать в своем движении, она, следовательно, может быть поколеблена и свергнута. Тогда, я думаю, еще возможны революции; итак, хороший гражданин должен надеяться и он обязан, сообразно своему положению и своим способностям, трудиться, чтобы сделать революция полезными для своей родины.

Если суверенный народ, создающий сам законы, которым он подчиняется, перестанет постоянно укреплять свою свободу и исправлять даже самый нечувствительный ущерб, нанесенный его конституции, он вскоре начнет повиноваться абсолютному монарху или нескольким привилегированным семьям, ибо должностные лица, на обязанности которых следить за исполнением законов, имеют большое преимущество перед простыми гражданами, часто отвлекаемыми от общественного дела и обязанными повиноваться.

<…> В то время как свободный народ недостаточно остерегается от угрожающей ему опасности и засыпает порой слишком беззаботно; в то время как в монархии вельможи с готовностью спешат навстречу порабощению» а спесивые мелкие буржуа надеются увеличить свое состояние, подражая языку и низости куртизан, – это время долг честных людей стоять на дозоре и прийти на помощь свободе, если на нее тайно нападают, либо воздвигнуть барьер против деспотизма. Прежде всего, не будем считать, что то, что делают, должно быть правилом того, что следует делать, и что ваше правительство весьма мудро в своих принципах и речь идет лишь об исправлении его ошибок. В этом одно из наиболее общих и наиболее опасных для общества заблуждений; оно постоянно препятствовало успешному развитию почти всех государств. Это равносильно желанию воздвигнуть здание правильной формы по фантастическому плану. Поистине, люди слишком глупы! Вы хотите остановить развитие зла? Найдите его источник. Вы хотите осушить бассейн? Измените направление вод, втекающих в него. То, о чем думают самые грубые крестьяне, недоступно пониманию наших самых ловких политиков. В своем стремлении уничтожить злоупотребления, которые происходят по вине того или другого правительства, они, однако, ограничиваются лишь внесением закона, запрещающего эти злоупотребления.

<…> Но к свободе надо стремиться разными путями, в зависимости от своих сил, средств, возможностей и от того, откуда ты отправляешься. <…> Наши души, хотя и бесплотны, но столь же медлительны и тяжеловесны, как наше тело; слишком длительный и слишком быстрый путь утомляет наши физические органы; когда моя душа слишком внезапно покидает свои привычные мысли, она вновь возвращается к ним, потому что чувствует себя так, как будто находится в незнакомом месте. Надо изучить, надо узнать движение человеческого ума и игру страстей, чтобы не предлагать им ничего невыполнимого.

<…> Если верить милорду, сударь, то каким бы безнадежным ни казалось наше положение, мы можем извлечь из него большие выгоды, чем англичане из своей свободы. Мы прекрасно знаем, что у нас есть господин; мы это чувствуем ежедневно: мы говорим о французской свободе, мы не хотим быть рабами. Как будто народ может быть свободным, не являясь законодателем и не имея возможности путем разумных распоряжений принудить правительство служить только орудием и верным исполнителем законов. Как будто деспотизм не возникает неизбежно там, где кончается свобода! Мы придумали, вопреки природе вещей и к нашему утешению, какую-то химерическую монархию, что-то, как будто имеющее смысл, что-то, являющееся, по нашему мнению, средним между свободным государством и дес-

потической властью. Мы говорили, что король – это верховный законодатель; это значит, что мы признаем его нашим господином, но, добавляя при этом, что он обязан управлять сообразно законам, мы обольщаем себя мыслью, будто в действительности мы повинуемся только законам. Мы верим, что воздвигли барьер между деспотизмом и нами; все это, по существу, очень смешно. Нелепо полагаться на фразу в том, что является самым ценным для нас. Эта прекрасная фраза, загадочный смысл которой ни одна могущественная корпорация не считает себя вправе защищать иначе, как путем мольбы и увещаний, не остановит короля, дорожащего своей властью, честолюбивого, упрямого или жестокого, который будет упорствовать в желании управлять по-своему. Как ни ложна наша доктрина, милорд считает ее свидетельством нашего удаления от деспотизма или нашего отвращения к нему. Он не плохо пророчествует нам. Мы, говорит он, больше любим быть плохими резонерами и довольствоваться галиматьей, чем признавать, что мы рабы. Это заблуждение и та бодрость, которую оно придает нам, могут при счастливых обстоятельствах служить предлогом честным гражданам выдвинуть и оценить благоприятные для общественного блага истины.

<…> Вот семена, которые прорастают, они принесут плоды; вот слабый свет истины, но, быть может, это – заря прекрасного дня. <…>

ДЕШАН Л.-М.
Истина, или Истинная система[1]

III

К чему сводятся разумные потребности человека, если не к тому, чтобы вместе со своими ближними составлять надежное содружество, жить в здоровой и приятной местности, пользоваться скромным помещением и ночлегом, быть умеренно занятым полезным трудом и несрочным трудом, иметь всегда чем питаться, с кем наслаждаться и во что одеваться? Все выходящее за пределы этих потребностей, а также все изощрения, нами прилагаемые для их удовлетворения, составляют губительный для нас излишек. Если верно, что жизнь человеческая длилась некогда так долго, как о том пишут, то причиной этой долговечности могла быть лишь простота тогдашних нравов и образа жизни. Но насколько эта простота была еще далека от простоты истинных нравов!

Очутившись под их властью, где мы не знали бы ни приказов, ни повиновения, мы проводили бы дни наши в изобилии необходимого, без твоего и моего, в труде, но не утомительном, с удобствами при малых затратах, скромно, но без отвращения, в наслаждениях без пресыщенности, в здоровье, но без врачей, в долголетии без дряхлости, в дружбе без отдельных связей, в обществе, но без того, чтобы друг друга остерегаться, без коварных превратностей, столь обычных в нашем кругу, в однообразии без скуки, в покое без тревог или каких-либо душевных забот, не опасаясь утратить наше состояние, не боясь очутиться в худшем положении и не желая быть в лучшем и не завидуя ввиду господствующего равенства участи наших ближних. Природу мы изучали бы постольку, поскольку нам было бы необходимо ее знать, поскольку этого требовали бы наши интересы, да и тогда мы стали бы ее изучать лишь по наименее удаленным от нас предметам, наиболее нам доступным и аналогичным нашей личности. Каждый из нас способствовал бы удовлетворению общих нужд общества, которые составляли бы единственный предмет наших занятий, и все роды занятий более или менее одинаково подходили бы для каждого из нас, так как они были бы простыми и нисколько не изощренными.

Каждый человек был бы в состоянии все делать и переходил бы от одного вида труда к другому, и таким образом безрассудное и пагубное разделение людей

---

[1] *Дешан Л.-М. Истина, или Истинная система. М.: Мысль, 1973. С.204-209.*

на различные сословия было бы совершенно уничтожено, так как оно было бы отменено даже в сфере полезных занятий.

Не пользовались бы удовольствиями и преимуществами, какими мы пользуемся в нашем цивилизованном обществе лишь потому, что они созданы этим безрассудным обществом; не испытывали бы впечатлений от театральных зрелищ, вызывающих истерические порывы смеха и плача [p] и сильные нервирующие нас страсти, дающие нам слишком острые наслаждения; не было бы ярких, но мимолетных ощущений счастливого любовника, героя-победителя, достигшего своей цели честолюбца, увенчиваемого художника, скряги, взирающего на свои сокровища, великого мира сего, напыщенного своими званиями и происхождением; не заводили бы себе очаровательных женщин, роскошных дворцов, великолепных убранств, чарующих садов, парков, обширных аллей; не было бы.

При состоянии нравов не плакали бы и не смеялись бы. На всех лицах написан был бы ясный вид довольства, и, как я уже говорил, почти все лица имели бы почти один и тот же вид. В глазах мужчины любая женщина чрезвычайно походила бы на других женщин, и любой мужчина - на другого мужчину в глазах женщин. И столько же по этой причине, сколько по множеству сопряженных с ней других причин, ничто не препятствовало бы взаимному сближению всех мужчин и женщин. Отрицать эту истину или сомневаться в ней возможно только, перенося в состояние нравов представления о состоянии законов или о состоянии дикости, и изысканных блюд, драгоценных украшений, застекленных карет и пр., то есть предметов, составляющих не столько счастье своих обладателей, сколько несчастье тех, кто их лишен. Но все эти кажущиеся преимущества и наслаждения, выходящие за пределы подлинных потребностей человека и тем самым влекущие за собою так много горечи и отвращения, были бы с лихвой возмещены значительно более реальными и долговечными и гораздо более ценными преимуществами наслаждениями. Отсутствие их, впрочем, не причиняло бы никаких страданий, ибо о них никто не имел бы ни малейшего представления.

IV

При состоянии нравов люди не были бы разделены, как у нас, на различные семьи, дети не принадлежали бы в отдельности тем или иным мужчине и женщине, а всей семье, заключенной в каждом естественном человеческом жилище, то есть в каждом поселении. В своих ближних каждый видел бы лишь равных себе, лишь людей, которым общество дает столько же, сколько дает ему. Следовательно, не было бы ни честолюбия, ни соперничества [q], ни ненависти, ни преступлений, всегда и необходимо порождаемых излишками, имеющимися у одних, и недостатком - у других.

Каждый ощущал бы лишь потребность способствовать благу равных ему, заботясь о их благе - заботиться о своем собственном и разделять с ними полезные для общества труды.

При состоянии нравов соперничества не было бы ни в чем. Это надобно заметить, чтобы составить себе правильное представление об этом состоянии.

Женщины, повторяю, являлись бы общим достоянием для мужчин, как мужчины - для женщин, и из этого не вытекало бы неприятностей или поводов к раздорам. Ибо именно тем, что в действительности существует как раз обратное, то есть тем, что в столь существенном отношении сохранилось еще твое и мое, и обусловливаются часто все столкновения, которыми кишит история всех стран и всех народов и которые мы видим так часто, что почти не обращаем на них внимания. Однако для того, чтобы ясно представить себе преимущества общности женщин, а также понять, каким средством для достижения мира и единения оно было бы для нас, не следует - скажу еще раз - рисовать себе людей такими, каковы они теперь, а какими они были бы, если бы такая общность уже у них существовала. Иными словами, их следует представлять не с их внешними настроениями, проистекающими из существования твоего и моего, а с настроениями противоположными.

Невозможно вообразить - и не мне его изобразить - то безрассудство, какое состояние законов заставляет нас вносить во все, что имеет отношение к любовному влечению, тем, что оно налагает запреты на это влечение. И одна лишь трудность представить себе это может отдалить нас от веры в то, что когда-либо насту-

пит такое состояние человеческого общества, при котором удовлетворять это влечение будет столь же просто, как удовлетворять потребность в еде, питье или сне.

Почему-то склонны думать, что при состоянии нравов мужчины так же стали бы вырывать друг у друга женщин, как при состоянии законов или при состоянии дикости. Между тем думать так имеется тем меньше оснований, чем более сильными представляются доводы в пользу такого предположения. Об остальных земных благах нужно сказать то же самое. Но почему же из кажущейся силы доводов относительно собственности я делаю обратное заключение, подрывающее наши расчеты на нее? Да потому, что состояние дикости и состояние законов, одни только подлежащие нашему чувственному познанию, полностью противоположны состоянию нравов.

Общность женщин является столь же необходимым звеном в цепи нравов, основанных на уничтожении твоего и моего, как их необщность - в цепи, основанной на твоем и моем. Ибо какая это была бы непоследовательность, раз речь идет об уничтожении твоего и моего, а следовательно, и всех законов - не уничтожить их во всех отношениях и исключить отсюда женщин, особенно их, созданных для того, чтобы доставлять нам наиболее доступные наслаждения, удовлетворять одно из сильнейших и естественнейших наших влечений, продолжать наш род, жить вместе с нами и содействовать в меру их возможностей и для собственного их удовлетворения не раздорам, что они до сих пор постоянно делали в силу распространявшегося на них твоего и моего, а сплочению нас друг с другом. Это сплочение привело бы и к столь недостающему им единению их между собою, ибо они, как женщины, разъединены между собою вследствие тех же причин, которые побуждают их разъединять нас.

Выполняемая ими работа отличалась бы от труда мужского, но все вместе жили бы сообща под обширными кровлями величайшей прочности, расположенными столь благоприятно, как пожелали бы того сами обитатели, которым предоставлялось бы заселять лишь наиболее благоприятно расположенные участки земли. Каждая из этих обширных кровлей вместе с кровлями скотных дворов, амбаров и складов образовала бы либо на развалинах наших городов, либо в чистом поле то, что мы называем поселком, а все поселки ввиду близкого соседства взаимно помогали бы друг другу и сообща владели бы некоторыми объектами, как, например, мельницами и кузницами, никогда не вступая в споры по поводу угодий или чего-либо иного. И действительно, какой мог бы быть повод к спорам в состоянии равенства, при котором у них имелось бы в изобилии все, что требуется не только для удовлетворения даже наименее благоразумных животных нужд и потребностей, но и для удобнейшей, хотя и без изнеженности, жизни. Какой повод мог бы быть для споров в состоянии, при котором человеку ни в чем не пришлось бы завидовать другому; при котором женщины, бесспорно более здоровые, лучше сложенные и гораздо дольше сохраняющие молодость, чем наши женщины, доставляли бы - притом без всякой скрытности, не слывя ни красивыми, ни безобразными, ни принадлежащими одному больше, чем другому, - всегда доступное наслаждение, которое никогда не сопровождалось бы ощущением отвращения; при котором никто не знал бы ничего лучше родного поселка, ничего лучше общества людей, привычных ему с самого рождения; где все, наконец, пребывали бы в состоянии такого единения, что никому не приходило бы на ум отдаляться от другого, даже если бы этот другой причинил ему какое-либо ранение или переломал руку или ногу, так как подобные случайности не могли бы произойти иначе, чем по неосмотрительности.

Если бы даже один поселок оказался расположенным более благоприятно, чем другой, он все же не был бы обременен лишними обитателями. Всякий оставался бы в родном поселке: на этот счет существовало бы молчаливое соглашение.

Неизвестны были бы ни культ, ни подчинение, ни войны, ни политика, ни юриспруденция, ни финансы, ни вымогательства, ни торговля, ни обман, ни банкротство, ни всякого вида игры, ни воровство, ни убийство, ни зло моральное, ни уголовные законы. Все без исключения искусственные страсти, все извращенные вкусы и разного рода безрассудства остались бы неизвестными, а естественные влечения, постоянно мудро умеряемые, никогда не переходили бы пределов, диктуемых благоразумием, а также интересами нашего здоровья и долголетия.

Мы все управляли бы собою, как одинаково просвещенные истиной мужчины и женщины стали бы собою управлять, если бы оказались перенесенными на пустынный остров или в необитаемую землю и снабженными всем необходимым для добывания себе пропитания. Но пусть вообразят только мужчин и женщин, таким образом перенесенными, и сразу же увидят, насколько они отличались бы от того, чем они вынуждены были быть ранее, с каким восторгом они отреклись бы, подобно достопамятному молодому готтентоту, от наших законов, наших нравов и наших обычаев.

Такими были бы мы все без исключения, если бы только выявленная истина произвела свое действие в наши дни. Пусть вообразят затем потомство этих мужчин и этих женщин, и тогда увидят нас такими, какими были бы мы ныне, если бы отцов наших осветил факел истины, ибо между людьми и их потомством необходимо имелась бы разница, так как нынешнее состояние гораздо основательнее исчезло бы из сознания их потомства, чем из сознания людей, в нем рожденных и при нем живших.

Однако что за наслаждение было бы для этих благоразумных мужчин и женщин сравнивать их новоявленную свободу, их покой, безопасность, единение и равенство с рабством, тревогой, беспокойством, душевными страданиями, разъединением и неравенством их прежней жизни! Они испытывали бы такую же радость, как человек, выздоравливающий после продолжительной болезни на одре страданий или освобожденный от длительного заключения в оковах. Это неприменимо, могут мне сказать, к великим мира сего, к баловням счастья. Что имеются великие мира сего, я знаю, но где счастливцы? А если они и есть, то среди знати ли нужно их искать? При наших нравах, бесспорно, существуют люди, рожденные в более счастливой среде или такие, которым все в жизни улыбается больше, чем другим. Но и их счастье может почитаться счастьем лишь по сравнению с участью их ближних, а никак не по сравнению с благополучием при подлинно общественном состоянии. Нет среди них ни одного, кто не почувствовал бы, вкусив все, опустошенности и не согласился бы с печальной истиной, что в жизни приходится мгновение наслаждения покупать ценой многих горестей и что во всем горести превосходят наслаждения.

МОРЕЛЛИ Э.
Кодекс природы[1]

<…> Надо изумляться, больше того – надо признать чудом то количество нелепостей, которое наша мораль, почти одна и та же у всех наций, подносит нам под названием бесспорных принципов и правил. Эта наука, которая в своих основных аксиомах и их следствиях должна была бы быть столь же простой и очевидной, как сама математика, искажена в действительности таким множеством туманных и сложных идей, столькими мнениями, основанными на ложных предпосылках, что для человеческого ума представляется почти невозможным выбраться из этого хаоса: он приучается убеждать себя в том, в чем он не в силах разобраться. В самом деле, существуют миллионы положений, которые считаются несомненными и которыми вечно аргументируют, – это предрассудки. <…>

Люди в продолжение стольких веков находятся во власти заблуждений, беспрерывно смущающих их покой. У человека нет ни врожденных идей, ни врожденных наклонностей. В первые минуты своей жизни он погружен в полное безразличие даже к собственному существованию. Слепое чувство, которое ничем не отличается от такого же чувства у животных, является первым двигателем, нарушающим это безразличие. Природа мудро соразмерила наши потребности с ростом наших сил; затем, твердо установив число этих потребностей на всю остальную

[1] *Морелли. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М., 1956. С.54-202*

нашу жизнь, она устроила так, чтобы они всегда несколько превышали границы наших возможностей.

<…> Если бы человек не встречал никаких препятствий к удовлетворению своих потребностей, то каждый раз после удовлетворения их он впадал бы в свое первоначальное состояние безразличия и выходил бы из него лишь тогда, когда его возбуждало бы ощущение вновь возникающих потребностей; легкость их удовлетворения не требовала бы знаний, превосходящих инстинкт животного, и человек был бы не более общественным, чем животное. Мир – это стол, на котором достаточно пищи для всех сотрапезников, и она принадлежит либо всем, потому что все голодны, либо лишь некоторым, потому что остальные уже насытились. Никто поэтому не является неограниченным хозяином мира и не имеет права притязать на это. Посмотрим еще раз, что сделала природа, чтобы расположить людей к единодушию, к общему согласию, и как она предупредила столкновение притязаний, которое могло бы произойти в некоторых частных случаях.

1. Она заставляет людей, на основании одинаковости их чувств и потребностей, понять равенство их состояний и прав и необходимость общего труда.

2. Разнообразя эти потребности в каждый данный момент, вследствие чего мы не все испытываем их в одинаковой степени и в одно и то же время, она предупреждает нас, чтобы мы поступались иногда этими правами в пользу других, и побуждает нас делать это без труда.

3. Иногда она предотвращает возникающие между нами противоречия, соперничество желаний, вкусов, склонностей, создавая достаточное количество предметов для удовлетворения всех их в отдельности.

<…> Или же она разнообразит эти желания и наклонности, чтобы помешать им направиться одновременно на предмет, имеющийся в единственном числе.

<…> Разнообразя силу, труд, таланты сообразно различным возрастам нашей жизни или устройству наших органов, она предуказывает нам различные занятия. Она хотела, чтобы трудность и утомительность добывания предметов, нужных для удовлетворения наших потребностей, всегда несколько превышающих наши силы, когда мы одни, заставили нас понять необходимость прибегнуть к посторонней помощи и внушили нам приверженность ко всему, что нам помогает. <…>

Отсюда наше нерасположение к одиночеству, наша любовь к приятным сторонам и выгодам могущественного соединения – общества. Наконец, чтобы пробуждать и поддерживать между людьми взаимопомощь и взаимную благодарность, чтобы указать им те моменты, когда им диктуются эти обязанности, природа предусмотрела малейшие детали: она заставляет людей испытывать поочередно тревогу или спокойствие, усталость или отдохновение, упадок или прилив сил. Все размерено, все взвешено, все предусмотрено в чудесном автомате общества: его колёса, его противовесы, его пружины, его работа. Если видишь в нем противоположность сил, то это лишь колебание без толчков или равновесие без насилия, все в нем влекомо, все стремится к одной общей цели.

<…> Одним словом, хотя эта машина состоит из разумных частей, она в некоторых отдельных случаях работает, в общем, независимо от их разума: рассуждения этого вожатого не допускаются, он остается лишь зрителем того, что совершает чувство. Если бы было установлено, что знатность людей и почтение к ним соответствуют их доброте и что уважение к ним будет расти лишь в той мере, в какой они будут становиться лучше, – то между ними не существовало бы никогда другого соревнования, кроме желания сделать друг друга счастливыми. Тогда праздность, безделье были бы единственными преступлениями и единственным бесчестьем. Тогда честолюбие заключалось бы не в желании порабощать или угнетать людей, а в том, чтобы превзойти их в изобретательности, трудолюбии, прилежании. <…>

Уважение, похвала, почести, слава были бы постоянным проявлением чувств благодарности и взаимной радости, а не постыдной данью низости или страху со стороны тех, кто их воздает, или суетной опорой того, что называют счастьем, и возвышением для тех, кто их требует и получает. Единственный порок, какой я знаю во вселенной, – это жадность; все другие пороки, какое бы название им ни давали, представляют собою только его оттенки и степени: это Протей, Меркурий, это осно-

ва, которая приводит ко всем порокам. Анализируйте тщеславие, фатовство, гордость, честолюбие, хитрость, лицемерие, злодейство; разложите на составные части даже большинство наших лжедобродетелей – всюду вы получите в конечном результате этот тонкий, губительный элемент – любостяжание. Вы найдете его даже на дне бескорыстия. Между тем, могла ли бы эта всеобщая чума – частный интерес, эта изнурительная лихорадка, эта губительная болезнь всякого общества – могла ли бы она привиться там, где она никогда не находила бы не только пищи, но и никакого опасного возбудителя? Я думаю, что никто не станет спорить против очевидности следующего положения: там, где не было бы никакой собственности, не могло бы существовать ни одно из ее пагубных последствий. Если вы хотите брать людей такими, какими они являются в естественном состоянии, то отправимся в Америку: там мы найдем несколько племен, представители которых благоговейно соблюдают, по крайней мере, в своих взаимных отношениях, драгоценные законы этой общей матери природы, которые я отстаиваю всеми своими силами.

<…> Так как не подлежит сомнению, что всякая нация обязана своим происхождением одной или нескольким семьям, то она должна была, по крайней мере, в течение некоторого времени, сохранять форму патриархального правления и повиноваться только законам, диктуемым чувством любви и нежности, которое поощряется и поддерживается среди братьев и родственников примером главы семьи. Под господством этой мягкой власти все имущество в семье было общее; себе самой эта власть ничего не присваивала в собственность. Таким образом, всякий народ на земном шаре, по крайней мере, при своем зарождении и на своей родине, управлялся так, как в наше время управляются маленькие народности Америки и как управлялись, говорят, древние скифы бывшие своего рода рассадником других наций. Но по мере того как вместе с количеством семей народы эти численно возрастали, ослабевали чувства братского единения, а также власть отцов, становившаяся слишком раздробленной. Те из этих наций, которые, в силу каких-нибудь особых причин, остались наименее многочисленными или дольше жили в своем отечестве, сохранили наиболее длительно свою первую, совершенно простую и естественную форму правления. <…>

Даже нации, значительно возросшие численно, но не менявшие места своего жительства, должны были сохранить форму правления все еще несколько патриархальную, несмотря на ослабление чувств, которые, по-видимому, могут властно царить только среди небольшого числа лиц, связанных почти все узами родства. Нации, которым становилось слишком тесно в своей стране и которым приходилось, вследствие этого, переселяться, были вынуждаемы условиями путешествия и его трудностями или положением и природою своего нового места поселения вводить у себя порядки, по необходимости отменявшие установления патриархального строя; отсюда – новый ущерб чувствам, лежащим в его основе.

<…> Таким образом, я различаю три физические причины ослабления патриархального правления. Первая причина – это увеличение числа семей; привязанность, основанная на кровном родстве, как и дух общности, уменьшается пропорционально возрастанию их числа. Второй причиной являются переселения, заставляющие каждую семью порывать узы общности, так как каждая из них берет на себя заботу об одной части поклажи или продовольствия. Наконец, третья причина обусловлена трудностями, возникающими при устройстве на новых местах. В этих причинах, ослабивших или угасивших чувства кровного родства и разрушивших почти всякую общность, я вижу источник распрей, которые могли возникнуть между отдельными лицами и семьями или между целыми нациями, а следовательно, и пагубное начало всякой междоусобицы, войны и разбоя. <…>

Все политические и моральные явления суть следствия этой гибельной причины: ею можно объяснить и решить все теоремы или проблемы о происхождении и прогрессе; взаимной связи и сродстве добродетелей и пороков, беспорядков и преступлений; об истинных мотивах хороших и дурных поступков; обо всех решениях и колебаниях человеческой воли; об извращенности страстей; о бессилии предписаний и законов сдержать их; о технических даже недостатках этих уроков; наконец, обо всех чудовищных порождениях заблуждений ума и сердца. <…>

Причиной всех этих действий, говорю я, можно считать упорство, с которым все законодатели разрывали или позволяли разрывать основную связь всякой общественности путем узурпации владений из фонда, который должен был принадлежать нераздельно всему человечеству. Напрасно вы будете приписывать эти печальные перевороты случаю, слепому року, будто бы являющемуся причиной шаткости империй, как и судьбы частных лиц: это слова, лишенные всякого смысла.

<…> Если какой-нибудь народ придет к единодушному соглашению подчиняться только законам природы, как они изображены нами выше, если он будет соответственным образом вести себя под руководством своих отцов семейств, то это будет демократия. Если для более верного соблюдения этих священных законов и исполнения их в большем порядке и с большей быстротой народ передаст власть в руки нескольких мудрецов, на которых будет возложена обязанность, так сказать, давать сигнал к действиям, указываемым и предписываемым этими законами, – это правление будет аристократическим. Если для еще большей точности и правильности в движениях политического организма его пружины приводит в действие только одно лицо, тогда государство становится монархией, которая до тех пор не придет в упадок, пока в нее не проникнет частная собственность, – если это несчастье случится, оно может все погубить, но при нашей гипотезе существует тысяча способов предупредить его. <…>

Почти все народы имели или имеют еще и теперь представление о золотом веке – очевидно, это то время, когда между людьми господствовала еще совершенная общественность, законы которой я развил выше. Быть может, золотой век – век первобытной невинности, когда человек, в течение многих веков жил не сознавая, что это наилучший для него строй, и в этой его несознательности причина его порчи. Эта порча вызвала состояние варварства, разбоя, бедствия которых показали людям ценность их первоначального состояния. Они попытались приблизиться к нему посредством законов, которые долгое время были очень несовершенны и отменялись другими законами, более совершенными. Эти последние заменялись и будут, очевидно, заменяться новыми, еще более удовлетворительными, и так далее, пока очистившийся разум перестанет игнорировать уроки природы и будет постоянно находиться только под ее влиянием.

<…> Дойдя до этого счастливого предела, разумное создание приобретает всю доброту или нравственное совершенство, на какие оно способно; вероятно, по этим ступеням провидение ведет к нему человеческий род. Когда народы, уставши от собственных преступлений, начали вздыхать по радостям общественности и слушаться приказаний и советов тех людей, которых они считали способными восстановить ее, то разве не было легко заставить их познать основную причину всех их зол – собственность и внушить им ненависть к ней? Не было надобности в длинных рассуждениях, чтобы выяснить даже самой грубой толпе необходимость упразднить собственность навсегда. <…>

Разве для некоторых законодателей это было бы труднее, чем диктовать страшные законы? Нисколько. Но вместо того, чтобы при помощи этого прекрасного средства вернуть человека к его естественной добродетельности, всю цену которой ему дали почувствовать его недавние несчастья; вместо того, чтобы прочно утвердить его в этом счастливом состоянии, – они лишь подвесили его, если так можно выразиться, между этой точкой опоры и пропастью. Я даю этот очерк законов в форме прибавления и вне плана, так как, к несчастью, слишком верно, что в настоящее время было бы почти невозможным основать подобного рода республику.

<…> По этому тексту, не нуждающемуся в длинных комментариях, всякий разумный читатель может судить, от скольких бедствий эти законы избавили бы людей. Я не имею дерзкой претензии преобразовывать род человеческий, но у меня достаточно мужества, чтобы говорить истину, не смущаясь воплями тех, которые страшатся ее, потому что в их интересах обманывать человечество или оставлять его во власти заблуждений, жертвой которых они являются сами.

МЕРСЬЕ Л.-С.
Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было[1]
Глава тридцать шестая. ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ

– Осмелюсь спросить вас, какой формы правления придерживается ваше государство? Монархической, демократической, аристократической?

– Ни монархической, ни демократической, ни аристократической; это просто разумная форма правления, имеющая целью пользу людей.

Монархии больше не существует. Монархические государства, как вам это хорошо было известно, хоть никаких выводов из этого вы так и не сделали, сливаются с деспотизмом, подобно тому, как реки сливаются с океаном, а деспотизм рушится под собственной тяжестью.

Истина сия подтвердилась; ни одно пророчество не осуществилось с такой точностью. При тех успехах, коих достигли у нас наука и просвещение, разумеется, было бы просто позором для рода человеческого, если бы мы, сумевшие измерить расстояние меж землей и солнцем и определить вес планет, оказались бы неспособными обнаружить простые и действенные законы, с помощью которых надобно управлять разумными существами!

Правда, немалым препятствием к тому были тщеславие, жадность, корыстолюбие, но какое это было торжество – найти главную пружину, посредством которой удалось заставить эти человеческие страсти служить всеобщему благу! Корабль, что бороздит океан, повелевая стихиям, в то же время покорен их воле: он подчиняется и противодействует одновременно. Вот, быть может, самый верный образ всякого государства – швыряемое бурями страстей, оно движется благодаря ним и им же должно противостоять. Все зависит от того, кто ведет сей корабль. В ваших политических понятиях царил полный мрак; вы, невежды, винили во всем Зиждителя вселенной, а ведь ни кто иной, как он, дал вам разум и мужество, дабы управлять самими собой. Достаточно было громкого голоса, чтобы разбудить людей от их спячки. Если вы были порабощены, то винить в этом вам следовало лишь себя. Свобода и счастье принадлежат тому, кто способен овладеть ими. Все в этом мире подвержено изменениям; наиболее важная из перемен уже свершилась, и ныне мы пожинаем ее плоды.

Освободившись от гнета, мы побоялись передать всю власть, все ее возможности, права и атрибуты в руки одного человека: наученные горьким опытом горьким опытом прошедших веков, мы не допустили подобной неосторожности.

И вернись даже в наш мир Сократ или Марк Аврелий, мы им не вручили бы неограниченной власти, и не из недоверия, но из опасения унизить священное понятие свободного человека. Разве закон не есть выражение всеобщей воли? Как доверить одному человеку столь важное сокровище? Ведь у него могут быть минуты слабости, а если бы даже у него их и не было, разве согласятся люди отречься от свободы, самого прекрасного из всех уделов? Мы уже испытали, сколь противоположна абсолютная монархия подлинным интересам народа. Искусство изобретать и взымать налоги, все возраставшая энергия, с которой они выкачивались; запутанные законы, противоречившие друг другу; кляузные процессы, пожиравшие имущество граждан; наполненные привилегированными тиранами города; продажность должностных лиц; министры и интенданты,3 бесчинствовавшие в различных частях королевства, словно в завоеванных провинциях; утонченное бессердечие, искавшее оправдания бесчеловечности; королевские чиновники, пренебрегавшие народом и оскорблявшие его вместо того, чтобы внимать его жалобам, – вот они, плоды того всевидящего деспотизма, что сосредоточивал вокруг себя все умы и употреблял их во зло, подобно человеку, применяющему зажигательные стекла лишь для разжигания пожара.

---

[1] *Мерсье Л.С. Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было. Л.: Наука, 1977. С.135-142.*

Что видели вы, проезжая по Франции, этому прекрасному королевству, которое столь щедро одарила своими милостями природа? Целые округи, разоренные сборщиками податей, города, превратившиеся в села, села, ставшие деревнями, деревни, обратившиеся в деревушки; исхудавших, страшных, обнищавших их жителей. Все эти бедствия не составляли тайны: отрекшись от чистых источников существования, люди приноравливались к господствовавшей тогда системе подкупности, а рождаемые ею пороки оправдывали всеобщее разложение остальных. Государь или тот, кто представляет его, затмевает собой общество, разделяет его, становясь единственным его средоточием, существом, которое по своему усмотрению разжигает все страсти и вводит их в игру ради собственных интересов.

Он определяет, что справедливо, а что несправедливо; его каприз становится законом, его благосклонность – мерилом уважения в обществе. Подобная система слишком бесчеловечна, чтобы существовать долго. Правосудие же является преградой, равно охраняющей и подданного, и государя. Одна лишь свобода способна создать великодушных граждан: истина превращает их в разумные существа. Король могуществен, лишь стоя во главе счастливого, великодушного народа. Если приходит в упадок народ, рушится трон.

И можете себе представить? Революция свершилась без всяких усилий, благодаря мужеству одного лишь человека. Некий король-философ, достойный своего трона, поскольку не придавал ему значения, стремившийся к счастью людей более ревностно, нежели к сему призраку власти, устыдясь суда будущих потомков и суда собственной совести, предложил вернуть Генеральным штатам их прежние прерогативы: он понял, что разумно управлять обширным государством можно, лишь опираясь на собрание представителей различных его провинций. Подобно тому, как в человеческом теле, кроме общей циркуляции крови, существует еще и отдельная для каждой части его, так каждая провинция, подчиняясь общим для всего государства законам, имеет еще и свои собственные, видоизмененные в соответствии с характером ее почвы, положением, торговлей, взаимными интересами. Благодаря этому все живет, все находится в расцвете. Провинции уже не для того существуют, чтобы служить двору и украшать столицу. Никакой приказ, посланный вслепую, не вносит смятения в далекие провинции, куда взгляд государя никогда не мог достигнуть. Каждая из них сама печется о своей безопасности и своем благополучии. Главный жизненный источник уже не отдален от нее; он находится в самом ее лоне, всегда готовый содействовать государству в целом и прийти ему на помощь в случае какого-либо бедствия. Оказание помощи не находится больше в руках людей равнодушных, которые помогают только для вида, а то и радуются ударам, что грозят ослабить родину.

Итак, абсолютная монархия была уничтожена. Глава государства сохранил королевский титул; но он не был столь неразумен, чтобы взваливать на себя все, то бремя, которое отягощало плечи его предков. Лишь Собрание народных представителей королевства имеет законодательную власть. Ведение всех дел, как политических, так и гражданских, доверено Сенату, государь лишь следит за выполнением законов. Он вносит предложения о создании всех полезных учреждений. Сенат отвечает перед королем, король и Сенат несут ответственность перед Собранием народных представителей, которое созывается каждые два года. Все решается там большинством голосов. Новые законы, заполнение должностей, исправление ошибок – вот что находится в ведении сего Собрания. Особые или неожиданные случаи оставляются па усмотрение короля. Он счастлив, трон его зиждется на более прочной основе, корона его гарантирована свободой народа. Те, кто обладает самыми заурядными душами, обязаны своими добродетелями этому вечному двигателю всего великого. Гражданин не отделен от государства, он составляет с ним единое целое. И надо только видеть, как ревностно печется он о блеске его и славе. Каждое решение Сената всегда обосновано, в нем кратко сообщаются побудительные причины и указывается цель. Нам непонятно, как осмеливались в ваш век (якобы просвещенный) городские власти свысока отдавать все эти приказы, по непреложности своей напоминающие постановления богословов, будто закон не есть воплощение общественного разума и народу не надобно понять его, прежде чем ему подчиниться. Этим господам в бархатных шапочках, называвшим себя отцами на-

рода, неведомо было, как видно, великое искусство убеждения, что действует так легко и с такою силой; а вернее, не имея ни твердых воззрений, ни ясных намерений, попеременно строя друг другу козни, составляя заговоры и раболепствуя, господа эти только и делали, что льстили и досаждали трону, то вдруг поднимая шум из-за пустяков, то продавая и обманывая народ. У нас, как вы понимаете, нет уже подобных градоначальников, кои смолоду приучались к бесчувственности, необходимой им для того, чтобы хладнокровно распоряжаться честью, достоянием и жизнью граждан; они были весьма отважны, когда дело шло о защите их жалких привилегий, и весьма трусливы, как только речь заходила об общественном благе; последнее время не было даже нужды подкупать их: они впали в полнейшее безразличие. У нас градоначальники совсем иные: имя отцов народа, коим мы их величаем, они оправдывают на всем протяжении своей службы. Бразды правления ныне находятся в твердых руках разумных людей, действующих согласно определенному плану. Мы чтим законы, и никто не вправе считать себя выше закона, как это было в те далекие времена, на великую беду тогдашних правительств. Всеобщее благоденствие зиждется на безопасности любого из подданных: каждый боится не людей, но законов, сам государь чувствует их над собой. Бдительное внимание короля заставляет сенаторов более тщательно относиться к своим обязанностям и лучше выполнять свой долг; его доверие к ним облегчает их труды, его авторитет придает им те силы и мужество, кои необходимы для их решений. Таким образом, скипетр, столь отягощавший ваших королей, в руках нашего государя ничего не весит. И он уже не являет собой пышно убранную жертву, беспрестанно приносимую на алтарь государства: его бремя соразмерно тем ограниченным силам, которые получил он от природы.

Наш король богобоязнен, благочестив, справедлив, сердцем его владеют Предвечный и отчизна; он страшится божьего гнева и осуждения потомков; в чистой совести, незапятнанной славе видит он высшую степень блаженства. Чтобы делать добро, надобны не столько выдающиеся дарования, ум и обширные познания, сколько благородное сердце, искреннее стремление к добру и постоянная готовность свершать его.

Нередко всеми превозносимый гений короля не только не прибавляет счастья государству, но оборачивается против свободы страны.

Нам удалось сочетать то, что казалось почти непримиримым, – благоденствие государства с благоденствием частных лиц. В ваше время даже утверждали, будто во всяком государстве существует некое неразрешимое противоречие между общественным благом и благом некоторых его граждан. Мы не придерживаемся сей жестокой политики, основанной на незнании истинных законов или же на презрении к наиболее бедным и наиболее полезным людям. Существовали отвратительные, жестокие законы, исходившие из того, что люди злы по самой природе своей; но мы-то склонны считать, что они стали таковыми лишь со времени действия этих законов. Деспотизм утомил человеческое сердцем, беспрестанно озлобляя, растлил и ожесточил его.

Наш король имеет все права, всю необходимую власть, чтобы творить добро, но у него связаны руки, если он пожелал бы делать зло.

Народ ему всегда представляют в самом благоприятном свете: толкуют о его достоинствах, о его верности государю, об отвращении его ко всякому чужеземному игу. При нем находятся особые цензоры, коим дано право удалять от государя всякого, кто вздумал бы склонять его к неверию, к легкомыслию, ко лжи и еще более гибельному занятию – осмеиванию добродетели. Не встретите вы средь нас и той породы людей, что, пользуясь своими дворянскими титулами (к тому же еще и купленными), сбегались со всех сторон, чтобы раболепствовать перед государем; которые, знать не желая никакого иного ремесла, кроме военного или придворного, жили в полном безделье, теша свою гордыню старинными грамотами и являя печальное зрелище тщеславия, которое было тем больше, чем дворянин был беднее. Ваши гренадеры проливали свою кровь с не меньшей отвагой, нежели люди сего благородного сословия, и при этом не ценили себя так дорого. Впрочем, в нашей республике подобное название оскорбило бы все другие сословия. У нас все граж-

дане равны. Различие между ними определяется лишь той естественной границей, которую прокладывают между людьми труд, талант и добродетель.

Несмотря на все эти заслоны, на все принятые предосторожности, король еще обязан соблюдать ежегодный трехдневный пост, дабы он в случае стихийных бедствий не забывал о бедных. В течение этих трех дней государь наш страдает от голода и жажды, спит на жестком ложе, и сей строгий и спасительный пост рождает в его сердце более глубокое сострадание к людям неимущим. Правда, наш король не нуждается в том, чтобы ему напоминали об этом подобным способом, но таков уж закон нашего государства, священный закон, которого и доныне у нас придерживаются. Следуя примеру государя, и министры, и все, кто причастен к управлению государством, считают своим долгом на себе почувствовать, что такое нужда, и испытать страдания, которые она вызывает. Это заставляет каждого из них с большей готовностью облегчать участь тех, кто оказывается во власти жестокого закона нужды.

– Но, – сказал я ему, – подобные перемены должны были свершаться медленно, мучительно, с огромными усилиями. Сколько же трудов они вам стоили!

– Творить добро не больший труд, чем творить зло, – ответствовал мой мудрый собеседник с кроткой улыбкой. – Человеческие страсти – вот те ужасные препятствия, что стояли у нас на пути. Но, постигнув с помощью просвещения подлинные свои интересы, люди становятся справедливее и честнее. Мне кажется, что когда бы терпимость и правда воцарились во всех сердцах, миром мог бы управлять один человек.

Хотя людям вашего века и свойственна была непоследовательность, они все же верно сумели предугадать, каких успехов достигнет когда-нибудь разум. Ныне мы видим их плоды, и благотворные принципы разумного правления явились первым следствием сих преобразований.

ГОДВИН В.
О собственности[1]
Глава I
Изображение истинной системы собственности

<…> Вопрос о собственности представляет краеугольный камень, на котором покоится все здание политической справедливости. В зависимости от того, правильны ли наши представления о ней, они помешают или помогут нам представить себе последствия установления простой формы общества без правительства и устранить предрассудки, диктующие нам его сложную форму. Ничто не способно так сильно искажать наши суждения и мнения, как ошибочные представления, касающиеся значения богатства. Наконец, системе принуждения и наказания будет положен пре дел в ту эпоху, в которую право собственности будет основано на справедливых началах.

При управлении собственностью совершалось бесконечное количество совершенно непоправимых злоупотреблений. Каждое из них можно было бы с большой пользой сделать предметом особого рассмотрения. Мы могли бы изучить притеснения, вызванные помышлениями о национальном величии или тщеславием властей. Это привело бы нас к правильной оценке разного рода обложения, относящегося к недвижимости или к торговле, и имеющего своим объектом предметы необходимости или роскоши. Мы могли бы исследовать злоупотребления, которые присовокупились к коммерческой системе в виде монополий, хартий, патентов, покровительственных пошлин, правительственных запретов и поощрений. Мы могли бы обратить внимание на последствия, проистекавшие из феодального порядка и иерархической системы в виде сеньоральных оброков, поземельной подати, пошлины за провоз, наследственной пошлины, фригольдов, копигольдов и маноров,

[1] *Годвин В. О собственности. М., 1958. С. 57-69, 148-175.*

вассалитета и права первородства. Мы могли бы изучить права церкви в виде права на первые плоды и на десятину. Мы могли бы рассмотреть вопрос о правильности такого порядка, при котором человек, обладающий неограниченным правом на значительную собственность в течение своей жизни, может располагать ею по своему усмотрению тогда, когда законы природы установили предел его власти. Изучив все это, мы поняли бы огромное значение этих вопросов. Однако не будем на них останавливаться, но конец настоящей работы посвятим не каким-нибудь отдельным злоупотреблениям, связанным с управлением собственностью, но тем общим началам, которые лежат в ее основе и которые при всей своей ложности должны рассматриваться не только как источник перечисленных выше злоупотреблений, но и множества других, слишком многочисленных и сложных для краткого перечисления.

На основании какого же критерия можно установить, что такие-то вещи, пригодные для увеличения человеческого благополучия, должны рассматриваться как ваша или моя собственность? На этот вопрос может быть только один ответ – на основании справедливости. В таком случае, обратимся к принципу справедливости.

Кому должен по справедливости принадлежать какой-либо предмет, скажем, каравай хлеба? Тому, кто больше всех нуждается в нем или кому обладание им будет наиболее полезно. Перед нами шесть человек, измученных голодом, и каравай может удовлетворить их всех. Кто же вправе предъявить разумные претензии на то, чтобы одному воспользоваться теми свойствами, которыми наделен этот хлеб? Возможно, что все эти люди братья, а по праву первородства хлеб должен быть предоставлен одному старшему. Но разве такое решение было бы справедливым? Законы разных стран распоряжаются собственностью тысячью разных способов, но только один способ может быть согласен с разумом.

Легко можно представить себе случай гораздо более яркий, чем только что изображенный. Я владею ста караваями хлеба, а на соседней улице живет бедный человек, умирающий с голоду, которому один из этих караваев мог бы сохранить жизнь. Лишая его этого хлеба, разве я не поступаю несправедливо? А если я наделяю его хлебом, разве я не делаю как раз то, чего требует справедливость? Но кому же должен принадлежать по справедливости хлеб?

Предположим, что я нахожусь в хорошем материальном положении и не нуждаюсь в этом хлебе для обмена на что-нибудь другое или для его продажи, чтобы приобрести какие-нибудь другие предметы, необходимые для человека. Наши животные потребности давно уже описаны и, как известно, состоят из нужды в пище, одежде и убежище. Если справедливость вообще что-нибудь значит, то не может быть ничего более несправедливого, чем то обстоятельство, что один человек обладает всякими излишними вещами, в то время как имеются человеческие существа, лишенные в значительной степени даже необходимого.

Но действие справедливости не останавливается здесь. Поскольку хватит общих запасов, каждый человек будет иметь право не только на все средства к существованию, но и на хорошее существование. Несправедливо, чтобы один человек трудился так, что губил бы свое здоровье или жизнь, в то время как другой нежился бы в роскоши. Несправедливо, чтобы один человек был лишен досуга для развития своих интеллектуальных способностей, в то время как другой не делал бы ни малейшего усилия для увеличения общего количества благ. Способности всех людей одинаковы. Справедливость требует, чтобы каждый человек, за исключением того случая, когда он используется иначе с большей пользой для общества, участвовал в работах, необходимых для получения урожая, из которого каждый потребляет свою долю. Эта обоюдность, обсуждавшаяся тогда, когда она была предметом особого рассмотрения, представляет самую сущность справедливости. Теперь мы посмотрим, как обеспечить вторую часть этой обоюдности, именно необходимый труд, обеспечивающий каждому человеку право требовать свою долю продуктов.

Если мы на минуту подумаем о природе роскоши, то увидим ее в поразительном свете. Весьма понятно, что богатство каждого государства может рассматриваться как совокупность всех доходов, ежегодно потребляемых в этом государстве без уничтожения материала, предназначенного для такого же потребления в

следующем году. Рассматривая этот Доход как результат труда жителей, чем он почти во всех случаях и является, придется сделать вывод, что в цивилизованных странах крестьянин часто потребляет не больше двадцатой части продукта своего труда, в то время как его богатый сосед потребляет порой результат труда двадцати крестьян. Выгода, получаемая таким счастливым смертным, конечно, должна считаться чрезмерной.

При этом совершенно очевидно, что условия, в которых он находится, все же далеки от благоприятных. Человек, получающий сто фунтов стерлингов в год, находится в условиях в тысячу раз более благоприятных, если только он сам понимает, в чем счастье. Что может сделать богач со своим огромным богатством? Может ли он съесть бесчисленное количество блюд из самых дорогих сортов мяса или выпить бочки вина самого лучшего букета? Умеренность в еде гораздо полезнее для здоровья, для ясности рассудка, для бодрого расположения духа и даже для хорошего пищеварения. Почти все остальные расходы служат только для удовлетворения тщеславия. Никто, кроме самого низкого сластолюбца, не станет оплачивать даже просто обильный стол, если у него не окажется зрителей, будь то слуги или гости, чтобы любоваться его богатством. Для кого наши роскошные дворцы и дорогая мебель, наши экипажи и даже сама наша одежда? Дворянин, который позволил бы впервые своему воображению углубиться в вопрос, как бы он устроил свою жизнь, если бы никто за ним не наблюдал и ему не надо было бы никому угождать, кроме самого себя, несомненно очень бы удивился, обнаружив, что тщеславие было главным двигателем всех его поступков.

Тщеславие ставит себе целью добиться восхищения и одобрения зрителей. Нам нет надобности обсуждать истинную цену одобрений. Даже признав, что оно не менее ценно, чем люди предполагают, надо отметить, как презренна причина такого одобрения, к которому стремится богатый. «Аплодируйте мне, потому что мой предок оставил мне большое состояние». Какая в этом заслуга? Затем, первое следствие богатства заключается в лишении собственника способностей к рассуждению, он становится неспособным понимать истинную правду. Богатство побуждает его любить то, что не удовлетворяет человеческие потребности и не нужно человеческой душе, вследствие чего уделом собственника становятся разочарование и несчастье. Самое большое из всех личных благ – это душевная независимость, позволяющая нам чувствовать, что наши радости не зависят ни от людей, ни от судьбы, а также душевная активность, хорошее расположение духа, вытекающее из труда, постоянно применяемого ради целей, внутренняя ценность которых признается нами самими.

Таким образом, мы сравнили счастье человека чрезмерно богатого со счастьем человека, получающего сто фунтов стерлингов в год. Но вторая часть сравнения была взята в соответствии с существующими предрассудками. Даже при теперешнем состоянии общества мы можем понять, что человек, который бы постоянно зарабатывал необходимые средства к существованию посредством очень умеренного труда, причем его делам не мешали бы сварливость или капризы соседей, был бы не менее счастлив, чем человек, уже рожденный с этими средствами. При том состоянии общества, которое мы рассматриваем и при котором, как мы сейчас увидим, требующийся труд будет очень легким, каждому человеку отнюдь не будет казаться несчастьем необходимость проявлять умеренную деятельность и вследствие этого сознавать, что никакие удары судьбы не могут лишить его средств к существованию и чувства довольства.

Но указывалось, «что разные люди проявляют совершенно разные степени трудолюбия и усердия и что поэтому было бы несправедливо, чтобы они получали одинаковое вознаграждение». Конечно, нельзя отрицать, что достижения людей в добродетелях, как и их полезность, ни в коем случае не могут быть сравниваемы. Очень легко установить, насколько теперешняя система собственности содействует справедливому их вознаграждению. Она предоставляет одному человеку огромные богатства на основании случайности рождения. Человек же, которому удается из нищеты подняться до достатка, как известно, обычно не совершает этого перехода способами, делающими честь его добросовестности и полезности. Самые трудо-

способные и деятельные члены общества часто лишь с большим трудом спасают свои семьи от голода.

Но пройдем мимо вопроса о несправедливости, вытекающей из неравного распределения собственности, и рассмотрим, каково должно быть вознаграждение за труд. Если вы трудолюбивы, то вы получите в сто раз больше пищи, чем вы в состоянии съесть, и в сто раз больше одежды, чем вы сможете носить. Где же тут справедливость? Если бы даже я был величайшим благодетелем человечества, то разве это основание, чтобы одарять меня тем, что мне не нужно, особенно, когда имеются тысячи, которым бы эти излишки принесли огромную пользу? Получая их, я не приобрету ничего, кроме удовлетворения тщеславия, и, возбуждая зависть, испытаю жалкое удовольствие от возвращения бедным под именем великодушия того, на что разум дает им бесспорное право: так порождаются предрассудки, заблуждения и пороки.

Учение о неправедности накопления богатств лежит в основе нравственности, проповедуемой религией. Целью этого ученья было возбуждение в людях личных добродетелей, которые бы противодействовали этой неправедности. Самые деятельные учителя церкви были силою вещей принуждены излагать истинную правду об этом важном предмете. Они учили богатых, что принадлежащие им богатства только доверены им, что богатые должны будут дать отчет в каждом расходе, что они являются только управителями и ни в коем случае не собственниками. Недостаток этого учения заключается в том, что оно побуждает нас не отказаться от нашей несправедливости, а лишь слегка смягчать ее.

Нет истины более простой, чем та, которую оно предполагает. Не существует ни одного человеческого действия и тем более ни одного действия, относящегося к собственности, которое не знало бы градаций в лучшую или худшую сторону и которое нельзя было бы оценивать с точки зрения разума и морали. Человек, признающий, что другие люди обладают такой же природой, как и он сам, и способный понять, какое точно место он занимает с точки зрения беспристрастного наблюдателя, должен ясно сознавать, что деньги, затраченные им на приобретение предмета, не приносящего никакой пользы ему самому, использованы плохо, так как они могли бы принести существенную пользу кому-нибудь другому. Человек, рассматривающий свою собственность в свете истины, будет стремиться каждому своему шиллингу дать назначение, соответствующее требованиям справедливости. Но в то же время он будет испытывать большие страдания, не зная, какое же назначение должно быть дано деньгам с точки зрения справедливости и общественной полезности.

Может ли кто-нибудь сомневаться в правильности этих утверждений? Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что, употребляя какую-то сумму денег, большую или малую, на приобретение предмета чистой роскоши, я становлюсь виновен в порочном действии? Давно пора, чтобы этот вопрос был правильно оценен. Давно пора либо совершенно отказаться даже от упоминания таких слов, как справедливость и добродетель, либо признать, что они не позволяют нам окружать себя всяческой роскошью, в то время как другие лишены необходимых средств к существованию и счастью.

Религия внушала людям мысль о беспристрастном характере справедливости, но ее учителя были слишком склонны трактовать дело осуществления справедливости не как обязанность, какой ее надо считать, а как добровольное проявление благородства и великодушия. Они призывали богатых быть милосердными и сострадательными к бедным. Вследствие этого богатые, давая самую ничтожную долю своих громадных средств на так называемые дела благотворения, ставили себе это в заслугу, вместо того, чтобы считать себя преступными за то богатство, которое они сохраняли.

В действительности, религия приспособляется во всех своих предписаниях к предрассудкам и слабостям человечества. Ее создатели сообщили миру как раз такую долю истины, которую, по их мнению, мир был склонен признать. Но наступило время отложить наставления, предназначенные для слабых разумом, и рассмотреть саму природу и сущность вещей. Если бы религия ясно предписывала нам, что по справедливости люди должны получать все необходимое для их потребностей,

то мы начали бы подозревать, что добровольные пожертвования со стороны богатых представляют весьма обходный путь и недейственный способ для достижения указанной цели. Опыт всех времен учит нас, что такой порядок дает совершенно случайный результат. Основная цель, преследуемая им, заключается в том, чтобы снабжение бедных было передано на усмотрение немногих лиц, которые проявляют мнимое великодушие, распоряжаясь тем, что по существу им не принадлежит, и приобретают благодарность бедных, уплачивая лишь свой долг.

Это – система милосердия и благотворительности вместо системы справедливости. Она преисполняет богатых безосновательной гордостью, вследствие фальшивых похвал, расточаемых их поступкам, и в то же время делает бедных угодливыми, так как побуждает их рассматривать те убогие блага, которые они получают, не как бесспорно им принадлежащие, но как результат соизволения и милости их богатых соседей.

Глава VIII.
Способ установления истинной системы собственности

Представления, которые имеются по этому вопросу. – Ожидание резни. – Выводы, которые должны быть сделаны относительно реальности этих представлений. – Зло как вполне устранимый спутник прогресса. – Обязанности, возникающие в этих условиях 1) у тех, кто обладает качествами, нужными для общественных наставников, – их нрав, искренность, гибельное влияние в этих случаях притворства; 2) у богатых и знатных, – можно думать, что многие из них станут сторонниками равенства, – поведение, которое предписывается им как целому; 3) у друзей равенства вообще. – Всемогущество истины. – Необходимость в мягком и благожелательном способе действия. – Связь между свободой и равенством. – Причины, создающие равенство, будут постоянно усиливать свое влияние. – Признаки их роста. – Мысли об успехе равенства в будущем. – Заключение.

После того как мы подробно и без умолчания обсудили все части нарисованной нами замечательной картины, нам остается рассмотреть лишь один вопрос. Каким образом будет осуществлено это важное усовершенствование человеческого общества? Не желательно ли для этого сделать предварительно какие-нибудь определенные шаги? Может быть, неизбежны какие-нибудь предварительные меры? Не будет ли период, предшествующий равенству, по необходимости омрачен распространением некоторого зла?

Ни одна идея не вызывала большего отвращения в умах множества людей, чем то, что они называют уравнительными началами, распространение которых должно будто бы повлечь за собой много бедствий. Они думают, «что эти начала неизбежно будут производить брожение в умах простого народа и что попытка осуществить их будет сопровождаться разнообразными бедствиями». Они представляют себе, как «непросвещенная и нецивилизованная часть человечества, освобожденная от всякого принуждения, предастся всевозможным крайностям. Знание и понимание, достижения ума, открытия, сделанные мудрецами, красоты поэзии и искусства будут растоптаны ногами и уничтожены варварами. Это будет новое нашествие готов и вандалов, но с тем печальным осложнением, что змея, укус которой смертелен, откормлена на нашей груди». Они представляют себе, что дело «начнется с убийств». Они думают, «что все люди видные, занимающие первенствующее положение и знатные будут в числе первых жертв. Все, кто отличается особой изысканностью манер или решительностью слога и мысли, неизбежно станут предметом зависти и подозрений. Тот, кто бесстрашно будет помогать преследуемым или провозглашать народу те истины которые он менее всего склонен слушать, но которые ему как раз более всего следует выслушивать, будет предназначен для убиения».

Но мы не должны пугаться изображенной здесь картины, притом не из пристрастия к системе равенства, нарисованной в нашей книге. Легко можно себе представить, что революция будет сопровождаться резней, и, вероятно, это самое отвратительное, что можно себе вообразить, даже учитывая ее непродолжительность. Боязливые, безнадежные упования тех, кто потерпел поражение, и кровожадная ярость их победителей представляют такое сочетание зла, которое превосходит все то, что говорится об ужасах ада. Хладнокровные избиения, совершаемые

под именем правосудия, все же не так страшны даже при самом своем ужасном проявлении, как эти убийства. Исполнители закона и его орудия в силу привычки примирили свое сознание с тем страшным делом, которому они служат, они принимают свою долю участия в самых возмутительных безобразиях, нисколько не отдаваясь страстям, с ними связанным. Но участники резни действуют под влиянием ярости. Их глаза сверкают огнем бешенства и злобы. Они преследуют свои жертвы из улицы в улицу и из дома в дом. Они вырывают их из объятий отцов и жен. Они пресыщаются жестокостью и надругательством и издают крики отвратительного восторга при зрелище причиняемых ими мук.

Мы увидали теперь эту страшную картину; какие же выводы надлежит из нее сделать? Должны ли мы отказаться от разума, от справедливости, от добродетели и счастья? Предположим, что неизбежным последствием приобщения к истине будет временное появление таких сцен, как только что нами описанная, должны ли мы на этом основании отказаться от распространения ее? Совершенные преступления будут по ошибочному представлению казаться последствиями знакомства с истиной, но на самом деле это результат заблуждений, внушенных прежде. Беспристрастный исследователь увидит в них последние усилия погибающего деспотизма, который, в случае если бы он остался жив, произвел бы бедствия, едва ли менее ужасные в момент их совершения, но гораздо более пагубные по своей долговременности. Если рассуждать правильно, то, даже допуская прежде сделанное неблагоприятное предположение, надо противопоставить момент ужаса и отчаяния векам счастья. Никакое воображение не может дать полное представление о том умственном развитии и спокойной добродетели, Которые наступят, когда собственность будет Установлена на естественных основаниях.

Какими способами можно вообще заглубить истину и сохранить спасительную отраву и успокоительное безумие, так желанные некоторым людям? Политика правительств всего мира в целом клонилась к этому на протяжении многих веков. Есть ли у нас рабы? Тогда мы должны старательно охранять их невежество. Есть ли у нас колонии и подвластные земли? Тогда все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы они не стали слишком населены и богаты. Есть ли у нас подданные? Тогда, «превратив их в бессильных и бедных, нам удастся сохранить их послушными; избыток годен лишь к тому, чтобы сделать их непокорными, непослушными и мятежными». Если бы такова была истинная сущность общественного устройства, то нам, конечно, следовало бы с отвращением отпрянуть от нее. Каким ужасным неудачником оказался бы весь человеческий род, если бы все попытки сделать его разумным привели бы только к тому, что он лишился бы всех правил и стал беспутным. Но ни один человек, способный уделить этому вопросу сколько-нибудь беспристрастного внимания, не сможет в это поверить. Могут ли истина, понятие о справедливости и желание осуществить ее стать источником непоправимого крушения человечества? Можно допустить, что первое пробуждение ума и просветление его будут сопровождаться беспорядком. Но всякий, рассуждающий правильно, должен признать, что на смену замешательству придут порядок и счастье. Отказ от такого средства для достижения счастья, если бы даже оно оказало описанное действие, напомнило бы тот случай, когда человек, повредивший свою конечность, отказался бы подвергнуться тому мучению, которое связано с ее вправлением. Если человечество сейчас потеряло путь к добродетели и счастью, то нет разумных оснований для него всегда идти по ложной дороге. Мы не должны отказываться от осуждения ошибок и от рассмотрения явлений, вытекающих из них.

В этой связи возникает еще один вопрос. Можно ли вообще подавить истину? Можно ли приостановить успехи пытливого ума? Если бы это и было возможно, то не иначе, как при помощи самого жестокого деспотизма. Ум человека постоянно стремится к развитию. Его можно сдержать только силой, которая на протяжении всего его существования противодействовала бы его естественным стремлениям. Для этого пришлось бы применить меры деспотические и кровавые. Они создали бы картину жалкую и отвратительную. В результате возникла бы глубокая умственная тьма, страх, подобострастие, лицемерие. Такова альтернатива, если вообще она возможна, так что государи и правительства земного шара должны сейчас сделать выбор между двумя противоположными мероприятиями: они либо должны по-

давить прогресс путем самого неограниченного применения силы, либо предоставить свободную и спокойную возможность каждому человеку вырабатывать и защищать свое мнение.

Несомненно, правительство обязано сохранять самый неуклонный нейтралитет в этом важном деле. Несомненно, все люди обязаны оглашать истину без робости или умолчаний, оглашать ее в подлинном виде, не прибегая к содействию лживых приемов печати. Чем больше ее будут оглашать, чем лучше ее будут знать во всем ее объеме, а не по частям, тем менее возможно ее сочетание с гибельными последствиями заблуждения и ее отступление перед ними. Истинный человеколюбец будет горячо стремиться не подавлять обсуждение вопроса, но принимать в нем деятельное участие, проявляя всю силу своих способностей к исследованию, и содействовать своими усилиями острой и глубокой работе мысли.

Теперь, когда стало ясно, что истина должна быть провозглашена любой ценой, то нам надо посмотреть, какова же точно эта цена, т. е. надо исследовать, сколько беспорядка и насилия неотделимо связано с тем перерождением, которому должен подвергнуться разум. И тогда обнаружится со всей ясностью, что зло отнюдь нельзя считать неотделимым от прогресса. В самом факте приобретения знаний и постепенного ознакомления с истиной не заключается еще никакой предпосылки к беспорядку. Зло может возникнуть только при столкновении мнений, только когда одна группа людей в общине отстранит другую, отвергнув ее взгляды на прогресс, и проявит нетерпимость к той оппозиции, которую она встретит.

В эту интересную эпоху, когда разум во всяком случае будет переживать настоящий перелом в своей истории, на долю каждой группы людей в общине выпадут высокие обязанности. Прежде всего это коснется тех просвещенных и сильных умов, которым надлежит сделаться наставниками остальных в деле открывания истины. Они обязаны быть деятельными, неутомимыми и бескорыстными. Им надлежит воздерживаться от возбуждающих речей, от всяких едких и злобных выражений. Нелепо правительству брать на себя в этом отношении роль критика и устанавливать мерило для определения должной степени свободомыслия и благопристойности; но именно по этой причине те, кто сообщают свои мысли публике, обязаны особенно строго следить за собой. Весть об установлении свободы и равенства – это весть о доброжелательном отношении ко всем людям. Свобода и равенство избавят крестьянина от несправедливости, подавляющей его разум, а привилегированных – от роскоши и деспотизма, развращающих их. Пусть люди, несущие нам эту весть, не запятнают своего великодушия, показав, что оно еще не сжилось с их сердцами.

Не менее важно, чтобы они поспешили сообщить всю истину без умолчания. Нельзя себе представить ничего более вредного, чем правило, предписывающее считаться с духом времени и говорить только то, что, как нам кажется, наши современники способны понять. В настоящее время такая практика принята почти повсеместно и служит признаком весьма глубокой испорченности. Мы кромсаем и разрываем правду на части. Мы делимся ею с нашими собратьями не в том широком объеме, в каком узнали ее сами, но с той скупостью, какая диктуется нам нашей собственной жалкой осторожностью. Мы начинаем ссылаться на то, что эта истина пригодна для одной страны и не пригодна для другой, но ведь это та истина, которую мы признаем вечно неизменной. С целью обмануть других со спокойной совестью, мы начинаем с того, что обманываем самих себя. Мы надеваем путы на свой разум и не дерзаем свободно верить самим себе в поисках истины. Такая практика получила свое начало в партийных махинациях и в стремлении умного и предприимчивого вождя тащить в своей свите целую армию слабых, робких и себялюбивых сторонников. Нет оснований, по каким я не мог бы заявить в любом собрании на земном шаре, что я республиканец. Если я республиканец при монархическом правлении, то у меня не больше оснований примыкать к неистовым мятежникам для нарушения общественного спокойствия, чем монархистам при республике. Всякое сообщество людей, как и каждый отдельный человек, должно направлять свою деятельность в соответствии с общественными идеями справедливости. Я должен стремиться не к тому, чтобы насильственно изменить учреждения, но к тому, чтобы доводами разума изменить идеи. Мне нет никакого дела до мятежников и интрига-

нов, но я хочу просто распространять истину и намерен ждать, пока спокойно утвердится вера в нее. Если будет созвано какое-нибудь собрание, не согласное с этим, то я не должен принимать в нем участия. Но чаще мы склоняемся к тому, что «вопрос чести», или, лучше сказать, вопрос полезности «представляет собой личное дело каждого».

Обсуждаемое нами притворство, помимо дурного влияния, оказываемого им на того, кто прибегает к нему, и помимо того, что оно портит и подрывает репутацию человека в обществе, имеет еще особенно вредные последствия в том отношении, которое мы сейчас рассматриваем. Оно как бы закладывает мину и готовит взрыв. Таковы последствия всех противоестественных ограничений. В то же время ничем не сдерживаемое распространение истины всегда благодетельно. Ее успехи идут последовательно, и каждый этап подготавливает общее сознание к следующему. Бывают такие неожиданные и неподготовленные проявления истины, которые легко лишают людей трезвости в мыслях и власти над собой. Умолчания в этих случаях сразу делают массу грубой и озлобленной, как только она откроет, что от нее что-то скрывают, и в то же время они сбивают с правильного пути носителей политической власти. Они убаюкивают последних в сознании ложной безопасности и побуждают их к зловещему упорству.

Рассмотрев обязанности при таком кризисе людей просвещенных и мудрых, мы теперь должны обратить наше внимание в сторону совершенно другой социальной группы, в сторону богатых и знатных. И здесь прежде всего надо заметить, что мы совершаем очень большую ошибку, когда, как это часто бывает, не верим в возможность превратить их в сторонников равенства. Люди не так жалко себялюбивы, как это предполагают сатирики и царедворцы. Мы никогда не приступаем ни к какому действию, не обдумав, каковы требования справедливости в этом случае. Мы всегда стремимся удостовериться, что поступки, к которым нас побуждают наши склонности, безвредны и правильны. Поэтому, поскольку мысли о справедливости занимают так много места в работе человеческого сознания, нет разумных оснований сомневаться в том, что яркое и сильное представление о справедливости окажется мощным двигателем, воздействующим на наш выбор. Но затем путь добродетели, избранный нами по каким бы то ни было основаниям, оказывается желанным по тысяче других причин. Он дает нам репутацию, положение, внутреннее довольство и высокую радость удовлетворенного разума.

Богатые и знатные далеко не безразличны к вопросам общего благополучия, когда эти вопросы представлены им с той ясностью и притягательностью, которые могут на них воздействовать. Их разум свободен от влияния одного большого недостатка. Их не ожесточила неумолимая деспотия, и горизонт их не сузился под постоянным давлением нужды. Они особенно хорошо могут судить о пустоте той роскоши и тех радостей, которые вызывают такое восхищение при наблюдении со стороны. Часто можно заметить, что они довольно равнодушны к этим вещам, если только они не слишком утвердились в своих привычках или закоренели в них с годами. Если вы покажете им привлекательность благородства и великодушия при отказе от старых преимуществ, то во многих случаях они охотно готовы будут решиться на это. Как только какое-нибудь событие возбудит активность ума, за ним обязательно последуют действия; мало людей настолько неактивных, чтобы навсегда предаться беспечному пользованию преимуществами, данными им с рождения. Тот же дух, который толкал молодых представителей знати в ряду поколений навстречу лишениям войны, легко может быть использован для того, чтобы превратить их в сторонников дела равенства; нельзя представить себе, что наличие высокой доблести и искренности в этом деле не даст должного результата.

Но вообразим, что значительная часть богатых и знатных не захочет действовать иначе, как только ради собственных выгод и удобств. Нетрудно будет убедить их, что в этом отношении их собственные интересы допускают разве только умеренное и мягкое противодействие. Бесспорно, что спокойствие или замешательство в жизни человечества в будущем сильно зависит от поведения этой группы. Я сказал бы им: «Тщетно бороться с истиной. Это равносильно попытке остановить рукою человека морской прилив. Отступитесь вовремя. Обеспечьте свою безопасность уступками. Если вы не хотите стать на сторону политической спра-

ведливости, то по крайней мере вступите в переговоры с неприятелем, которого вы не можете осилить. Многое, очень многое зависит от вас самих. Если вы будете мудры, если вы будете осторожны, если вы намерены по крайней мере обеспечить свою жизнь и личную безопасность среди общего крушения привилегий и безрассудства, то вы сами не захотите вызвать против себя раздражение и бравировать. Если только вы не будете опрометчивы, то не произойдет никакого беспорядка, не будет никаких убийств, не прольется ни одной капли крови, и вы сами будете счастливы. Если же вы бросите вызов буре и обрушите на свои головы негодование, то все же останется надежда, что удастся сохранить общее спокойствие. Но если случится иначе, то главным образом вы сами будете нести ответственность за все последствия, которые из этого вытекут.

Но прежде всего пусть вас не усыпляет опрометчивое и необдуманное сознание своей безопасности. Мы уже видели, как это сознание укрепилось в наше время под влиянием лицемерия и нестойкости людей разумных и просвещенных, тех, кто много понимает, об еще большем имеет путаное представление, однако не дерзает рассмотреть все в целом уверенным и спокойным взглядом. Но существует опасность еще более осязательная. Пусть нас не совратит с пути бездумный и будто бы всеобщий протест тех, кто лишен руководящих начал. Давно установлено, что всяческие заявления – весьма плохой критерий будущего поведения людей. Не рассчитывайте на длинную вереницу своих сторонников, приближенных и слуг. Они представляют очень слабую защиту. Они – люди и не могут быть равнодушны к интересам и притязаниям человечества. Некоторые из них будут примыкать к вам до тех пор, пока корыстный интерес будет их к тому побуждать. Но в тот момент, когда они увидят, что ваше дело проиграно, те же интересы побудят их перейти под знамя ваших врагов. Они рассеются, как утренний туман.

Нельзя ли мне надеяться, что вы способны понять другого рода выводы? Не испытаете ли вы угрызений совести при мысли, что вы противодействуете величайшему благу? Нравится ли вам, что самые просвещенные из ваших современников будут считать вас упорными врагами человеколюбия и справедливости и передадут об этом отдаленнейшему потомству? Можете ли вы примирить ваш разум с тем, что из-за корыстных интересов, Ради сохранения всеобщего разложения и злоупотреблений, вы содействуете удушению истины и разрушаете только что рожденное счастье человечества?» Дай бог, чтобы эти доводы дошли до сознания просвещенных и образованных сторонников знати! Дай бог им убедиться, что при решении такого важного вопроса нельзя слушаться своих страстей или предрассудков, нельзя следовать полету воображения! «Мы знаем, что истина не нуждается в вашем союзе для обеспечения своего торжества. Мы не боимся вашей вражды. Но наши сердца кровоточат, видя, сколько благородства, сколько дарований и сколько добродетели порабощено предрассудками и завербовано на сторону заблуждений. Мы спорим с вами в ваших же интересах и во имя чести человечества».

Надо сказать несколько слов общей массе сторонников дела справедливости. «Если доводы, приводимые в нашем труде, обладают какой-нибудь достоверностью, то мы вправе, по меньшей мере, сделать из них тот вывод, что истина неотразима. Если человек вообще обладает разумной природой, то все, что явно убедило его в своей правильности, после приведения должных доказательств и до тех пор, пока эта убедительность воздействует на него, неизбежно должно заставить его принять соответствующее решение. Бесцельно говорить, что ум изменчив и непостоянен, потому что он таков только до тех пор, пока доказательства недостаточны. Как только сила доказательств возрастет, убежденность укрепится и решение станет обязательным. Природа отдельного человеческого ума такова, что он постоянно расширяет запас идей и знаний. Такова же сущность и общего человеческого разума, за исключением тех случаев, которые, вытекая из более общей системы вещей, как бы нарушают установленный порядок в системах ограниченных. Это положение подтверждается, когда истина всеобъемлющего характера утверждается частичными опытами, что приводит к систематическим успехам человеческого разума на протяжении веков, начиная с момента изобретения печати.

Эта аксиома о всемогуществе истины должна быть для нас рулем в наших начинаниях. Не надо спешить с осуществлением сегодня того, что завтра с распро-

странением истины станет неизбежным. Мы не должны с тревогой следить за поводами и случаями: воздействие истины не зависит от случайностей. Мы должны тщательно избегать насилия: сила – не убеждение, она не достойна Дела истины. Мы не должны допускать в свои сердца презрения, враждебности, злопамятности или мстительности. Дело справедливости – это дело человечества. Его сторонники должны быть преисполнены доброжелательности ко всем. Мы должны любить истину, так как она приведет к счастью всего человечества. Мы должны любить ее, потому что нет ни одного живого человека, который при естественном и спокойном ходе процесса не станет счастливее при приближении к истине. Самая важная причина, задержавшая ее осуществление, заключается в неправильном поведении ее сторонников, в суровости, грубости и непреклонности, вложенными в дело, так как оно представляет одно человеколюбие. Названных обстоятельств было достаточно, чтобы удержать большую массу заинтересованных от проявления терпеливого внимания к этому делу. Сторонники равенства, возрастающие сейчас в числе, должны позаботиться о том, чтобы устранить указанные препятствия на их пути. Перед нами две всем ясные обязанности, которые нельзя не понять, если правильно приняться за дело. Первая заключается в неусыпном внимании к великому орудию, предназначенному для осуществления справедливости, к разуму. Мы должны провозглашать свои взгляды с предельной искренностью. Мы должны стараться, чтобы они оказали влияние на умы других людей. При этих попытках нельзя допускать никакого упадка духа. Мы должны обострить свои интеллектуальные способности, расширить свои знания, проникнуться сознанием благородства своей задачи и постоянно поддерживать свой дух и самообладание, которые позволят нам осуществить наши принципы. Вторая наша обязанность заключается в спокойствии».

Было бы неправильно пройти мимо вопроса, обязательно возникающего у читателей: «Если должно произойти уравнение собственности не с помощью закона, административных распоряжений или публичных установлении, но лишь путем личной убежденности людей, то с чего должно это начаться?» При ответе на этот вопрос нет необходимости доказывать то простое положение, что всякий республиканизм, всякое уничтожение рангов и привилегий неизменно ведет к уравнению собственности. В Спарте, например, последний принцип был полностью признан. В Афинах дары на общественные нужды были так велики, что граждане были почти свободны от физического труда; богатые и знатные, в сущности, покупали право на свои преимущества той щедростью, с которой они предоставляли свои богатства народу. В Риме часто проводились аграрные законы, хотя и представлявшие жалкую и неудачную замену равенства, но возникавшие из того же стремления. Если рассудительность людей будет постоянно возрастать, а это, конечно, будет происходить с большой скоростью, если плохо устроенные правительства, замедляющие сейчас прогресс, будут устранены, то те же основания, которые убедили людей в несправедливости социальных рангов, убедят их в несправедливости такого положения, при котором один человек нуждается в том, чем владеет другой, нисколько не увеличивая при этом своего благополучия.

Обычно люди ошибочно воображают, что эту несправедливость могут чувствовать только низшие слои населения, страдающие от нее; отсюда мысль, что исправлена она может быть только насильственно. На это надо, во-первых, заметить, что от такого положения вещей страдают все, – богатые, которые богатеют, и бедные, которые нуждаются. Во-вторых, на протяжении нашей работы было ясно показано, что личные интересы вовсе не настолько управляют людьми, как это часто предполагается. Еще гораздо яснее, если это возможно, было показано, что эгоисты руководствуются не только стремлением к чувственным радостям или страстью к наживе, но что желание достичь выдающегося положения и отличий представляет в разных степенях всеобщую страсть. Наконец, третье и самое существенное возражение сводится к тому, что распространение истины представляет наиболее могущественное средство. Нет ничего абсурднее предположения, что теория в лучшем смысле слова не обязательно связана с практикой. Если мы ясно и отчетливо убедимся в правильности какого-нибудь положения, то оно неизбежно окажет влияние на наше поведение. Разум не представляет смеси различных идей, борющихся друг с другом за господство, но, напротив, дело обстоит так, что воля всегда возбу-

ждается последним решением сознания. Когда люди ясно поймут нелепость роскоши и эта мысль у них укоренится, когда соседи разделят их пренебрежение к ней, немыслимо себе представить, чтобы они стали стремиться к богатству с той же алчностью, как прежде.

В истории Европы от времен варварства до утонченной цивилизации нетрудно отметить тенденцию к уравнению собственности. В эпоху феодализма, как теперь еще в Индии и в других странах, люди рождались в определенном положении, так что крестьянину было почти невозможно подняться до ранга дворянина. За пределами дворянства не было богатых людей, так как торговля как внутренняя, так и внешняя едва существовала. Торговля была тем орудием, которое помогло уничтожить барьер, казавшийся непреодолимым; она оскорбляла предрассудки дворянства, готового верить, что зависимые от него люди принадлежат к другой породе, чем оно само. Образование представляло другое и еще более мощное орудие. На протяжении всей истории церкви мы видим, как люди самого низкого происхождения подымались до ее вершин. Торговля помогла доказать, что богатства могут достигать не только люди, одетые в кольчугу, образование же помогало Доказать, что люди низкого происхождения способны превзойти своих господ. Внимательный наблюдатель легко заметит возрастающее воздействие таких идей. Еще долго после того, как наука начала распространять свою власть, ее служители сохраняли такие рабские навыки и делали такие низкопоклонные посвящения, о которых никто не может слышать сейчас без удивления. Только много позже люди поняли, что при умственном превосходстве человек не нуждается для достижения своих целей в покровителе. Сейчас среди культурных и образованных людей человек слабого здоровья, но большой умственной силы и крепкого доблестного духа всегда будет принят со вниманием и уважением; если бы его сосед, гордый своим тугим кошельком, вздумал обращаться с ним заносчиво, то можно быть уверенным, что он скоро потерял бы к этому охоту. Жители отдаленных деревень, где давно установившиеся предрассудки разрушаются медленно, очень бы удивились, увидав, как мало в просвещенных кругах богатство определяет степень уважения к человеку.

Все эти признаки, конечно, пока еще очень слабы. В этом отношении в области морали дело обстоит так же, как в политике. Прогресс совершается первоначально так медленно, что в большинстве случаев он вообще остается незаметным для человечества; его можно правильно оценить только при наблюдении и сравнении явлений на протяжении значительного отрезка времени. По истечении некоторого периода картина становится более ясной, а успехи кажутся более быстрыми и решительными. Пока богатство означало все, естественно, что люди стремились достичь его, хотя бы ценой своей репутации и честности. Абсолютная и всеобщая истина не проявила себя еще так решительно и не выразилась ничем, что может восхитить глаз или доставить удовольствие чувствам. По мере уничтожения привилегий, связанных с социальными рангами и монополиями, значение всех излишних благ неизбежно начнет уменьшаться. По мере укрепления республиканства, людей начнут ценить за то, что они собою представляют, а не за то, что было ими получено при помощи силы и что силой же может быть отнято.

Остановимся на минуту, чтобы обсудить последствия такого постепенного переворота в мыслях. Одним из самых ранних результатов будет уменьшение своекорыстия при торговле, вследствие чего накопление богатств будет происходить не так часто и не в таких огромных размерах. Люди не будут склонны, как теперь, извлекать выгоду из чужой беды и требовать такой выгоды за свою помощь, которая соответствует не ее ценности, а лишь потребности в ней данного лица. Они будут думать не о том, сколько они могут извлечь выгоды, но о том, сколько можно с благоразумием потребовать. Владелец торгового дела, пользующийся наемным трудом, будет склонен вознаграждать его более щедро, в то время как сейчас он исходит главным образом из того безразличного обстоятельства, что он предоставил капитал. Щедрость нанимателя завершит в сознании рабочего то дело, которое будет начато его представлениями о политической справедливости. Он перестанет растрачивать маленькие избытки, остающиеся от его заработков, на пустое мотовство, что является сейчас основной причиной, по которой он оказывается в полной зависимости от усмотрения хозяина. Он освободится от нерешительности, связан-

ной с рабством, и от оков отчаяния; он поймет, что независимость и достаток едва ли менее достижимы для него, чем для всякого другого члена общества. Это составит естественный шаг вперед к дальнейшему прогрессу, когда рабочий будет получать полностью то, что взимается с потребителя, без того, чтобы посредник, этот праздный и бесполезный монополист, как тогда все поймут, богател на похищенном достоянии рабочего.

Те же чувства, которые обусловят отсутствие алчности при заключении торговых сделок, вызовут щедрость при распределении. Торговец, не желающий богатеть за счет своего клиента или рабочего, откажется также от богатства, достигаемого путем такой же несправедливости, и уделит бедному соседу необходимые ему продукты. Привычка довольствоваться малой прибылью, создаваемая в предшествующем случае, тесно связана с привычкой удовлетворяться малым накоплением богатства. Человек, не стремящийся увеличить свои накопления, не будет противодействовать такому распределению, которое благодаря своему человеколюбивому характеру будет препятствовать росту богатства. Некогда богатство было почти единственной целью людей с грубым и непросвещенным умом. В дальнейшем внимание людей будет распределяться между различными целями, как любовь к свободе, любовь к равенству, приверженность к искусству и жажда знаний. Стремление к этим целям не будет предоставлено, как сейчас, только немногим, но постепенно станет доступно всем. Любовь к свободе, очевидно, влечет за собой любовь к человеку: чувство доброжелательности расширится, а эгоистические стремления ослабеют. Всеобщее распространение истины вызовет общее совершенствование, и люди с каждым днем начнут приближаться к таким взглядам, которые помогут им ценить всякую вещь в соответствии с ее настоящей ценностью. К этому надо присовокупить, что интересующий нас прогресс будет всеобщим, а не индивидуальным. Этот прогресс будет прогрессом для всех. Каждый человек будет чувствовать, что его взгляды на справедливость и честность разделяются, поддерживаются и подкрепляются его соседями. Отступничество будет вряд ли возможно, потому что отступник не только вынужден будет осудить сам себя, но встретит также осуждение других.

В связи с этими рассуждениями надо сделать одно замечание. «Если неизбежный ход совершенствования незаметно сам ведет к уравнению собственности, то зачем надо было предлагать ее как специальную задачу, поставленную перед людьми?» Ответить на это возражение нетрудно. Обсуждаемое совершенствование сводится к знанию истины. Но наше знание останется несовершенным до тех пор, пока эта великая часть всеобщей истины не будет действительно признана таковой. Всякая истина полезна; может ли эта истина, вероятно более существенная, чем всякая другая, не принести пользы? Какова бы ни была цель, самопроизвольно преследуемая разумом, для нас очень важно иметь ясное о ней представление. Наше продвижение к ней благодаря этому ускорится. Хорошо известно то правило нравственности, согласно которому человек, желающий достичь совершенства, хотя никогда своей цели не достигнет, но сделает гораздо большие успехи, чем человек, довольствующийся стремлением к несовершенному.

Вполне очевидны преимущества, которые можно попутно получить, если оценивать равенство как одну из великих целей, стоящих перед нами. Такие взгляды очень помогут нам стать бескорыстными уже сейчас. Они научат нас относиться с пренебрежением к меркантильным расчетам, торговому преуспеянию и к заботам о прибылях. Они дадут нам правильное представление о возможностях человека и о том, в чем заключается его истинное совершенство; они направят наше честолюбие и активность на достойные цели. Разум не может сам достичь великих и славных целей, хотя бы по своей природе он и стремился к ним, если он не поймет их предвестников; поэтому можно думать, что чем раньше появятся эти предвестники, чем они будут яснее, тем благоприятнее будет ход событий.

ФУРЬЕ Ш.
Судьбы мира и человечества[1]
Открытие всеобщих законов движения
Введение

В начале, как и в конце этого произведения, я привлекаю внимание к истине, совершенно новой для людей периода цивилизации[3]: она состоит в там, что теория четырех движений – социального, животного, органического и материального – была единственным исследованием, которое должен был иметь в виду разум. Это – исследование всеобщей системы природы; это – проблема, которую бог ставит на разрешение перед всеми планетами; и их обитатели могут достигнуть счастья лишь после того, как они ее разрешат.

До сих пор вы не решили и даже не изучили ее; вы затронули лишь четвертую и последнюю ветвь этой теории – теорию *материального движения,* законы которою открыли вам Ньютон и Лейбниц. Мне придется не раз ставить вам в упрек это отставание человеческого ума.

Прежде чем опубликовать свою теорию (согласию сделанному объявлению), я даю в этом томе легкое общее изложение ее, присоединяю к этому некоторые рассуждения о политическом невежестве людей строя цивилизации; два главных примера этого невежества извлечены:

во второй части – из пороков системы брака,

в третьей части – из пороков системы торговли и из легкомыслия философов, которые не изыскали никакого лучшего образа действий для сочетания полов и обмена продуктами производства.

Это, без сомнения, рассуждения весьма второстепенного значения для обоснования столь важного провозвещения, как открытие законов движения; но мне нужно было распространиться о некоторых странных сторонах политики строя цивилизации, чтобы заставить предчувствовать существование более определенной науки, которой предстоит свести на нет науки философские.

В ходе этого чтения следует принимать в соображение, что, поскольку возвещенное мною открытие само по себе более важно, чем все научные работы, сделанные с тех пор, как существует род человеческий, один лишь спор должен отныне занимать людей периода цивилизации: это – спор с целью удостовериться, действительно ли я открыл теорию четырех движений; ибо в случае подтверждения следует бросить в огонь все политические, моральные и экономические теории и готовиться к самому изумительному, самому счастливому событию, какое может иметь место на этом земном шаре и на всех планетах, – к внезапному переходу от социального хаоса к всемирной гармонии.

I. Указания и методы, приведшие к возвещенному открытию

Меньше чем о чем бы то ни было я помышлял об исследованиях судеб; я разделял общее мнение, которое признает их непостижимыми и относит всякое исчисление по этому предмету к бредням астрологов и чернокнижников. Исследование, приведшее меня к этому, касалось лишь проблем хозяйственных или политических, о которых я постараюсь дать некоторое понятие.

С тех пор как философы доказали свою несостоятельность при первом их опыте – французской революции, всяк согласен рассматривать их науку как заблуждение человеческого духа; потоки политического и морального просвещения стали представляться с тех пор лишь потоками иллюзий. Ну, разве можно усматривать что-либо иное в писаниях этих ученых, которые, употребив двадцать пять столетий на совершенствование своих теорий, сосредоточив у себя все познания прошлого и современности, при первом же своем выступлении порождают столько бедствий, сколько они сулили благодеяний, и низводят общество строя цивилизации к варварскому состоянию?

---

[1] *Фурье Ш. Судьбы мира и человечества // Фурье Ш. Избранные произведения в 2 тт. М.-Л. 1951. Т.1., С. 83-119.*

Таковы были последствия первых пяти лет, на протяжении которых Франция подвергалась испытанию философских теорий.

После катастрофы 1793 года иллюзии рассеялись; политические и моральные науки были опозорены и безвозвратно утратили доверие. Отныне следовало предвидеть, что от всех приобретенных познаний не приходится ждать счастья, что социального благоденствия надо искать в какой-то новой науке и проложить новые пути политическому духу; ибо было очевидно, что ни философы, ни их соперники не знают средств от социальных страданий и что под прикрытием догм тех и других вечно продолжались бы самые позорные бедствия, в том числе и нищета.

Таково было первое соображение, заставившее меня подозревать о существовании еще неизвестной науки и побудившее меня попытаться открыть ее. Далекий от того, чтобы быть устрашенным малым объемом своих познаний, я видел впереди только честь постигнуть то, чего не сумели открыть двадцать пять веков учености.

Я находил поощрение в многочисленных показателях заблуждений разума и особенно – в зрелище бедствий, которые претерпевает общественное хозяйство: нищеты, безработицы, успехов плутни, морского пиратства, торговой монополия, увода в рабство, наконец, многих других несчастий, перечисление которых я опускаю и которые заставляют подозревать, не является ли хозяйственный порядок строя цивилизации общественным бедствием, придуманным богом с целью наказать род человеческий.

Отсюда я пришел к предположению, что в этом хозяйственном порядке заключалось некое ниспровержение естественного порядка; что он действовал, быть может, противоречащим божественным видам образом; что стойкость стольких бедствий могла быть приписана отсутствию некоторых мероприятий, угодных богу и неведомых нашим ученым. Наконец, я подумал, что если человеческие общества поражены, согласно мнению Монтескье, *«болезнью изнеможения, внутренним пороком, тайным и скрытым ядом»,* то можно было бы найти средство исцеления, уклоняясь от путей, которыми следуют наши неопределенные науки, не находившие этого средства на протяжении стольких столетий. Поэтому я принял за правило в своих изысканиях *абсолютное сомнение и абсолютное уклонение*. Нужно определить эти два приема, поскольку никто до меня не обращался к их использованию.

1° *Абсолютное сомнение*. Декарт имел о нем представление; но, всячески восхваляя и рекомендуя сомнение, он давал ему применение лишь частичное и неуместное. Он возбуждал сомнения смехотворные, он сомневался в своем собственном существовании и занимался больше мудрствованием над софизмами древних, чем исканием полезных истин.

Преемники Декарта еще меньше, чем он, использовали сомнение: они применяли его только в отношении вещей, которые им не нравились; например, они поставили под вопрос необходимость религий, ибо были противниками священников; но они очень остерегались поставить под вопрос необходимость политических и моральных наук, которые давали им заработок, а ныне признаны совершенно бесполезными при сильных правительствах и весьма опасными при правительствах слабых.

Поскольку у меня не было отношений ни с какой научной партией, я решил применять сомнение к мнениям одних и других без различия и подвергать их подозрению вплоть до положений, пользовавшихся всеобщим признанием. Таков строй цивилизации, который является идолом всех философских партий и в котором полагают видеть предел совершенства. Между тем, что может быть более несовершенного, чем этот строй цивилизации, который влечет за собой все бедствия? Что может быть более сомнительного, чем его необходимость и увековечение его на будущее! Разве не вероятно, что он является лишь ступенью на пути общественного развития? Если ему предшествовали три других строя общества – дикость, патриархат и варварство, то следует ли из этого, что он будет последним потому, что является четвертым? Не смогут ли народиться отсюда еще другие, и не увидим ли мы пятый, шестой, седьмой общественные порядки, которые будут, может быть, менее бедственными, чем строй цивилизации, и которые оставались неизвестными

потому, что никогда не стремились к открытию их? Значит, следует применить сомнение к строю цивилизации, усомниться в его необходимости, в его превосходстве и в его долговечности. Вот проблемы, которые философы не дерзают поставить перед собой, ибо, взяв под подозрение строй цивилизации, они распространили бы подозрение в никчемности на свои теории, которые все связаны со строем цивилизации и пали бы вместе с ним с того момента, когда люди нашли бы лучший общественный порядок, чтобы поставить на его место.

Философы, таким образом, ограничены *частичным сомнением,* потому что надо поддерживать книги своей корпорации и предубеждения; и из боязни осрамить книги и компанию они во все времена уклонялись от важных проблем. Что же касается меня, которому нет надобности поддерживать какую-либо партию, то я мог усвоить *абсолютное сомнение* и применить его, прежде всего, к строю цивилизации и его наиболее укоренившимся предрассудкам.

2° *Абсолютное уклонение*. Я пришел к предположению, что наиболее верное средство прийти к полезным открытиям – это отдалиться во всяком смысле от путей, которыми следуют науки, никогда не совершившие ни малейшего полезного обществу открытия и, несмотря на огромные успехи производства, не сумевшие даже предотвратить нищету. Поэтому-то я поставил себе задачей держаться постоянно в оппозиции к этим наукам; принимая во внимание множество их писателей, я предположил, что всякий предмет, который они рассматривали, должен быть полностью исчерпан, и решил взяться только за проблемы, к которым никто из них не приступал.

Вследствие этого я избегал всякого изыскания о том, что касалось интересов престола или алтаря, которыми философы занимались беспрерывно с самого возникновения их науки: они всегда искали общественного блага в административных или религиозных нововведениях; я же, наоборот, прилагал все усилия к тому, чтобы искать блага только в действиях, не имеющих никакого отношения ни к администрации, ни к священству, в действиях, зиждущихся только на мероприятиях хозяйственных или бытовых и совместимых со всяким правительством, без надобности в его вмешательстве.

Следуя этим двум ведущим требованиям – *абсолютного сомнения* во всех предубеждениях и *абсолютного уклонения* от всех известных теорий, я не мог не открыть себе какой-то новый путь, если такой путь был; но я никак не ожидал постигнуть исчисление судеб. Далекий от столь высоких притязаний, я занимался сначала лишь весьма обыденными проблемами, из которых двумя главными были *земледельческая ассоциация* и *косвенное пресечение торговой монополии островитян*. Я привожу эти две проблемы, потому что они связаны одна с другой и разрешаются одна через другую. Невозможно косвенным путем свалить монополию островных держав, не прибегая к созданию земледельческой ассоциации; и наоборот – как только найдено средство осуществить земледельческую ассоциацию, она, не встречая сопротивления, производит уничтожение островной монополии, пиратства, биржевой игры, банкротства и прочих бичей, тяготеющих над хозяйством.

Я спешу выдвинуть вперед эти результаты, чтобы привлечь некоторый интерес к проблеме *земледельческой ассоциации,* которая кажется столь безразличной, что ученые никогда не соблаговолили заняться ею.

Здесь я приглашаю читателя вспомнить, что я счел необходимым ознакомить его с расчетами, которые подготовили мое открытие. Вследствие этого я собираюсь обсуждать предмет, который покажется совершенно лишенным отношения к судьбам, – *земледельческую ассоциацию.* Сам я, когда начинал размышлять об этом предмете, никогда не предполагал, чтобы столь скромный расчет мот привести к теории судеб; но, поскольку он стал ключом к этому, необходимо, чтобы я сказал о нем несколько пространно.

II. О земледельческой ассоциации

Решение этой столь пренебрегаемой проблемы вело к решению всех политических проблем. Известно, что иногда достаточно самых малых средств, чтобы произвести самые большие дела: при помощи металлической иглы управляют молнией и ведут судно сквозь бурю и мрак; при помощи столь же простого средства

можно положить предел всем общественным бедствиям; и в то время как строй цивилизации плавает в крови, чтоб утолить торговое соперничество, узнают, без сомнения, с интересом, что одно хозяйственное мероприятие покончит с ним навсегда без всякой борьбы и что морская держава, до сих пор столь страшная, будет повержена в абсолютное ничтожество благодаря действию *земледельческой ассоциации.*

Это мероприятие не было применимо в древности из-за рабства земледельцев: греки и римляне продавали землепашца как вьючное животное, с согласия философов, которые никогда не возражали против этого противного обычая. Эти ученые имеют обыкновение считать невозможным все то, чего они не видели: они воображали, что невозможно освободить земледельцев без ниспровержения общественного порядка; однако их освобождения добились, а общественный порядок от этого лишь лучше организован. У философов еще остается в отношении к земледельческой ассоциации такое же предубеждение, какое было у них по отношению к рабству: они считают ее невозможной потому, что она никогда не существовала; видя, как сельские семьи работают разобщенно, они думают, что нет никакого средства объединить их в ассоциацию, или же делают вид, что так думают; ибо по этому вопросу, как и по всякому другому, они заинтересованы в том, чтобы представить неразрешимой любую проблему, разрешить которую они не умеют.

Между тем не раз уже предполагалось, что неисчислимые сбережения и улучшения могли бы произойти, если бы стало возможным объединить в производственное сообщество жителей каждого селения, объединить в ассоциацию с учетом их капитала и их труда две-три сотни семейств неравного достатка, обрабатывающих землю кантона.

Эта идея на первый взгляд кажется гигантской и неосуществимой из-за препятствия, которое такому объединению противопоставляют страсти, препятствия тем более отпугивающего, что их невозможно понемногу преодолеть. Едва ли возможно объединить в земледельческое общество двадцать, тридцать, сорок человек или даже пятьдесят; нужно, по крайней мере, восемьсот, чтобы образовать ассоциацию природосообразную, или привлекательную. Я понимаю под этими словами общество, члены которого будут вовлечены в трудовую деятельность соревнованием, самолюбием и иными движущими силами, совместимыми с движущей силой выгоды: порядок, о котором идет речь, вызовет у нас страсть к земледелию, ныне столь отталкивающему, что им занимаются только по необходимости и из страха умереть от голода.

Я опускаю подробности изысканий, которых мне стоила проблема природосообразной ассоциации; это – порядок столь противоположный нашим привычкам, что я не спешу ознакомить с ним; описание его показалось бы смешным, если бы я не подготовил к нему читателя обзором огромных выгод, которые последуют от этого.

Земледельческая ассоциация, если предположить, что она охватит около тысячи человек, представляет для хозяйства столь огромные благодеяния, что трудно объяснить беззаботность современных людей в этом отношении; существует же разряд ученых-экономистов, посвятивших себя специально расчетам усовершенствования хозяйства. Их пренебрежение исследованием метода ассоциации тем более непонятно, что они сами указали на некоторые выгоды, которые произошли бы от этого: например, они признали, и всякий мог признать это, как и они, что триста семейств ассоциированных селян имели бы лишь один единственный амбар, хорошо содержимый, вместо трехсот плохо устроенных амбаров; одну единственную чановую вместо трех сотен чанов, содержимых большей частью с крайним незнанием дела; что у них было бы в разных случаях, а особенно летом, лишь три или четыре больших очага вместо трехсот; что они посылали бы в город только одну молочницу с бочкой молока на рессорной повозке, что сберегло бы сотню полудней, потерянных сотней молочниц, которые таскают сотню кувшинов молока. Вот некоторые виды экономии, которые предвидели различные наблюдатели, но все же они не указали и двадцатой доли выгод, какие были бы порождены земледельческой ассоциацией.

Ее сочли невозможной, потому что не знали никакого способа образования ее; разве это основание для заключения, что его не откроют и что не следует искать его? Если примут во внимание, что она- бы утроила [а зачастую удесятерила бы] доходы от всего хозяйства, не станут сомневаться в том, что бог не имел в виду средства к ее установлению, потому что он должен был заняться прежде всего организацией хозяйственного механизма, который является стержнем человеческих обществ.

Люди, торопящиеся опровергать, выдвинут против этого немало возражений. «Как соединить в одном обществе семьи, одна из которых обладает 100000 ливров, а у другой нет ни обола? Как разобрать столько различных интересов, примирить столько противоречивых желаний? Как поглотить все эти проявления соперничества в плане согласованных интересов?» На это я отвечаю указанием на соблазн богатств и удовольствий: самая сильная страсть селян, как и горожан, – любовь к выигрышу. Когда они увидят, что социетарный кантон дает, при равных шансах, *в три раза* [в пять раз, в семь раз] больше дохода, чем кантон из бессвязных семейств, и обеспечивает всем членам ассоциации самые разнообразные наслаждения, они забудут все предметы своего соперничества и поспешат создать ассоциацию: она распространится без какого-либо закона на все области, ибо повсеместно люди страстно стремится к богатству и удовольствиям.

В общем, эта теория земледельческой ассоциации, которая изменит судьбу рода человеческого, потворствует страстям, общим всем людям, она их соблазняет приманкой наживы и высоких наслаждений; в этом гарантия ее успеха у дикарей и варваров, как и у людей строя цивилизации, поскольку страсти повсеместно одни и те же.

Нет спешной необходимости ознакомить с этим новым порядком, которому я дам наименование *прогрессивных серий, или серий групп, серий по страсти*.

Я обозначаю этими словами объединение нескольких ассоциированных групп, которые: отдаются различным отраслям одного и того же вида труда или одной и той же страсти.

Теория серий по страсти, или прогрессивных серий, не выдумана произвольно, как наши социальные теории. Распорядок этих серий во всем аналогичен распорядку математических рядов, всеми свойствами которых они обладают, как, например, равновесием соперничества между крайними группами и средними группами серии.

Страсти, которые считали врагами согласия и против которых написали столько тысяч томов, которые скоро падут в небытие, страсти, говорю я, стремятся только к согласию, только к социальному единству, от которого мы считали их столь отдаленными; но он« могут приходить к гармонии только по мере того, как они правильно развиваются в *прогрессивных сериях, или сериях групп*. Вне этого механизма страсти – это только сорвавшиеся с цепи тигры, непонятные загадки; это-то и побуждает философов говорить, что следовало бы подавлять их, – мнение вдвойне нелепое: потому что невозможно подавить страсти (иначе как путем насилия или взаимного поглощения) и потому что, если бы каждый их подавлял, состояние цивилизованности склонилось бы быстро к ущербу и пало бы обратно к состоянию кочевничества, при котором страсти были бы еще столь же зловредны, какими их можно видеть среди нас; ибо я верю в добродетели пастухов не больше, чем в добродетели их защитников.

Социетарный порядок, который придет на смену бессвязности строя цивилизации, не допускает ни умеренности, ни уравнительства, ничего предусматриваемого философами; он хочет страстей пылких и утонченных: как только ассоциация образована, страсти приходят к согласию тем легче, чем они живее и многочисленнее.

Дело не в том, что этот новый порядок должен был что-либо изменить в страстях; это не было бы возможно ни для бога, ни для людей: но можно изменить ход страстей, не изменяя ничего в их природе. Так, например, если человек без состояния ненавидит брак, а ему предложат женщину с приданым в 100 000 ливров ренты, он с радостью согласится заключить этот союз, который накануне отталкивал его. Изменилась ли из-за этого его страсть? Нет, но его господствующая страсть – любовь к богатству – изменила свой ход: чтобы достичь своей цели, она

взяла путь, который не нравился ей вчера; от этого по природе своей она не изменилась, она изменила лишь ход.

Следовательно, если я утверждаю, что при социетарном порядке люди возымеют вкусы, отличные от тех, какие у них сейчас, и что пребывание в деревне они будут предпочитать городской жизни, то вовсе не следует думать, что, изменив вкусы, они изменят и страсти: они всегда будут руководимы только любовью к богатствам и наслаждениям.

Я настаиваю на этом замечании, чтобы отклонить смехотворное возражение, которое порождают некоторые тупые умы; когда они слышат разговор об изменениях вкусов и привычек, которые произойдут при социетарном порядке, они сейчас же восклицают: *Вы, значит, измените страсти*! Нет, конечно, но им откроют новые возможности, которые обеспечат им в три-четыре раза большее развитие, чем то, какое они получают в бессвязном строе, в котором мы живем. Вот почему можно будет увидеть, как люди строя цивилизации будут охвачены отвращением к привычкам, которые им приятны сейчас, как привычка к жизни семейным хозяйством, когда они заметят, что в семейном быту дети заняты лишь тем, что ревут, ломают, ссорятся и отказываются от всякой работы, и что те же дети, будучи введены *в прогрессивные серии, или серии групп*, заняты там только производительным трудом, без всякого внешнего побуждения соперничают в соревновании, что они вполне по собственному своему желанию обучаются земледельческим работам, промышленному труду, наукам и искусствам; что они создают продукцию и дают доходы, в то же время, полагая, что развлекаются. Когда отцы увидят этот новый порядок, они найдут, что их дети достойны обожания в сериях и отвратительны в бессвязных семьях. Когда они, далее, заметят, что в резиденции *фаланги* (таково наименование, которое я дал ассоциации, обрабатывающей кантон) держат столь чудесный стол, что за одну треть расходов, которых стоит питание в семье, в сериях находят обслуживание втрое более тонкое и более обильное, так что там можно питаться втрое лучше, расходуя на это втрое меньше, чем в семье, да еще избегать затруднений по приобретению продуктов и приготовлению; когда они увидят, наконец, что во взаимоотношениях серий никогда не терпят никакого обмана и что народ, столь лживый и столь грубый при строе цивилизации, IB сериях становятся сверкающим правдивостью и учтивостью, они проникнутся отвращением к этому семейному быту, к этим городам, к этой цивилизации, которые являются предметом их нынешней привязанности; они захотят ассоциироваться в фаланге серий и жить в ее здании. Изменятся ли они в отношении страстей оттого, что станут гнушаться привычек и вкусов, которые ныне им приятны? Нет, но их страсти изменят свой ход, отнюдь не изменив ни целенаправленности, ни природы своей. Поэтому вовсе не следует думать, что порядок прогрессивных серий, уже не будучи строем цивилизации, должен произвести хотя бы малейшее изменение в страстях: они были и останутся неизменными, производя разлад и бедность вне прогрессивных серий или же согласие и богатство в социетарном строе, который является нашим предназначением и образование которого в одном только кантоне вызовет самопроизвольное подражание во всей стране, благодаря одной лишь приманке огромных доходов и бесчисленных наслаждений, которые этот порядок обеспечивает всем людям, каково бы ни было различие их имущественного состояния.

Перехожу к результатам этого открытия в научном отношении.

III. О притяжении по страсти и о его отношениях с определенными науками

Из презрения ли, по недосмотру или же из боязни неудачи ученые пренебрегала работой над проблемой ассоциации. Несущественно, каков был их мотив, но они ею пренебрегали; я – первый и единственный, кто ею занялся. Отсюда следует, что, если теория ассоциации, до сих пор неизвестная, могла привести к другим открытиям, если она является ключом к некоторым новым наукам, они должны достаться мне одному, поскольку я – единственный, кто искал и постиг эту теорию.

Что касается новых наук, к каким она открывает доступ, то я ограничусь указанием только двух главных из них и, поскольку эта подробность не интересует большое число читателей, я буду по возможности краток.

Первой наукой, которую я открыл, была теория притяжения по страсти.

Когда я осознал, что прогрессивные серии обеспечивают полное развитие страстям людей обоего пола, разного возраста и различных классов; что при этом новом порядке станут приобретать тем больше силы и богатства, чем больше будут иметь страстей, я пришел .отсюда к догадке, что если бог предоставил столько влияния притяжению по страсти и столь мало разуму, его противнику, то это для того, чтобы повести нас к этому порядку прогрессивных серий, удовлетворяющему притяжение во всех отношениях. С тех пор я полагал, что притяжение, столь очерненное философами, было истолкователем видов бога в отношении социального порядка, и я пришел *к аналитическому и синтетическому исчислению притяжений и отталкиваний по страсти*; они ведут во всех отношениях к земледельческой ассоциации. Следовательно, законы ассоциации были бы открыты и без искания их, если бы пришли к мысли произвести анализ и синтез притяжения. Об атомто никто не подумал, даже в этом XVIII столетии, которое, желая вводить повсюду аналитические методы, не попыталось приложить их к притяжению.

Теория притяжений я отталкиваний по страсти является незыблемой и применимой к математическим теоремам; она будет заключать возможности большого развития и сможет стать пищей для мыслителей, которые, полагаю, сильно затрудняются применять свою метафизику к какому-либо ясному и полезному предмету.

Продолжаю о развитии новых наук. Я вскоре узнал, что законы притяжения по страсти во всем соответствуют законам притяжения материального, объясненным Ньютоном и Лейбницем, и что существовало *единство системы движения для материального мира и для мира духовного*.

Я подозревал, что эта аналогия могла бы распространяться от общих законов до законов частных; что притяжения и свойства животных, растений и минералов были, может быть, координированы по тому же плану, что и притяжения и свойства человека и небесных тел; вот в чем я убедился после необходимых изысканий. Так была открыта новая точная наука: *аналогия четырех движений – материального, органического, животного и социального,* или *аналогия видоизменений материи с математической теорией страстей человека и животных.*

Открытие этих двух точных наук раскрыло мне другие науки, перечень коих давать здесь было бы бесполезно; они простираются до литературы и искусств и установят точные методы во всех отраслях человеческих познаний.

С того момента, как я владел обеими теориями – притяжения и единства четырех движений, я начал читать в книге чудес природы; ее тайны последовательно разъяснялись, и я снял завесу, о непроницаемости которой многократно твердили. Я продвигался вперед в новом научном мире; таким образом, я и дошел постепенно до исчисления всемирных судеб, или определения той основной системы, по которой упорядочены законы всех движений – настоящих, прошлых и грядущих.

Чему следует больше всего удивляться при таком успехе: счастливой ли случайности, открывшей мне столько новых наук при помощи маленького расчета ассоциации, служившего ключом к этому, или же легкомыслию двадцати пяти ученых столетий, не подумавших заняться этим исчислением, хотя исчерпали столько других отраслей исследования? Полагаю, что эту альтернативу решат в мою пользу и что объем моих открытий покажется менее поразительным, чем легкомыслие столетий, их упустивших.

Я уже утешил ученых в такой невзгоде, сообщив им, что всем им предуготована жатва славы и богатств: я приношу больше новых наук, чем нашли золотых россыпей при открытии Америки. Но, не обладая необходимыми знаниями для развития этих наук, я возьму из них для себя только одну единственную – науку о *социальном движении;* все остальные оставляю эрудитам разного рода, которые составят себе из них великолепный удел.

Сколь нуждались они в таком подкреплении! Все разряды ученых находились в отчаянном положения и были доведены до того, что жалким образом подбирали остатки. Пережевывали и выжимали до последнего зернышка известные науки; не оставалось ничего другого, как сотворить софизмы для того, чтобы разбивать их и заполнять двойное количество томов, воздвигая и опровергая каждую ошибку.

Отныне сцена меняется; ученые сейчас перейдут от абсолютной нужды к чрезмерному богатству; жатва будет столь обильной, что они могут все обнадежи-

вать себя участием в ней и стяжать себе огромную славу, ибо в их руках будет первая разработка этого научного рудника, богатейшие жилы которого они захватят. С появлением второй записки, где я буду говорить о движениях *животном* и *органическом*, каждый из них сможет предусмотреть предметы своей компетенции, о которых ему надлежит составить трактаты определенной науки. И я настаиваю на этом наименовании определенной науки, ибо его расточают совсем некстати по отношению к неясным и причудливым наукам, как ботаника, различные системы которой представляют лишь произвольно классифицированные таблицы; они не имеют никакой связи с метолом природы, заключающимся в том, чтобы приводить в правильное соотношение все формы и свойства творений, сводя их к общему образцовому порядку, к математической системе человеческих страстей.

Я дал возможность предвидеть, что науки, наконец, возьмут постоянное направление развития и все свяжутся с неизменным методом. Начиная со второй записки, я дам некоторые понятия об этом методе, который относит все к нашим страстям. Он показывает во всем существующем картины игры страстей, и эта аналогия придаст самым отталкивающим учебным занятиям, как, например, по< анатомии, больше прелести, чем ныне представляет изучение цветов.

Среди счастливых результатов, которые даст этот метод, следует поставить прежде всего открытие специальных средств от всех болезней. Нет ни одной болезни, которая не имела бы одного или нескольких противодействующих средств, извлеченных из трех царств, но медицина, не обладая правильной теорией для производства изысканий неизвестных средств, вынуждена действовать наугад на протяжении веков и даже тысячелетий, пока случайность не предоставит ей средства; она так и не нашла до сих пор естественных поглотителей чумы, бешенства и подагры; их откроют при помощи теории четырех движений. Медицина, как и все прочие науки, выйдет из своего длительного состояния младенчества и путем исчисления *противодвижений* поднимется ко всем познаниям, которые так долго были для нее непостижимы.

ФИХТЕ И.
Замкнутое торговое государство[1]
Глава II
Общее применение выставленных положений к общественным сношениям

Двумя главными отраслями деятельности, которыми человек поддерживает свое существование и делает его приятным, являются: добыча естественных произведений природы и дальнейшая обработка их для того конечного назначения, которое с ними связывается. Следовательно, основным разделением свободной деятельности было бы распределение этих обоих занятий. Известное количество людей, которое таким обособлением превратилось бы в *сословие,* получило бы исключительное право на добычу продуктов. Другое сословие получило бы исключительное право на дальнейшую обработку этих продуктов для известных человеческих потребностей.

Договор этих двух главных сословий состоял бы в следующем. Последнее из названных сословий обещает не предпринимать никаких действий, направленных на добычу сырого материала и, как следствие из этого, никаких действий над предметом, который исключительно посвящен добыванию продуктов. Со своей стороны первое сословие обещает совершенно воздерживаться от всякой дальнейшей обработки продуктов, - начиная с той их стадии, где природа закончила свою деятельность.

Но в этом договоре сословие *производителей* имеет очевидное преимущество перед сословием *художников* – (везде в этом сочинении я буду для краткости

---

[1] *Фихте И. Замкнутое торговое государство //Фихте И. Сочинения в 2-х тт., Т. 2, С. 241-258.*

так называть оба главных сословия). Тот, кто является исключительным владельцем сил природы, может, по меньшей мере, сносно жить без чужой помощи. Незначительная обработка, в которой еще нуждаются эти продукты, чтобы служить пищей и скудным кровом, нелегко поддается запрету, потому что едва ли возможно иметь за нею, в этом отношении, наблюдение. Напротив, художник не может обойтись без этих продуктов отчасти для пропитания, отчасти и для их дальнейшей, исключительно за ним признанной обработки. Кроме того, основной задачей художника является не только работать, но и *жить* от своей работы. И если ему последнее не обеспечено первым, то за ним, на самом деле, ничего не обеспечено. Ясно, поэтому, что если предпринятое распределение должно быть правомерным, то к тому только отрицательному договору, обещающему лишь воздержание от совершения нарушений, надо присовокупить еще и положительный договор, обещающий взаимные услуги, следующего содержания.

Производители обязываются добывать столько продуктов, чтобы могли питаться не только они сами, но и находящиеся в их государственном союзе и известные им художники и, далее, чтобы последние имели материал для обработки. Они дальше обязываются отпускать эти продукты художникам в обмен на приготовленные последними продукты в таком количестве, чтобы художник во время приготовления мог жить так же приятно, как они живут при добывании продуктов.

Художники, обратно, обязываются – доставлять производителям столько, сколько они привыкли иметь фабрикатов по данным ценам и такой добротности, какая только возможна в данной сфере деятельности этого государства.

Таким образом, установлен договор о мене, прежде всего, относительно продуктов и фабрикатов друг на друга.

Договор обязывающий. Не только *можно* обмениваться и поставлять, но и *должно* это делать.

Для того чтобы производителям и художникам не мешали в их работе поиски за нужными им в данное время товарами, переговоры об условиях обмена и т. п., от чего происходит трата времени и сил, является целесообразным, чтобы между ними стало третье сословие, которое бы вместо них совершало обмен между обоими – сословие *купцов.* Оба первых сословия заключают с ним следующие договоры. Прежде всего, отрицательный: они отказываются от всякого непосредственного обмена между собою, в ответ на что купец отказывается от непосредственной добычи продуктов, как выше отказывался художник, и от непосредственной дальнейшей обработки этих продуктов, как выше это делал производитель.

Затем договор положительный: оба сословия обещают доставлять купцу ненужные для их собственной потребности продукты и фабрикаты и в обмен принимать от него то, в чем они нуждаются, в таком расчете, что самому купцу, сверх вышеопределенных цен, оставалось бы столько продуктов и фабрикатов, сколько ему необходимо, чтобы он мог жить так же приятно, как живут производитель и художник. В ответ на это купец обещает, что они смогут у него иметь, из вышеупомянутого расчета во всякое время все то, что обычно потребно у этого народа. Он обязывается также во всякое время принимать всякий обычный предмет обмена по вышеопределенной основной цене.

Три названных сословия являются основными составными частями нации. Я здесь имею дело только со взаимным отношением этих основных составных частей. Члены правительства, сословие учащих и военное существуют лишь ради первых и учитываются в их составе. Что же касается того, что должно быть скачано об их отношении к общественным сношениям, то это будет произведено на своем месте.

Я достаточно сказал, чтобы можно было сделать заключение о решении моей задачи, и решение, во всяком случае, может быть уже получено из того, что до сего сказано. Однако я продолжаю еще на несколько шагов начатое рассуждение только для того, чтобы не казалось, что я обхожу относящиеся к делу обстоятельства и чтобы не оставить в читателе тайного подозрения, что в обойденном таятся доказательства против утверждений, которые я должен буду выставить. При этом я все же настойчиво напоминаю, что это продолжение, строго говоря, не входит в мои задачи. Производители, которых я здесь рассматривал в качестве одного единого

основного сословия, сами распадаются на несколько подсословий – на земледельцев в собственном смысле этого слова, на овощников, фруктовщиков, садовников, скотоводов, рыбаков и т. д. Их исключительные права покоятся на таких же самых основаниях, как и у основных сословий. «Воздержись от этой отрасли добывания продуктов, за это я буду воздерживаться от той другой отрасли». «Обещай доставлять из того, что ты возделываешь, так, чтобы я мог на это твердо рассчитывать, и я, со своей стороны, буду доставлять тебе из своего, и ты сможешь на меня рассчитывать». Так как каждый не может добывать все виды продуктов, то таким образом установлено соглашение об обязательном обмене продуктов на продукты. Какой отсюда можно сделать вывод о купеческом сословии, ясно само по себе. Каждое подсословие состоит из индивидов. Правовое отношение этих индивидов опять же покоится на соглашениях. «Нет сомнения, что за тобою, как и за мной, признано прочими гражданами право на обработку поля, куда бы ты не пришел, говорит один землепашец другому, но если мы оба будем трудиться на одном и том же участке, то ты опять посеешь там, где я уже посеял, а следующий раз это же самое может случиться со мною – мы оба ничего не возделаем. Поэтому предоставь лучше вот этот участок мне для обработки и никогда на него не ступай. Зато я тебе для обработки оставлю вот тот участок и никогда на него не буду ступать. Не переходи со своей стороны через эту нашу общую межу, и я, со своей стороны, не буду ее переходить». Они договорятся между собою и со всеми прочими, коим предоставлено пахать землю, и этот их всеобщий договор является правовым основанием их собственности. Оно состоит единственно в праве и справедливости, без помехи со стороны кого бы то ни было другого, по своему усмотрению и желанию добывать плоды с этого участка земли.

Основное сословие художников делится на несколько подсословий.

Исключительное право такого ремесла заниматься особой отраслью искусства основывается на соглашениях с прочими. «Откажитесь от выполнения этой отрасли искусства, мы, в ответ, откажемся от выполнения другой. Дайте необходимое нам из ваших фабрикатов, и вы можете рассчитывать получить то, в чем вы будете нуждаться, из наших». Здесь установлен обязательный обмен фабрикатов на фабрикаты. Назначение купеческого сословия получило новую модификацию.

Не иначе обстоит дело и с гильдиями, по которым купеческое сословие распределило права на торговлю определенными предметами. Было бы утомительным говорить в третий раз то, что я говорил уже два раза.

Я возвращаюсь к своей задаче. Для решения ее является достаточным остановиться на рассмотрении не всех соглашений, а лишь соглашений между тремя основными сословиями. Законодательство государства придает всем, как этим, так и прочим, такого рода соглашениям правовую устойчивость, наблюдение же лежит на правительстве.

Оно должно поставить себя в такие условия, чтобы *иметь возможность* это делать. Вопрос о том, *что имеет в виду предпринять правительство по отношению к общественным сношениям,* имеет одинаковый смысл со следующим: *что должно предпринять государство для обеспечения соблюдения вышезаключенных соглашений.*

Прежде всего, для пропитания остальных граждан и для обычной обработки надо обязать сословие производителей добывать продуктов больше, чем ему самому необходимо. Оно должно быть в силах это сделать. А для этого необходимо, чтобы в государстве не было непроизводителей больше, чем их может быть накормлено имеющимися в государстве продуктами. Число граждан, возвышающихся над производителями, должно быть установлено государством, исходя из числа производителей, плодородия почвы и состояния земледелия. Если, например, в каком-нибудь государстве производитель может добыть пропитание для двух лиц и материала для обработки едва на одного человека, то в таком государстве на одного производителя можно допустить одного непроизводителя, т. е. лишь одного художника, купца, члена правительства или члена учебного или военного сословия. Их может быть больше или меньше в зависимости от приведенного расчета. Добывание продуктов является фундаментом государства, предельной мерою, с которою сообразуется все остальное. Если оно находится под влиянием неблагоприят-

ных природных воздействий, или если искусство последнего пребывает еще в младенчестве, то государство вправе иметь только небольшое число художников. Лишь когда природа смягчится, и первое из искусств – земледелие – получит развитие, могут повышаться и поощряться и остальные искусства.

Первым ясным выводом из этого для государства является следующее: необходимо ограничение, по указанному расчету, числа тех, которым вообще позволено посвящать себя искусствам, и недопущение того, чтобы это число переходило установленную норму до тех пор, *пока не изменится обстановка.*

Не насущно необходимое должно везде ставиться позади насущно необходимого или того, без чего трудно обойтись. Это положение применимо и к большому хозяйству государства. Руки, которые могут быть взяты от земледелия, должны быть, прежде всего, направлены на необходимые обработки. Лишь то число их, которое останется сверх этого, может быть предоставлено не насущно необходимому – потребностям роскоши. Это было бы вторым выводом для государства. Оно должно определять не только общее число членов сословия художников, но и число тех, кои посвящают себя каждой особой отрасли искусства. Оно везде должно, прежде всего, заботиться об удовлетворении нужды. Все должны быть сыты и иметь надежные жилища прежде, чем кто-либо из них украсит свое помещение; все должны быть удобно и тепло одеты прежде, чем кто-нибудь оденется роскошно. Не может допускать у себя роскоши то государство, в котором имеется еще отсталое земледелие, нуждающееся в значительном числе рук для своего усовершенствования, в котором недостает еще обыкновенных механических ремесел. Недопустимо, чтобы кто-либо один говорил: «а я могу за это заплатить». Несправедливость в том и проявляется, что один может заплатить за то, без чего он может обойтись, в то время, когда кто-либо из его сограждан не находит у себя или не может оплатить насущно необходимого. То, чем первый оплачивает, в государстве разума ему не принадлежит по праву.

Легко можно понять, каким образом государство может обеспечить порядок и блюсти за ним, чтобы не было превзойдено установленное им число художников. Всякий, кто имеет в виду посвятить себя в уже существующем государстве какому-либо занятию, должен по закону объявить об этом правительству. Оно, как общий представитель, предоставляет ему исключительное правомочие и от имени всех дает ему необходимые обязательства воздержания. Если же кто-нибудь заявит о своем желании заняться такой отраслью искусства, в которой заполнена уже высшая, законом установленная, норма работников, то ему не будет дано разрешение, и будут указаны другие отрасли, в которых могла бы оказаться нужда в его силах.

Я обхожу здесь молчанием ту часть договора, которая касается цен фабрикатов, чтобы ниже поговорить в целом о стоимости вещей.

Согласно сказанного, сословие художников обязуется доставлять фабрикаты, которые могут быть произведены при господствующих в данное время в нации условиях, в требуемом количестве и возможного для этой страны качества. Государство должно в этом пункте договора оказывать помощь, как производителю, так и другим гражданам. Что оно должно делать, чтобы для него стало возможным осуществить эту помощь?

Прежде всего, для того, чтобы всегда было под руками достаточное количество фабрикатов, оно должно заботиться не только о том, чтобы установленное число работников в каждой из введенных отраслей ремесла и вытекающее отсюда общее число всех художников не увеличивалось, как выше было указано, но чтобы оно и не уменьшалось. Необходимо непрерывно поддерживать равновесие. Если бы можно было опасаться, что проявится в известной специальности недостаток в рабочих, то нельзя было бы побуждать граждан к усиленному занятию этой специальностью тем, что им позволено было бы удорожить свой фабрикат и этим поставить их в преимущественное перед другими классами народа положение. Никакого другого побудительного средства не было бы, кроме премий из государственной казны до тех пор, пока, наконец, опять не посвятит себя необходимое количество граждан этой отрасли работы; в случае угрожающего в будущем недостатка – несколько больше необходимого. У них государство могло бы, потом откупить их предприятия. После того, как они обучились как раз этому, а не другому делу, они

сами окажутся вынужденными им заниматься. У государства же будет покрыта потребность, по крайней мере, на одно поколение.

Дальше. Для того чтобы фабрикаты доставлялись в возможно более совершенном виде, государство должно проверять каждого, кто заявит желание заниматься какой-нибудь отраслью работы, при помощи изощренных в искусстве людей. У кого работа будет, по меньшей мере, не так же хороша, как у остальных его сотоварищей по искусству в стране, тому будет запрещено общественное служение своему искусству до тех пор, пока он не выучится лучше и не выдержит второго испытания. Я ограничился требованием той высшей степени совершенства фабрикатов, какое могут предъявлять жители в *своей* стране. Я судил об этом совершенстве по тому лучшему, что в этом отношении было действительно сделано в стране. Я надеюсь, что каждому очевидна справедливость этого ограничения и суждения. Ставить вопрос, почему я не должен иметь такого совершенного товара, каким его изготовляют в какой-либо другой стране, значит то же, что спрашивать, почему я не житель той страны. Это похоже на то, как если бы дуб спросил, почему он не пальма, или наоборот. Каждый должен быть доволен тою сферой, в которую его поставила природа, и всем тем, что является следствием этой сферы.

Мы переходим к третьему из главных сословий – к торговому. Как подлежащее утверждению число художников зависело от числа производителей и от состояния, в каком находилось добывание продуктов, так же зависит и число купцов от количественного состава обоих этих сословий и от отношения их друг к другу. Его надо определить в зависимости от количества обращающихся в пределах нации товаров, прежде всего, следовательно, в зависимости от состояния вообще искусства; затем, в зависимости как от расчлененности последнего на многие отрасли, так и от разделения добывания продуктов на многие промыслы. Что касается первого, то чем высшего развития достигло искусство, тем больше в нем отраслей, тем больше фабрикатов, тем больше продуктов питания и переработки художником имеется *в качестве товара.* Что касается второго, то только то, что не производишь или не фабрикуешь сам, то себе выменяваешь. Отсюда, чем более *расчленены* общее производство и фабрикация, тем больше, при одном и том же количестве товаров, *мена*. Правительство должно учитывать эту происходящую внутри нации мену так же, как и то количество рук, которое она займет как вообще, так и в отдельных отраслях последней, если последнее деление будет найдено нужным. Соответственно с этим оно должно ограничить *торговое сословие* известным числом лиц, которое это сословие не имеет права ни переступить, ни опуститься ниже его. Какие средства оно имеет у себя в руках, чтобы удерживать это замкнутое число в каждом из сословий, указано в изложении о художниках; что оно относится и к купцам – ясно само по себе.

Более важным является положительный договор, заключенный между торговым и остальными сословиями. Последние отказываются от всякой непосредственной торговли между собою, обещают только первому продавать свои предназначенные для общественной торговли товары и только у него покупать нужное для своих потребностей. В ответ торговое сословие обещает в любое время принимать от них первые и отпускать им вторые. Что договор должен быть заключен на этих условиях и так, чтобы другие сословия отказались от всякой непосредственной мены между собою, явствует уже из того, что иначе торговое сословие не имело бы никакой верной, поддающейся определению собственности и зависело бы от случая и доброй воли остальных сословий. При его посредстве последние торговали бы только там, где им было бы выгоднее. Они каждый раз совершали бы непосредственную мену там, где они ожидали бы больше выгоды. Едва ли можно себе представить другую причину того, что предназначенный для общественной торговли товар не выпускается из рук, кроме той, что вызванной этим редкостью его стремятся его искусственно удорожить и получить таким путем несправедливую выгоду от нужды сограждан. Это явление не должно иметь места в правовом государстве. Однако воспрепятствовать этому можно только тем, что вся торговля передается в руки одного сословия, которое, в этом отношении, можно держать под наблюдением. Установить же такое наблюдение за первыми производителями или фабрикантами не представляется возможным по глубоким основаниям, которые будут приведены

ниже. Что торговое сословие должно взять на себя обязательство в любое время покупать или продавать, явствует из того, что только при этом условии каждый гражданин сможет жить от своей работы так приятно, как только он может, и он не терпит вреда, отказавшись в пользу других от ряда работ. Такой вред он терпел бы, если бы не смог получить, как только захочет, в обмен на свой товар продукт уступленного им производства.

Легко можно найти средство, при помощи которого правительство могло бы следить за исполнением только что указанного обязательства. Должен быть установлен положительный закон, усиленный угрозою наказания, обязывающий купца, получившего разрешение на торговлю определенными товарами, покупать их у каждого, кто их ему принесет, и продавать их каждому, кто их у него спрашивает. Гражданин, которому в том или другом отказано, жалуется, и купец несет наказание. Но говорят, как мог бы он быть наказан за то, что он не продал товара, если бы у него его не оказалось в момент предъявленного к нему требования? Воспользуюсь этим случаем, чтобы показать, как правительство может наблюдать за исполнением положительных обязательств остальных сословий, данных ими купцу. Ни один купец не будет утвержден, который не укажет, откуда он собирается получать свой товар. Купец может приблизительно рассчитать, какой запас изготовленных продуктов имеется на руках у его производителя или фабриканта, так как ему известен размер дела этого производителя или фабриканта и его производительность в товарах за известный промежуток времени и, наконец, то, сколько ему из этих товаров уже отпущено. Он может этот запас потребовать даже и с помощью начальства. Ведь эти сословия законом обязаны продавать. Правительство, как выше было указано, не может непосредственно наблюдать за первым производителем или изготовителем. Но имеющий право на него рассчитывать купец может, а через его посредство – и правительство. За купцом же правительству и не требуется наблюдать непосредственно, если бы оно и могло даже провести это в жизнь. Как только произойдет задержка в торговле, то потерпевший от этого гражданин тотчас же сообщит об этом правительству. Пока никто не жалуется, можно считать, что все идет должным образом.

Опять же можно спросить, как может быть наказан купец за то, что он не меняет, когда у него не хватает эквивалента товара? Я отвечаю. Ни в одном организованном на этих принципах государстве не может быть предложен ни в один торговый дом такой товар для продажи, на скорый сбыт которого этот дом не мог бы с уверенностью рассчитывать, потому что дозволенные производство и фабрикация, рассчитанные по возможным потребностям, составляют самую основу такого государства. Торговый дом может даже настоять на приеме от него товаров. Как ему обеспечили определенных продавцов, так же ему обеспечили и определенных покупателей. Он знает потребности последних. Если они не покупают у него, то, очевидно, что они покупают где-либо в ином месте, может быть, даже и из первых рук. Это противоречит обязательствам, как покупателей, так и продавцов.

За это на них надо подать жалобу, и они подлежат наказанию.

В этом государстве купец всегда обладает необходимым эквивалентом, если только он начал торговлю с достаточным запасом для того, чтобы вести дело в промежуток времени между покупкой и продажей. Но такой запас он должен предъявить правительству прежде, чем получит свое разрешение. В этом государстве как приход, так и расход товаров у купца поддается безусловному учету.

Я не хочу рассеивать внимание читателя разрешением незначительных трудностей. Приведу лишь одну, чтобы на ней показать, как поддаются разрешению остальные. Не следует ужасаться тех чудовищных товарных складов, которые якобы нужны при таком состоянии торговли. Ведь оно вовсе не влечет за собою необходимости, чтобы весь товар купца был нагроможден у последнего перед глазами. – Купцу достаточно того, что он знает, где его товар находится, и может в любое время рассчитывать на его получение. Предположим для примера, что закупленное торговцем зерновыми продуктами у крупного землевладельца зерно оставлено там же, на месте, в амбарах последнего. Когда к торговцу зерном явится с требованием живущий вблизи от этих амбаров пекарь, то купцу надо только направить его за требуемым количеством в названный амбар и скинуть ему с цены плату за достав-

ку. Ведь надо только, чтобы пекарю не приходилось сперва опрашивать по порядку одного крупного землевладельца за другим и, несмотря на то, что они имеют достаточные запасы, получать от них отказ, так как они хотят, может быть, вынудить у него уплату более высокой цены. Он должен быть уверен, что, посетив один единственный раз торговца зерном, он найдет за определенную плату товар или верное указание на товар.

Мне надо еще яснее изложить свои мысли о часто уже упоминавшихся твердых ценах на вещи в правовом государстве.

В науке о праве надо принимать за цель всякой свободной деятельности возможность жизни и удобство этой жизни. Так как последнее покоится на личном вкусе и склонности, то оно, поэтому, не может служить годным для всех мерилом. Так как, кроме того, предметы, удовлетворяющие удобствам жизни, бывают только такими, которые лежат за пределами возможности жизни, как таковой, и являются в результате излишка ее, то сами они должны быть измеряемы мерою первой. Ввиду этих соображений мы не будем их принимать в расчет, пока они сами собою не войдут в него. Поэтому действительной внутренней стоимостью всякой свободной деятельности или – чтобы перейти в мир предметов, в котором наше рассуждение легче сможет двигаться – результата всякой свободной деятельности является возможность жить на этот результат. Результат же этой деятельности или вещь стоила бы настолько больше другой, насколько *больше* на нее можно было бы жить. Масштабом относительной стоимости вещей было бы время, в течение коего на них можно было бы жить.

Но определенным количеством устриц не насытишься больше и не пропитаешься дольше, чем куском хлеба соответственной величины. Следовательно, оба должны были бы, согласно указанного мерила, иметь одну и ту же стоимость. Однако, первые, но крайней мере, у нас стоят в гораздо большей цене, чем последний. Причиной этой разницы является считающаяся большею приятность первого питательного средства. Для того чтобы, сняв пока совершенно со счета эту приятность, приготовить себе все-таки мерило, которым потом и ее самое можно было бы оценивать, нужно было бы найти что-либо такое, в чем рассчитывалось бы только на возможность жизни, только на пропитание, совсем не обращая внимания на приятность; нечто такое, что каждый *по всеобщему признанию нации* должен был бы иметь. Таким предметом у народов, которые уже столетиями привыкли к потреблению хлеба, является, без сомнения, хлеб. Он, или, – так как с ним уже связана предварительная фабрикация, – то тот продукт, из которого он изготовляется, как рожь, пшеница и т. п., имел бы только стоимость, и по нему измерялась бы всякая другая стоимость.

Этою мерою, прежде всего, следовало бы измерить остальные продукты питания для определения их внутренней стоимости. Мясо, например, как продукт питания, имеет более высокую внутреннюю стоимость, чем хлеб, потому что меньшее количество его так же питает, как большее количество хлеба. Количество мяса, которым в среднем человек может пропитаться один день, стоит столько же зерна, сколько тот же человек потребил бы его на питание в течение того же времени. Он должен, согласно того, что нам до сих пор известно, отдать это количество зерна за первое количество мяса. С прибавлением нового принципа становится возможным тою же мерою измерить стоимость фабрикатов и всякого труда, который не идет непосредственно на добывание продуктов питания, а также и тех продуктов, которые изготовляются не для питания, а для переработки. Работник должен иметь возможность жить во время работы. Если бы она была такова, что нуждалась бы в затрате *времени на обучение,* и это время надо было бы прибавить и разверстать на его трудовую жизнь. Он должен, поэтому за свою работу получать столько зерна, сколько ему нужно было бы его, если бы он все это время жил одним только хлебом. Так как он одновременно с хлебом нуждается и в других продуктах питания, то он может лишнее для него количество зерна променять по указанному выше принципу. Продукт, предназначенный в переработку, стоит столько зерна, сколько затраченным на его получение трудом можно было бы вырастить зерна на том поле, где он вырос. За эту цену фабрикант приобретает продукт. Она и рабочая плата составляют цену фабриката в момент перехода его из рук фабриканта в руки купца.

Для того чтобы закончить наше определение стоимости вещей, мы должны найти меру для приятности жизни. Следующее рассуждение приводит нас к такому независимому и общеобязательному средству оценки ее, которая не зависит от личного вкуса каждого.

Продукт питания, которому придана абсолютная стоимость и который назначен быть мерою всех других вещей, мог получить такое значение только потому, что его можно добыть легче всего, т. е. с наименьшей затратой времени, сил, навыка и почвы. Количество всякого другого продукта питания, *которое имеет одинаковую внутреннюю стоимость для питания,* будет стоить большей затраты одной или нескольких из названных составных частей. Несмотря на это, нация такую затрату производит. Она должна быть возмещена из продукта. Так как вообще это возмещение не происходит при помощи внутренней стоимости для питания, но оно может произойти только при посредстве внешней стоимости для *приятного* питания.

Эта большая затрата соответствует той стоимости, какую по общепринятой оценке имеет приятность этого средства питания для данной нации. Следовательно, продукт питания стоит *сверх* своей внутренней стоимости, благодаря своей приятности, *еще то количество первого продукта, какое количество его было бы произведено, если бы добыча первого приостановилась, при условии, что затрачены те же силы и время на той же почве.*

Из того, что производится приятное, необходимо следует, что в стране производится меньше продуктов питания, чем сколько могло бы быть произведено. Отсюда ясно, что такое производство не должно идти дальше того, что позволяет нужда всех. Оно не должно расширяться так далеко, чтобы из-за этого кто-либо был лишен необходимого питания. Правовой предел такого производства найден.

Это новое производство в действительности является отвлечением сил нации от необходимого. Справедливо, чтобы это лишение было распределено относительно поровну между всеми; чтобы, как мы выше сказали, все жили одинаково приятно. Я сказал относительно. Это значит, чтобы сохранился тот вид силы и здоровья, в котором каждый соответственно нуждается для своего дела. Так, например, человек, который занят глубокими мыслями, воображение которого должно возноситься до изобретений, не имел бы даже самого для себя необходимого, если бы он должен был питаться так же, как и пахарь, который день изо дня исполняет механическую, напрягающую только телесные силы работу. Для последнего не беда, если он в дни работы утоляет свой голод множеством растительной пищи, которую он, без сомнения, добудет на свежем воздухе. Чистая и тонкая одежда при его деле все равно скоро бы испортилась. С другой стороны тот, кто занят ручным трудом, сидя в комнате, нуждается в пище, которая насыщает при потреблении в небольшом количестве. Тот же, кому надо творить, в высшем ли искусстве, или науке, нуждается в более разнообразной и питательной пище и в такой обстановке, чтобы она ему и внешним образом постоянно напоминала о чистоте и благородстве, которые должны господствовать внутри его. Но и первый имеет право на то, чтобы он, в дни своего отдыха, когда и для него наступает вполне человеческая жизнь, принимал участие в наслаждении тем лучшим, что доставляет почва его страны, и носил платье, достойное свободного человека.

Руководствуясь этими основными положениями, можно измерить ту цену, которую должен, по праву, иметь каждый, поступивший в общественную торговлю товар. Купец должен уплатить производителю и фабриканту за товар, который он получает из их рук, столько, чтобы они оба могли жить с соразмерной их делу приятностью во время возделывания или изготовления. Неторгующий может получить товары только из рук купца и должен сверх его покупной цены прибавить еще столько, чтобы и купец во время его занятия торговлей мог жить так же. Надо уплатить зерном (если его мыслить общим мерилом стоимости) столько, чтобы все названные могли этим зерном питаться, а остаток его обменять на предметы, необходимые им для удовлетворения соответствующих их жизни потребностей. Эту двоякую цену на каждый поступающий в общественную торговлю товар правительство должно определить по предварительному расчету, соответственно выставленным выше основным положениям, закрепить эти цены законом и наблюдать за их соблюдением, угрожая за нарушение наказанием. Только тут впервые каждому обес-

печено свое. Не то, чем он овладел благодаря слепому счастью, преимуществу над другими и насилию, а то, что следует ему по закону. В таком государстве все слуги целого и получают за это свою справедливую часть в благах целого. Никто не может особо обогатиться, но зато никто не может и обеднеть. Каждому в отдельности гарантировано дальнейшее сохранение его положения и этим гарантировано целому его спокойное и равномерное существование.

Я здесь не учел денег, как искусственной основной меры стоимости. Из теории денег нельзя вывести изложенных положений, из последних же очень многое приводит к теории денег. Так же мало я учитывал платежи государству, оплату непроизводящих, нефабрикующих и не-торгующих сословий. Исследование этой части вопроса не будет противоречить изложенной теории, а скорее еще больше разъяснит и подтвердит ее. Но обо всем этом – в свое время.

ОУЭН Р.
Описание ряда заблуждений и бед, вытекающих из прошлого и настоящего состояния общества[1]

Описание ряда заблуждений и бед, вытекающих из прошлого и настоящего состояния общества с объяснениями некоторых особых преимуществ, даваемых организацией безработных в «сельскохозяйственные и промышленные поселки для объединения и взаимного сотрудничества» при ограничении их населения от 500 до 1500 человек.

Чтобы общество могло легче понять вопрос, необходимо начать с основных принципов.

Цель всех человеческих усилий заключается в достижении счастья. Однако счастье не может быть достигнуто, им нельзя пользоваться и обладание им нельзя обеспечить до тех пор, пока все люди не будут наслаждаться хорошим здоровьем и не приобретут подлинных знаний и богатства.

До сих пор здоровье и подлинные знания находились в пренебрежении, и люди стремились к богатству и другим чисто личным целям; однако когда они достигали их даже в самых широких масштабах, то оказывалось, что эти достижения разрушали и неизбежно разрушают счастье.

Теперь мир насыщен богатством при наличии огромных возможностей дальнейшего его увеличения, и, однако, всюду царит нищета! Таково в настоящий момент состояние человеческого общества.

Нельзя создать худшей системы для достижения желаемой нами цели, чем действующая ныне у всех народов мира. Неоценимые силы, с помощью которых можно было бы с легкостью принести человечеству огромную пользу, остаются бесплодными или так плохо направляются, что не достигают поставленных им целей.

Однако мир располагает теперь достаточными средствами, чтобы пресечь этот поток безумия, вызвать к действию дремлющие силы и правильно применить человеческую энергию.

Эти средства должны дать всем людям здоровье, истинные знания и богатство.

Эти средства находятся рядом с нами, они могут быть немедленно предоставлены в наше распоряжение и имеются в величайшем изобилии; между тем огромная масса людей погружена в глубокое невежество и лишена всяких жизненных удобств; значительная часть их не имеет даже достаточного питания, испытывает всяческие лишения и находится сейчас в самой глубокой нужде и горе.

Труден ли переход из одного состояния в другое? Имеются ли такие непреодолимые препятствия, которые помешают достичь желанной цели?

---

[1] *Оуэн Р. Избранные сочинения. Том I. – М.;Л.:Издательство Академии Наук СССР. 1950 г. С.140-156, 276-283.*

Напротив, как это ни покажется странным, но эту перемену осуществить очень легко. Во всем этом начинании не встретится никаких трудностей или серьезных препятствий. Мир знает и чувствует существующее сейчас зло: он рассмотрит новый, предложенный теперь порядок вещей, одобрит его, пожелает этой перемены, и все будет сделано.

Кто или что может теперь воспрепятствовать людям получать хорошее воспитание, хорошее образование и быть целесообразно использованными в производительных целях? Кто или что может теперь воспрепятствовать людям получать такое воспитание и образование и так применять свои силы, пользуясь всеми удобствами и радостями жизни, когда будет совершенно наглядно доказано, что все люди – без единого исключения – извлекут из этой перемены существенную выгоду?

Для систематического рассмотрения этого вопроса необходимо раньше установить, что представляет собой человек по своей природе и что сделали с ним условия, в которых он живет; после этого надо будет показать, каким он может быть, если поставить его в новые условия, которые теперь целиком находятся во власти самого общества.

Человек рождается с известной комбинацией наклонностей и свойств, различных по своей яркости и по их сочетанию, что обусловливает возникновение на протяжении жизни индивидуальностей и различий в личности и в характере.

Но каково бы ни было различие в яркости и сочетании этих наклонностей и свойств при рождении человека, их можно впоследствии так регулировать при соответствующих условиях, что возникнут основные типы характеров, причем они могут быть самых разнообразных и даже противоположных свойств, колеблясь в пределах от совершенно иррациональных до полностью рациональных.

Сейчас мы обрисуем в общих чертах этот процесс, а также покажем способ, каким были созданы первые из них; мы дадим также беглый очерк способов, какими можно вполне обеспечить возникновение вторых.

Во всех областях земного шара человек до настоящего времени приобретает с детства определенные понятия, связанные с известной сектой, классом, партией и страной. Таким образом, каждый человек окружен четырьмя плотными слоями заблуждений и предрассудков, сквозь которые он наблюдает все окружающее. Эти покровы, затемняющие сознание, весьма различны в разных странах, но всюду они так плотны, что все предметы оказываются искаженными или плохо различимыми, так как их наблюдают сквозь эти покровы. Ни один предмет нигде не наблюдается человеком в его подлинном виде, и, таким образом, природа оставалась до сих пор сокрыта от человека.

Во все прошлые времена определенное число людей в каждом данном месте земного шара было окружено покровами, слои которых сочетались у них иначе, чем у прочих людей; каждая из этих комбинаций слоев давала наблюдающим людям свое собственное искажение наблюдаемой природы. Когда люди, окруженные этими покровами, встречаются и вступают в соприкосновение с другими людьми, с иной их комбинацией, то они сразу обнаруживают, что видят все предметы поразному. Не понимая настоящей причины этого расхождения, люди сознают различие в восприятии и в чувствах, которое ведет от небольшой антипатии к злобе, ненависти, к чувству мести, к смерти и к разрушению во всех его видах и формах. Таким образом, из различия взглядов, обусловленного различием понятий разных сект, возникают все беды и страдания в человеческой жизни. Эта враждебность сект больше всех других предрассудков, классовых, партийных и национальных, разделяла во все времена людей и превратила их в несчастные и падшие создания.

Классовые предрассудки также создали разнообразие восприятий, отделявшее человека от человека, и сильно содействовали росту его неразумности и страданий.

Предрассудки партийные и национальные были не менее вредны: они делали человека вплоть до настоящего времени чужим для его собратий.

Естественным последствием такого поведения человека в его прежних условиях существования явилось сочетание всех мыслимых степеней невежества со слабостью и непоследовательностью.

Все человеческие учреждения в прошлом и настоящем служат доказательством того безумия, которое охватило человеческое сознание.

В этих условиях результаты реформ всегда обманывали все самые горячие надежды и ожидания; пока существуют эти условия, было бы безумием ожидать какого бы то ни было результата от производимых перемен, если не будут полностью устранены сами эти условия.

Человек теперь ни на йоту не ближе к счастью, чем в те времена, от которых к нам дошли первые известия о людях. Рожденный в невежестве, он вообразил и его систематически учили, что в основе его поступков лежит его собственная воля. Его сознание формировалось на этой базе, и она служила и служит сейчас основой всех его идей; этот взгляд связан со всеми его представлениями; из него может проистечь только сомнение, беспорядок и умственное замешательство!

Было правильно сказано, что для того, чтобы человек стал мудрым и счастливым, его сознание «должно быть рождено заново», оно должно быть освобождено от всех неправильных идей, которые в нем укоренились; сама основа его жизни должна быть создана заново; затем должна быть сооружена правильная и хорошая надстройка, согласованная во всех своих частях, которая нравилась бы своему обладателю, удовлетворяла бы его и радовала его взгляд; она должна удовлетворять всем требованиям науки: во все будущие времена она должна давать людям, получившим правильное воспитание и хорошо сформированные характеры, убеждение, что на их пути к зрелости она составляет убежище счастья, вытекающего из правильного поведения, руководимого разумом и здоровой мудростью!

Человек родился в невежестве и с детства окружен предрассудками секты, класса, порой партии и всегда национальности.

Вследствие этого он не может познать самого себя, своих собратий и природу.

Семена разъединения и обособления людей глубоко и широко рассеиваются в течение их младенчества и детства.

Их приучают противопоставлять свои интересы чужим и открыто или тайно противодействовать всем другим людям.

Естественное желание человека заключается в достижении счастья; но ему энергично и с успехом противодействуют окружающие его люди и основанные на невежестве общественные учреждения.

По мере приближения человека к юношескому и зрелому возрасту почва, в которую вложены семена разъединения и обособления, продолжает обрабатываться весьма тщательно, причем применяются всевозможные средства, чтобы выхолить взращиваемые растения, обеспечить их рост и хороший урожай.

Такие труды и старания не могут остаться безуспешными, противодействие естественным стремлениям человека и всем его усилиям достигнуть счастья приносит в соответствующее время обильную жатву недовольства, антипатии, злобы, зависти, ненависти, чувства мстительности и всех дурных страстей; в конце концов человек оказывается тесно охваченным неразумием, которое неизбежно вытекает из такого способа воспитания и обучения!

Его вынуждают быть неискренним, а одно уже это обстоятельство разрушает человеческое счастье! Если бы какой-нибудь человек задумал говорить правду в условиях этих разрушающих человеческий интеллект предрассудков, то его сразу прославили бы глупцом и безумцем!

Его лучшие чувства, его самые ценные умственные способности и силы должны оставаться бесплодными или получать такое направление, которое непрестанно дает одно зло.

Вот правильное и точное описание человека, каким его формировали раньше, каким формируют теперь при всех существовавших в прошлом и существующих ныне системах.

Если бы я теперь обратился к частностям и дал добросовестную и детальную картину заблуждений человека, его непоследовательности и бед, вытекающих из существующего устройства общества во всех его частях, то люди быстро поняли бы, в чем заключается их польза; но при своей невежественности и неподготовленности люди не сумеют проявить должное терпение и не позволят совершить эту пе-

ремену постепенно, т. е., не дадут возможности действовать с практически допустимой скоростью; они будут жадно стремиться вперед к тому благу, которое в соответствующее время, несомненно, будет достигнуто; при такой поспешности многое будет повреждено и разрушено. Я горячо и страстно желаю, чтобы при осуществлении этой перемены, которая не может быть охвачена во всей своей полноте теперешним человеческим сознанием, возникло как можно меньше замешательства, чтобы она совершилась без всякого нарушения каких бы то ни было интересов. Люди разумные, с некоторым практическим знанием существующего в обществе положения, поймут смысл этих слов и будут соответствующим образом действовать.

Да, мои друзья, как бы ни были существующие системы безумны, непоследовательны и гибельны, их нельзя разрушать руками людей, некомпетентных и грубых. Каждый преждевременный или неразумный шаг может отсрочить осуществление наших самых обоснованных надежд и лишить несколько будущих поколений того счастья, которым иначе мы и наши дети могли бы широко пользоваться.

Успокойте поэтому свое волнение, не выдвигайте плохо разработанных или совсем неразработанных планов преждевременных реформ, содействуйте всеми своими силами мероприятиям, к которым мы теперь должны приступить, и в кратчайшее время вы будете освобождены от теперешних страданий на собственное благо и благо своего потомства и будете владеть всеми удобствами и радостями жизни, которые так нужны человеческому существу.

Однако для осуществления этой важной задачи без нанесения вреда кому-либо совершенно необходимо сохранить на некоторое время все существующие учреждения в теперешнем их виде; надо дать им возможность содействовать этой важной перемене, правильно направлять ее и руководить ею, так как она быстро надвигается на нас и на другие народы; мы не в состоянии ее избегнуть, но при правильном ее понимании никто и не захочет ее избегать; напротив, каждый в отдельности и все вместе мы будем приветствовать в ней предвестника всяческого благополучия, желанного отдельным лицам и полезного им как членам общества.

Когда действуешь на основе правильных принципов, то незачем обманывать людей; надо говорить правду вопреки всем национальным предрассудкам, с пользой для справедливого дела; этим путем мы теперь и пойдем.

Теперешние правительства Европы и Америки, за немногими несущественными исключениями, в сущности не враждебны реальному улучшению общественных условий; они желают их совершенствования, и когда они вполне поймут, как этого можно достичь, то они не откажут в своем активном содействии.

Министры нашей страны (а я хорошо их знаю) не обладают достаточной энергией и практическими знаниями для руководства общественным мнением, как оно в настоящее время требуется; их политические противники имеют еще меньше полезных практических знаний. Государственные деятели всех стран должны будут изучить принципы науки, которая позволит им так управлять государствами, чтобы доставить счастье самим себе и своим народам.

Но наши министры добры и благожелательны, они искренне стремятся улучшить условия существования людей всех социальных рангов. Я в течение пяти лет подвергал испытанию их терпение, нрав и наклонности и не могу обмануться; однако они, несомненно, не обладают данными для того, чтобы направить общественное мнение в пользу новых и неиспытанных, но безусловно необходимых мер, осуществление которых они должны предоставить другим. Но я считаю, что многие из них искренне желают помочь народу и идти с ним в ногу, когда он будет должным образом подготовлен для такого путешествия. Они теперь понимают столь же отчетливо, как и другие группы общества, что путь, по которому они быстро идут, представляет собой широкую дорогу, ведущую к замешательству и к нищете.

О существующей системе излишне говорить что-нибудь, кроме того, что я считаю ее совершенно негодной. Но как бы плоха она ни была, ее надо охранять, пока не начнет действовать новая.

Теперь мы рассмотрим человека в тех новых условиях, в которые он будет поставлен.

В новых, как и в старых, условиях он будет рождаться невежественным.

Он будет воспитываться с самого раннего детства таким образом, чтобы приобрести только хорошие и добрые наклонности.

Он будет изучать только факты. Это позволит ему очень рано и отчетливо понять, как формировался и формируется его собственный характер и характер его собратий. Таким образом, он будет предохранен от действия тех вредных и деморализующих покровов, которые окружают всех рожденных до настоящего времени людей.

Не будет существовать таких условий, которые могли бы возбудить у него чувство разобщенности с другими людьми и своей обособленности. Напротив, его сердце будет открыто для всех других людей, а рука будет готова оказать им помощь независимо от их секты, класса, партии, страны или расы. Злоба, ненависть, чувство мстительности не будут иметь никакой точки опоры; не будет пищи ни для каких злых чувств; единство и взаимное сотрудничество будут легко и просто осуществляться всеми в повседневной жизни. Только читая историю своего прошлого, люди будут вспоминать те заблуждения и ошибки, от которых они освободились, 1и будут сравнивать свое счастье с горем прежних времен.

Мы очень бегло и только слегка наметим этот контраст.

В промышленных городах бедные и трудящиеся сейчас обычно живут на чердаках или в подвалах, выходящих в узкие переулки или тесные дворы.

В проектируемых поселках бедные и трудящиеся будут жить в зданиях, образующих большой квадрат, причем они будут во всех отношениях удобны и хорошо отделаны.

В промышленных городах они окружены со всех сторон грязью, задыхаются в дыму и редко видят какой-нибудь приятный предмет, на котором можно было бы остановить взгляд.

В проектируемых поселках они будут жить среди садов, окруженные со всех сторон свободным пространством, которое обеспечит им здоровый и приятный воздух; перед ними в пределах квадрата будут аллеи и насаждения, а вокруг хорошо обработанные земли, на которых будет соблюдаться полный порядок и которые будут тянуться, насколько хватает глаз.

В промышленных городах родителей давит забота о том, как обеспечить средства существования самим себе и своим детям.

В проектируемых поселках все будут в избытке пользоваться всем жизненно необходимым и всеми удобствами вследствие применения принципа взаимного содействия, правильно понятого и в полной мере осуществленного.

В промышленных городах каждая семья несет заботу и труд, связанный с посещением рынка для удовлетворения своих личных потребностей, притом с большой невыгодой.

В проектируемых поселках при затрате того же труда, который требуется для снабжения одной семьи, будет снабжаться 1000 человек, причем все будет приобретаться на самых выгодных условиях.

В промышленных городах каждая семья должна иметь специальные приспособления для стряпни и т. п., и один человек должен быть целиком занят приготовлением пищи для семьи нормальной величины.

В проектируемых поселках будет приготовляться из лучшей провизии отличное питание в таких условиях, которые позволят 5–6 лицам приготовлять питание для 1000 человек.

В промышленных городах родители должны трудиться от 10 до 16 часов в сутки, чтобы обеспечить жалкие условия существования для себя и своих детей, притом часто в условиях, весьма неблагоприятных для здоровья и для естественной жизнерадостности.

В проектируемых поселках родители будут трудиться не более 8 часов в сутки в здоровых и приятных условиях.

В промышленных городах в периоды депрессии, которые бывают нередко, люди испытывают трудно описуемые бедствия.

В проектируемых поселках не может быть депрессии, вызываемой изменением условий рынка или непрочностью конъюнктуры, и все будут обладать большим запасом жизненно необходимых предметов.

В промышленных городах в случае болезни люди подвергаются всевозможным бедствиям.

В проектируемых поселках заболевшие жители будут окружены величайшим вниманием и заботой со стороны своих сограждан; каждый как из принципа, так и в собственных интересах деятельно и с удовольствием примет меры, чтобы улучшить положение нетрудоспособного.

В промышленных городах дети в случае ранней смерти родителей остаются сиротами и испытывают всяческие бедствия.

В проектируемых поселках в случае ранней смерти родителей дети останутся обеспеченными и под хорошей опекой.

В промышленных городах дети бывают обычно болезненными и, подобно их родителям, плохо одеты.

В проектируемых поселках дети будут румяными и здоровыми и, подобно своим родителям, аккуратно, чисто и хорошо одеты.

В промышленных городах за маленькими детьми не следят, и они ежечасно приобретают дурные навыки.

В проектируемых поселках за детьми будут хорошо следить, и их не только предохранят от приобретения дурных навыков, но, наоборот, воспитают у них хорошие.

В промышленных городах пренебрегают образованием детей.

В проектируемых поселках все дети будут хорошо воспитаны и хорошо обучены.

В промышленных городах детей рано отдают в обучение какому-нибудь ремеслу или на фабрику, причем они должны трудиться от 10 до 16 часов в сутки, обычно в очень нездоровых условиях.

В проектируемых поселках детей будут понемногу обучать садоводству, сельскому хозяйству и какому-нибудь ремеслу или производству, но они будут работать только в соответствии со своим возрастом и силами.

В промышленных городах детей воспитывают невежественные люди с многочисленными дурными навыками.

В проектируемых поселках детей будут воспитывать знающие люди, обладающие хорошими привычками.

В промышленных городах обычным орудием воспитания являются брань, принуждение и наказание.

В проектируемых поселках единственными орудиями воспитания будут доброжелательство и здравый смысл.

Это противопоставление можно продолжать до бесконечности; читатель сам с легкостью восполнит недосказанное; поэтому остается прибавить, что:

промышленные города являются убежищами бедности, пороков, преступлений и горя, в то время как

проектируемые поселки будут вечными убежищами изобилия, деятельного разума, доброго поведения и счастья.

КОНСТИТУЦИЯ ОБЩИНЫ «НОВАЯ ГАРМОНИЯ»

Основные принципы, положенные в основание конституции

Когда известное число людей объединяется на основе принципов, которые еще не приобрели влияния на жизнь остального человечества, должное уважение к мнениям других требует публичного заявления о целях объединения, его принципах и задачах.

Наша цель, общая со всеми разумным» существами, – счастье.

Наши принципы:

Равенство прав для всех совершеннолетних, независимо от пола и положения.

Равенство обязанностей, видоизменяемых в зависимости от физической и умственной пригодности.

Кооперативное объединение в работе и развлечениях.

Общность имущества.

Свобода слова и действия.

Искренность во всех наших мероприятиях.

Доброжелательство во всех наших действиях.

Вежливость в общении.

Порядок во всех наших делах.

Сохранение здоровья.

Приобретение знаний.

Хозяйственная практика или производство и потребление всего лучшего самым благотворным способом.

Соблюдение законов страны, в которой мы живем.

Мы считаем самоочевидным:

что стимулом для человека неизменно служит стремление к счастью;

что никто из человеческой семьи не рождается с преимущественными в сравнении с другими людьми правами на собственность или льготы;

что свобода искреннего выражения всякого чувства и мнения и направления всякого действия является неотчуждаемым правом каждого человеческого существа и не может по справедливости быть ограничена иначе, как с его собственного согласия;

что сохранение жизни в ее наиболее совершенном состоянии является первой из всех практических задач

и что, поскольку мы живем в штате Индиана, необходимо подчинение законам его и общего правительства.

Опыт научил нас:

что характер человека, умственный, нравственный и физический, определяется тем, как он формировался, местом жительства и обстоятельствами, в которых человек находится;

что человек при рождении формируется бессознательно для него самого, место его жительства выбирается без его согласия и он ставится в условия, не подлежащие его контролю.

Поэтому характер человека не формируется им самим, и разум учит нас, что к существу такой природы одинаково не применимы искусственные награды и кары; доброта – единственный целесообразный способ обхождения с ним, а вежливость – единственный разумный метод поведения.

Мы наблюдали в делах человечества, что люди производительны в своей деятельности, продуктивны в работе и счастливы в общественной жизни только тогда, когда они действуют совместно и объединение.

Кооперативное объединение мы рассматриваем поэтому как необходимое для достижения нашей цели.

Мы наблюдали, что наилучшие результаты достигались кооперативным объединением, когда главным средством для этого служили порядок и хозяйственность.

Таким образом, опыт делает порядок и хозяйственность одним из наших принципов.

Отклонение от принципа равных прав для людей, свойственное системе, основанной на индивидуальной собственности, сопровождается, как мьг видим, конкуренцией и враждой, завистью и разногласиями, роскошью и нищетой, тиранией и рабством.

Поэтому мы возвращаемся к принципу общности имуществ.

Там, где имеются налицо воля и средства, получающийся результат пропорционален знанию средств для его достижения; мы установили на основе практического опыта, что рост разумности равносилен увеличению счастья.

Поэтому мы стремимся к разумности, как мы стремимся к самому счастью.

Первым и самым важным знанием мы считаем знание самих себя.

Но мы бесплодно стремимся к этому знанию, если наши собратья не высказывают нам открыто и откровенно то, что они чувствуют и думают.

Наше знание остается поэтому несовершенным, когда нет искренности.

Мы видели, что основные руководящие принципы, господствующие в мире, порождали бедствия; поэтому мы не приняли их.

Мы видели, что истина всегда порождает счастье, а заблуждение – бедствия: поэтому истина ведет к нашей цели и мы соглашаемся следовать только ей.

Истина последовательна и находится в согласии со всеми фактами; заблуждение непоследовательно и находится в противоречии с фактами.

Наш разум убедил нас в теоретической истинности наших принципов; наш опыт – в их практической полезности.

По этим причинам, с этой целью и на этих принципах мы, нижеподписавшиеся, составляем сами и наши дети общество и общину равенства для блага нас самих, наших детей и человеческого рода и соглашаемся по следующим пунктам об объединении и сотрудничестве.

Все члены общины рассматриваются как одна семья, и никто не будет почитаться выше или ниже в своей деятельности. Все будут получать в соответствии со своим возрастом одинаковую пищу, одежду и образование, поскольку это может быть обеспечено; и как только это станет осуществимо, все будут жить в одинаковых домах и во всех отношениях будут одинаково устроены. Каждый член общины будет приносить наибольшую возможную для него пользу для общего блага в соответствии с правилами и постановлениями, которые могут быть приняты общиной. Первоочередной задачей общины всегда будет предоставление всем ее членам наилучшего физического, нравственного и умственного воспитания.

Власть законодательная будет вручена собранию, состоящему из всех проживающих в общине членов ее в возрасте старше 21 года, одна шестая часть которых составит кворум для решения дел. Исполнительная власть общины будет вручена совету, состоящему из секретаря, казначея, комиссара общины и четырех департаментских главных управляющих, которые будут выбираться, как указано ниже. Секретарь, казначей и комиссар будут избираться собранием.

Община будет разделяться на шесть департаментов: сельского хозяйства; промышленности и механики; литературы, науки и просвещения; домашнего хозяйства; общей экономики; торговли. Эти департаменты будут разделены на виды деятельности. Представители каждого рода деятельности (свыше 16-летнего возраста) будут предлагать собранию для утверждения своего управляющего, и управляющие всех родов деятельности в числе трех или больше лиц будут назначать главного управляющего своего департамента; комиссар будет главным управляющим департамента домашнего хозяйства, а казначей – департамента торговли; для назначения главных управляющих департамент торговли соединится с департаментом литературы, науки и просвещения, а департамент домашнего хозяйства – с департаментом общей экономики. В случае, если собрание не утвердит представленное лицо, должен быть назван новый кандидат. Секретарь, главные управляющие и управляющие будут оставаться в своей должности, пока это угодно собранию.

Задачей исполнительного совета является заключение всех договоров, выполнение всех общих постановлений и вообще руководство всеми делами общины и наблюдение за ними при условии постоянного подчинения указаниям большинства собрания, сообщаемым в письменном виде клерком собрания секретарю.

Исполнительный совет должен еженедельно докладывать собранию все отчеты обо всех действиях, поступлениях и расходах каждого департамента и рода деятельности, а также их суждения о каждом управляющем и мнение управляющего о каждом лице, занятом данным родом деятельности. Все отчеты общины будут проверяться по крайней мере раз в неделю, и результаты должны сообщаться собранию. Все доклады главных управляющих и секретаря и все решения собрания должны регистрироваться и тщательно храниться для постоянного обращения к ним. Собрание будет также еженедельно записывать свое мнение об исполнительном совете, а совет будет фиксировать таким же способом свое мнение о действиях собрания.

Никто не будет в дальнейшем приниматься в члены общины без согласия большинства членов собрания и никто не будет исключаться из общины иначе как двумя третями голосов всех членов собрания; в обоих случаях вопрос должен быть предварительно обсужден на двух последовательных, еженедельно созываемых собраниях.

Недвижимость общины будет находиться в постоянном управлении по доверию общины в ее интересах и в интересах всех наличных ее членов; человек, выходящий из общины, теряет право на всякую претензию к этой недвижимости и на доходы с нее, но имеет право получить свою справедливую долю ценности той недвижимости, которая была приобретена во время его членства, причем эта доля вычисляется и устанавливается, как предусмотрено для случаев определения услуг, оказанных членами, выходящими из общины.

Всякий член будет иметь право отказаться от членства, уведомив общину о своем намерении за неделю; всякий член, покидающий таким образом общину или отпущенный из нее, будет иметь право получить из продукции общины справедливую компенсацию за свои предыдущие услуги, устанавливаемую советом, причем допускается апелляция к собранию я принимаются во внимание прибыли или убытки общины во время его членства, а также расходы данного лица и его семьи на образование и т. д.

Община не ответственна за личные долги, сделанные ее членами. Община и ее агенты не должны ни в каком случае оказывать или получать кредит, за исключением того имущества или денег, которые могут быть авансированы ей Робертом Оуэном, Вильямом Маклюром или членами общины. Деньги, внесенные в общину ее членами, должны возвращаться им при выходе из нее. Все члены должны пользоваться полнейшей свободой во всех областях знания и в своих суждениях, особенно по вопросам религии. Дети скончавшихся членов будут продолжать пользоваться всеми привилегиями членства. Все недоразумения, которые могут возникнуть между членами общины, должны регулироваться ею.

Поскольку эта система прямо исключает всякую тайну и всякие изъятия из правил, посторонние лица будут иметь полную возможность ознакомиться с правилами общины и проверить результаты, какие они дали на практике; правительству страны будут даваться полные объяснения относительно видов и мероприятий общины.

Конституция может изменяться или исправляться голосами трех четвертей всех членов собрания, но не ранее обсуждения вопроса на четырех последовательных открытых совещаниях, созываемых в течение четырех последовательных недель.

КАБЕ Э.
Путешествие в Икарию[1]
Книга вторая. Третья часть.
Резюме учения или принципы общности
Единственная глава
Объяснения автора. Учение об общности

Многие мои друзья были удивлены тем, что я проповедую общность, тогда как прежде я говорил только о *прогрессе* и *улучшении* судьбы народа, а поэтому я должен дать им объяснение. Вот оно.

Я был слишком долго жертвой своей преданности народному делу, чтобы не остаться ему преданным всегда, и я решил, как *Кампанелла,* использовать время изгнания, чтобы изучать, размышлять и стараться быть полезным согражданам: я приготовил для народа три *элементарных истории* (всеобщую историю, историю Франции, историю Англии), когда мне захотелось прочитать по-английски *Утопию,* ссылки на которую, как и многие другие, я часто слышал, но которую плохо знал.

Несмотря на многочисленные недостатки этого произведения, в особенности, если использовать его в настоящее время, я был до такой степени поражен его основной идеей, что закрыл книгу, не желая вспоминать о мелочах, чтобы серьезно подумать об этой идее общности, которую я никогда не имел времени глубоко ис-

[1] *Кабе Э. Путешествие в Икарию. М-Л. 1935, Т. 2. С. 450-771.*

следовать, предубежденный против нее, как почти все, которые осуждают общность, как химеру.

Но чем больше я размышлял, тем меньше идея эта казалась мне химерической... Я исследовал теоретическое применение ее ко всяким ситуациям и потребностям общества, и, чем больше я исследовал частичные применения ее, тем больше я замечал возможность и даже легкость ее осуществления.

Мне трудно описать удовольствие, которое я испытал, найдя, наконец, средство против всех недугов человечества, и я уверен, что в своих дворцах и празднествах изгоняющие не имеют столько чистых наслаждений, сколько их имеет изгнанный, с каждым днем все более замечающий зарю счастья для человеческого рода.

Закончив мой план общности, я прочитал и перечитал всех знаменитых философов, и опять не могу описать удовольствия, которое испытал, когда открыл, что те из этих философов, которых, я не знал, и те, которых я когда-то читал, не замечая всех их сокровищ, подтверждали мое мнение почти по всем относящимся сюда пунктам.

Подкрепленное таким образом, мое убеждение стало непоколебимым, и я решил опубликовать мой труд.

Однако несколько друзей во Франции, которым я сообщил мой проект и мои главные идеи, пытались убедить меня оставить их.

– «Общность! – писали мне одни, – но это – всеобщее пугало, химера! Вы восстановите общественное мнение против себя, или вы встретите полное равнодушие. Вы заставите многих ваших друзей отказаться от вас. Даже народ вас покинет, ибо он слишком просвещен, чтобы не видеть, что его настоящий интерес не заключается в общности и что действительное равенство может быть только равенством нищеты! Вы лишаете себя, таким образом, всякой надежды на карьеру, на помощь, на будущее! Вы просто с ума сошли!»

Но эти возражения так же мало удивили меня, как и заставили отступить назад.

Я восстановлю против себя, говорят, общественное мнение! Как! общественное мнение восстает против философской дискуссии, против исследования истины и средств излечения всех недугов, которые терзают человечество! Нет, нет; нужно было бы, чтобы общественное мнение было слепо, так же слепо – коль сравнить нам малое можно с великим - как тогда, когда оно восстало против Сократа и Иисуса Христа, а это было бы еще одним основанием больше, чтобы работать для его просвещения.

Или оно примет мои идеи совершенно равнодушно! Ну, так тогда они не повлекут за собой никаких неудобств для других; и это опять-таки основание, чтобы разбить это равнодушие, столь же гибельное в философии и общежитии, сколько оно может быть в религии.

Мои друзья откажутся от меня! – Ах, я буду огорчен за тех, кого я столько же люблю, сколько уважаю: но изгнание приучает обходиться без многих знаков дружбы; и я не колебался бы сказать: *Amicus Cato, sed magis amicus Plato et magis adhuc arnica Veritas* (я люблю *Катона,* но еще больше *Платона,* и еще больше *истину)* …Да, и впрочем, нет, мои истинные друзья не откажутся от меня; ибо я думал, как они, когда не изучал еще вопроса, и они, вероятно, думали бы, как я, если бы они, - как я, размышляли о нем в течение трех лет: я готов обсудить его, твердо убежденный, что они обратятся, и готовый позволить обратить себя, если мне докажут мою ошибку.

Сам народ покинет меня! – Нет, потому что он не имеет друга более искреннего, более постоянного и более преданного. Я, однако, хорошо знаю, что этот народ, всегда в общем хороший, справедливый и великодушный, может быть обманут и слушать своих врагов, как во время оно лакедемонский народ покинул короля Агиса, как римский народ покинул Гракхов и как иудейский народ дозволил распять Иисуса Христа: но это опять-таки основание, чтобы посвятить себя его освобождению.

Я лишаю себя всякой надежды на помощь, на карьеру и на будущее! – О, я знаю это, и работаю для этого уже слишком давно, чтобы не знать этого: но многие

из нас думают только о себе; нужно, чтобы были и такие, которые думают только о народе и, о человечестве!

Я сошел с ума! – Увы! Разве не всё есть безумие на земле? Разве мы не все безумцы, которые отличаются друг от друга только по роду и виду? Когда столько так называемых мудрецов терзаются из-за эгоистических наслаждений, то разве самые безумные именно те, кто находит наслаждение, принося себя в жертву для своих братьев? И когда являешься безумным вместе с Сократом, Платоном, Иисусом Христом и столь многими другими, то разве Шарантон, в котором находишься вместе с ними, не стоит Шарантона, наполненного честолюбцами, жадными и алчными?

«Как, – писали мне другие друзья, – вы пишете *роман,* чтобы объяснить вашу систему общности! И вы не начинаете изложением вашего учения!» – Да, я пишу роман, чтобы изложить социальную, политическую и философскую систему, потому что я глубоко убежден, что это самая простая, самая естественная и самая понятная форма, чтобы дать понять самую сложную и самую трудную систему; потому что я хочу писать не только для ученых, но и для всех; потому что я хочу, чтобы меня читали *женщины,* которые были бы куда более убедительными апостолами, если бы их благородная душа была крепко убеждена в действительных интересах человечества; потому что я не хочу подражать экономистам и их подражателям, которые, как говорит Кондорсе, часто портили свои идеи, злоупотребляя научными терминами; я, быть может, ошибаюсь, но эта форма, идею которой мне, впрочем, дала *Утопия,* мне кажется предпочтительнее, чем все те, которые были выбраны современными писателями, чтобы излагать аналогичные предметы... Я, несомненно, нуждаюсь в снисхождении моих читателей, в особенности, что касается романтической части, ибо они поймут, что эта часть есть только *аксессуар,* которому я мог уделить, возможно, меньше места. Другие сделают лучше; а что касается меня, то я достигну моей цели, если *роман* мог выиграть нескольких читателей без того, чтобы их потеряла *философская часть.*

Но так как эта система представляет нечто новое, то, вероятно, понадобится, чтобы ее хорошо понять, второе чтение, которое будет иметь пред собой всю совокупность фактов и рассуждений.

Что касается сущности системы социальной и политической организации Икарии, то я прошу читателя хорошо отличать то, что есть *основной принцип,* от того, что есть только *пример и деталь.* Так, когда я говорю, что план образцового дома устанавливается или должен быть установлен законом после конкурса, то это *принцип,* который я считаю неоспоримым; когда я даю план этого рода, то это только одна из тысячи идей, которые можно принять, и представители искусства смогут найти много ошибок в выполнении, которых я мог бы избежать, если бы писал мою работу в Париже, но которые сами по себе безразличны, ибо не в этом состоит система; и когда речь зайдет об исполнении, то народ и собравшиеся ученые сумеют найти лучшие планы и лучшие образцы.

Пусть поэтому не придираются ко мне из-за *деталей,* ибо я сам отказываюсь защищать их.

Вот, впрочем, то, что я считаю *учением или принципами* общности.

Принципы и учение об общности

Что такое *естественные или божественные права?* – Это права, которые даруются природой или божеством.

Что такое *общественные или человеческие права?* – Это права, которые даются обществом или придумываются людьми.

Какие права считаются естественными? – Главные из них: право существования и право использовать все свои физические и умственные способности.

Что понимаете вы под *правом существования?* – Я понимаю под этим право пользоваться всеми благами, созданными природой для пищи, одежды и жилища, и право защищаться против всякого рода нападающих.

Что понимаете вы под правом использовать все свои *физические способности?* – Я понимаю под этим право передвижения, труда, союзов, собраний, одним словом, делать всё, что нравится, не нарушая прав другого. Я понимаю также право

иметь супруга и семью, потому что это для каждого индивида, очевидно, завет природы.

Что понимаете вы под правом использовать свои *умственные способности?* – Я понимаю право употреблять все средства для собственного просвещения.

Имеют ли все люди *одни и те же* естественные права? – Да, потому что права эти связаны со званием человека и все люди в равной степени люди.

Но разве люди не *неравны,* по силе, например? – Это верно, но сила не есть право, а несколько слабых могут соединиться против одного сильного: люди могут быть *различными* по силе, росту и т. д., но разум указывает нам, что они *равны* в правах в глазах природы.

Разделила ли землю между людьми природа? – Конечно, нет: она дала землю всему человеческому роду, не назначая никому особой части.

Все философы признают, что природа дала *всё и всем* безраздельно и, что блага земли образовали *естественную и первоначальную общность.*

Следовательно, *собственность* установлена не природой? – Конечно, нет; она не установила собственности, она не предписала общности; она предоставила людям свободу пользоваться благами земли, как они хотят, установив собственность или сохранив общность.

Имел ли каждый право на *равную часть?* – Очевидно да, ибо мы все – *дети и наследники природы.*

Было ли это равенство полным и *безусловным,* так что каждый мог иметь одинаковое количество пищевых припасов? – Нет, равенство было *относительное* к потребностям каждого индивида: тот, кто имел потребность в двойном количестве пищи, чтобы насытиться, имел право взять двойное количество, когда пищи хватало для всех.

Имел ли место когда-либо *действительный раздел* земли между людьми? – Нет, каждый занимал то, что ему подходило, никого не спрашивая, не получая ни от кого согласия и часто без ведома кого-либо.

Что называется правом *первого заимщика?* – Это право занимать всё, что не занято еще никем.

Почему вы говорите: *что не занято еще* ни кем? – Потому что следует уважать власть первого заимщика, если можно найти все, в чем нуждаешься, среди не занятых еще предметов.

Кто регулирует право первого заимщика? – Естественная справедливость.

Что такое *естественная справедливость?* – Это мнение, которое разум дает всем людям касательно того, что справедливо или несправедливо, т. е. что соответствует или противно природе и естественному равенству.

Имеет ли каждый право, согласно естественному равенству занимать излишек? – Конечно, нет; это несправедливость, узурпация, воровство по отношению к тем, которые не имеют необходимого.

А если другим остаются еще равные части, так что каждый имеет необходимое и даже излишек? – Тогда каждый может занимать *излишек,* потому что он никому не вредит, но с условием уступить его другим, когда явятся такие, которые в другом месте не могут достать себе *необходимое.*

Значит тот, кто имел бы *излишек,* должен был бы *уступить* его другим, которые не могли бы иначе получить *необходимое?* – Конечно; в этом случае, когда даже занятие *излишка* было бы в принципе справедливо, то, так как оно по существу *условно,* было бы несправедливо сохранять его, ибо естественная справедливость не может дозволить, чтобы один человек имел *излишек,* когда один или несколько других не имеют необходимого, и удержание излишка в ущерб другим людям, лишенным необходимого, было бы несправедливостью и узурпацией, повторяемой каждый день.

Но если первый заимщик, владелец *излишка,* лично трудился? – Не важно: излишек составлял часть других, которые начали бы его обрабатывать, если бы он оставил его без обработки; его труд не может ему приобрести часть другого; он обрабатывал излишек только на условии вернуть его; он использовал свой труд в период владения; ничто не может лишить других части, которая им необходима, в

общих благах, данных природой всем своим детям, и ничто не может дать право владельцу *излишка* сохранить его.

Вы говорили об *обязанности:* что понимаете вы под обязанностью? – Я понимаю под этим то, что каждый обязан делать.

*И*меют ли все люди *естественные обязанности?* – Да; один не может иметь какое-либо право без того, чтобы другие имели обязанность уважать это право; *право* и *обязанность* порождаются взаимно, и одно не может существовать без другого, – это две вещи соотносительные и неотделимые.

Все ли люди имеют *равные естественные обязанности?* - Да, так как все люди имеют права, то все имеют обязанности, а так как все имеют одни и те же права, то они имеют одни и те же обязанности; все, например, имеют право требовать свою часть в общих благах, и все имеют обязанность оставлять части, которые им принадлежат.

Какие *обязанности* считаются *естественными?* – Любить себе подобных, как своих братьев, и уважать все их права, или «не делать другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе, и, напротив, делать другим всё, что мы хотели бы, чтобы делали нам».

Вы говорили об общественных правах и об *обществе:* что такое настоящее общество? – Это союз людей, которые, свободно; и добровольно, соглашаются соединиться в союз в их общих интересах.

Почему вы говорите: *свободно* и добро*вольно?* – Потому что не было бы общества между людьми, которые не были бы все свободны и равны, и которые не выразили бы согласия вступить в союз: если бы одни были принуждены к этому другими, то были бы господа и рабы или почти рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые, а не члены общества; угнетатели и угнетаемые так же не могут составить общество, как пастуху и стада.

Почему вы говорите: соединенные в союз в их *общих интересах?* – Потому что нельзя представить себе, чтобы свободные и равные люди могли добровольно соединиться в интересах некоторых из них, когда они могут это сделать в интересах всех.

В чем заключается общий интерес членов общества? – В том, чтобы сохранить и гарантировать их естественные права и помешать более сильным нарушать права более слабых; в том, чтобы поддержать и усовершенствовать естественное равенство.

Следовательно, член общества должен; пользоваться *социальным и политическим равенством,* как и естественным равенством? – Да, социальное и политическое равенство должно быть подтверждением и усовершенствованием естественного равенства.

Представляют ли нации *настоящие общества?* – Нет! во всех нациях существует общество только между аристократами, но его нет между аристократией и народом, между богатыми и бедными; последние по отношению к первым представляют то же, что рабы в Афинах по отношению к афинянам.

Следовательно, нации не образуются путем нарочитого *соглашения?* – Ни одна: завоеватели могли соединиться нарочито или молчаливо в целях завоевания, но великие нации были все образованы путем завоевания; всюду и всегда завоевательная аристократия покоряет народ, становящийся ее рабом или подданным.

Могут ли быть хорошо организованы эти так называемые общества? – Нет, потому что они – продукт завоевания, силы, насилия, несправедливости или неопытности, невежества или варварства.

Является ли недостаточной еще и существующая организация этих так называемых обществ? – Да, ибо одни представляют всё, а другие – ничто; аристократия имеет *излишек,* не трудясь, а народ не имеет *необходимого,* трудясь чрезмерно: бедные лишены своих естественных прав.

*И*меют ли дети бедных еще *и теперь естественные* права? – Конечно: теперь, как и всегда, дети при рождении суть все *дети природы;* все люди теперь также люди, как и первые люди; все равны в естественных правах; все имеют право на одинаковую часть благ их общей матери; и для всех их природа сегодня, как и

всегда, распространяет свет и тепло, которые оплодотворяют землю и без которых его собственность была бы бесполезна.

Значит, все существующие теперь люди имеют еще естественные права? – Без всякого сомнения: социальные законы, которые лишают одних *необходимого,* чтобы давать другим *излишек,* являются насильственными действиями, которые нарушают естественную; справедливость, но божественные права священны, неотчуждаемы и неприкосновенны; ограбленный сохраняет свое право, хотя он уже не пользуется им, как обворованный: сохраняет свое право на украденную вещь, перешедшую во владение вора.

Но эта так называемая социальная организация, была ли она, по крайней мере, хо*роша для аристократов и богатых?* – Нет! она составляет несчастье бедных, не доставляя другим настоящего счастья; она устанавливает между всеми постоянную войну, которая навлекает на всех них неисчислимые бедствия.

Каковы *главные недостатки* этой так называемой социальной организации? – Их три: неравенство состояния и власти, индивидуальная собственность и деньги: размыслив хорошенько, мы находим, что это три главные причины всех пороков и всех преступлений, всех беспорядков и всех бедствий.

Почему люди приняли всюду эти три учреждения? – Одни их приняли из эгоизма, в своем исключительном интересе, а другие из невежества, надеясь, что они приведут к общему благу.

В чем заключается главный недостаток политической организации? – В том, что закон вырабатывается аристократами или богатыми.

Есть ли *какое-нибудь средство* против зла? – Конечно, имеется, ибо иначе для чего служил бы человеку разум?

В чем состоит это средство? – Нужно уничтожить причину зла, т. е. уничтожить неравенство, собственность и деньги и заменить их равенством во всём и общностью.

Следовательно, общность позволяет сохранить естественное право? – Да, так как ее главный принцип именно и заключается в сохранении и усовершенствовании *естественного равенства.*

Каков ее принцип по отношению к личности? – Нация или народ образует настоящее общество, организованное по взаимному соглашению в общих интересах; все члены нации являются членами союза, братьями, совершенно равными в правах и в обязанностях; нация есть даже только семья; она есть также единая моральная личность.

Каков принцип по отношению к *имуществу?* – Все блага составляют общую собственность и образуют только *один* общественный *капитал;* территория образует общее *достояние,* эксплуатируемое сообща.

Каков принцип по отношению к промышленности? – Общественная промышленность едина, т. е. образует лишь одну промышленность, эксплуатируемую народом, как одним человеком, так, чтобы производить всё, что необходимо, разделяя и планируя труд, и так, чтобы производить как можно больше, без всяких излишних затрат труда и без потерь.

Каков принцип по отношению к *правам* и *обязанностям?* – Они одинаковы для всех; каждый обязан трудиться одно и то же число часов в день, соответственно своим силам, и имеет право получать равную долю, соответственно своим потребностям во всех продуктах.

Но разве справедливо, чтобы талантливые и гениальный человек получал равную часть с другими? – Да, потому что талант и гений являются результатами воспитания, которое дает общество, и потому что талантливый человек был бы ничем без общества.

Как рассматривается труд? – Как общественная должность; тогда как все общественные должности рассматриваются, как труд: труд и должности рассматриваются так же, как налог.

Имеются ли другие налоги? – Никаких! других, кроме равной доли каждого в труд и должности.

Каков принцип по отношению к *труду?* – Он общий и обязательный для всех; общий в больших общественных мастерских и, по возможности, привлекательный, короткий и облегчается при помощи машин.

Каков принцип по отношению к *машинам?* – Их стараются размножить как можно больше: при их помощи производят всё, что можно сделать машинами.

Каков принцип по отношению к пище, одежде, жилищу и обстановке? – Они, в меру возможности, одинаковы для всех, приготовляются общностью и доставляются ею каждому: всё производится согласно *образцу,* принятому законом.

Каков принцип по отношению к *удовольствиям и роскоши?* – Общность производит сначала необходимое и полезное; затем она производит приятное, ставя только пределы, полагаемые разумом.

Каков принцип по отношению к *городам* или *домам?* – Все строятся общностью по утвержденным образцам.

Каков принцип по отношению к *дорогам* и *каналам?* – Стараются всемерно увеличить количество механических средств перевозки.

Каков принцип по отношению к торговле? – Внешняя торговля находится в руках республики, и внутренняя торговля есть только распределение, производимое республикой.

Каков принцип по отношению к *семье?* – Каждая семья живет, в меру возможности, сообща и всегда без *домашних слуг,* составляя только одно хозяйство.

Каков принцип по отношению к *браку?* – Каждый может и должен вступить в брак. Брак совершенно свободен; супруги равны, брак может быть расторгнут, если это необходимо.

Каков принцип по отношению к *воспитанию?* – Оно охватывает всего человека и составляет основу общности; оно является физическим, умственным, нравственным, гражданским и профессиональным; оно частью домашнее и частью общественное; оно общее или элементарное, и специальное или профессиональное.

Каков принцип по отношению к общему воспитанию? – Оно дает всем все элементы всех наук и всех искусств.

Каков принцип *политической организации?* – Народ суверенен; всё делается народом и для народа.

В чем состоит *политическое равенство?* – Все члены общества суть в равной степени граждане, члены народных собраний и национальной гвардии, избиратели, избираемые.

Каков принцип по отношению к *законодательной власти?* – Эта власть конституирует суверенитет; она организует и регулирует всё при помощи законов.

Осуществляется ли законодательная власть *народом?* – Да! Законы обсуждаются и подготовляются представителями, избранными народом, и повергаются после на одобрение народа.

Значит, законы являются выражением *общей воли?* – Да, во всей истине этих слов.

Вы сказали, что закон организует и регулирует все; но не есть ли это покушение на *свободу?* – Нет, потому что закон вырабатывается народом и, потому что народ вырабатывает только такие законы, которые ему подходят.

Каков принцип касательно *исполнительной* власти? – Она по существу подчинена законодательной власти и осуществляется выборными, временными и ответственными магистратами; провинциальные и коммунальные должностные лица весьма многочисленны.

Каков принцип по отношению к *судебной* власти? – Так как общность уже сама по себе предупреждает почти все преступления, то уголовные законы бесконечно просты и мягки, и трибуналы почти бесполезны: судьей является сам народ в своих народных собраниях.

Может ли народ легко посещать *народные собрания?* – Всё устроено, чтобы никто не отсутствовал в них.

Обеспечивает ли общность общее благо? – Конечно: вся общественная власть осуществляется народом и, следовательно, для блага народа; равенство воспитания, труда, состояния и прав предупреждает несправедливость и ревность,

пороки и преступления, и доставляет все наслаждения, к которым способен человек.

Одним словом, *задача,* требующая решения, состоит в отыскании средства *сделать счастливыми народы:* так вот, всеобщий опыт показал, это этим средством не являются ни упования на награду в загробной жизни ни страх перед вечными муками, ни террор человеческих законов, ни бдительность полководцев, ни существующая социальная и политическая организация, ни исключительное, богатство, действие которого, наоборот, так гибельно, что, как говорил Иисус Христос «верблюду легче пройти через игольное ушко, чем *богатому* попасть в рай». Следовательно, средство, которое мы ищем, находится в другом месте, и разум указывает, что его можно найти только в новой системе организации, которая сделает

1) *добродетель легкой, 2) порок* и *преступление трудными* и, так сказать, *невозможными;* и этой новой системой может быть только *общность,* которая путем воспитания приучает человека к братству и всем общественным добродетелям, в то время как при помощи *равенства, достатка* и *счастья,* при единственном условии умеренного труда, она не оставляет у неге *никакого интереса* вредить своим братьям.

Возможно ли поставить внезапно систему общности на место системы неравенства собственности? – Нет; необходим переходный порядок.

Какой переходный порядок? – Порядок, который, сохраняя собственность, возможно скорее уничтожает нищету и постепенно не равенство состояния и власть; который формирует при помощи воспитания одно и несколько поколений для общности, с самого начала дает свободу дискуссии и ассоциаций и дает также всеобщее избирательное праве

Почему не уничтожить сейчас же собственность? – Потому что собственники не согласились бы на это и потому что нужно, во что бы то ни стало избегать насилия; потому что физически невозможно выполнить сейчас же все работы, необходимые для общности.

Какова продолжительность этого переходного порядка? – Тридцать или пятьдесят или сто лет, соответственно странам.

Но это очень долго! – Правда, но абсолютно невозможно сделать иначе; к тому же счастье дает себя скоро знать и будет ежедневно возрастать, как только примут переходную систему и принцип системы общности.

Следовательно, нужно сначала принять *принцип общности,* если мы не хотим отсрочить ее полное и окончательное осуществление? – Необходимо, ибо, если аристократия отвергнет принцип общности, она отвергнет также переходный порядок и всякую реформу.

Но как побудить аристократию принять принцип общности? Следует ли употребить силу? – Нет, ни насилия, ни революции, следовательно, ни заговоров, ни покушений.

Почему? – Я вам мог бы привести много оснований; но я ограничусь теми, которые почерпнуты в интересах народа и общности: слушайте внимательно!

Насильственные революции представляют войну со всеми ее случайностями, они чрезвычайно трудны, потому что правительство, в силу уже одного того, что оно существует, имеет безмерную силу в своей правительственной организации, во влиянии аристократии, богатств, в обладании законодательной и исполнительной властью, в казне, армии, национальной гвардии, трибуналах, жюри и полиции с ее тысячами средств разделения и коррупции народа.

Для угнетенных еще недостаточно быть многочисленными, ибо нужно, чтобы они могли организоваться в армию, а правительство употребляет всю свою мощь, чтобы помешать этой организации. Недостаточно иметь мужество, даже героическое мужество, ибо противники могут также обладать храбростью в соединении с выгодами дисциплины и тысячами других выгод. Недостаточно иметь безграничную уверенность в своей преданности, ибо нельзя перехватить пушечные ядра голыми руками. И сколько ошибок (чрезмерная любовь к независимости и недисциплинированность, нетерпимость и несогласия, неопытность и неспособность, нетерпение и безрассудство), совершенно естественных, без сомнения, для молодой и преете дуемой народной партии, компрометируют ее успех!

К тому же народ не только в настоящее время не желает революции: со времени начала мира нет, быть может, ни одного года, чтобы каждый народ не чувствовал потребность стряхнуть с себя иго аристократии, чтобы завоевать обратно свои естественные права; и однако как мало революций начатых в сравнении с числом желаемых революций! А среди предпринятых революций как мало кончившихся успехом! А среди последних так мало достигших своей цели и позже не эскамотированных или просто сведенных на нет аристократией!

Мне не нужно перечислять ни революции, затеянные в течение последнего пятидесятилетия, ни ошибки и предательства, которые обусловили неудачу многих из них, но я спрашиваю, когда народ имел в своем распоряжении столько власти, сколько он имел в 1789 году, когда он был господином всего?

И, однако, не был ли он, вследствие раскола его вождей и, быть может, излишней поспешности, обезоружен, изгнан отовсюду и почти задушен аристократией? Разве в силу недостатка единства и опытности он не дал после 9 термидора два раза вырвать у себя победу!

И какое зло причиняет народу всякая недоконченная, побежденная или неудавшаяся революция! Сколько зла принесли заговор Бабефа и попытка Гренельского лагеря! Сколько силы дали аристократии бунты, заговоры и покушения, начиная с 1830 года! Разве это не общее мнение, что аристократия желает и даже провоцирует насилия, которые ей почти всегда так же выгодны, как они гибельны для дела всего народа, даже когда они являются актом нескольких индивидов! И разве не составляет одну из величайших опасностей революционных времен то, что немногие отдельные люди, – наиболее молодые и наиболее опрометчивые, как и наиболее рассудительные; наиболее безумные, как и наиболее благоразумные; самые порочные, как и самые преданные, – могут компрометировать народ, без его ведома и против его воли, в интересах своего честолюбия или своего тщеславия и жадности, не сознавая даже, что они ответственны за всё зло, которое они приносят своей партии?

И поэтому повторяю, что в интересах самого народа я отвергаю насилие.

Но если бы насилие увенчалось успехом, то не было бы ли справедливым принудить аристократию и богатых? – Нет, потому что насилие не необходимо. Богатые такие же *люди* и наши *братья* как и бедные; они составляют даже большую и лучшую часть человечества. Несомненно, следует помешать им быть притеснителями, но их следует притеснять так же мало, как им позволять притеснять себя. Общность, придуманная с целью составить счастье всех людей, не должна начать с того, чтобы вызвать отчаяние у значительной их части. Мы не должны даже ненавидеть их, ибо их Предрассудки и недостатки являются следствием их плохого воспитания и плохой социальной организации точно так же, как недостатки и пороки бедных. Эта плохая организация есть сатана, который в равной степени портит всех людей. Следует их всех избавить от него, а не сжигать, чтобы изгнать из них беса, как Иисус Христос явился в мир не для того, чтобы истребить богатых, а обратить их! проповедуя только уничтожение изобилия и нищеты. Одним словом, приносить богатых в жертву бедным следует так же мало, как бедных в жертву богатым, иначе вся жалость, весь интерес, вся справедливость, все добродетели, все усилия соединились бы против *новых притеснителей* в пользу новых *притесняемых.*

Стало быть, не следует ненавидеть эгоиста-лавочника? – Вы можете питать отвращение к эгоизму ив особенности к его причине, но ничто не кажется мне менее резонным, менее справедливым и в особенности более неудачным, чем оскорблять и угрожать многочисленному классу торговцев и фабрикантов, ибо, каковы бы ни были их недостатки, эти недостатки являются неизбежным следствием общей организации и их особенного положения: необходимость быть аккуратным в своих платежах, чтобы сохранить свою репутацию и свой кредит, боязнь быть обесчещенным вследствие банкротства, возросшие шансы потерь и разорения, невозможность рассчитывать на помощь других в случае несчастья, постоянные заботы и тревоги в связи с необходимостью платить по векселям в конце каждой недели или каждого месяца, опасения и страхи компаньона или жены (которая, при этих условиях, знает всё дело своего мужа и удваивает его беспокойство и эгоизм, напоминая ему беспрестанно об интересах его детей) – всё это соединяется вместе, чтобы

сделать эгоистом купца и фабриканта или лавочника. Конечно, это несчастье, что он вообще так мало образован и так легковерен и, что аристократии весьма трудно сделать из него свое орудие, говоря ему постоянно о бунтах, грабеже и анархии; но если он мало образован, то это не его вина; если он легковерен, то это следствие плохого воспитания; если он верит в проекты грабежа, то естественно, что он их боится; одним словом, влияние его положения до того непреодолимо, что, в общем, рабочий, тот самый, который больше всего кричит против лавочника, сейчас же усваивает себе его убеждения и обычаи, как только заводит *лавочку.*

Каким же образом можно убедить аристократию принять принцип общности? – Так же, как и Иисус Христос: проповедуя, устно и письменно, дискутируя, уговаривая, убеждая богатых и бедных, пока все – народ, избиратели, законодатели и правители – не признают принципа общности. Для народа еще мало желать реформу и даже совершить революцию; нужно в первую очередь иметь систему, принципы, учение, политическую религию; недостаточно еще называть себя *гражданином, братом, демократом, республиканцем* или *коммунистом,* – слова, которые агент-провокатор может произносить так же хорошо, как и всякий другой; следует быть твердо убежденным и твердо уверенным; следует хорошо знать и хорошо понимать, – и самый великий гений не сумеет сделать булавку, если он не учился этому ремеслу; следует, наконец, иметь решимость выполнить все свои обязанности вместе с желанием и волей осуществить все свои *права.*

Не только теперь народ делал революции: почему же так много революций кончилось неудачей? Не потому ли, что народ не имел определенного учения? Разве революции 1792, 1815, 1830 годов не привели бы к совершенно другому результату, если бы народ хорошо понимал все огромные преимущества общности? И если бы, начиная с 1830 года, весь народ занимался единственно тем, что учился бы и пропагандировал эту систему, то не подвинулись ли бы мы теперь бесконечно дальше!

Но разве не следует в первую очередь обратить богатых? – Без сомнения, и самое полезное было бы начать именно с них, потому что богатые и ученые имеют гораздо больше влияния, чтобы обратить других богатых и даже самих бедных: сколько сторонников завоевали Ламенне и Ламартины, Аржансоны и Дюпон для учения, апостолами которого они себя провозглашали!

Но можно ли надеяться, что богатые будут обращены? – Почему сомневаться в этом? Разве нет богатых – образованных, справедливых, великодушных? Разве Ликурги, Агисы, Солоны, Гракхи, Томасы Моры, Сидней, Гельвеции, Мабли, Тюрго, Кондорсе и тысячи других не принадлежали к аристократии честному и богатому классу? Разве во все эпохи аристократия не доставляла Лафайетов, Аржансонов и тысячи других блестящих исключений? Разве среди женщин и молодежи аристократии нашего времени не найдется ни одна душа, горящая священной любовью к человечеству, делу поэтому, к делу, все вы, богатые и бедные, которые признают общность! Дискутируйте, проповедуйте, обращайте, пропагандируйте! Собирайте все мнения и все доказательства, которые могут облегчить обращение других! Я начал: другие могут сделать лучше, чем я.

И никаких заговоров, никаких заговорщических обществ, всегда склонных к нетерпению и раздору! Никаких задних мыслей! Только дискуссия!

Не нужно даже частичных опытов общности, успех которых принесет мало добра, но неудача которых, почти несомненная, принесла бы очень много зла! Одна только пропаганда, и всегда пропаганда, пока масса не примет принцип общности!

Но если аристократия не захочет его никогда принять? – Это невозможно! Если общность химера, то уже одной дискуссии будет достаточно, чтобы осудить ее, и сам! народ отвергнет ее, чтобы принять другую систему, но если это учение есть сама истина, она будет иметь многочисленных сторонников в народе, среди ученых, в аристократии, и чем больше она будет иметь их, тем больше она будет завоевывать их каждый день, в то время как Англия и Америка будут каждый день делать новые завоевания для других народов, как и для себя самих. К общности будущего, одной лишь силой разума и истины! И как бы медленно общественное мнение ни добивалось своего торжества, оно всегда добьется его скорее и решительнее, чем это сделало бы насилие!

И мое убеждение в этом настолько глубоко, что, если бы я держал революцию в своей руке, я оставил бы ее закрытой, даже если бы мне пришлось умереть в изгнании!

Таковы мои *принципы* касательно общности.

Быть может, пожелают искать в моем произведении *намеков,* ибо как можно не найти намеков в исторических и философских исследованиях, когда Ришелье требовал только пяти любых строк письма человека, чтобы найти в них преступление, за которое можно повесить человека! Но я приобрел, думаю, право претендовать, чтобы не сомневались ни в моем мужестве, ни в моей прямоте, и я заявляю как друзьям, так и врагам, что во всей критической части моей работы я ставил себе целью только указать пороки всех *социальных и политических организаций,* не желая делать ни одного личного намека.

Люди всех партий, изучайте проблему общности; ибо это вопрос *счастья,* первый и самый важный вопрос, вопрос, который содержит все другие вопросы нравственности, философии, политической экономии и законодательства! Не было ли бы ребячеством скорбеть по поводу *недугов* человеческого рода, не исследуя их *причины* и не отыскивая *лекарства* против них! Не было ли бы смешно заниматься только описанием недостатков народа и давать ему бесплодные советы, не увещевая властителей лечить зло справедливостью и человечностью!

Люди всех партий, религиозных или политических, послушайте Гизо в его книге о Религии *в современных обществах.*

«Это *в духе времени – оплакивать положение народа... но это правда; невозможно смотреть без глубокого сожаления на такое множество несчастных человеческих* созданий. *Это прискорбно, очень прискорбно видеть, очень прискорбно думать об этом; и* всё же *нужно об этом думать, думать очень много, ибо забыть это было бы серьезной ошибкой и серьезной опасностью».*

Дайте же лекарство! лекарство! лекарство!!!

Эгоисты, изучайте этот вопрос, ибо речь идет о вашем собственном интересе!

Добрые отцы и матери, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастьи ваших детей и вашего потомства!

Благородные друзья народа, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастьи бедноты и народа!

Благородные филантропы, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастьи всего человечества!

ДЕЗАМИ Т.
Кодекс общности[1]
Глава II.
Основные законы

<…> *Основными* называются определенные законы, составляющие первооснову, на которой зиждется все социальное здание, центральную ось, с которой связаны и вокруг которой располагаются все другие законы.

Не следует смешивать основные законы с законами конституционными. Конституционные законы, или *конституции,* являются делом *политики;* они подвергаются изменениям и носят временный характер. *Основные* законы, напротив, *вечны я неизменны;* они возникли раньше любого политического строя и более совершенны, ибо исходят от самой природы. Миссия законодателя состоит только в том, чтобы их изыскать, распознать и затем предать гласности.

<…> Природа самим устройством *человеческого организма* и созданием *продуктов* указывает, что *продукты* должны *использоваться и потребляться че-*

[1] *Дезами Т. Кодекс общности. М. 1956. С. 83-103, 108-127, 128-243, 163-169, 263-270, 270-292, 295-300.*

ловеком. И, так как у каждого человека своя организация, то каждый должен соответственно *использовать и потреблять* продукты.

Между тем каждое производство основано на труде. *Все,* кто пользуются общественными продуктами, должны, стало быть, *участвовать в труде.* И, так как общество представляет собой, как мы уже сказали, солидарное объединение, противостоящее всем неблагоприятным случайностям и всем видам отсталости, так как в нем совершается взаимный обмен услугами, слияние всех желаний, всех интересов, всех дарований и всех усилий, то, заявляем мы, отсюда следует, что, если мы желаем подчиниться законам природы и полностью осуществить принцип ассоциации, мы должны начать с превращения земли и всех продуктов в одно крупное, единое общественное *владение.*

<…> *Общность! Общность!* – все, что есть хорошего, прекрасного, сжато, изложено в одном этом слове. Требовать более возвышенного выражения социального порядка и способности к совершенствованию, – не значит ли убаюкивать себя опасной иллюзией, гоняться за пустой, несбыточной мечтой?

Да, повторяю, самоотверженность, несомненно, прекрасна, но она мало свойственна нашей природе: это состояние лихорадочное, бурное, неестественное и может длиться только в критические моменты. <…>

Глава III.
Распределительные и экономические законы

<…> Как это установлено мною в предшествующей главе, люди, будучи *равны по праву,* должны, следовательно, быть *равны на деле;* они должны пользоваться не тем нелепым и мелочным равенством, состоящим в том, чтобы *выдавать гражданам паек,* подобно тому, как сейчас выдают паек солдату, заключенному, а равенством свободным, щедрым и разумным, которое возвышает нашу мысль и придает ей широту, укрепляет наши привязанности и в равной мере *наполняет все сердца неизменными чувствами признательности и участия.* Так вот, это подлинное равенство, как мы уже сказали, возможно только при строе общности. Посмотрим *же* сейчас, какими средствами возможно наиболее действенным образом заставить гармонически функционировать строй, основанный на принципе общности, строй, долженствующий предоставить в будущем всем людям единственные подлинно драгоценные блага, а именно – *здоровье, мир и безопасность,* из коих с необходимостью проистекает нравственность и, следовательно, *счастье!*

Для того чтобы все совершалось в добром порядке, важно, прежде всего, разделить большое *национальное или социальное сообщество* на такое количество коммун, чтобы их территории были как можно более одинаковыми, наиболее правильными и наиболее близко расположенными одна от другой. Все эти небольшие *коммуны* свяжутся между собой и образуют объединения, или серии коммун, в соответствии с географическим положением и характером местностей. Так, *определенное число коммун составит провинцию, определенное число провинций составит республику и, наконец, все различные республики, вместе взятые, составят великую всечеловеческую общность.*

Когда эта операция будет завершена, тогда речь будет идти о том, чтобы позаботиться о жилище для граждан.

После всего сказанного мною читатель может подумать, что я считаю необходимым сохранить принцип городов-столиц, городов – центров провинций и городов – центров коммун, а, может быть, также местечек, сельских местностей и т. д., – словом, всю старую территориальную иерархию. Это меньше всего соответствует моей мысли. Я убежден, что этот вопрос не подлежит даже обсуждению: вопрос этот предполагается решенным одним из наших основных законов (о равенстве): *при строе общности должны существовать только коммуны.*

<…> Но вот возникает новый вопрос: «Каковы будут размеры каждой коммуны и число ее жителей?» Хотя количество населения подвержено изменениям, хотя оно впоследствии неизбежно должно будет беспрерывно меняться и хотя ошибка в этом отношении существенно не меняет основного принципа нашей системы, вопрос этот, тем не менее, представляется мне заслуживающим рассмотрения. После зрелого размышления я пришел к мысли, что в данном случае следует избегать двух неудобств: *громадных размеров* и *уединенности.* Я понял, с одной стороны,

что в слишком маленькой коммуне братское соревнование, республиканское воодушевление, любовь к искусству, наукам, ремеслам, – словом, все благородные страсти могут оказаться стесненными в своем проявлении; с другой стороны, я учитываю, что чрезмерная населенность коммуны может оказаться препятствием для хорошего управления, для хорошего выполнения работ, в особенности сельскохозяйственных, и, кроме того, вызовет некоторые более серьёзные неудобства в отношении организации общественной гигиены, воспитания и т. д. Поэтому я считаю необходимым пока указать цифру в десять тысяч человек. После того, как с этим покончено, вопрос о размере территории представляет собой не более как кадастровую операцию.

Что касается характера и внешнего вида жилищ в коммуне, то я предоставляю архитекторам, врачам, всем компетентным в этом вопросе лицам позаботиться об окончательном плане. Я ограничусь лишь замечанием о необходимости такого расположения жилищ в коммуне, при котором, по мере роста численности населения, было бы легко их постоянно переделывать, соблюдая при этом экономию.

Чтобы дать читателю некоторое представление о чудесной гармонии, заключающейся в самой сущности нашего *режима общности, я* постараюсь вкратце набросать план нашего будущего государства. Заранее предупреждаю, что устанавливаемый мною порядок отнюдь не является неизменным; напротив, он должен будет в большей или в меньшей степени видоизменяться в зависимости от характера местности и от климата.

Жилище будет расположено в центре коммуны. По ее краям будут находиться земли, отведенные под важнейшие культуры, под виноградники, луга, рощи, леса и т. д. Ближе к зданию будут фруктовые сады и огороды; еще ближе – парки, рощицы и другие прелестные насаждения; наконец, четыре великолепные аллеи приведут вас ко дворцу.

Каждая коммуна будет располагать, кроме ручьев и рек, также несколькими каналами и другими водоемами для орошения; этим новым благодеянием все они будут обязаны санитарному труду.

Таким образом, вся территория будет превосходно орошена; будут приняты все меры для производства весьма полезных осушительных работ. Но особенно большую помощь искусство окажет природе в украшении дворца как внутри, так и вокруг него, чтобы всё это стало очаровательным местопребыванием. Дворец составит обширный четырехугольник.

<…> Создать *удобное, полезное, приятное, гигиеническое* жилое помещение – такой должна быть руководящая идея при постройке дворца коммуны.

Полезное и приятное. Я не говорю в данном случае о необходимом: как можно быть лишенным его в условиях, когда общественное богатство, чудесным образом возросшее в результате хорошей социальной системы и хорошего хозяйственного управления, будет равномерно распределяться между всеми, вместо того, чтобы быть отданным во владение и сосредоточенным в немногих алчных или расточительных руках.

Что касается *полезного* и *приятного,* то *равные* будут находить их каждую минуту, на каждом шагу в своем *труде,* в своем *питании,* в своих развлечениях, в своих занятиях наукой, в своей одежде, в своем жилище. В общественной, как и в частной жизни будут проявляться самые нежные и самые разумные заботы о том, чтобы люди были постоянно обеспечены всеми видами комфорта. Живописный и разнообразный ландшафт, чистый воздух, изобилие всякого рода целебных растений и душистых, благоухающих цветов, которые будут одинаково осенять все части дворца, – как много уже в одном этом ценных преимуществ!

Благоприятные условия для здоровья. Какое другое жилище может в большей мере, чем наше жилище в унитарной коммуне, претендовать на благоприятные для здоровья условия! Все сказанное мною до сих пор неизменно доказывает эту истину и не оставляет ни малейшего сомнения даже у людей наименее сообразительных. Что же будет тогда, когда читатель составит себе точное представление о неисчислимых возможностях комбинированного действия всех наших институтов системы общности? Когда он полностью убедится в том, что повсюду будет царить самая образцовая чистота, что изящные и удобные водопроводы сделают невоз-

можным более, чтобы вода и стоки нечистот застаивались; что паровые насосы будут беспрерывно удалять все виды нечистот?

Прибавим к этому, что содержание жилых помещений будет чрезвычайно облегчено, когда при режиме общности упразднят раздельное хозяйство. Одним из важнейших завоеваний *унитарного принципа* (этого, возможно, и не подозревают!), бесспорно, будет замена *одной большой кухней* двух-трех тысяч кухонь, которые в настоящее время необходимы для такого числа людей, какое составит население *коммуны равных.* В самом деле, что более противоречит законам чистоты и полезности для здоровья, чем отвратительная, бессмысленная и противная система раздельных *хозяйств,* система, основанная на принципе: *каждый у себя и каждый для себя,* и возведенная в наши дни в политическую догму.

Насколько отличным будет *унитарное* хозяйство! Что может быть чудеснее общественной кухни! Усовершенствования, которые не решаются вводить, например, для двух или трех тысяч отдельных кухонь, будут без колебаний предприняты при наличии единой кухни. И каких только чудес можно будет добиться, когда унитарной кухне будет передана хотя бы только незначительная часть тех огромных сбережений, которые явятся результатом упразднения домашнего питания!

В результате этих чудесных усовершенствований крайне упростится труд работников кухни, обязанности которых, таким образом, утратят все то тяжелое и отталкивающее, что в них имеется в настоящее время.

Однако, прежде чем приступить к этой главе, я должен сказать несколько слов об управлении *общим достоянием.*

Так как вследствие упразднения частной собственности вся территория окажется в руках *коммуны,* то коммуна будет обрабатывать ее силами всех своих граждан, собирать все производимое ими в своих житницах, амбарах и т. д. и единообразно осуществлять по всей республике, от одного ее конца до другого, равномерное распределение общественного богатства между всеми коммунами. Ничего не может быть проще такого распределения.

Каждая коммуна направляет в центральное управление общественным достоянием, по меньшей мере один раз в год, бюллетень о собранном урожае, о произведениях промышленного производства и т. д.

Управление тотчас составляет сводку всех бюллетеней, чтобы иметь возможность исчислить размеры всего богатства в целом и сравнить его с богатством и потребностями каждой части. После этого оно открывает счет каждой коммуне на каждый вид продукции с активом и пассивом и записывает по счету каждый вид продукции в кредит или в дебет, в зависимости от того, находится ли он *выше или ниже среднего уровня продукции* или потребностей коммуны.

По окончании этой операции управление указывает, что следует переместить, обозначает места, откуда и куда следует всё это перевозить. За перевозкой наблюдают и ее осуществляют делегируемые для этой цели граждане.

Таким образом, в республике равных, как видим, не будет надобности ни в министрах, ни в министерствах финансов, торговли и т. д. и т. п.; достаточно будет иметь в управлении государством ответственного за отчетность и реестр, чтобы вся наша политическая экономия была отлично налажена и, так сказать, мобилизовала всё общественное достояние. Пусть сравнят с этим столь естественным, простым, а, главное, столь экономным механизмом все более или менее противозаконные, гнусные махинации, являющиеся единственным ресурсом систем управления, базирующихся на неравенстве, и тогда, если найдут в себе смелость, пусть продолжают называть *систему общности утопией!*

Через какое множество рук должно, например, при нынешнем режиме пройти общественное достояние, прежде чем оно поступит в государственную казну! Причем из опыта известно, что когда оно, наконец, поступает туда, то оно уже намного убавилось. «Оно, – гласит народная поговорка, – походит на тот фунт масла, который, ввиду его перехода из рук в руки, в конечном счете, уменьшается до размеров, составляющих меньше одной унции». Какая горькая, убийственная насмешка! Но, увы, она более чем заслужена!

Всё сказанное, как и множество других фактов, которые будут полностью освещены в моей *сравнительной картине* огромной экономии, являющейся необходимым

результатом *общего хозяйства,* разве не дает нам основания заключить, что при режиме *общности* каждая коммуна будет постоянно обильно снабжаться всем *необходимым, полезным* и даже *приятным?* <…>

Глава V.
Промышленные и сельскохозяйственные законы

<…> Нет нужды повторять, что наши общие мастерские, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, будут к тому же постоянно соединять в себе все возможные условия для увеселений и развлечений. Сердечные и веселые разговоры, мелодичная, исполненная радости музыка, наконец, непередаваемое созвучие множества звонких, счастливых голосов, которые будут восторженно сливаться воедино под электризующий звук инструментов! Сколько могучих средств для того, чтобы *сделать восхитительным рабочее время* и открыть все сердца для самых чистых чувств любви и братства!

Но что особенно упрощает до последней степени осуществление нашего промышленного кодекса, – так это то, что большая часть нынешних профессий, наук, искусств, ремесел исчезнет *при режиме общности,* и исчезнет безвозвратно.

Чтобы дать возможность читателю сравнить современный беспорядок и будущий порядок, я сделаю беглый набросок тех изменений в занятиях и тех профессий, которые будут немедленно упразднены вслед за полным и окончательным *установлением унитарной коммуны.*

Профессии, подлежащие упразднению, либо видоизменению

1. Будут *упразднены* профессии уличных паяцев, скоморохов, содержателей помещений для фехтования, кабаре, кафе, игорных и публичных домов.

2. Будут *упразднены* заводы, производящие оружие, кинжалы, стилеты и т. д.

3. *Слесарное ремесло* будет *упразднено* почти полностью, и это будет немалым завоеванием. Сколько существует, между прочим, оград, барьеров и других грубо сделанных затворов, стесняющих и вредных для здоровья, которые с самого начала были необходимым средством режима частной собственности! Разве не постыдным и варварским является один вид этих *решеток между домами,* которые, слоено нехотя, *из милости,* дарят вам *свет, воздух и солнце, подобно* тому, как в древности люди запрещали преступникам пользоваться *огнем и водой?*

Зачем нужна будет вся эта масса предосторожностей, такая затрата сил и средств, раз кража станет совершенно невозможной?

4. *Часовое производство.* Достаточно будет нескольких башенных часов и нескольких солнечных часов, которым очень легко будет тогда придать все желательное *совершенство* и красоту.

5. *Производство дождевых зонтов, деревянных башмаков, шорное производство.* При наличии наших улиц-галерей и наших транспортных средств потребность в этих трех видах производства сократится, по крайней мере, на девять десятых. Из тех же соображений профессия *тряпичника,* представляющая одну из самых отвратительных язв наших крупных городов, окажется *полностью упраздненной.*

6. И этот огромный набор предметов, именуемый *кухонной утварью:* печи, каменные раковины со стоком, ведра, сковороды, котлы, насосы, фильтры, бочки для воды, жестяные изделия, горшки, всевозможные сосуды и т. д. и т. п., будет на 99% *упразднен.*

7. Суды. Хищная порода судопроизводителей, законоведов, судебных исполнителей, нотариусов, стряпчих, адвокатов, экспертов, третейских судей, членов примирительных комиссий и т. д., столь же многочисленных и еще более внушающих страх, чем тучи насекомых, опустошивших некогда Египет, пристающих со всех сторон к *истцу* и неустанно старающихся разжечь взаимную вражду, возбудить процессы и раздоры, также будет *упразднена, упразднена!*

Я уже не говорю об остальной массе судейских чиновников, служащих прокуратуры, мировых судей, секретарей судов и множестве других низших служащих, которым доверена охрана этого мрачного храма, именуемого *Дворцом Правосудия,* и которых система общности вернет к более благородным и более утешительным профессиям, как и множество несчастных вернет к *труду, безопасности, счастью!*

Чтобы составить себе представление обо всем, что есть прискорбного с одной только экономической точки зрения в этой неприятной, выводящей из обычной колеи необходимости в наших современных судах, надо знать, что в одном только Париже ежедневно затрачивается более тысячи рабочих дней на сидение в залах суда и в кабинетах мировых судей, на хождения туда и сюда. И в большинстве случаев именно на рабочего падает этот новый род налога. Рабочий, когда ему приходится вести борьбу против владельца предприятия, чувствует себя еще счастливым, если ему удается избежать уплаты судебных издержек, что бывает не часто.

8. *Лечебная медицина.* Эта наука будет почти полностью *упразднена.* Искусство врачевания и сохранения здоровья будет ограничиваться тогда гигиеной, с которой будут знакомы все, и хирургией, случаи применения которой будут чрезвычайно редки. Какой это будет прогресс сравнительно с нынешним режимом, при котором столь продолжительные и серьезные занятия приносят лишь скудные результаты, вносят так мало улучшений в человеческую природу. И затем (какое святилище гарантировано от общественной деморализации!) искусство исцеления своих братьев, которое должно было бы быть самым чистым из всех видов науки, весьма часто является не более как *гнусным ремеслом,* ибо немало ловких врачей, будучи поставлены перед выбором между своей прямой выгодой и интересами их клиентов, побуждаемые властными потребностями, без всякого стыда опускаются до махинаций, до гнусных спекуляций, вновь и вновь вызывают, так сказать, болезнь, а иногда даже прививают ее; словом, – наживаются на здоровье своих больных, я хочу сказать – на трупах своих жертв!!!

9. *Духовенство.* Полностью и радикально будет *упразднено.*

Подсчитайте, каких расходов стоит в настоящее время не только личный состав духовенства, но и материальная часть: *храмы и церкви,* их содержание, украшение, облачения и т. д., и вы увидите, что огромная экономия средств будет результатом такого упразднения, которое, впрочем, превосходно согласуется со здравой философией!

Система общности – слишком святая и слишком позитивная религия, чтобы была надобность вручать какой бы то ни было касте охрану ее морали. Такое безумие было бы не лишено известных опасностей.

10. *Армия.* К этому сюжету я еще вернусь; сейчас ограничусь указанием на то, – и это все поймут, – что те 10–20 миллионов мобилизованных людей, которых правительства земного шара содержат ценой таких больших затрат, будут выполнять более великую и благородную миссию, чем проводить свою жизнь в *пассивном повиновении* и взаимно истреблять друг друга, подобно диким животным, во имя чуждых им интересов.

11. *Администрация.* Этим общим наименованием обычно обозначают несметное количество всякого рода бюрократов и служащих, *директоров, инспекторов, помощников инспекторов, контролеров в* области политической, финансовой, в области просвещения и т. д., которые, подобно вампирам, впиваются в государственную казну и каплю за каплей высасывают из нее пот и кровь *неимущего пролетария.* Она будет *упразднена.*

12. *Полиция.* То, что этот гнусный пособник *современного строя* является *одной из его необходимостей,* – это понятно; но зачем он нужен при системе *общности,* в условиях которой наши *равные* не инспектируют друг друга и ни в чем друг друга не подозревают, ибо все они питают взаимную любовь и страстно оказывают друг другу неизменную помощь? Кто же испытает страх от того, что будет сломан этот *меч со множеством тайных остриёв,* охрана которого находится в руках одного начальника, а острый его конец – повсюду..., безжалостный меч, беспрерывно поражающий удвоенными ударами все наши общественные и личные свободы! Да, счастливым для всех будет тот день, когда каждый сможет воскликнуть: *Полиция вся целиком упразднена!*

13. *Налоговая система.* Это младшая сестра полиции. Взгляните на нее, сопровождаемую тремя самыми хищными и самыми мерзкими ее сыновьями: *городским ввозным налогом, таможенной пошлиной, косвенными налогами;* их единственное занятие словно состоит в том, чтобы разорять и мучить всех граждан! Взгляните на эту толпу *таможенных досмотрщиков, ревизоров, контролеров* и т.

д., которые, подобно фуриям *у* входа в ад, поджидают вас у ворот каждого города! Взгляните на них: со щупом в руках они *обыскивают, ворошат, подвергают пристрастному осмотру, протыкают, обезображивают, рвут* все ваши вещи, ваш багаж, нимало не заботясь о том, не находится ли случайно среди вещей, которые они с такой неосторожностью подвергают этому *варварскому режиму,* какая-нибудь картина *Корреджо* или *Давида!*

Произнесем же безбоязненно новый смертный приговор: *налоговая система будет полностью упразднена!* <…>

Глава IX.
О браке, отцовстве, семье

<…> Теперь перехожу к вопросу о семье. Мы, как это можно было видеть, не хотим уничтожения родительского чувства. Пусть родители расточают свою любовь детям, ничто этому не препятствует. Я не вижу ничего неудобного в этом. Но что мне кажется чрезвычайно порочным – так это *создание родительского очага,* где система *общности* сможет оказывать только косвенное и даже второстепенное влияние.

При режиме частной собственности домашний очаг, несомненно, необходим, так как государство совершенно не заботится о нуждах ребенка. Но для всякого очевидно, что положение совершенно меняется при режиме общности, который, подобно самой нежной матери, обеспечивает нужды всех людей и беспрестанно опекает всех детей. При режиме частной собственности самый развод есть бедствие, так как, помимо прочих роковых последствий, он еще лишает ребенка одного из родителей, а затем отдает его в руки мачех и наемных лиц. Это замечание в равной мере применимо и ко всему режиму домашнего очага. Каким же образом сторонники этой системы, коммунисты, допускающие развод, не заметили того, что домашний очаг ставит для развода непреодолимые затруднения, которые делают его невозможным? Итак: либо упразднение родительского очага, либо нерасторжимая моногамия; я вызываю их решить эту дилемму!

Из всего этого я заключаю, что непременным следствием установления режима полной *общности* будет *слияние, всех домашних очагов в один большой общественный очаг* и, таким образом, будет нанесен последний удар духу федерализма и неравенства. Что придает в наши дни силу отцовской власти, если не *уход за ребенком, подарки, предоставление всяких благ?* Всё это будет достоянием коммуны, и родители ничего не смогут предложить детям такого, что принадлежало бы только им одним. Это будет величайшая революция, которая приведет к тому, что чувство сыновней любви утратит всё, что в нем сейчас есть исключительного; оно национализируется, распространится на всех, не подвергшись уничтожению, не утратив решительно ничего из того, что делает его возвышенным! Какая же особая привлекательность останется тогда у домашнего очага? Разве вы не видите, что ребенку он скоро покажется слишком тесным и что его будет неудержимо влечь притягательная сила больших объединений и общество детей его возраста? По той же причине почти то же произойдет с чувством отцовской любви.

Я мог бы привести еще много соображений в пользу системы, которая будет радикальным образом унитарной, но эта глава уже и без того несколько длинна. Я закончу ее следующими размышлениями.

В домашних условиях воспитание детей крайне несовершенно и представляет множество неудобств. Каким образом возможно *при дробном хозяйстве* соблюдать все те кропотливые, все те разумные предосторожности, которые придадут новое значение нашему общественному воспитанию? Каким образом возможно организовать в домашнем быту этот превосходный распорядок, эту превосходную гимнастику, которые предохранят от всяких несчастных случаев и в то же время облегчат развитие всех органов?

В родительском доме, например, имеются мебель, камины, вазы и т. д.; не приходится ли там опасаться несчастных случаев, несмотря на все предосторожности, предпринятые матерью?

Разве возможно предоставить ребенку все преимущества гимнастики, а именно – позволить ему совершенно свободно играть, полностью удовлетворять эту необходимую и непреодолимую потребность в движении, которую испытывает

наше тело в процессе роста? Это невозможно в условиях обособленности, ибо для этого необходимы специальные помещения, что потребует колоссальных работ и огромных затрат материалов. Насколько воспитание и обучение станут легкими, приятными, привлекательными, когда все ученики смогут быть разделены и распределены по возрасту, физической силе, по вкусам, дарованиям и способностям! В общем, что касается самых маленьких детей (от одного до пяти лет), то будут предусмотрены самые заботливые, самые разумные меры для того, чтобы при занятиях гимнастикой не приходилось опасаться малейшего несчастного случая. Вообразите, например, обширные, прекрасно проветриваемые и вентилируемые, соответственно времени года, залы, всегда безукоризненно чистые, в которых совершенно отсутствует всякая внешняя мебель, залы, в которых паркет и все неровности будут тщательно обиты мягкими материями; при этих условиях ничто не помешает тому, чтобы предоставить детей всем их причудам.

Какая разница между поколением, воспитанным таким образом, и нынешним поколением! Какая красота! Какая сила! Какая ловкость! Какая энергия! Как быстро человечество пришло бы к долголетию и к совершенствованию своего рода!

Легко понять также, что такого рода воспитание не ограничится физическим совершенствованием; оно, несомненно, окажет влияние на умственные органы, а физическое и умственное совершенствование с необходимостью приведет к моральному совершенствованию!!

Да и как может быть иначе при нашей системе *унитарного воспитания?* Не будет больше слез, не будет принуждения! Исчезнут ежедневные пререкания, так сильно потрясающие хрупкую, легко возбудимую организацию ребенка! Прекратятся эти выговоры, бессмысленные наказания, которые служат только для того, чтобы познакомить ребенка с отвратительной властью грубой силы, чтобы зародить в его юном сердце чувства ненависти и мщения, раболепства и тирании! Отцы и матери, воспитатели детворы, могут не сомневаться в том, что не один крупный преступник получил именно у них первый урок деморализации и развращенности. Полагаю, что я показал отсутствие всякой связи между домашним очагом и общественным воспитанием. Дальнейшие разъяснения, которые будут мною даны в следующей главе, окончательно уяснят эту истину. <…>

Глава X.
Воспитание

<…> Всё проистекает от воспитания: добро, зло, верования, нравы, чувства, привычки. Однако воспитание не основывается только на словах: оно есть результат самого существования общества, краеугольный камень всего здания.

Все философы, все политики во все времена и повсюду понимали, какое огромное влияние оказывает воспитание на существование индивидуума и на процветание государства. Большинство из них (особенно все те, кого я назвал в данной работе) проповедовали общественное, равное, бесплатное воспитание.

Глава XI.
Промышленные армии

<…> Большой привлекательностью унитарной системы является предоставляемая ею возможность удовлетворять вкус к путешествиям, присущий каждому человеку, в особенности в пору его пылкой юности. В настоящее время закрыты все пути для удовлетворения этой внутренней потребности в деятельности, для этого стремления предпринять и осуществить великие дела, которое волнует и мучит молодых людей тем сильнее, чем крупнее их дарование; они умирают со скуки от однообразия выполняемых ими нелепых работ.

В предшествующем веке европеец еще мог разумно попытать счастья в Новом Свете; теперь большинство европейцев находят там только эпидемии, революции и нищету. Что дает молодым людям поступление в армию, где они заглушают и растрачивают пылкую любознательность и избыток энергии, пожирающие их. Ведь солдат путешествует только из одного гарнизона в другой; ему известны только приключения, происходящие в казарме, или то, что он иногда узнает о наших гражданских распрях. Война сама по себе представляет лишь печальное и неприятное занятие, которое дает весьма незначительные шансы к продвижению. Действительно, чем может война удовлетворить потребность в действии и горячие жела-

ния? Военными наградами, крестами, лентами? Но эти пустые погремушки с каждым днем все больше и больше теряют свою первоначальную ценность и обаяние. Подрастающему поколению сама по себе победа, если она не будет связана с идеей возрождения, скоро будет представляться только сквозь призму злосчастья; для этого поколения поле самых героических сражений будет лишь полем резни и жестокости; вместо того, чтобы воздвигнуть на нем *ростральную колонну,* оно насадит там *кипарисовую рощу.*

При строе общности нет ничего легче, как дать выход всей энергии молодежи, удовлетворить ее жажду активности, ту естественную любознательность, которая увлекает ее на свершение больших предприятий и гонит ее в незнакомые края. Каждый путешествует свободно, по своему желанию, ради удовольствия, либо из потребности в движении, разнообразии, с целью ли образовательной, либо с общественно-полезной целью.

Но самая соблазнительная карьера, открывающаяся для всех активно настроенных людей, – это карьера участников промышленных армий, в количестве многих сотен тысяч, многих миллионов людей распространяющихся по всему свету для того, чтобы возделывать землю, способствовать ее плодородию, украшать ее и производить, как по волшебству, чудесные работы, о которых в настоящее время нельзя даже иметь представления. Замена разрушительных армий армиями промышленными является одним из величайших благодеяний, одним из прекраснейших результатов системы общности.

Промышленные армии естественно проистекают из системы общности. То, что теперь, когда нации находятся в состоянии войны и борьбы друг с другом, было бы невозможно, а именно: набор миллиона богатырей промышленности из пятидесяти унитарных республик, каждая из которых поставила бы двадцать тысяч человек, – произойдет само собой, когда все государства будут считать своей первой заботой развитие культуры и украшение земного шара.

Если мы откажемся от предубеждения с бесполезности нашей способности к совершенствованию и бросим беспристрастный взор на землю, то, прежде всего, мы будем поражены, увидев, что земля, обитаемая людьми в течение стольких тысячелетий, все еще остается такой голой, такой пустынной! Но мы тотчас объясним себе это отставание опустошающей ролью армий, которые беспрестанно разрушают и заливают кровью землю, уничтожают, по мере того, как люди воздвигают и противопоставляют их ярости созидательную деятельность человечества. Как случилось, что при виде стольких бедствий филантропам не пришло на ум поставить перед собой задачу объединения *пятисот тысяч человек и более для того, чтобы строить, вместо того, чтобы разрушать!* В предвидении прекрасных последствий от замены опустошающих армий армиями промышленными они пришли бы к необходимости выдвинуть принцип единства, который один способен породить эти армии, и, таким образом, они открыли бы *систему общности.* <…>

БЛАНКИ Л.О.
Коммунизм – будущее общества[1]

Внимательное изучение геологии и истории показывает, что человечество в начале своего развития было разобщено, отличалось крайним индивидуализмом и что через долгий ряд усовершенствований оно должно дойти до строя общности.

Истина эта будет доказана экспериментальным методом, единственно ценным в настоящее время, ибо он положил основание науке.

Наблюдение фактов и неопровержимые выводы из них установят последовательные этапы этого непрерывного хода развития человеческого рода. Ясно станет, что всякий прогресс – это победа коммунизма, всякое отступление –

[1] *Бланки Л.О. Избранные произведения /Пер.с франц.и комм.Ф.Б.Шуваевой. М.: Издательство академии наук СССР, 1952. – С. 197-242.*

это его поражение, что развитие его сливается с развитием цивилизации, что обе эти идеи идентичны; что все проблемы, последовательно поставленные в истории и вызванные потребностями человеческого рода, разрешаются коммунистически, что стоящие теперь перед нами сложнейшие вопросы, вызывающие смятение и угрозу войны, также не могут быть разрешены иначе, если мы не хотим обострить зло и дойти до абсурда.

Все усовершенствования налоговой системы, акцизные сборы, заменившие собой откупщиков налогов, почта, налоги на табак, на соль – все это нововведения коммунистические. Промышленные компании, торговые общества, взаимное страхование всякого рода, даже штемпель; армия, учебные заведения, тюрьмы, казармы – это коммунизм, младенческий, грубый, жестокий, но неизбежный. Ничто не происходит вне этого. Налоги, само правительство – также от коммунизма, конечно, коммунизма худшего вида и, однако, абсолютно необходимого. Идея коммунизма произнесла только первое свое слово. Прежде чем она скажет последнее, она совершенно изменит свой лик. Мы еще только дикари.

Взгляните на последствия современной системы! Низкие цены, а следовательно, изобилие товаров, считается бедствием, разоряющим производителей, доводящим до полного истощения промышленность и торговлю. Политическая экономия открыто освящает это бедствие своими суждениями. Она называет полезностью естественное богатство и стоимостью общественное богатство. Итак, полезность – это изобилие, а стоимость – это редкость. Чем больше полезной стоимости, тем меньше покупной стоимости. О, безумие! Каким образом то, что является благом само по себе, может стать бедствием? Тому причина алчность капитала, требующего себе львиной доли и исчезающего, как только цены отказывают ему в этой доле. Его исчезновение поднимает цены на продукты, тогда капитал возвращается, чтобы половить рыбу в мутной воде.

Голландцы в своих азиатских владениях запрещали разведение перца, мускатного ореха и т. п. и уничтожали в огромном количестве пряности для того, чтобы поддержать высокие цены на рынке» В цивилизованных странах каждый товаропроизводитель желает, чтобы на его продукт цены поднимались, а на все другие падали. Падение цен на муку приводит в отчаяние земледельца, а повышение их приводит в отчаяние промышленника. Разве эта непрерывная социальная борьба не является ужасным обвинением против существующей организации общества?

При коммунистическом строе благо выгодно для всех, а зло ни для кого. Хорошие урожаи – это благословение, плохие – это бедствие. Никто не благословляет то, что вредит другим, и никому не вредит то, что полезно другим. Все сообразуется со справедливостью и разумом. Обилие запасов не влечет за собой промышленных или торговых кризисов. Совсем наоборот, накопление продуктов, неизбежно (ведущее теперь к краху, будет тогда ограничиваться только из-за естественной порчи их.

Бесполезные растения зачастую захватывают пространство на земле в ущерб полезным. Жадный к деньгам, всегда осторожный капитализм постиг силу ассоциации, и это прекрасное орудие прогресса превратилось в его руках в настоящее оружие. Он использует его для уничтожения мелкой и средней промышленности, средней и мелкой торговли.

<...> На останках скромного буржуа подымается более искусный и более страшный, чем старый, патрициат, тройной феодализм – финансовый, промышленный и торговый, попирающий ногами все общество; коварство вместо насилия, карманный вор вместо грабителя с большой дороги.

Таковы предначертания судьбы: перед смертью прошлое нанесет свой последний удар тем самым оружием, которое должно убить его. Этим ударом оно нанесло себе смертельную рану своею собственной рукой. Ассоциация на службе капитала становится бичом, который невозможно долго переносить. Такова привилегия ассоциации – этого славного принципа, способного творить

только добро. А в отношении зла он подобен порошку, истребляющему насекомых. Коснувшись его, отравленные клопы погибают.

Когда пробил час социальной эволюции, все спешит ей на помощь, чтобы облегчить ей роды. Даже исчерпанные, готовые заглохнуть силы, и те, помимо своей воли, оказывают ей содействие. Мы являемся свидетелями любопытного зрелища. На наших глазах развертываются события, предшествующие установлению строя общности.

Что такое взаимная помощь, которая все время получает новое применение и постепенно способствует солидаризации всех интересов? Одна из сторон грядущего переустройства? А ассоциация, эта излюбленная идея нашего времени, эта всеобщая панацея, которой единогласно возносится хвала, что это, если не великое пришествие и последнее слово коммунизма?

Однако никаких иллюзий. Это последнее слово не будет сказано до тех пор, тюка большинство людей коснеет в невежестве. Скорее луна спустится на землю, чем установится система общности без неизбежного для нее элемента – просвещения. Нам так же трудно было бы дышать без воздуха, как ей существовать без образования, являющегося ее атмосферой и ее проводником. Между просвещением и коммунизмом существует такая тесная связь, что одно без другого не сможет сделать шага ни вперед, ни назад. В истории человечества они постоянно шествовали вместе, в одном ряду, и не отдалятся никогда от общей линии до конца своего совместного пути.

Невежество и строй общности – несовместимы, Всеобщее просвещение без коммунизма и коммунизм без всеобщего просвещения одинаково невозможны. При строе общности человека, нельзя обмануть, нельзя провести/ между тем как теперь каждый невежда обманут и является орудием обмана, он раб и является орудием рабства.

Предположите, что в одну прекрасную ночь все солдаты превратились бы в ученых. Я представляю себе, что появление офицеров в казарме на следующее утро являло бы одно из живописнейших зрелищ и что они покинули бы ее по меньшей мере гимнастическим шагом. Помечтайте еще, представьте себе тридцать восемь миллионов французов, превращенных по мановению (волшебной палочки в ученых, подобно солдатам, о которых сказано выше. Через двадцать четыре часа не осталось бы и следа правительства, а в течение месяца строй общности стал бы функционировать полным ходом.

Какой-то безумец, вернее, иезуит, осмелился сказать на одном публичном собрании: «Если бы общество состояло из производителей, из невежественных, но хороших рабочих, оно двигалось бы от эксплуатации к деспотизму, но оно не прекратило бы своего существования. Если бы общество состояло из ученых, не являющихся в какой-либо мере производителями, оно не могло бы существовать».

Этот же человек сказал также: «Я боюсь этой аномалии, этих деклассированных, которых мы ежедневно видим, которые очень образованы, очень умны, но не в состоянии заработать себе на жизнь».

И опять тот же замечательный оратор, «отвергает бесплатное, обязательное и светское обучение как посягающее на свободу и усложняющее централизаторскую систему».

Таковы желания, такова ненависть попов, желания, проистекающие от темноты, от ненависти к просвещению. Война против деклассированных была после государственного переворота сигналом к безжалостной охоте на учителей и светские учебные заведения. Надо ознакомиться с циркулярами префектов этой злосчастной эпохи, чтобы понять замыслы клерикально-монархической реакции.

Свободное обучение оставило бы все воспитание в руках иезуитов. Перед лицом коалиции духовенства и капитала никакая борьба невозможна. Только лишь изменники осмелились бы поддержать обратное мнение. Наконец, проклятие, посланное обществу, состоящему из одних ученых, в достаточной степени вскрывает намерение увековечить кастовый режим; здесь парии ручного труда – там привилегированные работники умственного труда, здесь масса

отупевших – там горсточка отупляющих. Надо обладать большой наглостью или, вернее, большой глупостью, чтобы думать, что народ, состоящий из ученых, не сможет существовать и неминуемо умрет с голоду.

<...> Пусть будущие общественные собрания остерегаются эмиссаров общества Иисуса. Тактика этого общества состоит в том, что во всех клубах оно содержит своих эмиссаров, причем этим сыщикам приказывают маскироваться любым способом для того, чтобы они могли снимать с обсуждения все не угодные преподобным отцам вопросы. Клерикалы заинтересованы в свободном обучении, в том, чтобы наука и ученые были взяты под подозрение, и в объявлении войны деклассированным, иначе говоря, людям образованным и бедным.

Каждый, кто под предлогом свободы и экономии отвергает бесплатное и обязательное обучение и требует свободного обучения, является агентом иезуитов. Пусть он называется республиканцем, революционером, атеистом, или материалистом, социалистом, коммунистом, прудонистом, всем, чем угодно, неважно, каков цвет его маски, – можно, без опасения ошибиться, назвать его приспешником иезуитов. В действительности здравый смысл показывает, что платное и свободное обучение, без вмешательства государства, сводится к тому, что при всемогуществе червонца монополия обучения окажется в руках священников.

<...> Но как задерживается пришествие счастливых дней! Как прискорбны это соперничество и эта нищета! Годы бегут, бесполезные и однообразные, проходят поколения, пожираемые одно за другим чудовищем предрассудка и невежества, преграждающим человечеству путь к обетованной земле, которую оно видит вдалеке, не будучи в состоянии достигнуть ее.

<...> Окажется ли, наконец, революция разумной при своей новой победе или снова пощадит дух зла, которому она до сих пор давала подняться еще более ужасным после каждого его падения? В наших рядах есть предатели, которые при помощи каббалистических угроз, одурачивающих народ, охраняют его, когда он впадает в немилость. При следующей измене будут вопить: «Отмена бюджета на обслуживание религиозных культов», «Отделение церкви от государства». Понимайте: победа католицизма, подавление революции. Пусть же нашим девизом будет: «Отмена религиозных культов, изгнание попов!», и пусть революция не сгибается ни перед просьбой, ни перед угрозой, ни перед лукавством.

Уступка – это смерть. Победоносная республика не будет растрачивать время на бесполезную борьбу. У нее слишком много препятствий, для преодоления которых придется годами держать траншеи открытыми. Нельзя будет забавляться планомерной атакой одной какой-нибудь преграды, которую можно преодолеть попутно. Армия, магистратура, христианство, политический строй – это обыкновенные преграды. Невежество – грозный бастион. Взять преграду можно в один день – для взятия бастиона нужно двадцать лет.

Преграда будет преодолена и разрушена. И все же пройдет еще много времени. И так как строй общности может установиться только лишь на месте разрушенного бастиона, не чего рассчитывать, что это произойдет завтра. Путешествие на луну было бы менее опасной химерой. Однако это – мечта многих нетерпеливых, увы, законно нетерпеливых, мечта, неосуществимая до тех пор, пока не будут преобразованы умы. Воля всей Франции была бы бессильна приблизить час пришествия коммунизма, а попытка забежать вперед окончилась бы только неудачей, что дало бы сигнал к наступлению жестокой реакции.

Все организмы существуют в определенных условиях, и вне этих условий они нежизнеспособны. Строй общности не может быть импровизацией, ибо он будет следствием просвещения, а оно также не может импровизироваться. Не забудем породу вампиров, или, что то же, хамелеонов. Они не исчезнут на другой день после революции, так же как не исчезнет порода доверчивых и простодушных людей, которые обычно являются их добычей.

Они быстро вывернут наизнанку свою одежду. Как грибы после дождя, толпой появятся из-под земли шарлатаны коммунизма, чтобы завербовать

мужчин, тартюфы – чтобы лаской опутать женщин. Как следствие их интриг к ним неминуемо перейдет управление, т. е. распоряжение по их усмотрению общим достоянием. Вся масса невежественных людей станет их добычей и их армией... Совершенно так же, как это происходит теперь, но с последствиями, еще более ужасными, произойдет такое смешение тирании и анархии, что контрреволюция, под влиянием воскресшего страха, будет сокрушительной, и не в течение одного дня, а долгие годы. Это был бы ужасный скачок назад!

К тому же, не безумие ли вообразить, что путем простого кувырканья общество может сразу встать на ноги заново перестроенное? Нет! Так не бывает ни у людей, ни в природе.

Строй общности приближается шаг за шагом, он идет в ногу с просвещением как его спутник и его руководитель, не опережая его и не отставая от него, всегда идя в одном ряду с ним. Он установится в полной силе в тот день, когда, благодаря просвещению, ни один человек не сможет быть одурачен другим. В этот же день никто не захочет терпеть неравенство имуществ. Итак, только коммунизм удовлетворяет этому условию...

Быть может, возразят, что равенство образования вовсе не влечет за собой равенства умственных способностей и что всегда остается неравенство умов, образующее умственную иерархию от гения до ничтожества.

Согласен. Но для самого бедного в умственном отношении человека всестороннее образование будет служить броней, непроницаемой для обмана, под какой бы маской он ни скрывался. Это доказано опытом. Эксплуататор, увидит на лице каждого уничтожающую улыбку, говорящую: «Убирайся, шарлатан!» Убеждение в своем бессилии заставит его оберегать себя от таких неприятностей. Кроме того, так как установленный строй не будет какой-то импровизацией, то порода вампиров успеет приспособиться к нему и подчиниться новой среде. Нечего заблуждаться: братство означает невозможность убить своего брата.

Способность суждения, самая полезная способность человека, лучше всего охраняющая его, защищающая его одновременно и изнутри, и снаружи, от других и от него самого, в настоящее время слишком редкая, получит в результате всестороннего образования такое необычайное развитие, что станет оружием нового общества. Плод опыта и сравнения, она будет черпать в них неведомую силу. Тогда с хитростью будет покончено. Неумолимая проницательность вскроет последние следы ее притворства. Мошенники и дураки перестанут быть двумя большими подразделениями человечества.

Повсюду в легковерии уже пробита брешь. Черная армия еще держит в заточении женщин и детей. Мужчины покидают ее. Сохранить дитя – и потерять взрослого! Пользоваться привилегией иметь у себя постоянно белый лист, на котором так легко начертать неизгладимые впечатления, и видеть, как они потом исчезают, заменяются... тяжелый труд! Какой непреложный приговор! Скорее бы он был выполнен!

Гений останется исключением, но способность к суждению станет общим уделом, и этого будет достаточно, чтобы навсегда свести с трона царящее теперь в мире лицемерие. Тартюфы чувства, тартюфы чистосердечия, тартюфы благодушия, тартюфы преданности, тартюфы сердечности, тартюфы простодушия, тартюфы рыцарства, тартюфы добродетели, тартюфы добродушия, тартюфы доброжелательства, вы подобны омерзительным язвам, – с вас, друзья мои, тотчас же будет сорвана маска, вы будете освистаны, осмеяны, и религиозное лицемерие, самое адское из всех, останется лишь воспоминанием истории, воспоминанием, вызывающим изумление и ужас.

Взоры людей станут столь пронизывающими, что они будут видеть, как сквозь стекло, недостатки и достоинства каждого индивидуума. Придется шагать прямым путем под страхом насмешек и шиканья. А между тем снисходительность будет главной чертой умов, ибо свобода воли, по окончательному решению науки, перестанет существовать. Что касается преступления, то оно исчезнет вместе с капиталом и религией, его отцом и матерью.

Таковы будут, по нашему мнению, последствия всеобщего просвещения. Отметьте, что в этом предсказании коммунизм фигурирует как простое следствие, а не как причина. Он неизбежно будет порожден всеобщим образованием и только им может быть порожден.

Коммунизм упрекают в том, что ему приносится в жертву индивидуум, и в том, что он отрицает свободу. Конечно, если он появится на свет до срока, посредством наложения щипцов, этот жалкий выкидыш заставит людей бежать от него со всех ног и пожалеть о прошлом. Но если он будет сыном науки, кто тогда осмелится обвинять дитя такой матери? И где, к тому же, доказательства, подтверждающие бросаемое ему обвинение? Это лишенная основания клевета, так как обвиняемый еще не жил на свете.

Во имя чего же это высокомерное утверждение? Во имя индивидуализма, беспрестанно уничтожающего в течение тысячелетий и свободу, и личность. Сколько в нашем человеческом роде таких индивидуумов, которых он не превратил бы в илотов и в своих жертв? Быть может, один на десять тысяч! Десять тысяч мучеников на одного палача! Десять тысяч рабов на одного тирана! А еще говорят о свободе! Понятно! Какая-то зловещая иезуитская уловка кроется под этим названием. Разве олигархия не называет себя демократией, вероломство – честностью, резня – умеренностью?

Мы знаем, что такое та свобода, которая восстает против коммунизма; это свобода порабощения, свобода беспощадной эксплуатации, свобода широкой жизни, в которой, как говорит Ренан, народные массы играют роль подножки. Эту свободу народ называет угнетением и преступлением. Он не хочет более питать ее своей плотью и кровью.

Все моралисты и законодатели возводят в принцип положение, что человек обязан жертвовать частью своей свободы ради общества, иначе говоря, что свобода каждого ограничивается свободой другого. Обязательно ли это определение для современного порядка вещей с его двумя категориями – привилегированными и париями? Сколько нужно рабов, чтобы создать свободу? 10, 20, 60, 100, 2 тысячи, 30 тысяч, 100 тысяч? Бесчисленны расценки, многообразно их применение. Лишь связь между ними не меняется.

Всякое покушение на свободу другого нарушает определение, данное ей моралистами, единственно законное определение, остающееся, однако, всегда пустым словом. Оно ведь предполагает существование социального паритета между индивидуумами, из чего следует, что свобода ограничена равенством.

Только полная ассоциация может удовлетворить требования этого верховного закона. Старый порядок топчет его ногами без стыда и жалости. Коммунизм – спасение для индивидуума, индивидуализм – его гибель. Для первого каждый индивидуум священен. Второй считается с ним не больше, чем с земляным червем, и закалывает его в жертву кровавой троице – Лойоле, Цезарю, Шейлоку, говоря после этого флегматично: «Строй общности был бы принесением в жертву индивидуума».

Этот строй нарушил бы пиршество людоедов, это ясно. Но те, за чей счет оно происходит, не будут возражать против этой помехи. А это главное. Впрочем, зачем нам ссориться? Разве речь идет о том, чтобы навязать коммунизм a priori? Нисколько. Мы ограничиваемся предсказанием, что он явится неизбежным результатом всеобщего просвещения. Кто может осудить быстрое развитие просвещения? Если же за ним должно последовать, как правило, пришествие коммунизма, никто не может возразить и слова против этого.

Все призывают к образованию как единственному возможному ответу на загадки социального сфинкса. Нельзя быть вполне уверенным, что этот призыв искренен в устах всех. С этим словом произошло то же, что происходит со всеми словами, которые определяют какую-либо проблему. Сколько партий – столько определений. Для священников – это катехизис, а вовсе не наука, для социалистов – это наука и никакого катехизиса.

Поэтому нет ничего удивительного в этом единодушии голосов. И тем не менее за ним скрывается смертельная борьба. Народу нечего о ней беспокоиться. У него нет задних мыслей, у него нет показных знамен. Он всегда писал

на своем знамени: Свобода, Просвещение, ясно и точно. Клерикализм же, наоборот, после того как он в течение долгого времени предавал эти два слова анафеме, увидев свое бессилие, спохватился и теперь приклеил их к своему знамени, чтобы использовать их престиж в своих целях. Двойной и наглый обман. Но что ему, лишь бьг он мог дурачить людей!

О том, что консерватизм предчувствует, куда ведет распространение просвещения, достаточно громко говорит его союз с врагами просвещения. Нет невежества – нет угнетения! Консерватизм подрыт у основания и борется за продление тьмы, являющейся для него жизненно необходимой средой. Социализму предстоит противоположная задача: он должен добиться, чтобы над простертой ныне ночью раскрылось яркое небо, которое осветило бы его победу, победу справедливости и здравого смысла над злом и глупостью. Тогда его миссия будет выполнена. <...>

Множество ученых, оказавших человечеству услуги, живут и умирают бедняками, оставаясь неизвестными. У них были знания, но не было знаний, необходимых для обогащения, – у них не было ловкости. Ловкость, верховный властитель нашего жестокого общества, является для вампира тем же, чем хоботок для насекомого. Горе тем, кого природа забыла снабдить ею! Они будут служить пищей для царицы наук – науки эксплуатации.

Тысячи избранных чахнут в крайней нищете. Они вызывают ужас и страх у капиталистов. Капиталисты не заблуждаются в своей ненависти. Деклассированные, эта невидимая армия прогресса, являются в настоящее время скрытым ферментом, подымающим массы, не давая им опуститься до состояния маразма. Завтра они превратятся в резервную силу Революции.

1869-1870.

МОРРИС У.
Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия[1]
Глава XI. ОБ УПРАВЛЕНИИ

- Теперь, - сказал я, - мне придется задать вопросы, на которые вам, вероятно, скучно и трудно будет отвечать. Но волей-неволей я должен их коснуться. Какое у вас правительство? Восторжествовал ли, в конце концов, республиканский образ правления, или вы пришли к диктатуре, которую в девятнадцатом веке некоторые предсказывали как окончательный результат демократии?

По-видимому, этот последний вопрос не так уж бессмыслен, раз вы превратили здание парламента в склад для навоза. Где же заседает ваш теперешний парламент?

Старик в ответ весело рассмеялся и сказал:

- Навоз - не худший вид разложения, он помогает плодородию. Хуже грязь иного сорта, которую ревностно защищали когда-то в этих стенах. Теперь, дорогой гость, позвольте сказать вам, что нашему парламенту трудно было бы собираться в каком-либо одном месте, так как наш парламент - весь народ.

- Я вас не понимаю! - сказал я.

- Я так и знал, - кивнул головой старик - Теперь я приведу вас в ужас, сказав, что у нас вообще нет того, что вы, житель другой планеты, назвали бы "правительством".

- Я не так потрясен, как вы думаете, - отозвался я, - ибо имею понятие о том, что представляют собой правительства вообще. Но расскажите мне, как вы управляете страной и как пришли вы к такому положению вещей?

- Конечно, - ответил он, - нам приходится обсуждать разные дела, о которых вы можете меня спросить. И, конечно, не всегда каждый доволен выносимыми по-

---

[1] *Моррис У. Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия Вести ниоткуда. М.: Художественная литература, 1962. С.128-150.*

становлениями. Но также верно, что человек не нуждается в сложной системе правления, при которой армия, флот и полиция заставляют его уступать воле большинства равных ему людей. Такой нажим не нужен ему, чтобы понять, что стену головой не прошибешь. Хотите дальнейших объяснений?

- Да, хочу,- сказал я.

Старый Хаммонд поудобнее устроился в кресле и с бодрым видом взглянул на меня. Я немного смутился, опасаясь сухого ученого доклада. Вздохнув, я приготовился слушать.

- Я полагаю, вы хорошо знаете, что представляла собой система правления в тяжелое старое время?

- Допустим, что знаю, - ответил я.

Хаммонд: - Что являлось тогда правительством? Был ли это парламент или хотя бы часть его?

Я - Нет.

Он. - Не был ли парламент, с одной стороны, своего рода сторожевым органом, заседавшим для охраны интересов высших классов, а с другой стороны, балаганом для обмана народа, которому внушали, будто он имеет голос в управлении своими собственными делами?

Я. - История, кажется, это подтверждает.

Он. - В какой мере народ управлял своими собственными делами?

Я. - Насколько я слышал, парламент иногда был вынужден издавать законы, чтобы легализировать уже происшедшие перемены.

Он. - И это всё?

Я. - Думаю, что да. По моим сведениям, когда народ делал попытки устранить причины своих бед, вмешивался суд и объявлял: это бунт, это мятеж и бог знает что еще, и зачинщиков подобных попыток убивали или подвергали мучениям.

Он. - Если парламент не был тогда правительством и народ тоже им не был, кто же был правительством?

Я. - Не можете ли вы сказать мне это сами?

Он. - Я думаю, мы будем недалеки от истины, если скажем, что правительством был суд, поддерживаемый исполнительной властью, которая управляла при помощи грубой вооруженной силы, и обманутый народ позволял применять ее против себя. Я имею в виду армию, флот и полицию.

Я. - Всякий человек согласится с вами.

Он. - Теперь о суде. Был ли он местом честного разбора дел, в духе современных идей? Мог ли бедный человек найти там защиту своей собственности и своей личности?

Я. - Всем известно, что судебный процесс представлял собой большое материальное бедствие и для богатого человека, даже если он выигрывал дело. Что же касается бедного, то считалось чудом справедливости и необыкновенною милостью, если он, попав в когти закона, избегал тюрьмы и полного разорения.

Он. - Вот почему, сын мой, правление посредством суда и полиции, - а именно так действовало правительство в девятнадцатом веке, - не пользовалось большим уважением даже у людей того времени, которые жили при классовом строе, провозглашавшем неравенство и бедность законом бога и связью, удерживающей мир от распада.

Я. - Это, должно быть, верно.

Он. - И теперь, когда все переменилось и "право собственности", побуждавшее человека хвататься за свои вещи и орать на соседа. "Не дам - это мое!" - когда это право исчезло так бесследно, что нельзя даже шутить на эту тему, может ли такое правительство существовать?

Я. - Не может.

Он. - Да, к счастью! Потому что, для какой же другой цели, как не для ограждения богача от бедняка, сильного от слабого существовало подобное правительство?

Я. - Я слышал, что в обязанности правительства входило защищать граждан от нападения внешних врагов.

Он. - Так говорили, но разве кто-нибудь этому верил? Например, разве английское правительство защищало английских граждан от французов?

Я. - Так говорили.

Он. - А что, если бы, например, французы вторглись в Англию и завоевали ее, разве они помешали бы английским рабочим хорошо жить?

Я (со смехом). - Насколько я могу понять, английские хозяева английских рабочих позаботились о том, чтобы этого не было. Они сами обдирали своих рабочих, как только могли, в свою пользу.

Он. - Но если бы французы завоевали страну, разве они не брали бы с английских рабочих еще больше?

Я. - Едва ли. Тогда английские рабочие умерли бы с голоду и французское завоевание разорило бы самих французов так же, как если бы английские лошади и скот пали от недостатка корма. Поэтому английским рабочим от французского завоевания не стало бы хуже: французы не могли бы брать с них больше, чем брали их хозяева-англичане.

Он. - Это правда, и мы можем признать, что мнимые заботы правительства о защите бедного (то есть полезного) класса от врагов сводятся к нулю. Это естественно, ведь мы минуту назад убедились, что роль правительства заключалась в защите богатых людей от бедных. Но, может быть, правительство защищало от внешних врагов богатый класс?

Я. - Мне не доводилось слышать, чтобы богатый класс общества нуждался в защите. Когда два каких-либо народа воевали между собой, богачи обеих сторон не прекращали совместных спекуляций и даже продавали противнику оружие для убийства своих же граждан.

Он. - Одним словом, если управление государством в целях судебной защиты собственности приводило к разрушению народных богатств, то и военная защита подданных своей страны от нападения другой страны приводила к такому же разрушению богатств.

Я. - Не могу этого отрицать.

Он. - Значит, правительство существовало для разрушения народных богатств?

Я. - Так выходит. А все-таки...

Он. - Что?

Я. - А все-таки в те времена было много богатых людей.

Он. - Ясно ли вам, к чему это должно было привести?

Я. - Скажите мне лучше сами.

Он. - Если правительство постоянно разрушало благосостояние страны, не должна ли была страна обеднеть?

Я. - Без всякого сомнения.

Он. - И вот среди этой нищеты люди, в интересах которых существовало правительство, настойчиво домогались богатства, ни с чем не считаясь.

Я. - Именно так и было.

Он. - Что же должно произойти в бедной стране, где немногие обогащаются за счет остальных?

Я. - Беспредельное обеднение этих остальных. И все эти беды причинялись вредоносным правительством, о котором мы говорили.

Он. - Нет, рассуждать так будет не совсем правильно. Само правительство возникло как естественный плод беспорядочной, бесцельной тирании тех времен. Оно было только орудием тирании. Теперь тирания кончилась, нам такое орудие ни к чему, мы свободные люди. Поэтому у нас нет правительства в прежнем смысле слова. Понятно ли это вам?

Я. - Да, все понятно. Но я хочу расспросить вас, как вы, свободные люди, управляете своими делами?

Он. - С удовольствием отвечу вам, спрашивайте!

Глава XII
ОБ УСТРОЙСТВЕ ЖИЗНИ

- Итак, - сказал я, - что же это за "устройство", которое, по вашим словам, заменило старое правительство. Можете ли вы дать мне о нем какие-нибудь сведения?

- Сосед, - сказал он, - хотя мы и упростили свою жизнь, отбросив многие условности и мнимые нужды, затруднявшие существование наших предков, все же и теперь наша жизнь слишком сложна для того, чтобы я мог подробно объяснить вам на словах, как она устроена. Вы можете понять ее, только живя среди нас. И, в общем, мне легче указать вам то, чего мы не делаем, чем то, что мы делаем.

- Да-а? - неопределенно протянул я.

- Вот в чем дело, - сказал старик. - Мы живем уже около полутораста лет при нашем нынешнем строе. За это время у нас сложились разные традиции и привычки. Они-то и руководят нашими действиями, направленными к общему благу. Нам легко жить, не обкрадывая друг друга. Мы могли бы затевать между собой споры и обирать друг друга, но это было бы для нас труднее, чем воздерживаться от распрей и грабежа. Вот, в кратких словах, основы нашей жизни и нашего счастья.

- Между тем как в старое время, - сказал я, - без распрей и взаимного ограбления было очень трудно прожить. Вы это имеете в виду, объясняя мне "пассивную" сторону хороших условий вашей жизни?

- Да, - сказал он, - это было настолько трудно, что человека, честно поступавшего с соседом, почитали святым и героем, и на него смотрели с уважением.

- При его жизни? - спросил я.

- Нет, после его смерти, - ответил он.

- Но, возвращаясь к настоящему времени, - сказал я, - не станете же вы утверждать, что ни один человек не преступает правил доброго товарищества.

- Конечно, нет, но если совершается проступок, все, до виновного включительно, сознают, что это есть случайное заблуждение друга, а не привычный образ действий человека, ставшего врагом общества.

- Понимаю, - сказал я, - вы хотите сказать, что у вас нет профессиональных преступников.

- Откуда им быть, - ответил он, - если нет класса богачей, чтобы воспитывать врагов государства посредством несправедливостей, совершаемых самим государством?

Я спросил:

- Из ваших слов, сказанных немного раньше, я сделал вывод, что вы отменили гражданское право. Вполне ли это верно?

- Оно само собою сошло на нет, друг мой, - ответил Хаммонд. - Как я говорил, гражданский суд существовал для защиты частной собственности, так как никто не рассчитывал, что можно насильно заставить людей хорошо относиться друг к другу. Когда же частная собственность была отменена, все законы и узаконенные преступления, которые она порождала, тоже пришли к концу. "Не укради!" стало означать: "Хочешь жить счастливо - трудись!" Разве есть необходимость утверждать эту заповедь насилием?

- Хорошо, - сказал я, - это я понял и соглашаюсь с вами. Но как же насчет уголовных преступлений, сопровождаемых насилием. Вы признаете, что они случаются. Разве это не вызывает необходимости в уголовном праве?

- У нас больше нет уголовного права в вашем смысле этого слова, - начал объяснять старик. - Давайте ближе к делу, - посмотрим, как возникают уголовные преступления. В большинстве случаев в прошлое время они возникали как следствие законов о частной собственности, которые препятствовали удовлетворению естественных стремлений всех, за исключением привилегированного меньшинства. Они были результатом всевозможных запретов, вытекавших из этих законов. Все подобные поводы к уголовным преступлениям исчезли. Затем многие акты насилия имели причиной половую извращенность, приводившую к взрывам необузданной ревности и тому подобным несчастьям. Но если вы всмотритесь в это внимательно, то найдете, что подоплекой преступления в большинстве случаев бывала освященная законом идея, что женщина - собственность мужчины, будь-то муж, отец или

брат. Эта идея, конечно, исчезла вместе с частной собственностью, равно как и нелепое представление о "гибели" женщины, в случае если она следует своим естественным желаниям, не считаясь с законом. Этот предрассудок, конечно, был порожден частной собственностью.

Подобной же причиной уголовных преступлений была семейная тирания, которая в прошлом послужила темой стольких романов и опять-таки существовала как печальный результат частной собственности. Само собой разумеется, что со всем этим покончено, с тех пор как семью не сдерживают больше узы принуждения, юридические или общественные, а просто взаимное расположение и привязанность. Каждый волен уйти или оставаться в семье по своему желанию. Кроме того, наши понятия о чести и уважении очень отличаются от прежних. Эксплуатация своего соседа - это путь, теперь закрытый, я надеюсь, навсегда. Человек свободно развивает свои способности в той или иной области, и каждый по возможности поощряет его в этом. Таким образом, мы избавились от "мрачной зависти", которую поэты не без основания дополняют ненавистью. Сколько было вызвано ею горя и даже кровопролития! Люди, легко возбудимые, страстные, то есть энергичные и деятельные, чаще других прибегали к насилию.

- Итак, теперь вы берете обратно ваше утверждение,

что у вас больше не бывает насилия! - со смехом сказал я.

- Нет, - возразил Хаммонд, - я ничего не беру обратно: такие вещи всегда будут случаться. Горячая кровь иногда туманит головы. Мужчина ударит другого, тот возвратит ему удар, и это, если допустить худшее, может повлечь за собой убийство. Но что же дальше? Будем ли мы, соседи, еще ухудшать дело? Неужели мы так плохо думаем друг о друге, чтобы предположить, будто убитый взывает к нам о мести? Мы же знаем, что если бы его только изувечили, то, остыв и хладнокровно взвесив все обстоятельства, он простил бы причинившего ему зло. Разве смерть убийцы вернет к жизни его жертву? Излечит причиненные страдания?

- Да, - сказал я, - но подумайте, не должна ли безопасность общества охраняться каким-либо наказанием?

- Ну вот, сосед! - не без волнения воскликнул старик. - Вы попали в самую точку! "Наказание", которое люди привыкли так мудро обсуждать и так глупо применять, не было ли оно всего лишь проявлением их страха? И им было чего тогда бояться, потому что они, эти правители общества, жили среди опасностей, как вооруженный отряд во вражеской стране. Но у нас, живущих среди друзей, нет причин ни для страха, ни для наказаний. Право же, если бы мы из страха перед случайными и редкими убийствами или случайным, плохо рассчитанным ударом сами стали торжественно и закономерно совершать убийства и применять насилие, мы были бы всего лишь обществом трусливых подлецов. Не так ли, сосед?

- Да, если рассматривать вопрос с этой точки зрения, нельзя с вами не согласиться.

- Но имейте в виду, что, когда совершено какое-нибудь преступление, мы ждем, чтобы преступник по возможности загладил свою вину, и он сам к этому стремится. С другой стороны, допустим, что человек в припадке гнева или минутного безумия совершил насилие. Если мы уничтожим такого человека или причиним ему серьезный ущерб, послужит ли это возмещением обществу? Нет, это будет только добавочный вред.

- Предположим, - сказал я, - что человека тянет к преступлению, например, он каждый год совершает убийство!

- Такие факты нам незнакомы, - промолвил старик. - В обществе, где нет наказания, которого хочется избежать, нет закона, который хочется обойти, за преступлением неизбежно следует раскаяние.

- А более легкие случаи насилия? - спросил я. - Что вы предпринимаете против них? Ведь до сих пор мы с вами говорили о больших трагедиях, не так ли?

И Хаммонд ответил:

- Если преступник не болен и не сумасшедший (в этих случаях он должен быть изолирован, пока не пройдет его болезнь или сумасшествие), ясно, что за проступком должны последовать горе и стыд. Если виновный этого не чувствует, окружающие вразумят его. И тогда все-таки последует некоторое искупление, по край-

ней мере, в виде открытого признания и раскаяния. Казалось бы, легко произнести: "Я прошу прощения, сосед". Но иногда это очень трудно, и пусть так и будет.

- Вы считаете, что этого достаточно? - спросил я.

- Да, - сказал он, - и это все, что мы можем сделать. Если бы мы стали терзать человека, мы обратили бы его раскаяние в озлобление, и стыд за свой проступок уступил бы место надежде отомстить нам за причиненное ему зло. Он будет считать, что искупил наказанием свой проступок и может идти и спокойно грешить вновь! Должны ли мы поступать так бессмысленно? Вспомните Христа: он сперва отменил законное наказание, а потом сказал: "Иди и больше не греши". А кроме того, в обществе равных людей вы не найдете ни одного, кто согласился бы исполнять роль палача или тюремщика, хотя многие готовы стать врачами и сестрами милосердия.

- Значит, вы считаете, что преступление - болезнь, лишь изредка вспыхивающая, и что для борьбы с ней не требуется особого органа юстиции.

- Вот именно, - ответил он, - и, как я вам уже говорил, мы вообще народ здоровый и этой болезнью страдаем редко.

- У вас нет ни гражданского права, ни уголовного, - заметил я. - Но, может быть, у вас существуют законы для торговли, чтобы как-нибудь регулировать товарообмен. Ведь у вас, наверно, производятся расчеты, хотя и нет частной собственности?

- У нас нет индивидуальных расчетов, - объяснил старик. - Вы сегодня уже имели случай в этом убедиться, когда вам понадобилось сделать покупки. Но, конечно, существуют правила, созданные обычаем и изменяющиеся согласно обстоятельствам. Так как эти правила введены по общему соглашению, никому и в голову не приходит их оспаривать. Мы не принимаем никаких мер для подкрепления этих постановлений и поэтому не называем их законами. В судебном процессе, все равно - уголовном или гражданском, - за приговором следует "исполнение", и кто-то должен от этого пострадать. Когда вы смотрите на судью, восседающего в своем кресле, вы можете видеть сквозь него, - как если бы он был из стекла, стоящего за ним полисмена, готового вести жертву в тюрьму, и солдата, готового умертвить живого в настоящую минуту человека. Как вам кажется, приятно ли было бы при таких диких условиях бывать на рынке?

- Очевидно, - ответил я, - рынок превратился бы в поле сражения, на котором множество людей могло бы пострадать, совсем как в бою от пуль и штыков. А из всего того, что я видел, напрашивается вывод, что у вас и крупная и мелкая торговля ведутся так, что представляют собой приятное занятие.

- Вы правы, сосед! - подтвердил Хаммонд. - А впрочем, большинство людей у нас считали бы для себя несчастьем, если бы не могли заниматься изготовлением всевозможных предметов обихода, приобретающих в их руках внешнюю красоту. И так же много среди нас людей, которым нравится управлять домами. Им доставляет подлинное удовольствие быть организаторами и администраторами. Я подразумеваю людей, которые любят следить за порядком, заботиться о том, чтобы ничто не пропадало даром и все шло гладко. Такие люди счастливы своей деятельностью еще и потому, что соприкасаются с реальной действительностью, а не возятся со счетами, соображая, какие поборы можно еще урвать с тружеников, как это делали коммерсанты и приказчики прошлых времен. Ну, а о чем вы меня теперь спросите?

Глава XIII
О ПОЛИТИКЕ

- Какова ваша политика? - спросил я.

- Я рад, - ответил Хаммонд, - что вы задали этот вопрос именно мне. Всякий другой потребовал бы, чтобы вы объяснили, что вы, собственно, хотите узнать, и вас самого засыпали бы вопросами. Мне кажется, я единственный человек в Англии, который понимает, о чем вы хотите спросить. И раз я это знаю, я вам отвечу очень кратко: с политикой дело у нас обстоит превосходно - ее просто нет. И если вы когда-нибудь на основании нашего разговора напишете книгу, поместите это отдельной главой, взяв за образец книгу старого Хорребоу "Змеи в Исландии".

- Хорошо, - согласился я.

Глава XIV
КАК ВЕДУТСЯ ДЕЛА

Мой следующий вопрос был:

- Как складываются ваши взаимоотношения с иностранными государствами?

- Я не стану притворяться, будто не понимаю, что вы имеете в виду, ответил Хаммонд. - И сразу же скажу, что вся система соперничества и борьбы между нациями, которая играла такую огромную роль в жизни цивилизованного мира, исчезла навсегда вместе с социальным неравенством людей.

- Не лишило ли это мир разнообразия красок? - спросил я.

- Почему же? - возразил старик.

- Ведь национальные различия стерлись, - пояснил я.

- Глупости, - довольно резко ответил старик. - Переправьтесь через Ламанш и посмотрите: вы найдете достаточно разнообразия. Пейзаж, здания, еда, развлечения - все не такое, как у нас. Тамошние люди отличаются от наших внешностью, равно как обычаями и взглядами. Одежда граждан тоже более разнообразна, чем в капиталистическую эпоху. Как может способствовать разнообразию или устранить тусклое однообразие насильственное и неестественное объединение нескольких племен или даже народностей, часто плохо ладящих между собой? Потом этих людей называют нацией и начинают разжигать зависть к другим нациям и всякие нелепые предрассудки!

- Да, это к хорошему не ведет, - согласился я.

- Конечно! - обрадовался Хаммонд. - И вы легко поймете, что теперь, когда мы свободны от этого безумия, само разнообразие расовых особенностей в мире делает народы полезными и приятными друг другу, и у них не возникает никакого намерения взаимного ограбления. Все мы стремимся к одному - прожить жизнь с наибольшей пользой. И я должен сказать, что если и возникают ссоры и недоразумения, то - редко между народами разных рас. Следовательно, в этих ссорах меньше безрассудства и их легче уладить.

- Хорошо, - сказал я. - Ну, а политика, связанная с различием мнений в одном и том же обществе? Утверждаете ли вы, что такого различия нет?

- Вовсе не утверждаю, - сердито ответил он. – Но различие мнений по наиболее важным вопросам не вызывает у нас разделения людей на партии, постоянно враждующие между собой из-за несходства взглядов на строение мира и мировой прогресс. Разве не это представляла собою политика?

- Гм, я не совсем в этом уверен.

Он продолжал:

- Сосед, я понимаю, что вы хотите сказать: люди только притворялись, что у них серьезные расхождения. Если бы это было искренне, они не могли бы мирно общаться друг с другом в практической жизни. Они не могли бы вместе есть и пить, торговать друг с другом, вместе спекулировать, вместе обманывать других и должны были бы сражаться при каждой встрече. А это их совсем не устраивало. Игра политических главарей заключалась в том, чтобы обманом или силой заставлять людей платить за роскошную жизнь и изысканные развлечения небольшой клики честолюбцев. Разыгрывать серьезное различие мнений, чему противоречил в действительности каждый их поступок, было вполне достаточно для достижения ими своих целей. Что общего имеет все это с тем, что у нас теперь?

- Надеюсь, что ничего, - сказал я. - Но, боюсь... короче говоря, я слышал, будто политическая борьба свойственна человеческой природе.

- Человеческой природе! - горячо воскликнул старик. - Какой человеческой природе? Природе нищих, рабов, рабовладельцев или природе обеспеченных, свободных людей? Чьей, скажите мне, пожалуйста?

- Да, - сказал я, - мне кажется, что люди поступают различно, в зависимости от обстоятельств.

- Я тоже так думаю, - согласился старик - И опыт показывает, что это именно так. Различие наших взглядов по поводу деловых вопросов и преходящих явлений не может навсегда разделять людей. Обычно практический результат показывает, кто был прав. Решает факт, а не отвлеченное рассуждение. Например, ясно, что трудно сколотить политическую партию, чтобы отстаивать срок, когда произвести

уборку сена в той или другой местности - на этой неделе или на следующей, - если все согласны, что косить надо не позднее, чем через две недели, и каждый может отправиться в луга и удостовериться своими глазами, готова ли трава для покоса.

- И эти разногласия, мелкие и крупные, вы разрешаете, надо думать, волею большинства?

- Конечно, - сказал он, - как же иначе их разрешать? Видите ли, в делах личных, которые не затрагивают благосостояния общества, - например, во что человеку одеваться, что ему есть и пить, что писать или читать, - никаких споров быть не может, и каждый поступает по своему усмотрению. Но когда дело касается интересов всего общества и применение или неприменение какой-нибудь меры затрагивает каждого его члена, решать должен голос большинства, если только меньшинство не возьмется за оружие и не докажет силой, что оно является реальным большинством. Но, конечно, в обществе людей, свободных и равных, это маловероятно, так как в подобном обществе видимое большинство есть и фактическое большинство, и люди, как я заметил раньше, знают это слишком хорошо, чтобы оказывать сопротивление только из упрямства, особенно раз у них была полная возможность изложить свою точку зрения.

- Как же это делается? - спросил я.

- Возьмем для примера какую-нибудь нашу административную единицу - общину, округ или приход: у нас в ходу все эти названия, но, в сущности, разница между ними незначительна, хотя в прошлом она была велика. В таком "районе", как сказали бы вы, соседи решают, что надо создать или уничтожить, например, построить ли новую ратушу, снести ненужные дома, или заменить каменным мостом безобразный железный - тут у вас одновременно и разрушение и созидание. Итак, на ближайшей сходке соседей, или вече, как мы это называем, пользуясь древним языком добюрократических времен, какой-нибудь сосед предложит новое мероприятие. Конечно, если все согласны, прения отпадают, разве только обсуждаются подробности. Равным образом, если никто не поддерживает предложения, дело на время откладывается. Среди здравомыслящих людей это бывает не часто, так как вносящий предложение, конечно, уже посоветовался кое с кем до собрания. Но допустим, что дело предложено и поддержано. Если некоторые из соседей несогласны с предложением, если они, например, считают, что неуклюжий железный мост может еще постоять, и не желают в настоящее время возиться с постройкой нового моста, предложение не голосуют, откладывая обсуждение до следующего собрания, а в промежутке ведется агитация за и против, приводятся различные доводы, некоторые из них даже печатаются, так что каждый может быть в курсе дел. Когда собрание созывают снова, происходят обстоятельные прения,

и в конце концов вопрос голосуют поднятием руки. Если голоса разделились почти поровну, вопрос откладывают до нового обсуждения. Если же перевес одной стороны значителен, запрашивают меньшинство, согласно ли оно подчиниться большинству, что меньшинство часто - даже почти всегда - и делает. В случае отказа вопрос обсуждается в третий раз, и тут, если меньшинство значительно не возросло, оно всегда уступает. Впрочем, мне кажется, есть какое-то полузабытое правило, по которому меньшинство может продолжать отстаивать свою линию. Но, как я говорил, чаще всего люди убеждаются - если не в том, что их мнение неправильно, то хотя бы в том, что им не убедить общину принять его.

- Очень хорошо, - сказал я, - но что происходит, если разница в голосах незначительна?

- В соответствии с нашими принципами и согласно правилу, в подобных случаях вопрос снимается с обсуждения, и даже большинство, если оно так незначительно, должно подчиниться, то есть все остается status quo. Надо сказать, что на деле меньшинство очень редко настаивает на этом правиле и обычно действует дружественно.

- Но знаете ли вы, - сказал я, - что все это очень похоже на демократию? А я думал, что уже много-много лет назад демократию признали смертельно больной.

Глаза старика сверкнули.

- Я согласен, что наши методы имеют этот недостаток. Но что поделаешь! Вы не найдете среди нас ни одного, кто жаловался бы на то, что общество не всегда

дает ему действовать по-своему. Каждый не может иметь такую привилегию. Да и что можно сделать?

- Право, не знаю, - сказал я.

- Я могу представить себе только такие возможности: во-первых, мы могли бы избрать или воспитать группу высокообразованных людей, способных судить по всем вопросам, не советуясь с соседями. Короче говоря, мы могли бы создать для себя то, что называют аристократией ума; во-вторых, в целях сохранения свободы личности мы могли бы вернуться к системе частной собственности и опять иметь рабов и рабовладельцев. Что вы думаете по поводу этих двух возможностей?

- Есть и третья возможность, - сказал я, - устроить так, чтобы каждый человек был совершенно независим от других, и, таким образом, уничтожить тиранию общества.

Он пристально посмотрел на меня, а затем от души рассмеялся. Признаюсь, я присоединился к нему. Успокоившись, он кивнул мне и сказал:

- Да, да, я совершенно согласен с вами, да и все мы согласны.

- Во всяком случае, - сказал я, - меньшинство у вас не чувствует себя подавленно. Возьмем, например, вопрос о постройке моста: никто не обязан работать, если он не согласен с проектом. По крайней мере, мне так кажется.

Старик улыбнулся и сказал:

- Очень остроумно, и все же - это точка зрения жителя другой планеты. Если представитель меньшинства чувствует себя обиженным, без сомнения, он может утешиться, отказавшись участвовать в постройке моста. Но, дорогой сосед, это не очень действенное средство против "обиды", причиненной "тиранией большинства". Ведь в нашем обществе всякое дело либо полезно, либо вредно для каждого члена общества. Например, от постройки моста человек выгадывает, если строительство оказалось полезным, и терпит ущерб, если оно оказалось вредным, независимо от того, приложил он к нему руку или нет. А между тем своим трудом он помог бы строителям. Я не вижу для него никакого утешения, кроме удовольствия сказать: "Я говорил вам!" - если постройка нанесла ему ущерб; а если он получил выгоду, ему остается только молчать. Ужасная тирания - наш коммунизм, а? Народ часто предостерегали от этого "несчастья" в прошедшие времена, когда на одного сытого, довольного человека приходилась тысяча несчастных голодающих. Что же касается нас, мы живем здоровыми и счастливыми при нашей тирании, которую, по правде сказать, ни в какой микроскоп не разглядишь! Не бойтесь, мой друг, мы не станем накликать на себя беды, обзывая наше миролюбие, изобилие и счастье плохими словами, значение которых мы даже забыли.

Он замолк и сидел задумавшись, потом встрепенулся и промолвил:

- Есть ли у вас еще вопросы, дорогой гость? Пока мы с вами беседовали, утро незаметно прошло.

БЕЛЛАМИ Э.
Будущий век[1]

Прежде всего вы должны помнить, <…> что отыскание побудительных стимулов, для того, чтобы приохочивать к труду – еще только одна из целей, которых добиваются в организации нашей армии. Другая цель, столь же важная, заключается в том, чтобы заручиться для разных средних и высших должностей, вроде начальников отдельных групп и главных руководителей наций, людьми признанных способностей, которых самая их карьера обязует держать своих подчиненных на высоком уровне и не допускать упущений. Ввиду этих целей и организована наша рабочая армия. Сперва идет общих разряд простых рабочих, предназначенных для разного рода труда, преимущественно для черной работы. К этому разряду принадлежат новобранцы в течение первых трех лет. Это вроде школы – и очень строгой,

[1] *Беллами Э. Будущий век. Роман / пер. с англ. Л.Гей. – СПб.: Типография Суворина, 1891. – С.111-124.*

где молодых людей учат повиновению, субординации и преданности своему долгу. Уже самое разнообразие работы, исполняемой этим разрядом, препятствует систематическому повышению рабочих по степеням, как это делается потом; однако о труде каждого ведутся отчеты – отличие награждается, а нерадение наказуется. Впрочем, у нас и не в обычай допускать, чтобы, вследствие юношеской ветрености и беспечности, молодые люди портили себе дальнейшую карьеру, и все прошедшие через эту степень без особых серьезных провинностей получают одинаковую возможность избрать себе занятие, какое им более всего по вкусу. Избрав его, они поступают в «учение». Продолжительность выучки различна, смотря по ремеслу или профессии. По окончании выучки, ученики становятся настоящими, самостоятельными рабочими, членами своей гильдии. Не только ведется точный отчет о способностях и усердии каждого ученика, но от среднее вывода этих отчетов за все время выучки зависит его будущее положение среди настоящих рабочих.

Между тем как внутренняя организация различных отраслей промышленности, фабричной и земледельческой, различна, сообразно особым условиям производства, все они сходны в одном – в разделении рабочих на 3 степени, смотря по их способностям, а эти степени во многих случаях подразделяются каждая на два разряда. Смотря по тому, как заявил себя молодой человек во время учения, он назначается рабочим первой, второй или третей степени. Разумеется, только молодые люди недюжинных способностей сразу получают первую степень. Большинство занимают низшие степени и уже потом повышаются – по мере приобретения ими опытности. Повышения производятся в каждой отрасли промышленности через известные сроки, соответствующие продолжительности периода, нужного для обучения данному производству, так что достойные не долго ждут повышения, а с другой стороны никто не может полагаться на прежние свои заслуги, иначе ему грозит опасность понизиться в общем строю.

Одним из преимуществ высшей степени является привилегия, получаемая рабочим, выбирать своей специальностью – ту или иную отрасль, тот или иной процесс производства. Разумеется, стараются, чтобы ни один из процессов не был особенно тяжел, но часто между ними существует большая разница и потому право выбора ценится очень высоко. Насколько возможно, при назначении на работы принимаются во внимание наклонности даже самых слабых рабочих, потому что от этого зависит не только их личное счастье, но и степень их полезности. Но хотя с желаниями рабочих низшей степени и сообразуются, насколько это позволяют требования службы, однако это делается уже после того, как удовлетворены рабочие высших степеней. Такая привилегия выбора предоставляется лучшим рабочим, при каждом новом распределении всех по степеням и разрядам, а когда человек лишается своей степени и переводится в низший разряд, он рискует также переменить род работы, который он любит, на другой, менее ему приятный. Результаты передвижений публикуются в газетах, и те, кто получил повышение, удостаиваются благодарности нации или публично награждаются значком их нового ранга. <…>

Каждая отрасль промышленности имеет свою эмблему, <…> – в виде металлического значка, но такого маленького размера, что вы можете его не заметить вовсе, если не знаете, где он помещается – и в этом значке заключается все, чем отличаются члены армии, за исключением тех случаев, когда для удобства требуется особая форма. Значок одинаков по виду для всех степеней промышленности, но только в третьей степени он железный, во второй – серебряный, а в первой – золотой.

Помимо этого сильного стимула к соревнованию, основанного на том, что высшие должности в государстве доступны рабочим только высшей степени и что положение в армии является единственным средством к отличию для громадного большинства, не претендующего на талант в искусствах, литературе и либеральных профессиях, существуют еще и другие второстепенные, но не менее действенные средства поощрения в виде особых привилегий, льгот, которыми пользуются рабочие высших степеней. Хотя эти привилегии в сущности не важны, но они имеют свойства постоянно поддерживать в каждом человеке стремление достигнуть степени высшей, чем та, на которой он находится.

Весьма важно, чтобы не только хорошие, но и посредственные, и даже слабые рабочие могли питать честолюбивые надежды на повышение. В самом деле, так как число последних гораздо больше, то гораздо важнее, чтобы система чинов скорее всего ободряла слабых рабочих, нежели чтобы она поощряла остальных. На этот-то случай степени подразделяются на разряды. Так как степени и разряды в численном отношении остаются равны при каждом передвижении, то ни в какое время – исключив отсюда должностных лиц и учеников – в низшем классе не находится свыше одной восьмой части всей промышленной армии, да и то большую долю составляют только что кончившие учение, надеющиеся на повышение. Те, кто остается весь срок службы в низшем разряде, образуют лишь незначительную фракцию в промышленной армии, и они столь же мало способны чувствовать свое положение, как и улучшить его.

И раньше даже чем рабочий достиг производства на высшую степень, он может получить, по меньшей мере, вкус к славе. Между тем как для производства требуются общие превосходные отзывы о человеке, как о рабочем, за второстепенное отличие даются почетные отзывы, а также назначаются разного рода награды за частные успехи и удачное исполнение урока в различных отраслях промышленности. Словом, устроено так, чтобы никакая заслуга не оставалась без поощрения.

Что касается небрежного отношения к работе, безусловно дурной работы и явной нерадивости со стороны людей, не способных к высоким порывам, то дисциплина промышленной армии слишком строга, чтобы допускать подобное. Человек, способный исполнять порученное ему дело, но упорно отказывающийся от работы, отрезан от человеческого общества; его сажают на хлеб и воду, покуда он не согласиться трудиться. На низшие должности распорядителей в промышленной армии, то есть в помощники старшин или, выражаясь по вашему, в прапорщики – назначаются люди из числа тех, которые состояли два года в первом разряде первой степени. Но так как выбор пришлось бы делать из слишком обширного контингента, то только первая группа первого разряда подлежит выборам. Таким образом, никто не получает право управлять людьми ранее тридцатилетнего возраста. После того, как рабочий занял известную должность, оценка его, разумеется, зависит уже не от достоинств его личного труда, а от труда его подчиненных. Старшины назначаются из числа помощников старшин, с такой же разборчивостью. При назначении на высшие должности придерживаются другого принципа.

Конечно, такая система постепенных повышений была бы не применима к мелким промышленным предприятиям в ваше время, когда в некоторых из них едва нашлось бы по одному рабочему на каждый разряд. Вы не должны забывать, что при национальной организации труда, все отрасли промышленности ведутся в большом масштабе, при помощи громадного контингента людей, – у нас сотни ваших мастерских или ваших фирм слиты воедино. Именно благодаря широкому масштабу, по которому организованы все наши производства, мы можем перемещать таким образом, чтобы доставлять каждому по возможности самую подходящую для него работу. <…>

Доход рабочего ни в каком отношении не зависит от его чина, а материальная забота никогда не прибавляет горечи к его разочарованию; наконец, рабочие часы коротки, отдых правилен и всякое искусственное поощрение прекращается в сорок пять лет, когда человек достиг среднего возраста.

<…> Вы должны понять, что такое предпочтение, оказываемое более способным рабочим, сравнительно со слабыми, никоим образом не нарушает основной идеи нашей социальной системы – что все, кто прилагает наибольшие старания, одинаково достойны, велик или не велик результат их стараний. Система устроена таким образом, чтобы поощрять и слабого, и сильного надеждой на повышение; между тем, если сильнейшие избираются в начальники, то это отнюдь не обида для слабых, это делается в интересах общего блага. Но хотя соревнование и служит побудительным средством при нашей системе, не думайте однако, чтобы мы считали этот мотив действительным для более благородных натур или достойным их. Подобные люди находят достаточно сильные стимулы в самих себе, а не ищут их вне себя, и измеряют свой долг своим собственным дарованием, а не чужим. Раз их труд соответствует их силам, они сочли бы неразумным ожидать похвал или пори-

цаний на том основании, что эти результаты оказались бы велики или малы. Для таких натур соревнование является нелепым с философской точки зрения и достойным презрения в нравственном отношении, потому что влечет за собой зависть к успехам других и торжество над их неудачами.

Но не все люди даже в последний год XX столетия принадлежат к этому высшему разряду, и поощрения к труду, нужные для остальных, должны быть приспособлены к их низменным натурам. На них-то и действует соревнование пришпоривающим образом. Кому нужен этот стимул, тот уже почувствует его. Но кто стоит выше его влияния, тот и сам в нем не нуждается.

<…> Для людей слишком слабых в физическом и умственном отношении, чтобы стоять в рядах общего строя рабочих, мы имеем особый разряд, нечто вроде инвалидной команды, членам которой предназначаются легкие обязанности, соразмерные их силам. Все наши немощные душой и телом, все глухие и немых, хромые, слепые и калеки, даже сумасшедшие, принадлежат к разряду увечных и носят его значок. Наиболее сильные исполняют часто работу обыкновенного взрослого мужчины; слабейшие, конечно, ничего не делают; но ни один человек, который в состоянии что-либо делать, не захочет совершенно отказаться от труда. Даже умалишенные, в свои светлые минуты охотно делают что могут.

<…> Право человека сидеть за общим столом нации зависит от того факта, что он человек, а не от его здоровья и его сил, покуда, конечно, он прилагает все старания к труду.

<…> Если бы можно было дать вам в одной фразе ключ к тайнам нашей цивилизации, в сравнении с цивилизацией вашего века, я сказал бы, что этот ключ состоит в солидарности нации и братства между людьми; для вас это пустые фразы, а по нашему разумению эти чувства образуют связь, такую же крепкую и жизненную, как и кровное братство.

<…> Но даже оставив в стороне это соображение, я не понимаю, почему вас так удивляет, что людям, не способным работать, предоставляется полное право жить трудами тех, кто может работать. Даже в ваше время повинность военной службы для защиты нации – повинность, которой соответствует наша служба в рабочей армии и которая была обязательна для людей, способных к ней, не лишала, однако, прав гражданства остальных лиц, не годных к военной службе. Они оставались дома, пользовались защитой тех, кто шел на войну, и никто не оспаривал их право на это, никто не порицал их. Так и теперь, требование службы в промышленности от тех, кто способен нести ее, отнюдь не лишает прав и привилегий гражданства тех, кто не может трудиться. Рабочий – гражданин не потому, что он работает, а работает он потому – что он гражданин. Как вы признавали обязанностью сильного сражаться за слабого, так и мы теперь, когда войны миновали, признаем обязанностью сильного работать для слабейшего.

<…> Такое решение не захватывает всего, а только часть предмета – не есть решение; так и наше решение проблемы человеческого общества не было бы вовсе решением, если бы оно исключало хромых, больных и слабых и бросило их на произвол судьбы, как животных. Лучше бы уж оставить не обеспеченными сильных и здоровых, нежели этих страждущих и обремененных, о которых должно болеть сердце каждого. <…> Следовательно, право каждого мужчины, каждой женщины, каждого ребенка на средства к существованию зиждется на той прямой и неоспоримой, широкой и простой основе – что они члены одной и той же человеческой семьи. Единственная ходячая монета у нас – это подобие Бога, и всякий, кто сотворен по образу и подобию божьему, имеет право на все, что мы имеем.

МАЯКОВСКИЙ В.

Клоп[1]

VIII

Гладкие опаловые, полупрозрачные стены комнаты. Сверху из-за карниза ровная полоса голубоватого света. Слева большое окно. Перед окном рабочий чертежный стол. Радио. Экран. Три-четыре книги. Справа выдвинутая из стены кровать, на кровати, под чистейшим одеялом, грязнейший Присыпкин. Вентиляторы. Вокруг Присыпкина угол обгрязнен. На столе окурки, опрокинутые бутылки. На лампе обрывок розовой бумаги. Присыпкин стонет. Врач нервно шагает по комнате.

Профессор

(входит)

Как дела больного?

Врач

Больного – не знаю, а мои отвратительны! Если вы не устроите смену каждые полчаса, – он перезаразит всех. Как дыхнет, так у меня ноги подкашиваются! Я уж семь вентиляторов поставил: дыхание разгонять.

Присыпкин

О–о–о!

Профессор бросается к Присыпкину.

Присыпкин

Профессор, о профессор!!!

Профессор тянет носом и отшатывается в головокружении, ловя воздух руками.

Присыпкин

Опохмелиться...

Профессор наливает пива на донышко стакана, подает.

Присыпкин

(приподнимается на локтях. Укоризненно)

Воскресили... и издеваются! Что это мне – как слону лимонад!..

Профессор

Общество надеется развить тебя до человеческой степени.

Присыпкин

Черт с вами и с вашим обществом! Я вас не просил меня воскрешать. Заморозьте меня обратно! Во!!!

Профессор

Не понимаю, о чем ты говоришь! Наша жизнь принадлежит коллективу, и ни я, ни кто другой не могут эту жизнь...

Присыпкин

Да какая же это жизнь, когда даже карточку любимой девушки нельзя к стенке прикнопить? Все кнопки об проклятое стекло обламываются... Товарищ профессор, дайте опохмелиться.

Профессор

---

[1] *Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. ИХЛ. М., 1969. С.639-647.*

(наливает стакан)
Только не дышите в мою сторону.

Зоя Березкина входит с двумя стопками книг. Врачи переговариваются с ней шепотом, выходят.

Зоя Березкина
(садится около Присыпкина, распаковывает книги)
Не знаю, пригодится ли это. Про что ты говорил, этого нет, и никто про это не знает. Есть про розы только в учебниках садоводства, есть грезы только в медицине, в отделе сновидений. Вот две интереснейшие книги приблизительно того времени. Перевод с английского: Хувер – "Как я был президентом".

Присыпкин
(берет книгу, отбрасывает)
Нет, это не для сердца, надо такую, чтоб замирало...

Зоя Березкина
Вот вторая – какого-то Муссолини: "Письма из ссылки".

Присыпкин
(берет, откидывает)
Нет, это ж не для души. Отстаньте вы с вашими грубыми агитками. Надо, чтоб щипало...

Зоя Березкина
Не знаю, что это такое? Замирало, щипало... щипало, замирало...

Присыпкин
Что ж это? За что мы старались, кровь проливали, когда мне, гегемону, значит, в своем обществе в новоизученном танце и растанцеваться нельзя?

Зоя Березкина
Я показывала ваше телодвижение даже директору центрального института движений. Он говорит, что видал такое на старых коллекциях парижских открыток, а теперь, говорит, про такое и спросить не у кого. Есть пара старух – помнят, а показать не могут по причинам ревматическим.

Присыпкин
Так для чего ж я себе преемственное изящное образование вырабатывал? Работать же я ж и до революции мог.

Зоя Березкина
Я возьму тебя завтра на танец десяти тысяч рабочих и работниц, будут двигаться по площади. Это будет веселая репетиция новой системы полевых работ.

Присыпкин
Товарищи, я протестую!!! Я ж не для того размерз, чтобы вы меня теперь засушили. (Срывает одеяло, вскакивает, схватывает свернутую кипу книг и вытряхивает ее из бумаги. Хочет изодрать бумагу и вдруг вглядывается в буквы, перебегая от лампы к лампе.) Где? Где вы это, взяли?..

Зоя Березкина
На улицах всем раздавали... Должно быть, в библиотеке в книги вложили.

Присыпкин
Спасен!!! Ура!!! (Бросается к двери, как флагом развевая бумажкой.)

Зоя Березкина
(одна)
Я прожила пятьдесят лет вперед, а могла умереть пятьдесят лет назад из-за такой мрази.

IX

Зоологический сад. Посредине на пьедестале клетка, задрапированная материями и флагами. Позади метки два дерева. За деревьями клетки слонов и жирафов. Слева клетки трибуна, справа возвышение для почетных гостей. Кругом музыкант ы. Группами подходят зрители. Распорядители с бантами расставляют подошедших – по занятиям и росту.

Распорядитель
Товарищи иностранные корреспонденты, сюда! Ближе к трибунам! Посторонитесь и дайте место бразильцам! Их аэрокорабль сейчас приземляется на центральном аэродроме. (Отходит, любуется.) Товарищи негры, стойте вперемежку с англичанами красивыми цветными группами, англосаксонская белизна еще больше оттенит вашу оливковость... Учащиеся вузов, – налево, к вам направлены три старухи и три старика из союза столетних. Они будут дополнять объяснения профессоров рассказами очевидцев.

Въезжают в колясках старики и старухи.

1-я старуха
Как сейчас помню...

1-й старик
Нет – это я помню, как сейчас!

2-я старуха
Вы помните, как сейчас, а я помню, как раньше.

2-й старик
А я как сейчас помню, как раньше.
3-я старуха
А я помню, как еще раньше, совсем, совсем рано.

3-й старик
А я помню и как сейчас и как раньше.

Распорядитель
Тихо, очевидцы, не шепелявьте! Расступитесь, товарищи, дорогу детям! Сюда, товарищи! Скорее! Скорее!!

Дети
(маршируют колонной с песней)
Мы здорово
учимся
на бывшее "ять"!
Зато мы
и лучше всех
умеем
гулять.
Иксы
и игреки
давно
сданы.
Идем
туда,

где тигрики
и где
слоны!
Сюда,
где звери многие,
и мы
с людьём
в сад
зоологии
идем!
идем!!
идем!!!

Распорядитель
Граждане, желающие доставлять экспонатам удовольствия, а также использовать их в научных целях, благоволят приобретать дозированные экзотические продукты и научные приборы только у официальных служителей зоосада. Дилетантство и гипербола в дозах – смертельны. Просим пользоваться только этими продуктами и приборами, выпущенными центральным медицинским институтом и городскими лабораториями точной механики.

По саду и театру идут служители зоосада.

1-й служитель
В кулак
бактерии
рассматривать глупо!
Товарищи,
берите
микроскопы и лупы!

2-й служитель
Иметь
советует
доктор Тоболкин
на случай оплевания
раствор карболки.

3-й служитель
Кормление экспонатов –
незабываемая картина!
Берите
дозы
алкоголя и никотина!

4-й служитель
По и те алкоголем,
и животные обеспечены
подагрой,
идиотизмом
и расширением печени.

5-й служитель
Гвоздика огня
и дымная роза
гарантируют
100
процентов

склероза.
6-й служитель
Держите
уши
в полном вооружении.
Наушники
задерживают
грубые выражения.

Распорядитель
(расчищает проход к трибуне горсовета)
Товарищ председатель и его ближайшие сотрудники оставили важнейшую работу и под древний государственный марш прибыли на наше торжество. Приветствуем дорогих товарищей!

Все аплодируют, проходит группа с портфелями, степенно раскланиваясь и напевая.

Все

Службы
бремя
не сморщило нас.
Делу –
время,
потехе –
час!
Привет вам
от города
храбрые ловцы!
Мы вами
г – о – рды,
мы –
города отцы!!!

Председатель
(входит на трибуну, взмахивает флагом, всё затихает)
Товарищи, объявляю торжество открытым. Наши года чреваты глубокими потрясениями и переживаниями внутреннего порядка. Внешние события редки. Человечество, истомленное предыдущими событиями, даже радо этому относительному покою. Однако мы никогда не отказываемся от зрелища, которое, будучи феерическим по внешности, таит под радужным оперением глубокий научный смысл. Прискорбные случаи в нашем городе, явившиеся результатом неосмотрительного допущения к пребыванию в нем двух паразитов, случаи эти моими силами и силами мировой медицины изжиты. Однако эти случаи, теплящиеся слабым напоминанием прошлого, подчеркивают ужас поверженного времени и мощь и трудность культурной борьбы рабочего человечества. Да закалятся д – у – ши и сердца нашей молодежи на этих зловещих примерах! Не могу не отметить благодарностью и предоставляю слово прославленному нашему директору, разгадавшему смысл странных явлений и сделавшему из пагубных явлений научное и веселое препровождение времени. Ура!!!

Все кричат "ура", музыка играет туш, на трибуну влазит раскланивающийся директор зоологического сада.

Директор
Товарищи! Я обрадован и смущен вашим вниманием. Учитывая и свое участие, я не могу всё же не принести благодарности преданным труженикам союза

охотников, являющимся непосредственными героями поимки, а также уважаемому профессору института воскрешений, поборовшему замораживающую смерть. Хотя я и не могу не указать, что первая ошисжа уважаемого профессора была косвенной причиной известных бедствий. По внешним мимикрийным признакам – мозолям, одежде и прочему – уважаемый профессор ошибочно отнес размороженное млекопитающее к "гомо сапиенс" и к его высшему виду – к классу рабочих. Не приписываю успех исключительно своему долгому обращению с животными и проникновению в их психологию. Мне помог случай. Неясная, подсознательная надежда твердила: "Напиши, дай, разгласи объявления". И я дал: "Исходя из принципов зоосада, ищу живое человечье тело для постоянных обкусываний и для содержания и развития свежеприобретенного насекомого, а привычных ему, нормальных условиях".

Голос из толпы
Ах, кой южас!

Директор
Я понимаю, что ужас, я сам не верил собственному абсурду, и вдруг... существо является! Его внешность почти человеческая... Ну, вот как мы с вами...

Председатель совета
(звонит в звонок)
Товарищ директор, я призываю вас к порядку!

Директор
Простите, простите! Я, конечно, сейчас же путем опроса и сравнительной зверологии убедился, что мы имеем дело со страшным человекообразным симулянтом и что это самый поразительный паразит. Не буду вдаваться в подробности, тем более, что они вам сейчас откроются в этой в полном смысле поразительной клетке.

Их двое – разных размеров, но одинаковых по существу: это знаменитые "клопус норм ал ис" и... и "обывателиус вульгарис". Оба водятся в затхлых матрацах времени. "Клопус нормалис", разжирев и упившись на теле одного человека, падает под кровать. "Обывателиус вульгарис", разжирев и упившись на теле всего человечества, падает на кровать. Вся разница! Когда трудящееся человечество революции обчесывалось и корчилось, соскребая с себя грязь, они свивали себе в этой самой грязи гнезда и домики, били жен и клялись Бебелем, и отдыхали и благодушествовали в шатрах собственных галифе. Но "обывателиус вульгарис" страшнее. С его чудовищной мимикрией он завлекает обкусываемых, прикидываясь то сверчком-стихоплетом, то романсоголосой птицей. В те времена даже одежда была у них мимикрирующая – птичье обличье – крылатка и хвостатый фрак с белой-белой крахмальной грудкой. Такие птицы свивали гнезда в ложах театров, громоздились на дубах опер, под Интернационал в балетах чесали ногу об ногу, свисали с веточек строк, стригли Толстого под Маркса, голосили и зазывали в возмутительных количествах и... простите за .выражение, но мы на научном докладе... гадили в количествах, не могущих быть рассматриваемыми, как мелкая птичья неприятность. Товарищи! Впрочем... убеждайтесь сами!

Делает знак, служители обнажают клетку; на пьедестале клопий ларец, за ним возвышение с двуспальной кроватью. На кровати Присыпкин с гитарой. Сверху клетки свешивается желтая абажурная лампа. Над головой Присыпкина сияющий венчик – веер открыток. Бутылки стоят и валяются на полу. Клетка окружена плевательными урнами. На стенах клетки – надписи, с боков фильтры и озонаторы. Надписи! 1. "Осторожно – плюется!" 2. "Без доклада не входить!" 3. "Берегите уши – оно выражается!" Музыка сыграла туш; освещение бенгальское; отхлынувшая толпа приближается, онемев от восторга.

Присыпкин
На Луначарской улице

я помню старый дом –
с широкой темной лестницей,
с завешенным окном!..

Директор

Товарищи, подходите, не бойтесь, оно совсем смирное. Подходите, подходите! Не беспокойтесь: четыре фильтра по бокам задерживают выражения на внутренней стороне клетки, и наружу поступают немногочисленные, но вполне достойные слова. Фильтры прочищаются ежедневно специальными служителями в противогазах. Смотрите, оно сейчас будет так называемое "курить".

Голос из толпы

Ах, какой ужас!

Директор

Не бойтесь – сейчас оно будет так называемое "вдохновляться".
Скрипкин, – опрокиньте!

Скрипкин тянется к бутылке с водкой.

Голос из толпы

Ах, не надо, не надо, не мучайте бедное животное!

Директор

Товарищи, это же совсем не страшно: оно ручное! Смотрите, я его выведу сейчас на трибуну. (Идет к клетке, надевает перчатки, осматривает пистолеты, открывает дверь, выводит Скрипкин а, ставит его на трибуну, поворачивает лицом к местам почетных гостей.) А ну, скажите что-нибудь коротенькое, подражая человечьему выражению, голосу и языку.

Скрипкин

(покорно становится, покашливает, подымает гитару и вдруг оборачивается и бросает взгляд на зрительный зал. Лицо Скрипкина меняется, становится восторженным. Скрипкин отталкивает директора, швыряет гитару и орет в зрительный зал)

Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалте ко мне! За что ж я страдаю?! Граждане!..

Голоса гостей

– Детей, уведите детей...
– Намордник... намордник ему...
– Ах, какой ужас!
– Профессор, прекратите!
– Ах, только не стреляйте!

Директор с вентилятором, в сопровождении двух служителей, вбегает на эстраду. Служители оттаскивают Скрипкина. Директор проветривает трибуну. Музыка играет туш. Служители задергивают клетку.

Директор

Простите, товарищи... Простите... Насекомое утомилось. Шум и освещение ввергли его в состояние галлюцинации. Успокойтесь. Ничего такого нет. Завтра оно успокоится... Тихо, граждане, расходитесь, до завтра. Музыка, марш!

Конец [1928–1929]

[РЕКЛАМНАЯ ЛЕТУЧКА К СПЕКТАКЛЮ "КЛОП"]

Люди хохочут
и морщат лоб
в театре Мейерхольда
на комедии "Клоп".

* * *

Гражданин!
Спеши
на демонстрацию "Клопа".
У кассы – хвост,
в театре толпа.
Но только
не злись
на шутки насекомого.
Это не про тебя,
а про твоего знакомого.

[1929]

ХАЙЕК ФР.А. ФОН.
Дорога к рабству[1]
II
Великая утопия

Что всегда превращало государство в ад на земле,
так это попытки человека сделать его земным раем.
Ф. Гельдерлин

Итак, социализм вытеснил либерализм и стал доктриной, которой придерживаются сегодня большинство прогрессивных деятелей. Но это произошло не потому, что были забыты предостережения великих либеральных мыслителей о последствиях коллективизма, а потому, что людей удалось убедить, что последствия будут прямо противоположными. Парадокс заключается в том, что тот самый социализм, который всегда воспринимался как угроза свободе и открыто проявил себя в качестве реакционной силы, направленной против либерализма Французской революции, завоевал всеобщее признание как раз под флагом свободы. Теперь редко вспоминают, что вначале социализм был откровенно авторитарным. Французские мыслители, заложившие основы современного социализма, ни минуты не сомневались, что их идеи можно воплотить только с помощью диктатуры. Социализм был для них попыткой "довести революцию до конца" путем сознательной реорганизации общества на иерархической основе и насильственного установления "духовной власти". Что же касается свободы, то основатели социализма высказывались о ней совершенно недвусмысленно. Корнем всех зол общества XIX столетия они считали свободу мысли. А предтеча нынешних адептов планирования Сен-Симон предсказывал, что с теми, кто не будет повиноваться указаниям предусмотренных его теорией плановых советов, станут обходиться "как со скотом".

Лишь под влиянием мощных демократических течений, предшествовавших революции 1848 г., социализм начал искать союза со свободолюбивыми силами. Но обновленному "демократическому социализму" понадобилось еще долгое время, чтобы развеять подозрения, вызываемые его прошлым. А кроме того, демократия, будучи по своей сути индивидуалистическим институтом, на-

[1] *Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. С.25-31.*

ходилась с социализмом в непримиримом противоречии. Лучше всех сумел разглядеть это де Токвиль. "Демократия расширяет сферу индивидуальной свободы, – говорил он в 1848 г., – социализм ее ограничивает. Демократия утверждает высочайшую ценность каждого человека, социализм превращает человека в простое средство, в цифру. Демократия и социализм не имеют между собой ничего общего, кроме одного слова: равенство. Но посмотрите, какая разница: если демократия стремится к равенству в свободе, то социализм – к равенству в рабстве и принуждении"<…>.

Чтобы усыпить эти подозрения и продемонстрировать причастность к сильнейшему из политических мотивов – жажде свободы, – социалисты начали все чаще использовать лозунг "новой свободы". Наступление социализма стали толковать как скачок из царства необходимости в царство свободы. Оно должно принести "экономическую свободу", без которой уже завоеванная политическая свобода "ничего не стоит". Только социализм способен довести до конца многовековую борьбу за свободу, в которой обретение политической свободы является лишь первым шагом.

Следует обратить особое внимание на едва заметный сдвиг в значении слова "свобода", который понадобился, чтобы рассуждения звучали убедительно. Для великих апостолов политической свободы слово это означало свободу человека от насилия и произвола других людей, избавление от пут, не оставляющих индивиду никакого выбора, принуждающих его повиноваться власть имущим. Новая же обещанная свобода – это свобода от необходимости, избавление от пут обстоятельств, которые, безусловно, ограничивают возможность выбора для каждого из нас, хотя для одних – в большей степени, для других – в меньшей. Чтобы человек стал по-настоящему свободным, надо победить "деспотизм физической необходимости", ослабить "оковы экономической системы".

Свобода в этом смысле – это, конечно, просто другое название для власти или богатства. Но хотя обещание этой новой свободы часто сопровождалось безответственным обещанием неслыханного роста в социалистическом обществе материального благосостояния, источник экономической свободы усматривался все же не в этой победе над природной скудостью нашего бытия. На самом деле обещание заключалось в том, что исчезнут резкие различия в возможностях выбора, существующие ныне между людьми. Требование новой свободы сводилось, таким образом, к старому требованию равного распределения богатства. Но новое название позволило ввести в лексикон социалистов еще одно слово из либерального словаря, а уж из этого они постарались извлечь все возможные выгоды. И хотя представители двух партий употребляли это слово в разных значениях, редко кто-нибудь обращал па это внимание и еще реже возникал вопрос, совместимы ли в принципе два рода свободы.

Обещание свободы стало, несомненно, одним из сильнейших орудий социалистической пропаганды, посеявшей в людях уверенность, что социализм принесет освобождение. Тем более жестокой будет трагедия, если окажется, что обещанный нам Путь к Свободе есть в действительности Столбовая Дорога к Рабству. Именно обещание свободы не дает увидеть непримиримого противоречия между фундаментальными принципами социализма и либерализма. Именно оно заставляет все большее число либералов переходить на стезю социализма и нередко позволяет социалистам присваивать себе само название старой партии свободы. В результате большая часть интеллигенции приняла социализм, так как увидела в нем продолжение либеральной традиции. Сама мысль о том, что социализм ведет к несвободе, кажется им поэтому абсурдной.

Характерное смешение свободы и власти, с которым мы еще будем встречаться неоднократно, – слишком сложный предмет, чтобы останавливаться на нем здесь подробно. Это смешение старо как социализм и настолько тесно с ним связано, что еще семьдесят лет назад один французский исследователь, изучавший его на примере трудов Сен-Симона, вынужден был признать, что такая теория свободы "сама по себе уже содержит весь социализм" <…>. Примечательно, что наиболее явным апологетом этого смешения является ве-

дущий американский философ левого крыла Джон Дьюи. "Свобода, – пишет он, – есть реальная власть делать определенные вещи". Поэтому "требование свободы – это требование власти"<…>.

Однако в последние годы доводы о непредвиденных последствиях социализма, казалось бы, давно забытые, зазвучали вдруг с новой силон, причем с самых неожиданных сторон. Наблюдатели один за другим стали отмечать поразительное сходство условий, порождаемых фашизмом и коммунизмом. Факт этот вынуждены были признать даже те, кто первоначально исходил из прямо противоположных установок. И пока английские и иные "прогрессисты" продолжали убеждать себя в том, что коммунизм и фашизм – полярно противоположные явления, все больше людей стали задумываться, не растут ли эти новоявленные тирании из одного корня. Выводы, к которым пришел Макс Истмен, старый друг Ленина, ошеломили даже самих коммунистов. "Сталинизм, – пишет он, – не только не лучше, но хуже фашизма, ибо он гораздо более беспощаден, жесток, несправедлив, аморален, антидемократичен и не может быть оправдан ни надеждами, ни раскаянием". И далее: "было бы правильно определить его как сверхфашизм". Но еще более широкое значение приобретают заключения Истмена, когда мы читаем, что "сталинизм – это и есть социализм в том смысле, что он представляет собой неизбежный, хотя и непредвиденный результат национализации и коллективизации, являющихся составными частями плана перехода к социалистическому обществу" <…>.

Свидетельство Истмена является весьма примечательным, но далеко не единственным случаем, когда наблюдатель, благосклонно настроенный к русскому эксперименту, приходит к подобным выводам. Несколькими годами ранее У. Чемберлен, который за двенадцать лет, проведенных в России в качестве американского корреспондента, стал свидетелем крушения всех своих идеалов, так суммирует свои наблюдения, сопоставляя русский опыт с опытом итальянским и немецким: "Вне всякого сомнения, социализм, по крайней мере на первых порах, является дорогой не к свободе, но к диктатуре и к смене одних диктаторов другими в ходе борьбы за власть и жесточайших гражданских войн. Социализм, достигаемый и поддерживаемый демократическими средствами, – это, безусловно, утопия" <…>. Ему вторит голос британского корреспондента Ф. Войта, много лет наблюдавшего события в Европе: "Марксизм привел к фашизму и национал-социализму, потому что во всех своих существенных чертах он и является фашизмом и национал-социализмом" <…>. А Уолтер Липпманн приходит к выводу, что "наше поколение узнает теперь на собственном опыте, к чему приводит отступление от свободы во имя принудительной организации. Рассчитывая на изобилие, люди в действительности его лишаются. По мере усиления организованного руководства разнообразие уступает место единообразию. Такова цена планируемого общества и авторитарная организация человеческих дел" <…>.

В публикациях последних лет можно найти множество подобных утверждений. Особенно убедительны свидетельства тех, кто будучи гражданами стран, ступивших на путь тоталитарного развития, сам пережил этот период трансформации и был вынужден пересмотреть свои взгляды. Приведем еще только одно высказывание, принадлежащее немецкому автору, который выражает ту же самую мысль, но, может быть, даже более глубоко проникает в суть дела. "Полный крах веры в достижимость свободы и равенства по Марксу, – пишет Петер Друкер, – вынудил Россию избрать путь построения тоталитарного, запретительного, неэкономического общества, общества несвободы и неравенства, по которому шла Германия. Нет, коммунизм и фашизм – не одно и то же. Фашизм – это стадия, которая наступает, когда коммунизм доказал свою иллюзорность, как это произошло в сталинской России и в догитлеровской Германии" <…>.

Не менее показательна и интеллектуальная эволюция многих нацистских и фашистских руководителей. Всякий, кто наблюдал зарождение этих движений в Италии <…> или в Германии, не мог не быть поражен количеством их лидеров (включая Муссолини, а также Лаваля и Квислинга), начинавших как социа-

листы, а закончивших как фашисты или нацисты. Еще более характерна такая биография для рядовых участников движения. Насколько легко было обратить молодого коммуниста в фашиста и наоборот, было хорошо известно в Германии, особенно среди пропагандистов обеих партии. А преподаватели английских и американских университетов помнят, как в 1930-е годы многие студенты, возвращаясь из Европы, не знали твердо, коммунисты они или фашисты, но были абсолютно убеждены, что они ненавидят западную либеральную цивилизацию.

Нет ничего удивительного в том. что в Германии до 1933 г., а в Италии до 1922 г. коммунисты и нацисты (соответственно – фашисты) чаще вступали в столкновение друг с другом, чем с иными партиями. Они боролись за людей с определенным типом сознания и ненавидели друг друга так, как ненавидят еретиков. Но их дела показывали, насколько они были в действительности близки. Главным врагом, с которым они не могли иметь ничего общего и которого не надеялись переубедить, был для обеих партий человек старого типа, либерал. Если для коммуниста нацист, для нациста коммунист и для обоих социалист были потенциальными рекрутами, то есть людьми неправильно ориентированными, но обладающими нужными качествами, то с человеком, который по-настоящему верит в свободу личности, ни у кого из них не могло быть никаких компромиссов.

Чтобы у читателей, введенных в заблуждение официальной пропагандой какой-нибудь из этих сторон, не оставалось на этот счет сомнений, позволю себе процитировать один авторитетный источник. Вот что пишет в статье с примечательным заглавием "Второе открытие либерализма" профессор Эдуард Хейнманн, один из лидеров немецкого религиозного социализма: "Гитлеризм заявляет о себе как о подлинно демократическом и подлинно социалистическом учении, и, как это ни ужасно, в этом есть зерно истины, – совсем микроскопическое, но достаточное для таких фантастических подтасовок. Гитлеризм идет еще дальше, объявляя себя защитником христианства, и, как это ни противоречит фактам, это производит на кого-то впечатление. Среди всего этого тумана и передержек только одно не вызывает сомнений: Гитлер никогда не провозглашал себя сторонником подлинного либерализма. Таким образом, на долю либерализма выпала честь быть доктриной, которую более всего ненавидит Гитлер" <…>. К этому необходимо добавить, что у Гитлера не было возможности проявить свою ненависть на практике, поскольку к моменту его прихода к власти либерализм в Германии был уже практически мертв. Его уничтожил социализм.

Для тех, кто наблюдал за эволюцией от социализма к фашизму с близкого расстояния, связь двух этих доктрин проявлялась со все большей отчетливостью. И только в демократических странах большинство людей по-прежнему считают, что можно соединить социализм и свободу. Я не сомневаюсь, что наши социалисты все еще исповедуют либеральные идеалы и готовы будут отказаться от своих взглядов, если увидят, что осуществление их программы равносильно потере свободы. Но проблема пока сознается очень поверхностно. Многие несовместимые идеалы каким-то образом легко сосуществуют в сознании, и мы до сих пор слышим, как всерьез обсуждаются заведомо бессмысленные понятия, такие, как "индивидуалистический социализм". Если в таком состоянии ума мы рассчитываем заняться строительством нового мира, то нет задачи более насущной, чем серьезное изучение того, как развивались события в других странах. И пускай наши выводы будут только подтверждением опасений, которые высказывались другими, все равно, чтобы убедиться, что такой ход событий является не случайным, надо всесторонне проанализировать попытки трансформации общественной жизни. Пока все связи между фактами не будут выявлены с предельной ясностью, никто не поверит, что демократический социализм – эта великая утопия последних поколений – не только недостижим, но что действия, направленные на его осуществление, приведут к результатам неожиданным и совершенно неприемлемым для его сегодняшних сторонников.

ЯНГ М.
Возвышение меритократии[1]

[…] В основе моей концепции лежит, по меньшей мере, одно убеждение: революций не существует, а есть только медленное накопление непрерывных изменений, которые воспроизводят прошлое, одновременно преобразуя его. Я не имею в виду тысячу и одно изменение в технологии, которые в определенном смысле превратили нынешнее столетие в *вечность.* Я не намерен заниматься подобными общими местами, а стремлюсь показать, что, какими бы странными ни казались нынче предки, на самом деле 21 век соткан на том же станке, что и новоелизаветинские времена. И я буду иллюстрировать свои мысли примерами, относящимися к периоду 1914 и 1963 годов, которыми я занимался в Манчестерском лицее. До сих пор испытываю чувство признательности к преподавателю 6-го класса мистеру Вудкоку, ибо он первый обратил мое внимание на значение этого периода для понимания масштабов прогресса, достигнутого человеком в прошлом столетии. И он был первым, кто познакомил меня с исторической социологией, получившей распространение в тогдашних университетах.

К началу интересующего меня периода, то есть к 1914 году, высшие классы располагали в разумной пропорции своими гениями и своими дебилами, и то же самое наблюдалось среди рабочих. Другими словами, поскольку обычно лишь немногим талантливым и везучим рабочим удавалось выбраться наверх, несмотря на свое подчиненное социальное положение, низшие классы содержали *примерно* ту же пропорцию выдающихся людей, что и высшие классы. Интеллект был распределен более или менее случайно. Каждый класс являл собой, с точки зрения способностей, как бы общество в миниатюре – часть, подобную целому. Коренной сдвиг в прошлом столетии, начавшийся на самом деле еще до 1963 года, состоит в том, что произошло перераспределение интеллекта между классами, и характер классов изменился. Люди таланта получили возможность подняться на новый уровень, адекватный их способностям, а низшие классы, соответственно, превратились в отстойник для менее способных. Часть перестала быть похожей на целое.

Степень общественного прогресса зависит от того, насколько власть в обществе соотносится с интеллектуальностью. Британия еще сто лет назад разбазаривала свои ресурсы, обрекая даже талантливых людей на физический труд и блокируя попытки членов низших классов добиться признания своих способностей.

Но Британия не могла позволить себе превратиться в кастовое общество, коль скоро она желала выжить как великая страна великая в сравнении с другими. Выдержать международную конкуренцию можно было только на основе лучшего использования человеческого фактора, прежде всего талантов, которых даже в Англии, надо это признать, было слишком мало. Школа и производство распахнули свои двери для достойных, и умные, ребята из каждого нового поколения получили широкие возможности для роста. Доля людей с IQ выше 130 не могла увеличиться – задача состояла в том, чтобы она не падала, – но доля таких людей в сфере труда, которые могли полностью опираться на свои способности, неуклонно росла. […]

Цивилизация держится не на безликой инертной массе, […] а на творческом меньшинстве, на новаторах, которые одним ударом сберегают труд 10000, на блистательном меньшинстве, наделенном свойством удивляться миру, на беспокойной элите, превратившей мутацию не только в биологический, но и в социальный фактор. Ряды ученых и инженеров, художников и преподавателей разрослись, но образованность определялась высоким уровнем генетического предназначения: их способность творить добро усилилась. Прогресс стал их триумфом, современный мир – их памятником.

И все же когда мы не учитываем связанных с прогрессом потерь в области человеческих отношений, мы оказываемся жертвами коварного самодовольства, которого в естественных науках куда проще избежать. С точки зрения взвешенного

---

[1] *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы /Пер. с разн. яз. ; сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С.317-346.*

социологического подхода, мы должны учитывать как достижения, так; и неудачи. Селекция одного избранника означает отсев многих других. Будем откровенны и признаем, что мы не приняли во внимание ментальность тех, кто оказался в отсеве, и не подумали об их адаптации. Страх, вселившийся в нас после шока, вызванного прошлогодними событиями, – это страх перед шумной толпой, которая, обнаружив перед собой закрытые двери высших учебных заведений, может посягнуть на принижающий их общественный строй. Разве массы, при всей их ограниченности, не ведут себя иногда так, будто испытывают глубокое негодование? Разве они видят себя точно такими, какими видим их мы? Мы знаем, что лишь игра хорошо тренированного воображения и деятельность дисциплинированного ума могут на протяжении грядущих веков обеспечить человечеству то, чего оно заслуживает. Но надо все же признать, что и те, кто ныне жалуется на несправедливость, *убеждены,* что они имеют в виду нечто реальное. И надо попытаться понять: то, что нам кажется чепухой, имеет для них реальный смысл.

Взлет элиты. Столкновение социальных сил

Модель государственной службы

Год 1870 был обозначен как начало современной эпохи не столько в связи с появлением Парижской коммуны, сколько из-за мистера Форстера. Тогда в Британии было введено обязательное обучение, ликвидирован патронаж в системе государственной службы и установлено, в качестве правила, поступление на службу на основе конкурса. Достоинства стали меркой, соответствие стандарту – критерием приобретения блестящей профессии и дальнейшей карьеры. И это явилось большим достижением, если учесть, сколь решительно многие наши предки были против «конкурсных мужланов» в английском правительстве. Памятуя об этой оппозиции, представляется поразительным, что к 1944 году наиболее талантливые из выпускников Кембриджа и Оксфорда уже входили в управляющий класс, чтобы решать там судьбы нации; выдающиеся молодые люди из провинциальных университетов заняли едва ли менее значимые позиции в науке и технике, а достойная молодежь из средних школ (grammar schools) – административные посты. Менее способные пошли в младшие служащие (clerical grades) . Наконец, большое число мужчин и женщин прямо из неполной средней школы (позднее названной «современной вторичной школой» – secondary modern school) приступили к выполнению технических и оперативных функций, составив основную массу государственных служащих. Такова была модель, которую любой разумный организатор мог тиражировать. И в тысяче копий она была распространена по всем отраслям торговли и промышленности, начиная с крупных компаний, таких, как Империал Кемикалз и Юнилеверс, а затем всеми процветающими общественными корпорациями.

Порок этой во всех других отношениях образцовой системы заключался, однако, в том, что жизнедеятельность всего остального общества, и особенно в сфере образования, отнюдь не была организована на такого рода принципах. Образование оставалось весьма далеким от сколько-нибудь адекватного применения критерия способностей. Некоторые способные дети, вполне отвечающие квалификации помощников министров, оказывались вынужденными покидать школу в пятнадцать лет и становились почтальонами. Помощники министров в роли разносчиков писем – невероятно! Других, обделенных способностями, но богатых связями, протаскивали через Итон и Байоль, и они становились спустя несколько лет высшими чиновниками Форин Офис. Почтальоны, составляющие ноты и меморандумы, – что за трагический фарс! Государственный аппарат, столкнувшись с неразрешимой проблемой, попытался исправить несправедливость общества путем расширения возможностей продвижения в своей собственной системе. Во время войны он произвел радикальную передвижку: неудачники, пришедшие на службу раньше, но оказавшиеся пригодными после сдачи последних экзаменов лишь для службы в Казначействе, уступили место выдвиженцам с низших постов. Но и в мирное время умные клерки могли подниматься по служебной лестнице. Многие стали ответственными исполнителями, а некоторые к концу карьеры проникли даже в низшие ряды управляющего класса. Таким образом, развитие государственной службы было блокировано недостатками общей системы образования. И только после того, как школа сделала свое дело, комиссары гражданской службы могли сделать свое. Ко-

гда помощники министров не должны были больше уходить из школ в пятнадцать лет, а почтальонов больше не устраивали в Байоль, великая реформа, начатая в 1870 году, могла, наконец, завершиться. […]

Сегодня мы открыто признали, что демократия – не более чем ожидание. Нынешнее правление осуществляется не столько через народ, сколько через наиболее умную часть народа – не аристократию по рождению и не плутократию, а истинную меритократию таланта. Точно так же старый аппарат с тон мощью уменья и такта осуществлял гораздо большую власть, чем парламент, поскольку он был хорошо подобран и обучен. Ныне каждый член меритократии имеет аттестационный рейтинг – минимум 125 баллов. (Ключевые посты резервируются для психологов, социологов и постоянных секретарей, исход из установленной Кроули-Джеем в 2018 г. премии для тех, кт получит более 160 баллов.) Однако разве ретроспективный метод Таубера не показывает, что и столетие назад большинство членов административного класса имело индекс выше 125? Это были зачатки нынешней системы. И если сегодня обществом правит интеллект и его верховенство в трех четвертях мира не оспаривается, то это в огромной степени благодаря дальновидности зачинателей британской гражданской службы. Не будет слишком большим преувеличением сказать: наше общество в такой же степени памятник им, как и ранним социалистам.

Все ясно и прекрасно

До реформы гражданской службы большая часть общества управлялась на основе непотизма. В сельском хозяйстве, которое преобладало до второй половины 19 столетия, статус приобретался не на основании заслуг, а по рождению. Класс за классом, статус за статусом, профессия за профессией – сыновья верно следовали по стопам отцов, так же, как отцы – по стопам дедов. Люди не спрашивали ребенка: кем он будет, когда вырастет? Они знали: он будет обрабатывать землю, как его предки. Для большинства не существовало возможности выбора занятий – только наследование. Аграрное общество с его религией было как бы огромным семейным образованием. Отец – во главе, статус прочих членов семьи иерархически градуирован; старшие сыновья имеют преимущество над младшими, сыновья – над дочерьми. Как семья – так и деревня. Владелец манора – патриарх, ниже различные ступени иерархии занимал фермерский люд: фриголдеры находились выше арендаторов, арендаторы – выше поселенцев и поселенцы – выше батраков и слуг. […]

Семья и феодализм

Влияние аристократии никогда бы столь долго не продолжалось, даже в Англии, если бы не поддержка семьи: феодализм и семья неразделимы. Семья всегда является основой наследования. Рядовой родитель (сегодня уже, как мы не без горечи замечаем, исчезнувший) стремился передать свой капитал собственному ребенку, а не постороннему лицу или государству. Ребенок – часть его самого, и через завещание человек как бы себя увековечивал. Отец-наследодатель никогда не умирал. А если родители имели семейное предприятие, которое в определенном смысле выступало как воплощение их самих, то они тем более были озабочены передачей наследства кому-то из близких по крови. Владея собственностью, родители сохраняли и контроль над детьми. Страх быть, вычеркнутым из завещания служил столь же реальным инструментом утверждения родительской власти в промышленной Англии, как и в Англии аграрной. Но и те, кто не имел собственности, желали, чтобы дети занимались тем же самым делом или делом повыгоднее. Многочисленные исследования убедительно подтверждают, насколько эти стремления были (и остаются) сильны и насколько значим для родителей мотив продвижения их детей. Приписывать несуществующие достоинства – этот тип психоза был присущ миллионам семей.

В течение сотен лет общество служило полем битвы между двумя великими принципами – принципом отбора через семью и принципом отбора на основе реальных достоинств. Ни один из них не мог одержать полной победы. Защитники семей доказывали, что задача воспитания детей не может решаться никаким иным способом, кроме того, который столь долго служил человечеству. Сироты, даже если они воспитывались в самых просвещенных домах, не имеют той уверенности в себе, которая необходима для подлинной самореализации. Если бы все дети вос-

питывались в детских домах, это, наверное, могло бы обеспечить равные для них возможности, но только ценой превращения всех в одинаково несчастливых. Постоянная родительская нежность – это стало общепризнанным после экспериментов конца 1980-х – необходима для нормального внутреннего развития ребенка.

Любовь – главный помощник биохимии.

Но мы должны были покончить с пороками семьи. Мы должны были признать, что почти все родители пытаются добиться необоснованных преимуществ для своих отпрысков. Задача общества, эффективность которого зависит от соблюдения принципа отбора кадров по их способностям, состоит в том, чтобы не позволить подобному эгоизму причинить какой-либо серьезный ущерб. Семья печется об эффективности индивида, государство – об эффективности общества. И оно может выполнить эту задачу, поскольку индивиды сами имеют различные интересы. Как члены определенной семьи, они хотели бы обеспечить своим детям все возможные привилегии. Но в то же время они против того, чтобы такие привилегии получили чужие дети. Они стоят за равные возможности для любых детей, кроме своих собственных. Таким образом, государство в качестве защитника общего интереса приобретает некоторую поддержку и оказывается способным противостоять яростной оппозиции, которую оно вызывает. Еще несколько лет назад в интеллектуальной среде считалось, что государству удалось справиться с семьей в смысле устранения ее избыточного влияния на систему профессиональной подготовки будущих кадров. Мы, однако, недооценили степень сопротивляемости семьи. Она по сей день остается благодатной почвой для семян реакции, Но цель моя состоит не в том, чтобы рассказать о сопротивлении семьи, а в том, чтобы обрисовать его исторические основания. Я хотел бы подчеркнуть, что, несмотря на многочисленные перемены, происшедшие за предшествующее столетие, семья и сейчас остается институтом, построенным скорее на отношениях верности, чем на основаниях разума, именно так, как это было характерно для феодальных времен. […]

Повышение ставок для учителей

Доктрина равенства, давно заменившая в сознании мало-мальски образованных людей все иные представления, настолько глубоко укоренилась, что наши предки лишь очень нескоро подошли к пониманию значения одного простейшего факта: все профессии конкурируют друг с другом на равных исключительно при условии ограниченности интеллектуального потенциала. Только на исходе первой половины столетия ущербность интеллектуального потенциала страны постепенно становилась очевидностью для тех, чей уровень был выше. Государство осознало – единственный способ быстро заполучить кадры хороших инженеров, физиков, государственных служащих, работающих на пределе заложенных природой возможностей, состоит в том, чтобы, начав с трехлеток, осуществить систему отбора, исключающую риск потери хотя бы одного таланта. Под углом зрения этой задачи стала понятной и особая необходимость обеспечить надежные гарантии наилучшего обучения всех – этих будущих физиков, психологов и прочих представителей элиты на протяжении всего курса учебы.

Теперь, стало быть, речь уже не шла о дефектных, ущербных, или отклоняющихся от нормы детях, которым до 1972 года (и в этом знамение времени) в Англии уделялось больше внимания, чем детям с ярко выраженными способности ми. Речь больше не шла о новой средней школе. В идеальном мире, свободном от недостатка ресурсов, на несчастных можно было бы тратить большие средства. Но не было, никогда не было и никогда не может быть такого идеального мира. Выбор должен быть сделан, и не было сомнения, каким он будет. Речь могла идти только о начальных школах, где учеников делили на способных и неспособных, и о лицеях, где способные получали то, что им положено. Они должны были получать щедрые дотации. И они получали их.

С момента, когда сэр Энтони Кросленд убедился в том, что битва за национальное выживание может быть выиграна или проиграна на уровне классов «А» – от детского сада до лицея, – денежный поток устремился в школу. В 1953 г, расходы на образование составили 2,7% валового национального продукта, а в 1963 г. – 3,9%, но к 1982 г. – после «славного десятилетия» – они составили уже 6,1%. Рост ассигнований шел на оплату труда преподавательского состава, В середине столе-

тия на одного учителя в классе, как правило, приходилась орава из 40 детей, и кто же с ними мог справиться лучше Джозефа Ланкастера. Преподавательские ставки здесь в середине 60-х годов были настолько ниже, чем в промышленности, что в некоторых лицеях не было, к примеру, ни одного учителя физики, И это в то время, когда Управление атомной энергии задыхалось от потребности в физиках! Многие руководящие лица в Министерстве финансов и Казначействе, хотя и читывали Платона, похоже, забыли, что именно воспитателям должно быть доверено воспитание будущих воспитателей. Где второсортные учителя – там второсортная элита: меритократия никогда не может быть лучше своих учителей. Положение улучшилось, когда, наконец, учителям был обеспечен необходимый уровень уважения и соответствовавший их представлениям общественный ранг. Одним из мудрых прорывов в условиях «славного десятилетия» явилось уравнивание оплаты учителей со ставками ученых в промышленности, а положения самих учителей – с положением их ученых коллег. Школы, таким образом, смогли привлечь в свои стены крупных ученых. Именно тогда они достигли пика в повышении преподавательского уровня в целом. <…>

Положение рабочих

Пропасть между классами

Предпринятый здесь обзор прошлого показывает, насколько радикальными оказались перемены. В те дни ни один из классов не был однороден с точки зрения интеллектуальных способностей: умные представители высших классов имели столько же общего с умными представителями низших классов, как и с глупыми представителями сограждан по классу. Однако по мере разделения людей соответственно уровню их способностей разрыв между классами неизбежно становился более значительным.

С одной стороны, высшие классы больше не ощущали своей ущербности, вызываемой неуверенностью в себе или самокритикой. Теперь выдающиеся представители нации знали, что их успех есть лишь награда за их собственные способности, их усилия, их неоспоримые достоинства. Они заслужили право принадлежать к высшему классу. Они знали также, что не только соответствуют высшему калибру, обеспечивающему допуск в хороший страт, но и получили первоклассное образование благодаря природным дарованиям. Таким образом, они становились обладателями предельно мыслимых знаний о сложнейшей динамике технической цивилизации. Они овладели наукой, а именно ученые унаследовали власть над миром. Что общего они могут иметь с теми, кто закончил учебу в 16-17 лет, довольствуясь обрывками примитивной собачьей науки? Как можно им вести диалог – с низшими классами, если говорят они на совершенно ином и несравненно более точном языке? Сегодня элита знает, что если не произошло грубой управленческой ошибки, устраняемой немедленно по ее обнаружению, стоящие ниже на социальной лестнице представители нации одновременно стоят ниже и в других жизненно важных отношениях, а именно по уровню интеллекта и образованности, которым в более последовательной системе ценностей придается решающее значение. Ныне члены меритократии настолько переполнены сознанием собственной важности, что утратили симпатию к управляемому ими народу, И это, по признанию наиболее умеренных реформаторов, стало характерной чертой нашей системы. Они столь бестактны, что люди низшего калибра страдают от их совершенно неуместных оскорблений. Школы и университеты пытаются утвердить более разумный стиль обращения, призывая задуматься, чего стоил бы, в конце концов, современный человек, если бы не чудеса, данные нашему миру природой, – но сегодня состояние отношений с низшими классами далеко не то, каким оно должно быть.

Что касается низших классов, то их положение в обществе также изменилось. Ныне каждый человек, каким бы бедным он ни был, знает, что ему предоставлены любые шансы. Людей испытывают на тесты вновь и вновь. Если в какой-то момент они оказываются не в форме, у них есть возможность продемонстрировать свои способности во второй, третий, четвертый разы. Но в случае получения общей оценки «тупица» («dunce») постоянно они уже не могут больше претендовать на что-либо. И их собственное представление о себе почти совпадает с истинным, и весьма нелестным образом. Разве могут они не признать, что, в отличие от прежних

времен, статус их низок не потому, что им не был предоставлен шанс достичь большего, а потому, что они *на самом деле* низшие? Впервые в человеческой истории низшие не находят никаких оснований для самоуважения, Так современная психология пришла к своей тяжелейшей проблеме. Человек, утративший самоуважение, рискует утратить и жизнеспособность (особенно если этот человек оказывается хуже своих родителей и падает на низшие ступени социальной шкалы) и, соответственно, легко выпадает из ранга хорошего гражданина и хорошего исполнителя. У среднего человека был отнят его фиговый листок. <…> Этим людям надо было иметь свой *миф,* и они получили то, что им было нужно, – миф о физической мужественности, К счастью, он уже существовал в рудиментарной форме, так что новая школа смогла превратить его в современный культ физического (в отличие от умственного) развития, Любовь англичан к спорту была давней традицией, особенно сильной у низших классов. Новая школа, таким образом, не порывала с прошлым, а, напротив, опиралась на него, прививая своим ученикам уважение к физической силе, культуре содержания тела и умелости рук. Рукоделие, гимнастика и игры стали основой учебной программы. Такой просветительский подход достигал двоякой цели: культивировался ручной труд и в то же время более полнокровным становился отдых. При этом воспитание культуры отдыха было, пожалуй, наиболее важным. Более способные из учеников получали тренировку, необходимую для участия в активных играх, и они могли заниматься этим и после школы. Но и у других учащихся, составлявших огромное большинство, крепла привязанность к боксу, футболу и другим видам спорта благодаря тому, что они могли наблюдать за ними у экранов своих телевизоров. Они так же ценили физические успехи, как вы, представители высших классов, достижения интеллекта.

Во-вторых, в процессе развития заочного обучения взрослых была не только широко развернута сеть региональных учебных центров, но и каждому человеку, вне зависимости от прежних его результатов, предоставлялась возможность периодической перепроверки своего интеллектуального уровня через 5 лет. […] Учитывая, что психиатрическое лечение стало доступным буквально для каждого, многие из тех, кому в свое время помешали реализовать индивидуальные возможности трудности эмоционального характера, впоследствии полностью освобождались от них.

В-третьих, даже перестав надеяться на самих себя, родители утешались тем, что как бы ни был низок их собственный коэффициент интеллекта, их дети (или внуки) все же будут иметь шанс оказаться в рядах меритократии. [,..]

Четвертым спасительным средством была, собственно, сама умственная ограниченность, в силу которой низшие классы и обретали свой статус. Общим заблуждением многих социологов является приписывание низшим сословиям тех же качеств, которые свойственны им самим, – способ мышления, сродни антропоморфизму. Социологи, разумеется, были бы очень огорчены, если бы их лишили их законного статуса. Но низшие классы являются объектами, а не субъектами исследования. Здесь совсем другая психология. Люди невысокого интеллекта обладают драгоценными свойствами: они ходят на работу, они покорны, они верны своему семейному долгу. Но они лишены амбиций, непосредственны и неспособны представить себе общую картину современного общества с такой ясностью, чтобы выразить какой-либо эффективный протест. Некоторые из них испытывают смутное недовольство, не слишком понимая, что можно сделать, и идут к психологу или священнику. Но большинство представителей данного сословия свободно и от этих чувств, ибо не ведает, что с ними творят.

Пионеры черной работы

Пятым и наиболее важным моментом спасения будущего было применение научной системы отбора в сфере производства. Ранее я показал, как продвижение по служебной лестнице на основе способностей со временем заменило продвижение по стажу и старшинству, как выпускники лицеев и университетов постепенно вливались в трудовую жизнь. Теперь я остановлюсь на политике в отношении учащихся современной средней школы.

Новая школа нашла себя в сфере производства точно так же, как и лицеи, и с далеко идущими последствиями. Толчок и здесь дала антигитлеровская война, В

начале войны участие рекрутов определялось столь же случайно, как и распределение рабочих на производстве. Только после нескольких военных катастроф была применена более мудрая политика, выраженная, согласно официальной истории войны, одним из ведущих военных психиатров в таких словах: «При расстановке персонала надлежит руководствоваться следующим основным принципом – ни одному человеку не может быть поручено дело, которое определенно выше или ниже его возможностей. Любой другой принцип расстановки связан с растратой ресурсов или с падением эффективности подразделения». Какая мудрость и дальновидность!

К концу войны эти наставления были выполнены, и служащие Вооруженных сил, как правило, не направлялись в подразделения без предварительной проверки их интеллекта и способностей с той степенью надежности, насколько это позволяли условия того времени. Эффективность использования рабочей силы резко возросла, когда и в гражданской промышленности глупых стали объединять, и этот урок не прошел даром для лучших мозгов. <…> Они смогли предвидеть необходимость создания своего рода постоянного гражданского «саперного корпуса», людей с сильными мускулами и слабыми мозгами, которых отобрали люди с сильными мозгами и слабыми мускулами, не просто годных для очистки мусорных ящиков и переноски тяжестей, но и способных любить эту работу. Государство предписывало никогда не предлагать им работу, превышающую их возможности. И никогда не следовало побуждать их общаться с кем-либо, кто заставил бы их почувствовать свою неполноценность из-за умения быстрее освобождать мусорные ящики, или – что было бы всего страшнее в те времена – собирать содержимое ящиков в мусорную кучу (верный знак абсолютного слабоумия или же гениальности!). Я бы сказал, что эти прогрессивные начинания были весьма осторожными и даже стыдливыми. Их легко дискредитировали ссылками на «гамма» мистера Хаксли или «пролов» Оруэлла. Менеджеры, однако, не замечали, что оба эти джентльмена подвергли нападкам не принцип равных возможностей, а последствия репрессий и пропаганды: ведь подобными способами можно было заставить и вполне способных людей смириться с судьбой рабочих, но оказалось, что это, в конечном счете, невозможно, а в ближайшей перспективе расточительно и абсолютно неэффективно. Единственно по-настоящему пригодными к ручному труду, как мы знаем, являются лишь те, кто не обладает способностями ни к чему другому. Современные просвещенные методы не имеют ничего общего с этими «дивными новыми мирами», но первоначально далеко не все менеджеры понимали, что четкое отождествление справедливости с эффективностью, гуманности с порядком есть не что иное, как новая ступень в развитии человека, достигнутая благодаря предшествующему прогрессу социальных наук.

«Саперный корпус» явил собой полную противоположность административному классу гражданской службы. Победа системы открытого соревнования при приеме на государственную службу означала торжество принципа замещения наиболее ответственных постов наиболее способными людьми, а в «саперном корпусе» – принципа замещения наименее ответственных работ людьми наименее способными. Иными словами, она означала переход к обществу, в котором власть и ответственность распределены столь же строго пропорционально достоинствам, сколь в системе образования. Гражданская служба завоевала признание сравнительно легко – мало кто хотел подвергать себя риску погибнуть от водородной бомбы или умереть от валютного голода из-за умственной неполноценности какого-либо деятеля в Уайтхолле. Но «саперный корпус» встретил гораздо более сильную оппозицию. Взаимное соответствие принципов, положенных в основу гражданской службы и «саперного корпуса», удалось распознать отнюдь не сразу. Противники – среди них все возрастающее число социалистов – указывали на «недостойность» нового начинания. Пустое слово, скрывающее расплывчатое представление. Печальный факт, свидетельствующий о том, что большинство нации еще мыслило домеритократическими категориями! <…> Антисаперы так и не поняли, что постепенный переход от принципа наследования к принципу достоинств как главному принципу социального отбора делал (и в конечном счете сделал) нелепой всю эту болтовню о равенстве людей. <…> Решающей стала счастливая жизнь «саперов»,

или работников физического труда, как они были названы в отличие от работников умственного труда. Никто не стремился показаться в стенах психиатрической больницы, к чему ранее постоянно приводили невероятные нагрузки на людей, выполнявших на производстве непосильную для них работу. Никто, и меньше всего социалисты, не желал причинять кому-то ненужные страдания. Принцип: «От каждого по его способностям, ни больше, ни меньше» – оказался эмпирически состоятельным. Рабочие были более чем довольны, и точно так же был доволен средний класс с коэффициентом интеллекта между 100 и 125. <…>

Новые безработные

<…> Ликвидация малоквалифицированного труда произошла очень быстро после войны с Гитлером, когда началось развитие электроники и особенно сервомеханизмов, хорошо приспособленных для выполнения задач многооперационного производства. Этот прогресс был столь впечатляющим, что на смену старого понятия «механизация» пришло новое – «автоматизация».

Изменение самой структуры труда было, однако, не столь заметно первоначально, Профсоюзы, естественно, не делали различия между умными и неумными. Для них люди, труд которых упразднялся благодаря техническим новшествам, оставались такими же членами союза, как и все прочие. Они подлежали защите, и профсоюзы настаивали на том, чтобы людей, рабочие места которых ликвидировались в силу применения трудосберегающей техники, не увольняли, а оставляли на производстве для выполнения никому не нужной работы, иногда просто в качестве наблюдателей за роботами, лишенными управленческих функций. Члены союзов с более высоким интеллектом со своей стороны тоже не понимали, что вся эта ситуация касается лишь наименее квалифицированной части рабочих, тех, кто не способен выполнять сложную работу. Исходя из общих эгалитаристских представлений, согласно которым люди так похожи друг на друга, они отождествляли себя с остальными reduntunt, поддерживая попытки профсоюзов помешать увольнениям. И предприниматели нередко уступали, так как не желали портить отношений с персоналом или считали, что заботиться о «братьях слабейших» – это скорее их долг, нежели государства. Понадобилось немало времени, чтобы предприниматели четко осознали необходимость максимального снижения затрат на труд... <…>

Вновь домашние слуги

Комиссия Клаусона, представившая свой доклад в 1988 году, признала, что больше трети всего взрослого населения являются безработными. Цивилизация переросла их. В силу недостаточности интеллекта они уже не могли найти себе места в нормальной профессиональной структуре и нуждались в какой-то форме патронируемого найма. Как нужно было поступить с ними? Здесь был возможен единственный ответ. Те, чье образование исчерпывалось школой для недоразвитых или низшей группой новой средней школы, пригодны единственно для работы в сфере услуг. Многие из них, например, после прохождения особого курса подготовки в государственных подготовительных центрах и при условии постоянного надзора за ними в дальнейшем, служили в общественных столовых или местах увеселений, на транспорте или в качестве смотрителей.

Но это было лишь начало. Как и предвидел лорд Клаусон, низшим классам только тогда будет обеспечена полная занятость, когда значительная их часть окажется не только на общественной службе, но и в домашнем услужении. <…>

Современное женское движение

<…> Стоит упомянуть о том, что, хотя об этом часто забывают, в конце прошлого столетия учеными было проведено несколько блестящих исследований в области женской психологии, открывших такие ее черты, которые затем проявились в политике. Суть их сводилась к следующему: многим женщинам, прежде всего наиболее способным, так сказать мужчинам по интеллекту, хотя и женщинам по чувствам, общество представляется устроенным специально на потребу представителей противоположного пола. Разве способных девочек ежегодно рождается меньше, чем мальчиков, с возмущением спрашивают эти дамы. И ведь они получают такое же образование, как и кандидаты в меритократии от мужского пола. Но что происходит потом? Они занимают посты, к которым их готовили, только пока не выйдут замуж. <…>

Исторически начало борьбы за социальное равенство было сопряжено с усилением движения за эмансипацию женщин. Равенство независимо от пола или класса – это был прекрасный лозунг. Но он значительно потерял в своей привлекательности, когда наследственные классы – в отличие от наследуемого пола – были ликвидированы. Однако для некоторых женщин он сохранил свою притягательность. И они считали, что полы поставлены в «неравное» положение. <…>

Обострение дебатов было связано, во-первых, с «обнищанием» женщин, а во-вторых, с евгенической кампанией. Обнищание явилось результатом реформы возмещения деловых расходов. Мужчинам платят как деловым людям за счет фирм, а домохозяйки на такое претендовать не могут. <…> Что касается кампании по евгенике, то она, если излагать все с самого начала, опиралась на общественный здравый смысл. Профессор Игл и его сотрудники действительно утверждали, что прежде чем выбрать брачного партнера, будущие супруги должны свериться с Регистром интеллектуальности. Разумеется, это было в общественных интересах, и это было в интересах счастливого брака. В конце концов ни один человек с высоким КИ не испытывал бы столько гордости за ребенка, способного лишь на обучение в новой средней школе, сколько за ребенка, достойного Оксфорда. Но шанс на такой нелепый исход, очевидно, тем выше, чем ниже КИ женщины, на которой человек женится. Соединение высокого КИ мужчины с низким КИ женщины – это просто разбазаривание генофонда. И потому представляется вполне разумным, если бы «он» предварительно изучил данные «ее» отца и деда. Истории о том, как хорошенькая молодая мамаша обнаружила, в конце концов, что с ней все в порядке, поскольку в Регистре были неправильно отражены данные о ее деде, стали излюбленным сюжетом популярных произведений. В общем, согласитесь, это был вполне разумный совет. По крайней мере, многие мужчины, хотя и не все – ибо какой возраст не подвержен страсти? – так считали. Нынче вряд ли какой-либо трезво мыслящий серьезный старший служащий рискнет вступить в брак с девушкой, если она не в состоянии представить КИ выше 130 в любом ответвлении своего генеалогического древа. По одной простой причине: женись он на женщине ниже своего уровня – возникнет серьезная опасность того, что слухи об этом разнесутся по его учреждению, а это почти наверняка создаст ему репутацию не слишком ответственного человека. Но женщины ... <…> Чем энергичнее профессор Игл агитировал против мужчин, которые выбирают женщин за их внешность – и в этом ему активно помогала его супруга, – тем больше популисты дискредитировали его деятельность и тем чаще их шикарные кадры являлись на митинги, одетые в самые экстравагантные платья... <…>

Наступление кризиса

<…> К 1990 году, или около того, все взрослые представители нации, обладавшие КИ свыше 125, вошли в состав меритократии. В силу высокой доли детей с КИ выше 125, родившихся у таких же родителей, начался процесс превращения меритократической элиты в наследственную. Сегодняшняя верхушка стала воспроизводить завтрашнюю верхушку в масштабах, не сопоставимых с тем, что бывало когда-либо в прошлые времена. С трансформацией меритократии в наследственную принципы наследования и достоинства соединялись. Жизненно важное преобразование, которое потребовало для своего осуществления более двух столетий, было близко к полному завершению. <…> Доктор Чарлз, Нобелевский лауреат, внесший столь крупный вклад в изучение механизмов передачи интеллектуальных способностей, недавно доказал, что интеллект потомков можно с достаточной надежностью предсказать на основе данных об интеллекте предков. <…>

Новый консерватизм

Книга доктора Чарлза, несомненно, способствовала перемене взглядов в среде интеллектуальных родителей. Они пришли к выводу, что нет больше нужды посылать их детей в общие начальные школы и что если государство не откроет специальных школ, то они уже имеют в отдельных районах частные, где их дети смогут учиться исключительно вместе с другими детьми из того же класса специалистов. И нет больше необходимости следить за оценками, мучительно решая вопрос, к какому занятию следует готовить ученика. Их дети – не просто дети, а прирожденные правители в силу высшего предназначения. Все это привело к утвер-

ждению классового чувства. Коль скоро необходимость одинакового воспитания всех детей до определенного минимального возраста подверглась сомнению, коль скоро основы общества были, таким образом, поколеблены, некоторые интеллектуальные родители решились пойти дальше и поставить вопрос о том, не является ли принцип равенства возможностей совершенно отжившей идеей?

Если бы этим все кончалось, то мы, защитники существующего социального порядка, не чувствовали бы себя чересчур обескураженными. […] Дело в том, что в действительности у интеллектуальных родителей наблюдается тенденция производить на свет менее интеллектуальных детей. Итак, тенденция состоит в прогрессирующем убывании признаков – тупые родители воспроизводят несколько более умных детей с такой же степенью вероятности, как умные – менее умных. Если бы дело обстояло иначе, то однажды возникшая правящая элита действительно стала бы навсегда наследственной. Но поскольку дела обстоят именно так, то некоторая степень социальной мобильности все же необходима, хотя она и не должна быть столь значительной, как столетие назад.

Как я уже сказал, большинство консерваторов полностью учитывает эту тенденцию убывания признаков и страшится принять ее во внимание при составлении своих планов. Предложения их различны если не по смыслу, то, по крайней мере, по расстановке акцентов, Крайне правое крыло заявляет: а, какое, собственно, значение имеет все это? Пусть несколько туповатых детей умных родителей получат высшее образование – и большинство из них не будет хуже умом своих родителей. Зато воспитание, данное им дома, сделает их пригодными для приобщения к элите, которую они будут достойно поддерживать, пусть и не являясь ее украшением. Некоторая утрата эффективности меритократии с лихвой окупится с превращением ее в наследственную. У родителей уменьшатся заботы, а дети не будут подвергаться стрессам перед лицом постоянной необходимости доказывать свое превосходство в состязании с детьми из низших классов. И не будет игры амбиций у родителей, даже самых тупых, относительно того, не упустили ли их дети шанс получить достойное образование. А если такого рода страсти утихнут, то политическая система еще более укрепит свою стабильность. Новая волна социальной мобильности может потребоваться когда-нибудь позже, если разрыв между распределением интеллекта и распределением власти окажется слишком большим. Но давайте подождем! Дайте нам полстолетия покоя от безумств социальной мобильности!

Разумеется, такого рода тенденции имеют мало шансов быть принятыми. Они демонстрируют слишком явный разрыв с нашей этикой. Однако некоторые школы пошли еще дальше, предлагая, чтобы распределение интеллекта как-то увязывалось с существующим распределением власти. […] Консервативные лидеры требуют наращивать его тем детям, у кого он уже достаточно высокий, ибо именно родители таких детей способны создать окружающую среду, наиболее благоприятную для реализиции детских возможностей. И конечно, считают консерваторы, нет смысла возиться с обычными неумехами, так как они уже наделены теми способностями, которые необходимы для выполнения предназначенных для них функций. […] Между тем было внесено и предложение о том, чтобы Министерство просвещения незамедлительно ввело назначенный им порядок усыновления детей в качестве обязательного для местных властей. <…> Наше отличие от людей прошлого и других стран состоит в том, что мы ценим интеллект превыше всего и что психологи и биологи дали нам в руки средства определения способностей человека, начиная с колыбели. Гений, не имеющий родителей, автоматически оказывается под охраной государства. Умный ребенок ныне – награда для любой семьи, особенно же для женщин, которые не могут соблазнить наших ведущих профессоров воспользоваться искусственным осеменением от мужчин с высоким интеллектом, аттестованных Министерством просвещения в качестве КИ-доноров. За последние годы обычный спрос на усыновление резко возрос со стороны членов элиты. Удовлетворяется он, однако, недостаточно, в силу чего наблюдается удручающий рост черного рынка и детообмена. Тупые дети из элитных домов обмениваются, нередко с щедрым приданым, на умных детей из низших классов. Отчаявшиеся родители опускаются даже до кражи детей, после того как выследят беременных женщин из низших классов с хорошей генеалогией. Частные детективы и генетики объедини-

лись и работают в скандальном тандеме. Лучше, заявляют правонарушители, усыновлять элитных детей и включать их в состав своего будущего класса, когда они еще несмышленыши, чем делать это позднее через «приемных отцов» лицеев и университетов, что становится довольно дорогим и обременительным делом. После весьма тщательного правительственного расследования к 2030 году был издан Закон о детском благополучии. Он предусматривал, что усыновления в частном порядке не признаются, если только местные власти на территории проживания усыновителей не приняли типовой схемы, содержащей гарантии, установленные Министерством образования. […]

Куда же теперь?

<*…*> После того, как неделю назад я начал эти записки, Председатель Совета социальных исследований передал правительству свои веские рекомендации. Премьер-министр тотчас же откликнулся на совет проявить умеренность. Он распорядился, чтобы контроль за погодой ввел осень на целый месяц раньше и в своей речи от 25 сентября в Киркkалди объявил, что его партия намерена исключить из своих рядов дюжину наиболее крайне настроенных членов, а также подтвердил, что принципы усыновления не будут принудительно навязываться в настоящее время, что в своей политике правительство по-прежнему будет исходить из равенства шансов и откажется от сомнительных экспериментов с начальными школами и обучением взрослых. […]

МАЛЕНКО С., НЕКИТА А.
Горизонты архетипического преображения сценариев социального взаимодействия

Прогрессистская поступь современной цивилизации однозначно подчинена пропагандистской апологетике ее семиотического оформления. Стоит отметить, что в широко известной концепции цивилизации, разработанной английским археологом, историком XX в. Гордоном Чайлдом[1], наиболее наглядно представлены основные этапы имагостазирования оформления жизни индивида и всего пространства социального взаимодействия. Показательны и результаты последующих научных дискуссий по этому поводу, в частности, мнение К. Клакхолма[2], по убеждению которого, три признака, а именно, *города*, *монументальные общественные сооружения* и *письменность*, определены в качестве главных, формообразующих цивилизацию как некий социально-семиотизирующийся комплекс. В то же время, авторы считают необходимым, обратить внимание на целесообразность выделения некоторого обобщающего, структурообразующего признака цивилизации. Под углом разрабатываемой методологии, она предстает определенным механическим конструктом, произвольно вырванных из естественных процессов имагинативного освоения сознанием его архетипических оснований и насильственно формализованных аспектов социального взаимодействия.

Этот принцип заключается в вековом, хаотическом нагромождении элементов индивидуальных, групповых и социальных бессознательных отождествлений, оформляемых в имаго-комплексы, составляющие основу иерархии социальных институтов. К тому же, они опираются на не менее иллюзорные, мнимые, искусственные имагостазные «костыли», подобные тем, которыми изобилуют сюрреалистические картины С.Дали. Эти «фрагменты» составляют в итоге «джентльменский набор» современной цивилизации, формирующий у социально незаангажированного наблюдателя стойкий, апокалиптический образ библейской вавилонской башни.

Действительно, одним из показателей глубинного кризиса современной со-

---

[1] *Childe G. The urban revolution // Town Planning Rev. 1950. Vol. 21.*

[2] *Подробнее см.: City invisible: A Symposium on urbanisation and cultural development in the ancient Near East. Chicago, 1960. P. 397 ; Daniel G. The first civilizations. London, 1968. P. 5.*

циальности выступает прогрессирующее «вырождение» человека и природы в пространстве социального взаимодействия. И если первичной сферой имагостазирования реальности становится именно рефлекторно-знаковое функционирование индивидов, то впоследствии, цивилизационному «надругательству» подвергается вся, тотально регулируемая и регламентируемая природа. Именно поэтому она предстает лишь «безгласым» фоном институциональных «*до-стяжаний*» цивилизации, полигоном отработки силовых моделей вытесненного/сублимированного, но все еще формального, паразитарного господства социальности над человеком и жизнью, оборачивающегося тотальным умерщвлением природы, прежде всего, в сфере замещенного социальной рефлексией «сознания», и нескончаемыми «глумлениями» над ее «трупом».

В отличие от ненормированной «дикости», не стесняющейся «лично» выражать свои естественные чувства, зрелая имагостазная социальность, посредством инфраструктуры имаго-комплексов, в погоне за религиозно-санированной «праведностью», морализаторски сковывает их. Поэтому, индивид вынужден невротически отправлять одно биологическую и штатную номенклатуру сублимированных социальных функций, взаимно конкурирующих друг с другом, вплоть до полного уничтожения своего физического носителя.

«Этиология» и «клиническая» картина состояния современного социума сформирована, в том числе, и ее бессознательной «аллергией» к откровенности, эмоциональной чистоте, искренности, атрибутируемыми как непроизводительная сентиментальность, вульгарный натурализм и непозволительная, «слишком человеческая», роскошь. Знаково деформированное, пораженное «метастазами» кризисов современное государство все чаще обращается к искусственному, аппаратному поддержанию агонии административно-производственной функциональности, и уже вне зависимости от уровня ее цивилизованности, посредством перманентного шантажа, ритуально, отбрасывает человека к проблеме своего элементарного воспроизводства как рефлекторно-знакового суррогата «выживания». Бессознательная *аутофилия* моделей современного социального взаимодействия детерминирует их структурно-функциональную неадекватность даже имманентно положенной им формальной логике, не говоря уже о тех или иных творческих проявлениях бытия и сознания, как всегда лишь *косвенно* подтверждая реальность того, что всякая социальность *абсорбирует* в виде культуры то, к чему люди сознательно стремились, а также, в виде цивилизации то, чего никто никогда не ожидал.

Эскалация презентуемого социальностью господствующего сценария «реализации» архетипа, представлена и параметрами социального значимого статуса техники и технологии в системе производственно-отраслевой эксплуатации жизни. Исходный архетипический потенциал имагогенного, деятельного, творческого взаимодействия природы, человека и общества, на протяжении столетий их институционального противостояния обернулся сокрушительной, техногенной эффективностью современной модели социальной организации, «бравирующей, призрачными достижениями «научно-технической революции».

Показательно, что содержательная деградация и идейное, имагостазное «опустошение» социальных способов взаимодействия оформляют трагический для судеб человека и мира разрыв между увеличивающимися техническими возможностями и уровнем их социальной востребованности, а все, вновь производимые приборы, несмотря на рекламно превозносимую антропоморфность их дизайна и функциональности, представляют лишь очередные технологические модификации технически оформленных возможностей человеческого тела и сознания.

Таким образом, глобальной социальной «миссией» технического прогресса цивилизации выступает формирование нового уровня технологической однозначности ее все более программируемого коллективного и индивидуального взаимодействия в функциональном антураже балласта оппозиционной человеку техники, нивелирующем экзистенциальные измерения бытия, посредством установления «*новых, более действенных и более приятных форм социального контроля и социального сплачивания*»[1]. Имагостазная катастрофичность, стрессогенность и ин-

[1] *Маркузе Г. Одномерный человек. С. XIX.*

дивидуальный маргинализм технократической цивилизации, положенные практикой официального уничтожения любых возможностей иного, не массового существования, делает человека неспособным отказаться от «благ», предоставляемых нею.

Ушедшее XX столетие, со всем его трагическим социальным антуражем – конвейерной «потравой» человеческих жизней, разрушительными войнами, затяжными «приступами» террора – не является чем-то выходящим вон из ряда вековых циклов властной «отладки» имагостазных сценариев социального взаимодействия. И то, что оно явно превосходит все предыдущие по масштабам приносимой социальностью жертвенной «дани» попранной нею человеческой бессознательности, во многом обусловлено невиданным ранее достижениями в проектировании, испытании и государственной сертификации именно *технологии* производства имагостазных форм социального взаимодействия. Они – бездумные, и потому фатально, безликие процессы, единообразно детерминирующие формальное содержание показателя динамизма истории как презентацию критических моментов *комостаза* власти и социума в силовом поле смерти.

Однако, не переживая момента истины, не обретая адекватного самосознания, ни индивид, ни малые или большие группы, ни социум в целом не будут способными реально осваивать характер собственного развития, в том числе и политические реформы любого рода. С другой стороны, всякие амбициозные претензии или «покушения» на директивное регулирование «ренессансов» духовности представляют лишь аппаратную реанимацию призраков «перспективного планирования», порожденных «сном административного разума», рано или поздно обязательно оборачивающуюся реставрацией, на уровне модернистских «евроремонтов», ампирных лепнин зрелой, позднезастойной риторики.

Последняя довольно зримо проступает даже при поверхностном взгляде на институт державно-властных «патронатов» над дискретными, спонтанно-приуроченными фактами «цивилизованного существования» социума, а реально – культурного небытия общества, что напрямую свидетельствует о тотальном произволе бессознательной, имагостазной мотивации современного этапа развития моделей социального взаимодействия. В то время как подлинный, неизвращенный смысл гуманизации социальности, прежде всего, предусматривает индивидуальное осознание необходимости реформирования *условий*, как всего лишь знаковых *условностей*, социальной жизни, во имя имагинации естественного состояния индивида, которое «*отвечает его сознанию и должно быть создано ним самим*»[1].

Либерализация «диктатуры» социальности над индивидуальной жизнью представлена реформой социального взаимодействия индивидов в направлении непосредственной кооперации как институализации перехода от коллективного имаго-комплекса «социума производственной организации» к не менее коллективному имаго-комплексу социальной организации как способу существования *социализированных*, в смысле обобществленных содержаний социальных отношений. Таким образом, на этом этапе должен произойти переход от экономических форм социальных отношений к его организационному взаимодействию как реальной предпосылке подлинно человеческого, имагинативного явленного существования общества.

Жесткая, знаково формализационная детерминация бессознательных имагинаций обусловила их превращение в исключительно имагостазный модус социализации бессознательного. Однако, эти процессы могут быть «сняты», на что авторы обращают внимание читателя, только в соответствии с диалектикой архетипа, гарантирующей восстановление природного имагогенезиса сознания.

Возвращение имагинациям – обобщенным результатам совокупности личностных освоений окружающего мира – исходной онтологической миссии воссоздает атмосферу творческого содействия индивиду со стороны первичной коллективности в осмыслении «прорицательских», «почвенческо-мифических» смыслов его бытия. Поэтому преодоление убожества современных, рефлекторно-знаковых форм социального взаимодействия способно высвободить примордиальную энергию, предназначенную для ее преобразования в такую форму отношений между людьми, где

---

[1] *Маркс К. Соч., т.1-50. М., 1955–1981. Т.20. С. 510.*

все общество выступает коллективным субъектом освоения диалектики архетипа.

Таким образом, подлинное преобразование имагостазных форм социального взаимодействия должно состоять в переходе от абстрактных формализаций архетипических содержаний сознания и деятельности, заключающейся в монополизации их означивания и узурпации толкований этих значений, к его обобществлению как *демонополизации* и социальной *приватизации* номенклатуры официальных значений, в то время, как наиболее доступной и потому господствующей формой реализации и одновременно механизмом этого распредмечивания выступает социальная рефлексия.

Традиционная философская категория «общественное сознание», описывающая не совокупность индивидуальных сознаний членов общества, а некое целостное духовное явление, отражающее господствующие социальные представления, на сегодняшний день, в условиях возрастающей массовизации современного социального взаимодействия, заполоненного номенклатурой общепризнанных знаков и значений, нуждается в существенном пересмотре. Это обусловлено, прежде всего, тем фактом, что по отношению к формам преимущественно бессознательного, коллективного «освоения» социальной реальности применение понятия «сознание» представляется авторам некорректным, поскольку оно как раз и является прерогативой исключительно индивидуального способа освоения действительности, да еще и взятого в его всеобщности.

В связи с этим, предлагается вместо него использовать термин «*социальная рефлексия*», наиболее точно характеризующий преимущественно рефлекторно-знаковый, имагостазный сценарий организации социального взаимодействия и адекватные технологии ее цивилизованной апологетики. Этот термин необходим для описания процессов официально организуемой и направляемой спекулятивной реконструкции архетипических бессознательных содержаний, обобщаемых, оформляемых и воспроизводимых посредством социального означивания в рамках устоявшейся логической системы институционально-значимых бессознательных имагокомплексов.

Хотя, в то же самое время, архетипически, именно «социальная рефлексия» призвана демонстрировать природные преимущества бессознательного как среды и непосредственного условия гармонизации имагостазной формы организации человеческой жизни, создающей естественные предпосылки онтологизации индивидуальных способов освоения мира, посредством их означивания в статусе всеобщего социального достояния. В современном мире социальная рефлексия выступает наиболее доступной и потому господствующей (но все же, преимущественно, бессознательной) формой реализации и одновременно действенным механизмом распредмечивания номенклатуры официальных значений-значимостей. Они представляют собой абстрактные формализации архетипических содержаний сознания и деятельности, в которых власть узурпирует и монополизирует пространство индивидуально «добытого» смысла, превращая его, посредством корпоративной приватизации, в систему знаков социальной реальности.

Именно логизированный вариант социальной рефлексии становится ведущим средством в формировании новых социальных горизонтов развития сознания. Целый ряд учеников и последователей К.Юнга, размышляя над ролью архетипов в организации социального взаимодействия, выдвигают гипотезу о том, что современные модели коммуникации основываются на бессознательном манипулировании промежуточным этапом диалектики архетипа в сознании, номинированном К.Юнгом бинарной конструкцией «Анима/Анимус». Так Э.Самуэлс, анализируя многовековую практику социального (маскулинного) вытеснения/сублимации содержаний этих архетипов, приходит к выводу, что «*культурные изменения нашего времени сосредоточиваются на роде, поле и браке. Видимо, возникает новая атмосфера, и возможно, социальная и политическая борьба женщин играет здесь роль. Мне кажется, мы можем использовать определенную теорию о том, что анимус и анима в равной степени существуют как для мужчин, так и для женщин, и сказать, что мы все больше живем в мире анимы, в анима-тированном мире. Если мы отделим аниму от сизигии (где она всегда связана с анимусом), от персоны (где она всегда является "низшим", бессознательным фактором), от*

эго (где она всегда "используется"), от самости (где она всегда теряется при сравнении), тогда мы можем получить инструмент, даже методологию для понимания наших культурных злоключений»[1]. Однако, несмотря на несколько волн институализации феминизма, наделения его представительниц политическими правами, европейская, а вслед за ней и мировая «*культура по-прежнему патриархальна, и Юнг и его аналитическая психология – часть этой патриархальности. Здесь я говорю не лично о Юнге, но о том, как аналитическая психология окрашена, структурирована и контролируется патриархальной перспективой. Сущность патриархата состоит в том, чтобы испытывать потребность в том, чтобы расставить вещи по своим местам. Она характеризуется порядком, возможно, разделением по ранжирам, безусловно, дисциплиной. Даже наше использование языковых подпорок, поскольку мы едва ли рассматриваем какой-либо элемент, не рассматривая чего-то ему в противовес*[2]*. Патриархат не любит "размытого осознания", он не ищет "мудрости взамен"; он презирает чувство "элементарного бытия"; "размышления при луне" не одобряются. Все это анима*»[3].

В то же время, авторы приходят к выводу, что проанализированные в юнгианстве социальные тенденции развития архетипов, указывают на уже традиционную практику недиалектического бытия сознания в условиях современного социального взаимодействия. И даже если элементы «Анимы» и обнаруживаются в тех или иных его формах, тем не менее, они являются всего лишь частными способами институализации отдельных архетипических содержаний. Однако наличная практика социализации архетипа и неминуемые политические неудачи, которые возникают в этой связи, всего лишь указывают, что на уровне социальных представлений и стереотипов современное человечество, как и много тысячелетий назад, находится в деструктивной оппозиции в отношении собственных неосвоенных содержаний архетипа «Тени» как следствии генерализации затяжного конфликта человека с самим собой.

В контексте разработки социальных аспектов теории архетипов К.Г.Юнга, авторы приходят к выводу о целесообразности использования термина «социальная рефлексия» именно для характеристики этапа социального, имагостазного «освоения» архетипа «Тени» – совокупности архаичных, примитивных, недифференцированных и невостребованных содержаний социального взаимодействия, традиционно означенных, поэтому, преимущественно негативно. «Тень» в «социальной рефлексии» выступает аморфной массой бессознательного, темной, бесцветной, бесконтурной, эфирной субстанцией, освоение которой позволяет структурировать и проявлять историческую «затененность» социальности, осаждать «мутность» социализированного бессознательного, расцвечивая и осмысливая непосредственность и актуальность первичных имагогенных направлений эволюции сознания.

Таким образом, именно социальная рефлексия как способ исключительно рефлекторно-знакового освоения бессознательного выступает необходимой предпосылкой явления и последующего саморазворачивания принципов осознания окружающего мира, осуществляемого в соответствии с диалектикой архетипа, являющей мерность развития Жизни, Общественного Бытия и Сознания.

Результатом именно социального «оприходования» содержаний коллективного бессознательного выступает явление и конституирование социально значимого Образа архетипа «Тени». В этом контексте он полагается необходимым виртуальным оппозиционным полюсом процессов социализации знаков и становится символом возрождения диалектики приращения коллективного опыта. Именно поэтому индивидуальные сознания, оформляющиеся как результаты длительного процесса рефлексивного социального отбора, получают возможность созерцать и

---

[1] *Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы… С. 361.*

[2] *Там же. С. 362.*

[3] *См.: Claremont de Castillejo I. Knowing Woman: A Feminine Psychology. N.Y. : Harper & Row, 1973. P.15; Hillman J. The Myth of Analysis. Evanston ; Illinois : Northwestern University Press, 1972. P.111; Jung E. Animus and Anima. N.Y. : Spring, 1957. P.87; Perera S. Descent to the Goddess //A Way of Initiation for Women. Toronto : Inner City, 1981. P.85.*

впоследствии осваивать многообразие Жизни в непосредственном общении с Архетипическим Пантеоном. Таким образом, социальная рефлексия по поводу «Тени», с одной стороны, реконструирует сложнейшую систему бессознательных связей, онтологизирующих Жизнь человека и образующих смысл его общественного существования, а, с другой – возвращает бессознательным символам и имагокомплексам их исконный, имагогенный творчески-созидающий потенциал.

Феноменология «Тени» в рамках социальной рефлексии завершает многовековой этап автономно со-бытия индивида и социума. Посредством искусственного, образно-эмоционального демарша (гигантского по своим масштабам и социальной конфликтности как закономерного результата институциональной деградации принципов общественного существования и структурированного надругательства над Жизнью), индивидам наглядно доказывается незначительность модуса прежнего социального взаимодействия, специфика которого внеположена даже принципам инстинктивной организации Природы.

В силу этого, знаковая иерархия «окосневших» образов, символов и смыслов, «протестированная» в процессе социальной рефлексии на соответствие онтологическими основаниями бытия, изживается. Явленная «Тень» лишает права формального существования все аксео- и иные -логические неподлинности социального взаимодействия, все сфабрикованные ним значимости. Они были первоначально изъяты из процессов имагогенного развития сознания, а в последствии – безжалостно изгнаны из реальности жизнеутверждающего, творческого взаимодействия с бессознательным, превратившись в «шабаш» знаковых «призраков» социально освященной и отвлеченной значительности.

Бесцельные, «холостые» блуждания социальности эпохи диктатуры экономических форм индивидуального и коллективного взаимодействия в потемках архетипического безвременья не создают даже видимости естественно течения эволюции, а уж тем более не заслуживают претенциозного статуса закономерного «социального развития» как модуса «витализации» предпосылочных архетипических содержаний сознания и деятельности. Подобные «постановочные трагедии» отражают неумолимую «беспринципность» бессознательного и архетипа, дидактически возвращающего обывателя к уровню его первоначальной душевной чистоты. В то время как всякий, внеположенный институциональной «приватности» социальный опыт, подвергается аксеологическому «очернительству» и инфляционному опустошению, а весь иной, недифференцированный, неосвоенный социальный опыт «директивно» вытесняется в «Тень» и этим актом всяки раз реанимирует ее. Таким образом, именно «Тень» официально «назначается» ответственной за ретрансляцию из эпохи в эпоху всего балласта неосвоенного, невостребованного социального опыта. И, как только очередной господствующий «изм» дает роковой административный «сбой», в одночасье «Тень», «выбрасывая» весь массив неоприходованного им рефлекторно-знакового стажа цивилизации, актуализирует в рутине ее функционирования перманентный, самовоспроизводящийся и лишь временами затухающий приступ бессознательного «мракобесия» как социального апофеоза «Тени».

В подобных случаях, властвующий уклад в качестве «социального штрафа», «репарации» за формально нелегитимное «потворство» процессам ненормированного воспроизводства бессознательности, приводящее к неконтролируемой инфляции официальной значимости «теневой стороны» социального взаимодействия и угрожающее, в силу этого, «оттеняющей» социальность власти, вынужден авральной, посредством грубой силы закона, восстанавливать обыденный баланс «Свето-Тени». Следует особо подчеркнуть, что имагостазная модель социального взаимодействия всегда тотально «насилует» «Тень» (происходящую из индивидуально неосвоенных содержаний сознания), уродуя и обезображивая ее. Хотя в рамках архетипической диалектики образа, «Тень», как и все другие, явленные сознанию архетипы, аксиологически нейтральны, как раз в силу своего экзистенциального всеведения.

Таким образом, вопреки своей исконной, индивидуационной роли, «Тень», приобретая официальный статус «естественного» фона социального «развития» (при попустительстве и потворстве, претендующей на воплощенный «Свет», а фак-

тически испокон веку отождествлявшейся именно с нею власти), превратилась в негативный, внешний, господствующий над социальностью рок. Именно власть принудительно «табуирует» социальную рефлексию «Тени» как сферы противоположенного ей бытия, во-первых, для поддержания своего автономного от реальности имиджа «Святости», «Светлости», «Люциферовой Светоносности».

Во-вторых, власть бессознательно воспроизводит сформированную нею систему знакового «от-тенения» общества посредством создания специальных институтов имаго-комплексов, «производность» которых от государства еще не означает их автоматического отказа от претензий быть «святее Папы Римского» по отношению к «святости» родительской власти. Как правило, они представляют альтернативные официальным, бессознательным, имагостазным слепкам, институциональные «дубликаты» государства, закономерно порождаемых социальной системой в «припадках» верноподданнического, раболепского «бреда». Их почетной «функциональной обязанностью» становится планомерное повышение доли уставного капитала «Тени» в социальном бюджете, отправляемое в форме тотального, скрупулезного отслеживания процессов перехода членов социума из контингента номинальных, в статус реальных «преступников» формального со-бытия человека и власти.

В-третьих, власти постоянно требуется адекватная социальная легитимация необходимости своего имагинативного функционирования в форме *государства – аппарата организованного и «узаконенного» рефлекторно-знакового насилия, единственной на сегодняшний день, институциональной, бессознательной альтернативы образно-символическому, индивидуальному освоению содержаний «Тени»*. Комплекс априорной, имагостазной «святости» провоцирует и «благословляет» власть, по определению неявляющуюся «Тенью» сознания, посредством государства, бороться с ее «оппозиционными» интерпретациями, вплоть до физического устранения их индивидуальных «носителей», фактически и составляющих пространство социального взаимодействия. В результате достижения «критической массы» сознательных освоений, «Тень» потенциально способна к самоорганизации и к дальнейшему продвижению к своим архетипическим первоосновам.

В ходе «священной войны» власти и общества за его окончательное освобождение ценою полного уничтожения от «беспросветности» ига «Тени», происходит фактическое, не отягощаемое более индивидуальными посягательствами на священную государственную монополию ее интерпретаций, тотальное и окончательное слияние власти с «Тенью». Таким образом, власть узурпирует право «толкования» противоположностей «Тени» и «Света», обуздывая собою бытие, становящееся отныне *абсолютным социальным бытием «Тени».*

Именно содержащийся в архетипе «Тени» коллективный образ бессознательного обуславливает ее исключительно экзистенциальный смысл, способный явить социуму эпохи социальной рефлексии содержательные потенциалы следующих за ней уже в индивидуальном освоении бессознательного архетипов, что и определяет «Тень» и как сущность экономической модели бессознательного социального взаимодействия, и как единственно доступный и возможный образ его «снятия».

На этапе снятия «Тени», воинствующий, деструктивный, социально-групповой, клановый субъективизм как формообразующий признак гомогенной среды социального взаимодействия должен эволюционировать к осваивающему, майевтическому субъективизму мифа, единственно способному высвободить мощные энергетические потоки архетипического опыта. А итогом процессов имагинации в этом контексте является витализация тысячелетнего опыта человечества, бессознательно сдерживаемого всей социальной практикой. Только миф – естественная среда коллективного бытия архетипа выступает как историческим, так и логическим способом осуществления опыта человеческого освоения Жизни, и именно эпоха социальной рефлексии характеризуется эволюцией социума от рефлекторно-знакового, пропагандистского оформления и эксплуатации мифа в направлении его преимущественно образного, символического и смыслового бытия.

Таким образом, историческая, онтологическая, ментальная миссия социальной рефлексии архетипа «Тени» заключается в феноменологической пропедевтике

индивидуальных сознаний, проявляющей в них свойства диалектической устойчивости к парадоксальности, взаимной открытости безграничности и естественности *всевозможности* деятельного освоения мира. Именно в ходе социальной рефлексии на этапе освоения коллективных способов взаимодействия с бессознательным, осуществляется архетипическое измерение потенциала жизненности модусов социального взаимодействия. Именно «Тень», при всей ее архаичной непрезентабельности, по праву исконной содержательности, «дающей фору» любым, противоречащим диалектике архетипа, типам социальности, «оттеняет» меру их враждебности и неестественности индивиду.

Результатом освоения «Тени» является обретенная возможность понимания каждым индивидом как элементом социальной системы диалектики *витального* как не только не антагонистического *социальному*, но и как первореальности, онтологической предпосылки развития сознания и личности. В связи с этим, каждый человек, осознавший, что единственной неотторгаемой в пользу какого бы то ни было социума или его института реальностью является многообразие его жизненных проявлений и, в конце концов, является образом бытия общества как такового. Таким образом, именно коллективное освоение «Тени», выступает кардинальной «проверкой» человечества на его способность и готовность вернуться в архетипическое лоно жизни.

Следует обратить внимание, что имагинативная диалектика архетипа «Тени» в предметности мира социальных взаимодействий явлена, на первом этапе, эволюцией институционального диктата *экономических* (в направлении к *формальной свободе) организационных* способов бытия. Это происходит пока еще лишь посредством создания дифференцированной системы формальной регламентации социально-экономического производства. В рамках этого этапа намечается и завершается переход от унифицированных норм социального функционирования к универсальным нормативам, регулирующим социальное взаимодействие. Характерно, что природа *нормы* как социального образца, правила, трудового принципа, закона, признаваемого социальной организацией, и в той или иной форме и обязательного к исполнению состоит исключительно в подчиненной, инструментальной функции по отношению к господствующим в социуме ценностям и идеалам.

В результате чего, социальность «логично» превращает предельно формализованную *норму* в господствующий методологический принцип, институализирующий диктатуру естественной, экономизированной необходимости социального взаимодействия. Подобный социальный контекст фактически отождествляет *норму* с *формой* (как об этом упоминалось несколько выше), что, с одной стороны, неминуемо ведет к формализации *нормы*, выражающейся в предельно функциональном, внешнем способе отправления закона, который выхолащивает не только его дух, но и букву. С другой стороны, это приводит к *нормативизации* формы, то есть к официально закрепленному в законе примату формы, в рамках которого любое, номинально противоречащее ей «подзаконное» содержание, автоматически объявляется «вне закона».

Рефлекторно-знаковая сущность *организационного норматива* состоит в создании возможностей для социального, коллективного «творчества», его последующем структурировании, состоящем в официальном провозглашении лишь стратегических направлений и выстраивании на этой основе системы социально-значимых приоритетов. В рамках нормативной системы преодолевается «холодное», формальное безразличие закона к персонализованной специфике процессов социального взаимодействия, выражающееся в пренебрежительном, «высочайшем» надзоре за официально допустимыми «габаритами» социального, коллективного «творчества». В отличие от закона, снискавшего себе на протяжении социальной истории позорную славу главного агрегата сопряженной с государственной еще и «судебной машины», организационные нормативы более гибки, лояльны, дружественны по отношению к индивидуально окрашенным, имагинативным, творческим содержаниям.

Плюрализм экономических нормативов (детерминирующих модусы социального взаимодействия), само создание которых уже свидетельствует о начале нового этапа коллективного освоения этого типа отношений, позволяет в значительной ме-

ре преодолеть его предельную знаковую абстрактность, которая для людей эпохи *социальной организации* общества как реальной альтернативы его *экономической организации*, в этих условиях, становится более предметным и зримым. От диктатуры закона (знака), автоматически «выносящего за скобки» любой, неадекватный ему феномен, социум переходит к направляющим нормативам (образам), которые самим своим появлением обязаны предварительному существованию индивидуальных, имагогенных содержаний, перманентно нуждающихся в коллективном признании, что и осуществляется в процессе их личностного обобщения (осмысления).

Там же, в рамках организационных нормативов, происходит решающая деноминация экономической модели социального взаимодействия, придающая индивидуальному творчеству качества *социально значимого*, и включение феноменов индивидуального творчества в социальную орбиту. Именно так осуществляется публичная демонстрация вековой, открытой враждебности архетипическим принципам бытия общества «экономических законов» социума (как закономерного результата диктатуры бесчисленного ряда рефлекторно-знаковых, производственных формализаций исконных индивидуальных содержаний сознания и деятельности). А факт выявления предметности имагостазных моделей социального взаимодействия (вследствие переосмысления имагогенности деятельных отношений индивидов с производимыми ими вещами) позволяет образовывать и их коллективные, бессознательные *имаго-комплексы*.

Дальнейшее «преодоление» экономических моделей социального взаимодействия состоит в выделении, посредством социальной рефлексии, из всего массива неосвоенных имагинативных социальных значений, реально значимых как для конкретных производителей, так и для социальной организации в целом. Восстановление первично-коллективных содержаний, социально представленных в абстракции продукта, который, по отношению к человеку теперь лишается дистантного статуса «второй природы», позволяет квалифицировать это событие как своеобразный рубеж «примирения» всегда оппозиционных индивиду, институциональных моделей социального взаимодействия и архетипически осваивающего мир сознания.

Коллективно образуемая предметная реальность социального взаимодействия являет затрудненную ранее и потому имагогенно неосвоенную природу трудящегося человека, именно в раскрытии которой его сущность начинает образовываться и символизироваться. Таким образом, непосредственно явленная предметность мира, выступает источником и стимулом развития индивидуального сознания, что позволяет человеку выйти на уровень исходного потенциала естественности бессознательного, освоение которого выступает единственной альтернативой истории формализаций социального взаимодействия.

Посредством архетипических имагинаций мира социум «полагает» социальную рефлексию как априорный – исторически и логически – предел возможностей коллективных способов освоения бытия. Имагинативно явленная чувственная реальность (как только что пробившихся ростков) свойств продукта воссоздает исконное материальное единство человека и природной среды его бытия, выступает образом естественной коллективной организации существования человека – целостного, природного организма – как архетипической альтернативы рефлекторно-знаковой, предельно формализованной, властной системе социальной организации, административная «анабиотичность» и иерархическая «низменность» которой перманентно демонстрируется формально-государственным модусом вульгарной социализации бессознательного.

Именно с началом освоения сущности власти (фиксированной «фикции» социальной значимости) и государства (как институализированной иерархии организации производственной эксплуатации сознания и деятельности), социальная рефлексия вступает в завершающий этап коллективного снятия имагостазного сценария социального взаимодействия. Государство как господствующий модус институциональной власти в моделях социального взаимодействия эволюционирует от формальной, надстоящей, подчиняющей, с*держ*ивающей силы к содержательно рядоположенному каждому индивиду феномену. И если раньше социальность лишь оформляла себя в виде власти, то теперь общество берет на себя коллективную

ответственность за «содержание» власти, которая, посредством такого рода «осодержанивания», перестает быть враждебной ранее отринутому от нее человеку.

При этом, она начинает отвечать своим исконным значениям[1]. Таким образом, обобществленное и коллективно освоенное государство имагинативно реформируется, становится открытым потокам индивидуальных содержаний и начинает взаимодействовать с ними, создавая предпосылки возврата бытию человека всей его априорной архетипической, образно-символической содержательности. И теперь власть предстоит перед индивидом во всей своей непосредственности, созерцание которой открывает перед ним ее подлинные основания, фиксирующие извечную бессознательную капитуляцию человечества перед извращенными «фантомами» и «галлюцинациями», мнящимися ему отвратительнейшим, мерзейшим Молохом, систематически пожирающим имагинации сознания, сформированными частью его же собственной непознанной натуры, «черной кошкой» в «Темноте» институализированной, коллективной бессознательности пространства социального взаимодействия.

Таким образом, социальная рефлексия позволяет социуму конституировать бессознательное как не только неотъемлемый спутник процессов освоения мира, но и имманентное качество сознания как такового. В этом виде завершается подготовительный, преимущественно коллективный этап перехода к непосредственному, индивидуально-творческому общественному бытию, «снимающий» господствующие, государственно-гарантированные, властно-обеспеченные формы социального взаимодействия, и представляющий эволюцию диалектики архетипа «Тени» в развенчании формальности любых признаков социального прогресса в рамках истории цивилизации.

Именно поэтому прогресс как единственно значимый, абстрактный, формальный показатель динамики социального изменения в рамках истории заключается всего лишь в количественной, инфляционной, по своему характеру, интенсификации экономизированной, «естественной необходимости» (при полном отсутствии ее качественного освоения). Таким образом, социальный прогресс, на этом этапе, мог быть исключительно прогрессом социализации бессознательного, а «частность» хаотически и спорадически возникающих элементов «свободы», детерминировала ее лишь в статусе деструктивной «свободы «от» и «над», далекой не только до подлинной, но даже от созидающей свободы «для» и «в». Поэтому, единственной прежней «заслугой», искусственного в своей основе и во всех проявлениях прогресса, с точки зрения авторов, представляется состоявшееся «доведение» экономических форм социального взаимодействия до его логического, «рефлекторно-знакового» завершения.

Итак, высвобожденная в результате снятия властно-государственной «надстройки» предметность мира имагинативно образует общественные предпосылки появления «интимного» пространства бытия индивида. Принципиальное признание обществом первичности, созидающего предметность жизненного пространства индивидуального творчества, впервые за тысячелетия социальной истории, позволяет раскрывать сущность предметно-индивидуального освоения мира, «*раз-означив*» тем самым его вековое социальное бытие. Имагинативно созидаемый предметный мир становится, с одной стороны, исходным материальным условием для укоренения, а, с другой – духовной предпосылкой необратимости процессов сознательного освоения всего многообразия бессознательного, архетипического опыта жизни. И чем больше бессознательных содержаний удается имагинативно «опредметить» человеку на протяжении жизни, тем глубже и мудрее предстает сознательно образуемый им мир, так как каждый из сотворенных человеком предметов несет на себе отпечаток его личностного развития, в каждом из них он имагинативно являет обществу себя. Таким образом, имагинирующий интимное пространство своего бытия индивид испытывает катарсический, экзистенциальный «шок» от явленных ему его же собственных бессознательных содержаний в сотворенных ним предметах.

---

[1] См.:Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. Ст. Власть, волость. С. 344.

Предметное творчество как воплощение индивидуальных бессознательных содержаний несет на себе архетипически предуготованную от-«Тененность» тайны извечного взаимного вопрошания материи и имагинативно осваивающего ее сознания. Поскольку «материя» вновь созданного предмета еще не явила ни своего «родства» с индивидом, ни любых иных признаков жизни или смерти именно в силу того, что мера ее общественного бытия не тождественна как мере индивидуального ее имагинативного освоения, так и мере личностного, экзистенциального, деятельного, онтологического вопрошания к ней (являя «*мертво*сть» или «не*мертво*сть» образованного мерой его *освоения* или *отчуждения* мира).

В этой связи, рефлекторно-знаковое, институционально патронируемое, имагинативное отождествление с «Тенью» фактически означает индивидуальную и социальную «смерть». Для человека, отказавшегося видеть себя мерой бытия, перестает существовать «Свет» и «Святость». Отныне он для мира «помер», «померк», так как «померян» последней мерой и «примирен» с миром, с Жизнью и Смертью. Характерно, что известное латинское изречение «*memente more*»[1] как раз предупреждает о необходимости соблюдения меры во всем, в том числе и в индивидуальном *отрицании* архетипических истоков своего бытия. Таким образом, мера сознательного освоения материи образует имаго-комплекс «снятия» социальной враждебности между жизнью и не-жизнью, материей и духом, материей и сознанием, полагаемый отныне в своем исконном качестве – естественного проводника и архетипического майевта сознания в сфере коллективного бессознательного.

Индивидуальное творчество до тех пор будет иметь в обществе официальный статус специфической «формализации» мира, пока его содержание и смыслы не станут достоянием иных индивидуальных сознаний, пока длительное, кропотливое освоение не станет естественным способом осуществления свободы. Творческие, имагинативно представленные содержания архетипа позволяют воспринимающим и осваивающим их людям совершенствовать личные, бессознательные содержания – минимум до заданного любым произведением «стартового уровня» осмысления как искусства личностного майевтирования мира. Индивидуально-творческий, имагинативный «диалог» с бессознательным, приумножающий энергетический потенциал архетипа, осуществляется в процессе общественного признания значимости процедуры авторского проявления, оформления и развития исходных индивидуальных, бессознательных содержаний, имагинативно воплощенных в его произведении.

С точки зрения авторов, лишь подобные ритуальные приобщения социума к непосредственности бытия архетипа в виде индивидуальных имагинаций бессознательных содержаний, осуществляемые в лоне социально осваиваемых, организационных нормативов, способны придать феномену творчества и феномену Творца *значение* подлинного общественного достояния. Опредмеченные и общественно организованные индивидуальные содержания образуются как непреходящие культурные смыслы бытия – *вне-частные* и вневременны́е феномены – символы перманентного, естественного, творческого взаимодействия бессознательного и сознания, становясь для последнего ментором в мире «сдруживающихся» противоположностей.

Этап коллективного освоения «Тени» отражает, с одной стороны, переход от означивания социального взаимодействия как всего лишь «не-мертвого» к его освоению как «живого» (общественного). Этот переход осуществляется посредством имагинирования индивидом архетипических качеств, позволяющих, с другой стороны, осваивать материю как один из возможных образов, являющих жизнь. Вековая социальная, историческая догма о «мертвости» материи как нельзя явственно свидетельствует о том, что именно сам человек еще *недостаточно жив*.

Опасное, но в то же время, подлинно нуминозное, деятельное имагинативное путешествие не *вдоль*, а *вглубь* материи образует перед человеком не банальную «ширь» цивилизованно «заплеванного» горизонта, а невиданный, перманентно чреватый открытиями, архетипический космос. Отныне мир, представавший раннее безличным «оно», является человеку одушевленным, величественным, рядополо-

[1] *Т.е.: «помни о смерти» – лат.*

женным индивидуальному сознанию, другим «Я». Фактически происходит слияние со-чувствия и со-знания, чувств и знания; и теперь *индивид чувствует, что́ он знает и знает, ка́к он чувствует.*

Итак, освоив в виде «Тени» «вторую» природу, человечество впервые коллективно возвращается в материнское лоно природы первой, витализируя архетип «Матери», одухотворяющий индивидуальные сознания образом всепорождающего и всепереживающего Материнства. Именно на этом основании общество может сроднится с природой, осуществляясь в дальнейшем При-Родно, сознательно преобразуя «изуродованную» социальной практикой при-родную непосредственность, во-самляясь как единый человеческий Род, что впервые в истории дает возможность говорить о появлении общности, названной древними людьми, Человечеством.

Одним из следствий витализации Родительства является возрождение редуцированной в имагостазный имаго-комплекс семьи как первосреды становления сознания и общественного бытия, посредством поступательного освоения содержаний архетипических, родовых фигур, снимающего вековое противостояние между институализированным официозом «бытия» и примитивной обыденностью «быта». Посредством явления образов «родительских» архетипов «маленькому» сознанию наглядно (от укр. «нагляд» – забота, опека) *показывается* первичная общественная, семейная «технология» имагогенного освоения противоположности Материнского и Отцовского образов с последующей онтологизацией их общественной равнозначности.

Необходимо подчеркнуть размеренный, естественный, совпадающий с диалектикой архетипа характер семейного научения, а также его ритуальность (индивидуальную по содержанию и общественную по форме освоения), которая обеспечивает непрерывность имагинативного творчества и его общественной апробации, эволюционность поколенческого опыта жизни (образующегося размеренностью приращения навыков семейно-мифического освоения мира).

Архетипическая имагинация индивидуального сознания в контексте «Тени» и последующая его онтологизация родительскими архетипами «Матери» и «Отца» обеспечивает естественность коллективного вхождения индивида в мир противоположностей опыта предков. Дальнейшее же совершенствование навыков «ориентации» в нем осуществляется в образовании развивающегося сознания с помощью диалектики парного архетипа «Анимы»-«Анимуса», априорная общественная сущность которого являет человеку возможность самостоятельного, индивидуального творения нового при-родного, витального опыта.

Квинтэссенцией имагинативных освоения содержаний «Анимы»-«Анимуса» является общественное признание и последующая онтологизация любви, прошедшей, путь от основного семейно-бытового «производственного отношения» до освященного обществом образа личностного, интимно-эмоционального творчества, непосредственного самоосуществления и самобытия жизни, символизирующего осознание обществом естественности бытия архетипа. В то же время, образование и приращение собственно общественного опыта как совершенствование реальности деятельного, коллективного взаимодействия, предусматривающего глобальные сознательные пре-образования мира, осуществляется менторством архетипической пары «Мудрого Старца»-«Мудрой Старухи».

Коллективное освоение диалектики взаимодействия сознания и бессознательного последовательно разворачивается на протяжении двух основных этапов, характеризующих специфику, с одной стороны, социально-рефлексивного принятия творческой сущности, а, с другой, личностно-общественного способа бытия архетипов. Первично бессознательные интерпретации того или иного архетипа, имагинативно разворачивающиеся в образах освоения «Матери», «Отца», «Анимы»-«Анимуса» и «Мудрого Старца»-«Мудрой Старухи», созидают меру индивидуальной и общественной свободы принятия архетипического покровительства развивающимся сознанием.

Следует отметить, что синкретичность этого этапа заключается в постепенном, социальном обобщении/имагинировании индивидуальных способов интерпретации архетипа, ритуализации их сущностей, преобразуемых в символические фе-

номены, вдохновляющие общество на распространение и означивание итогов индивидуального освоения как общечеловеческих смыслов, что и свидетельствует о принятии мифа в качестве единственного *онтоментального* основания бытия сознания. С другой стороны, мера освоенности бессознательного предполагает формирование некоторых новых специфических качеств сознания, заключающихся, по мнению авторов, в его способности вопринимать архетип в качестве сущностного, творческого, гармонического основания своего мифического бытия. В результате чего, имагогенность сознания свидетельствует о его выходе на уровень самостного существования, осознанного мифобытия человека и общества, содержательно тождественного началу качественно новой, естественной истории человечества.

БИОГРАФИИ ВЫДАЮЩИХСЯ МЫСЛИТЕЛЕЙ-УТОПИСТОВ[1]

Плато́н (др.-греч. Πλάτων, 428 или 427 до н. э., Афины – 348 или 347 до н. э., там же) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Следуя античным источникам, большинство исследователей полагает, что Платон родился в 428–427 годах до н. э. в Афинах или Эгине в разгар Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой. Платон родился в семье, имевшей аристократическое происхождение, род его отца, Аристона (465–424), восходил, согласно легендам, к последнему царю Аттики Кодру, а предком Периктионы, матери Платона, был афинский реформатор Солон. Также, согласно Диогену Лаэртскому, Платон был зачат непорочно. Первым учителем Платона был Кратил. Около 408 года до н. э. Платон познакомился с Сократом и стал одним из его учеников. Характерно, что Сократ является неизменным участником практически всех сочинений Платона, написанных в форме диалогов между историческими и иногда вымышленными персонажами. После смерти Сократа в 399 г. до н. э. уехал в Мегару. По преданию, посетил Кирену и Египет в течение 399–389 годов. В 389 году отправился в Южную Италию и Сицилию, где общался с пифагорейцами. В 387 году Платон возвращается в Афины, где основывает собственную школу – Академию. Впоследствии он вновь посещал Сицилию в 366 и 361 годах до н. э. по приглашению своего друга и почитателя Диона. По древним преданиям, Платон умер в день своего рождения в 347 году.

Аристо́тель (др.-греч. Ἀριστοτέλης; 384 до н. э., Стагир – 2 октября 322 до н. э., Халкида, остров Эвбея) – древнегреческий философ. Ученик Платона. С 343 до н. э. – воспитатель Александра Македонского. В 335/4 г. до н. э. основал Ликей (др.-греч. Λύκειο Лицей, или перипатетическую школу). Натуралист классического периода. Наиболее влиятельный из диалектиков древности; основоположник формальной логики. Создал понятийный аппарат, который до сих пор пронизывает философский лексикон и сам стиль научного мышления. Аристотель был первым мыслителем, создавшим всестороннюю систему философии, охватившую все сферы человеческого развития: социологию, философию, политику, логику, физику. Аристотель родился в Стагире (поэтому получил прозвание Стагирит), греческой колонии в Халкидиках, недалеко от Афонской горы, в 384 г. до нашей эры. Отца Аристотеля звали Никомах, он был врачом при дворе Аминты III, царя Македонского. Никомах происходил из семьи потомственных лекарей, в которой врачебное искусство передавалось из поколения в поколение. Аристотель получил греческое образование и был носителем этого языка, он симпатизировал демократическому об-

---

[1] *Большая советская энциклопедия. В 30 тт.; Энциклопедический словарь. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. в 86 тт.; Погорелый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю. Политологический словарь-справочник; Русские писатели 20 века. Библиографический словарь. М.: Просвещение. 1999; Энциклопедия «Кругосвет». URL: http://www.c-cafe.ru; Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org; ПомниПро: электронный мемориал. URL: http://pomnipro.ru/.*

разу правления, но в то же время он был подданным македонского правителя. В 369 году до н. э. Аристотель лишился родителей. Опекуном юного философа стал Проксен. Аристотель наследовал от отца значительные средства, это дало ему возможность продолжать образование под руководством Проксена, изучать растения и животных, что в будущем развилось в отдельную работу «О возникновении животных». В 347 г. до н. э. Аристотель женился на Пифиаде, приёмной дочери Гермия, тирана Ассоса в Троаде. В 345 г. до н. э. Гермий выступает против персов, за что был свергнут ими и казнён. Аристотель вынужден уехать в Митилины. У Аристотеля и Пифиады была дочь, Пифиада.

Мор Томас (англ. Sir Thomas More, более известный как Saint Thomas More; 7 февраля 1478, Лондон – 6 июля 1535, Лондон) – английский мыслитель, писатель, гуманист, святой Католической церкви. Томас родился 7 февраля 1478 года в семье сэра Джона Мора, лондонского судьи, который был известен своей честностью. Начальное образование Мор получил в школе Св. Антония. В 13 лет он попал к Джону Мортону, архиепископу Кентербери, и некоторое время служил у него пажом. Весёлый характер Томаса, его остроумие и стремление к знаниям потрясли Мортона, который предсказал, что Мор станет «изумительным человеком». Мор продолжил своё образование в Оксфорде, где учился у Томаса Линакра (англ. Thomas Linacre) и Вильяма Гросина (William Grocyn), знаменитых юристов того времени. В 1494 году он вернулся в Лондон и в 1501 году стал барристером. Первым деянием Мора в Парламенте стало выступление за уменьшение сборов в пользу короля Генриха VII. В отместку за это Генрих заключил в тюрьму отца Мора, который был выпущен на свободу только после уплаты значительного выкупа и самоустранения Томаса Мора от общественной жизни. После смерти Генриха VII в 1509 году Мор возвращается к карьере политика. В 1515 году он был отправлен в составе посольства во Фландрию, которое вело переговоры касательно торговли английской шерстью. (Знаменитая «Утопия» начинается со ссылки на это посольство.) В 1517 году он помог усмирить Лондон, взбунтовавшийся против иностранцев. В 1518 году Мор становится членом Тайного Совета. В 1521 году к имени Томаса Мора добавляется приставка «сэр» – он был посвящён в рыцари за «заслуги перед королём и Англией». 17 апреля 1535 года в результате разгоревшегося кофликта с Генрихом VIII, он был заключён в Тауэр, признан виновным в соответствии с «Актом об измене» и 6 июля 1535 года обезглавлен на Тауэр-Хилл. За верность католицизму Мор был канонизирован Римско-католической церковью и причислен к лику святых папой Пием XI в 1935 году.

Рабле́ Франсуа (фр. Rabelais François; предположительно 1494, Шинон – 9 апреля 1553, Париж) – один из крупнейших французских писателей эпохи Ренессанса, наиболее известен как автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». По мнению Бахтина, является одним из авторов, заложивших основы современной европейской литературы. Место и время рождения Рабле доподлинно не известны. Хотя большинство склоняется к тому, что он родился в ноябре 1494 года рядом с Шиноном, где его отец работал адвокатом. Местом его рождения считается поместье Девинье в Сёйи, где сейчас расположен музей писателя. В детском возрасте Рабле был отдан послушником в монастырь францисканцев в Фонтене-ле-Конт. Там он изучал древнегреческий и латинский языки, естественные науки, филологию и право, заслужив своими изысканиями известность и уважение среди своих современников-гуманистов. Позднее Рабле добился разрешения Папы Климента VII перейти в бенедектинский монастырь в Мальезе, где он встретил более тёплое отношение к себе. Однако Рабле покинул монастырь для обучения медицине в университетах Пуатье и Монпелье. В 1532 году он перебрался в Лион. Там он совмещал врачебную практику с редактированием латинских трудов для печатника Себастьяна. В 1532 году под псевдонимом Алькофрибас Насье Рабле опубликовал свою первую книгу – «Пантагрюэль. В 1534 году последовала её предыстория – «Гаргантюа». Оба произведения были осуждены богословами Сорбонны и католическими клириками за своё сатирическое содержание. Третья часть, опубликованная Рабле в 1546 году под его настоящим именем, также была запрещена. Рабле некоторое

время – в 1534 и 1539 годах преподавал медицину в Монпелье. Он часто путешествовал в Рим вместе со своим другом кардиналом Жаном дю Белле, также недолгое время жил в Турине у его брата Гийома. В 1545–1547 годах Рабле жил в Меце, где нашёл укрытие от осуждения парижских богословов. В 1547 году он был назначен викарием Сен-Кристоф-дю-Жамбе и Мёдона (отказался от этой должности незадолго до своей смерти в Париже в 1553 году).

Бэкон Фрэнсис (англ. Bacon Francis, 22 января 1561 г. – 9 апреля 1626 г.) – английский философ, родоначальник английского материализма. Фрэнсис Бэкон родился в Лондоне; был младшим сыном в семье сэра Николаса Бэкона, лорда-хранителя Большой государственной печати. В течение двух лет учился в Тринити-колледже Кембриджского университета, затем три года провел во Франции в свите английского посла. После смерти отца в 1579 г. поступил для изучения права в школу барристеров (адвокатов) «Грейз инн». В 1582 г. стал барристером, в 1584 г. был избран в парламент и вплоть до 1614 г. играл заметную роль в дебатах на сессиях палаты общин. В 1607 г. занял должность генерального стряпчего, в 1613 г. – генерального атторнея; с 1617 г. лорд-хранитель печати, с 1618 г. – лорд-канцлер. Возведён в рыцарское достоинство в 1603 г.; барон Веруламский (1618) и виконт Сент-Олбанский (1621). В 1621 г. был привлечён к суду по обвинению во взяточничестве, отстранён от всех должностей и приговорён к штрафу в 40 тысяч фунтов стерлингов и к заключению в Тауэр. Помилованный королём Бэкон не вернулся на государственную службу и последние годы жизни посвятил научной и литературной работе.

Кампане́лла Томма́зо (итал. Campanella Tommaso; 5 сентября 1568 –21 мая 1639, Париж) – итальянский философ и писатель, один из первых представителей утопического социализма. Родился в Калабрии в семье сапожника, денег на обучение в семье не было, и Джованни, влекомый жаждой познания в ранней молодости, вступил в доминиканский орден, где в 15 лет принял имя Томмазо. Он много читает, изучает труды античных и средневековых философов. Он сам пишет труды на философские темы. Ещё будучи юношей, он с блеском выступает на богословских диспутах. Однако в стенах монастыря он впервые встречается и с доносами завистников. Против него было сфабриковано дело за то, что он пользовался монастырской библиотекой без разрешения, его арестовывают и отправляют в Рим. И хотя его вскоре отпускают, подозрения остались. Началась пора скитаний. В своих странствиях он сталкивается с притеснениями и страданиями народа. Он приходит к выводу, что призван изменить существующий порядок и организовывает заговор с целью освобождения Калабрии от испанского ига. Он убеждает в этом священников монастыря, и они поддерживают его. Однако, планам Кампанеллы о создании свободной республики не суждено было сбыться. Предательство срывает задуманные планы, и в 1599 году Кампанеллу арестовывают по обвинению в составлении заговора с целью провозглашения республики. Он был приговорен инквизиционным трибуналом в 1602 году к пожизненному заключению и провёл в тюрьме 27 лет, пока, благодаря вмешательству папы Урбана VIII, не был выпущен на свободу в 1626 г. Последние годы Кампанелла жил во Франции, где кардинал Ришелье назначил ему пенсию. Большая часть сочинений Кампанеллы написана им в тюрьме и издана впоследствии стараниями его ученика, Тобиаса Адами. Свои политические и экономические взгляды Кампанелла излагает в «Civitas solis», «Questiones sull' optima republica» и «Philosophia realis». Их отличительная черта – смесь фантастического элемента со здравым, реальным представлением о жизни. «Civitas solis» изображает в форме романа идеальную страну – город Солнца.

Коменский Ян Амос (чеш. Jan Amos Komenský, лат. Comenius; 28 марта 1592, Нивнице, Южная Моравия – 15 ноября 1670, Амстердам) – чешский педагог-гуманист, писатель, общественный деятель, епископ Чешскобратской церкви, основоположник научной педагогики, систематизатор и популяризатор классно-урочной системы. Родился в семье члена общины Чешских братьев. Получил первоначальное образование в братской школе, в 1608-10 учился в латинской школе, затем в

Херборнской академии, Гейдельбергском университете, где приступил к созданию своеобразной энциклопедии – «Театр всех вещей» (1614-27) и начал работу над полным словарём чешского языка («Сокровищница чешского языка», 1612-56). В 1614 Коменский – учитель братской школы в Пршерове. В 1618-21 жил в Фульнеке, изучал труды гуманистов эпохи Возрождения – Т. Кампанеллы, Х. Вивеса и др. В 1627 Коменский приступил к созданию труда по дидактике на чешском языке. В связи с гонениями со стороны католиков Коменский эмигрировал в Польшу (г. Лешно). Здесь он преподавал в гимназии, закончил свою «Дидактику» на чешском языке (1632), а затем переработал её и перевёл на латинский язык, назвав «Великой дидактикой» (1633-38), написал первое в истории руководство для семейного воспитания – «Материнская школа» (1632). Коменский усиленно занимался разработкой идей пансофии (обучение всех всему), которые вызвали большой интерес европейских учёных. Научное обоснование её принципов, учебный план, распорядок дня были изложены Коменским в сочинении «Пансофическая школа» (1651). Переехав в Амстердам, Коменский продолжал работу над начатым ещё в 1644 капитальным трудом «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», в котором дал план реформы человеческого общества. Полностью труд опубликован на латинском языке в Праге в 1966 году. Итог своей долгой жизни Коменский подвёл в сочинении «Единственно необходимое» (1668).

Уинстэнли (Winstanley) **Джерард** (1609, Уиган, графство Ланкашир, – после 1652), английский социалист-утопист, идеолог диггеров – крайне левого крыла революционной демократии в период Английской буржуазной революции 17 в. С 1630 жил в Лондоне. Был учеником, затем членом компании торговцев готовым платьем. Разорившись, около 1643 стал работать по найму в графстве Суррей. Начало его проповеднической деятельности относится к середине 1640-х гг. Прибегая к мистической аргументации, Уинстэнли в многочисленных памфлетах изложил своё социальное учение, составными частями которого являются «закон социальной справедливости», обоснование необходимости демократического аграрного переворота, проект «Свободной Республики». В 1649 Уинстэнли возглавил выступление диггеров, знаменовавшее кульминационный пункт развития революционно-демократического движения в Англии в середине 17 в. Основал близ местечка Кобем колонию диггеров, ставшую первым в новой истории коммунистическим экспериментом. После разгрома колонии (весна 1650) Уинстэнли написал своё идеологическое завещание – коммунистическую утопию «Закон свободы» (1652), в которой впервые отчётливо связал социальные идеалы коммунистического общества с чаяниями бедноты, а свободу гражданина характеризовал прежде всего как свободу от нужды.

Бержерак Эркюль Савиньен Сирано де (фр. Bergerac Hercule Savinien Cyrano de, 6 марта 1619, Париж – 28 июля 1655, Саннуа) – французский драматург, философ, поэт и писатель, предшественник научной фантастики, гвардеец. Прототип героя пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Сирано родился 6 марта 1619 г. в Париже. Посещал колледж в Бове, потом вместе с Мольером посещал учебные занятия философа Гассенди. Добавил к своей изначальной фамилии «де Бержерак» (название родового имения Сирано) в 1639 г. Поступив на военную службу, в составе королевской гвардии при осаде Музона в 1639 году, был ранен в боях. Сирано участвовал в осаде Арраса (1640), под которым был ранен, и хотя излечился, но 15 лет спустя умер именно от последствий этой раны. В 1645 г. из-за проблем со здоровьем оставил военную службу. В 1646 г. состоялась театральная премьера его пьесы «Проученный педант». Самое знаменитое сочинение Сирано де Бержерака – опубликованная посмертно романная дилогия под общим названием «Иной свет» (L'Autre monde, 1650-1662), где Сирано описывает от первого лица воображаемое путешествие на Луну и Солнце и жизненный уклад тамошних аборигенов. Издатель существенно обеднил оригинальный текст писателя, лишь в двадцатом веке он был восстановлен по обнаруженной рукописи. Бержерак скончался 28 июля 1655 г. в Саннуа.

Вера́с Дени́ (фр. Veiras d'Allais Denis, ок. 1630 – ок. 1700) – французский протестант, пришедший к деизму, автор известной утопии «История севарамбов». Верас родился в протестантской мелкобуржуазной семье в городке Алес (Лангедок, Франция). Карьеру он начал с того, что записался в королевскую армию и два года участвовал в войне за Пьемонт. После этого получил образование и в 1660 году стал доктором права. Верас готовился зарегистрироваться в качестве адвоката в парламенте Тулузы, но из-за религиозных преследований протестантов вынужден был эмигрировать в Англию. Там он служил у второго герцога Бэкингема, был вхож в общество секретаря адмиралтейства Сэмюэла Пипса. Именно в Лондоне в 1675 году, на английском языке, вышло первое издание его единственной книги. После опалы Бэкингема Верас вернулся во Францию, но после возобновления Нантского эдикта вновь был вынужден эмигрировать, на этот раз в Голландию, где следы его теряются.

Мелье Жан (фр. Meslier Jean; 15 июня 1664 – 17 июня 1729) – французский философ-материалист, атеист, утопический коммунист, католический священник. Сын деревенского ткача, Мелье по настоянию родителей стал сельским католическим священником в 1689 году. Без жалоб и проблем 40 лет он провёл в качестве священника в Шампани, но был всю жизнь атеистом. Лишь раз все же не удержался – очень уж допёк крестьян местный помещик сеньор де Тули (дело было в 1716 г.). Жан Мелье обвинил этого помещика во время церковной проповеди в алчности и жестокости и отказался упоминать его имя в молитвах. Возмущенный помещик направил донос Реймскому архиепископу, тот приговорил Мелье к месяцу отсидки в монастырском карцере и к покаянной службе (на мягкость приговора повлияла либеральная атмосфера после смерти Людовика XIV). Когда Мелье, отсидев месяц на хлебе и воде, вернулся в родную деревню, оказалось, что помещик только что скончался. Своё единственное сочинение «Завещание» закончил незадолго до смерти, уже почти слепым. Целиком оно было издано только в 1864 в Амстердаме. «Завещание» было переписано в трёх экземплярах. Один экземпляр был отправлен в нотариальную контору с наказом огласить перед прихожанами после смерти автора; второй – в контору Реймского архиепископата; третий – либеральному адвокату Леру. В двух первых инстанциях от крамольной книги пришли в ужас и сожгли её сразу и без колебаний. В «Завещании» содержались критика тогдашней действительности, идеи атеизма, мечты об идеальном общественном устройстве.

Мабли́ Габриэ́ль Бонно́ де (фр. Mably Gabriel Bonnot de; 14 марта 1709, Гренобль – 2 апреля 1785, Париж) – аббат, французский просветитель и социальный философ, автор трудов по международному праву, социально-политическим вопросам и истории. Мабли был братом Кондильяка и двоюродным братом д'Аламбера. Родился в богатой семье, принадлежавшей к «дворянству мантии» и связанной родственными узами с кардиналом де Тансеном и его сестрой мадам де Тансен, хозяйкой известного парижского салона. Решением семьи был предназначен к духовному званию и отправлен в иезуитский коллеж в Лионе. Закончив его, уезжает в Париж и с помощью своего дяди кардинала де Тансена поступает в семинарию Сен-Сюльпис. После рукоположения в суб-диаконы оставляет семинарию, удаляется в Гренобль и делает наброски работы о политических реформах. Возвратившись в Париж, посещает салон мадам де Тансен, знакомится с Ш. Л. Монтескьё, К. А. Гельвецием и другими знаменитостями. В 1740 году публикует свой первый труд – «Параллели между римлянами и французами». «Параллели» принесли Мабли известность и помогли стать секретарём кардинала де Тансена, назначенного в 1742 году министром иностранных дел. Энергичная и умелая деятельность Мабли была замечена многими, король всё чаще стал прислушиваться к его мнению, однако в 1746 году он уходит из министерства и с тех пор занимается исключительно литературным трудом. Оберегая свою независимость, Мабли уклоняется от чести стать членом Французской Академии и воспитателем наследника престола.

Дешан (Deschamps) **Леже Мари** (10.1.1716, Ренн, – 19.4.1774, Монтрёй-Белле), французский философ-материалист, монах-бенедиктинец, казначей мона-

стыря Монтрёй-Белле. При жизни были изданы анонимно лишь две небольшие работы Дешана. Основное сочинение «Истина, или Достоверная система», написанное в 1770-х гг., было найдено в архивах библиотеки г. Пуатье лишь в 1864-65; некоторые рукописи Дешана не опубликованы до сих пор. В духе спинозизма Дешана утверждал существование «универсального целого», или «всего», как конечной основы мира, проявлениями которой являются чувственные существа. Безусловное знание об «универсальном целом» доступно только разуму, чувствам же доступны составляющие это «целое» части, отдельные физические существа. В истории общества Дешана выделял три «состояния»: естественное, гражданское, основным злом которого является частная собственность, и идеальный «строй нравственности», осуществляющий социальное равенство и общее благополучие. Признавая религию «суррогатом истины», Дешана считал, однако, атеизм возможным лишь в идеальном обществе, путь к которому видел в распространении «истины».

Морелли Этьенн-Габриэль (фр. Etienne-Gabriel Morelly; 1717 или 1718 – ?) – французский мыслитель XVIII века. О Морелли мало что известно, а всё известное не вполне достоверно. Считается, что он жил в городке Витри-ле-Франсуа и работал учителем. С именем Морелли связаны восемь книг, изданных в 1743–1778 гг., – впрочем, ещё у современников авторство большинства этих книг вызывало сомнения. Наиболее заметны два произведения Морелли. В 1753 г. Морелли опубликовал сочинение «Базилиада, или Кораблекрушение у плавучих островов», в которой рисовал картины коммунистической утопии. В основу книги положены особенности развития и функционирования империи Инков, которую Луи Боден называл «социалистической империей». В ответ на её критику в 1755 г. Морелли выступил с трактатом «Кодекс природы, или Подлинный дух её законов» подробно обосновывал свою позицию. Морелли полагал, что по природному установлению человек добр, но испорчен частной собственностью. В обществе будущего, писал Морелли, «ничто не будет принадлежать никому – кроме предметов, которыми человек непосредственно пользуется в данный момент для своих потребностей, удовольствий, повседневной работы. Каждый гражданин будет вносить свой личный вклад в деятельность сообщества (коммуны) в соответствии со своими способностями, своим дарованием и своим возрастом». Существует точка зрения, что именно к этому пассажу Морелли восходит лозунг «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям», сформулированный Карлом Марксом.

Мерсье Луи Себастьен (фр. Louis-Sebastien Mercier) родился 6 июня 1740 Париж, Франция, умер 25 апреля 1814 Париж (73 года), французский писатель, автор утопического романа «Год 2440». Мерсье родился в семье ремесленника, но получил хорошее образование. Был плодовитым писателем и противником классицизма. Приветствовал Революцию и вступил в Клуб якобинцев. В 1792 году Мерсье был избран в Конвент, где голосовал против казни Людовика XVI и за осуждение Марата, резко выступал против Робеспьера, которого назвал «сангвинократом» («крововластцем»). Во время переворота 31 мая 1793 года протестовал против исключения депутатов-жирондистов, за что сам был арестован и освобождён только после падения якобинской диктатуры. «Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было» – наиболее известное произведение Мерсье, в котором выражены взгляды, близкие идеалам Руссо. Анонимный рассказчик, находясь во сне, совершает экскурсию по Парижу далёкого будущего.

Го́двин Уи́льям (англ. William Godwin, 3 марта 1756 – 7 апреля 1836) – английский журналист, политический философ и романист. Муж писательницы-феминистки Мэри Уолстонкрафт, отец писательницы Мэри Шелли. Годвин родился 3 марта 1756 года в Уисбиче (графство Кембриджшир) в семье диссентерского проповедника. В 1773 году поступил в диссентерский колледж в Хокстоне близ Лондона, после окончания которрого стал диссидентским сельским священником. В 1784 году опубликовал свои проповеди под названием «Исторические эскизы в шести проповедях». После неудачной попытки основать школу для обучения мальчиков, безвозвратно отдался литературному труду. В 1793 году вышла книга Годвина «Ис-

следование о политической справедливости», а в 1794 году – известный роман «Вещи как они есть, или Калеб Вильямс», в котором Годвин популяризировал мысли, высказанные им в «Исследовании о политической справедливости». В 1797 году Годвин женился на известной в то время в Англии публицистке Мэри Уолстонкрафт, авторе книги «Защита прав женщин». В том же году заканчивает работу «Исследователь: размышления о воспитании, нравах и литературе», которая побудила Мальтуса написать «Очерк о законе народонаселения». В том же году при рождении второго ребенка Мэри Уолстонкрафт умерла. Годвин опубликовал её жизнеописание под названием «Биография автора книги о защите прав женщин». В 1805 году основал издательство под названием «Юношеская библиотека», которое он вел в течение двадцати лет. Умер Годвин 7 апреля 1836 года в Лондоне.

Сен-Симо́н Анри́ (Клод Анри де Рувруа, граф де Сен-Симон, фр. Claude Henri de Rouvroy, Comte de Saint-Simon, 17.10.1760, Париж – 19.05.1825, Париж) – французский философ, социолог, известный социальный реформатор, основатель школы утопического социализма. Главные произведения Сен-Симона: «Письма женевского жителя к своим современникам» (1802 г.), «Катехизис индустриалов» (1823 г.), «Новое христианство» (1825 г.). Представитель знатного дворянского рода, родственник герцога Сен-Симона. В его воспитании принимал участие д'Аламбер. Анри Сен-Симон примыкает к отряду, посланному французским правительством на помощь североамериканским колониям, восставшим против Англии; пять лет участвует в борьбе и, наконец, попадает в плен к англичанам. Освобожденный по окончании войны, он едет в Мексику и предлагает испанскому правительству проект соединения Атлантического и Великого океанов посредством канала. Принятый холодно, он возвращается на родину, где получает место коменданта крепости в Меце и под руководством Г. Монжа изучает математические науки. Вскоре он выходит в отставку, отправляется в Голландию. Вспыхнувшая во Франции революция заставила его вернуться на родину, но, по его собственным словам, он не хотел деятельно вмешиваться в революционное движение, потому что глубоко был убежден в недолговечности старого порядка. В 1790 году он недолго был мэром в округе, где находилось его имение. В том же году он высказался за уничтожение дворянских титулов и привилегий. Во время террора Сен-Симон был посажен в тюрьму, откуда вышел лишь после 9 термидора. В 1797 году Сен-Симон намеревался «проложить новый физико-математический путь человеческому пониманию, заставив науку сделать общий шаг вперед и предоставив инициативу этого дела французской школе»; старается превратить свой дом в центр научной и артистической жизни, для чего и женится (в 1801 г.) на дочери одного умершего приятеля. В следующем году он развелся с нею. Совершив путешествие по Германии и Англии (1802) и истратив на это последние свои средства, Сен-Симон вернулся во Францию и принужден был взять место переписчика в ломбарде, дававшее ему 1000 франков в год за ежедневный десятичасовой труд, пока один его знакомый, Диар, не предложил ему жить на его средства, дабы иметь возможность продолжать научные занятия. В 1810 году Диар умер, и Сен-Симон вновь стал страшно бедствовать, прося помощи у богатых людей. В 1820 года после убийства герцога беррийского Шарля-Фердинанда, Сен-Симон был привлечен к суду как моральный сообщник в преступлении. Присяжные оправдали его. Скоро он снова очутился в крайней нужде, заставившей его посягнуть на свою жизнь (1823). Рана оказалась несмертельной: Сен-Симон лишился только одного глаза. В его пользу была открыта подписка, и собранные суммы позволили ему продолжать его писательскую деятельность. 19 мая 1825 года Сен-Симон умер в Париже и был похоронен на кладбище Пер-Лашез.

Фи́хте Ио́ганн Го́тлиб (нем. Johann Gottlieb Fichte, 19 мая 1762, Бишофсверда, Верхняя Лужица – 27 января 1814, Берлин) – немецкий философ, один из представителей немецкой классической философии и основателей группы направлений в философии, известной как субъективный идеализм, которая развилась из теоретических и этических работ Иммануила Канта. С 1774 по 1780 год он учился в Пфорте. Затем Фихте слушал лекции богословия в Йенском и Лейпцигском универ-

ситетах. Повинуясь настояниям матери, молодой Фихте предполагал сделаться пастором, но смерть патрона отняла у него надежду получить желаемое место. Долго он боролся с нуждой, давая частные уроки. С 1788 года он делается домашним учителем в Цюрихе, где знакомится с Лафатером и Песталоцци, а также с Иоганной Рейн (племянницей Клопштока), на которой впоследствии женился. В 1790 году Фихте впервые изучает критическую философию: этические стремления являются для Фихте коренными источниками философского творчества. В 1791 году Фихте приехал в Кёнигсберг; здесь он познакомился с Кантом, который одобрил его труд и подыскал для него издателя. С 1794 по 1799 годы Фихте читал лекции в Йенском университете. В 1798 году он подвергся вместе с Форбергом обвинению в атеизме за статью «Об основании нашей веры в божественное мироправление». В Берлине (1799), куда отправился Фихте, к нему сочувственно отнеслись и король, и общество. Он близко сошёлся с Шлегелями, с Шлейермахером, и вскоре стал читать публичные лекции, привлекавшие многочисленную аудиторию. В 1805 году он начал читать лекции в Эрлангене. Наступление французов вынудило его перебраться в Кёнигсберг, где он недолго читал лекции и подготовлял свои «Речи к немецкому народу», произнесённые им в Берлинской академии зимой 1807–8 годов. В условиях французской оккупации Германии Фихте обратился со своими речами «К германской нации» (1808), в которых призывал к моральному возрождению немцев и впадал во многие националистические преувеличения. В Берлине стал масоном, вступив в масонскую ложу «Пифагор к пламенеющей звезде», где оставался её членом до кончины. В 1809 году был основан Берлинский университет, где Фихте занял кафедру философии. Он умер 29 января 1814 года в Берлине, заразившись горячкой от жены, самоотверженно посвятившей себя уходу за ранеными в военных лазаретах.

Оуэн Роберт (англ. Robert Owen; 14 мая 1771 – 17 ноября 1858) – английский философ, педагог и социалист, один из первых социальных реформаторов XIX века. Родился в 1771 г. в маленьком городке Ньютаун (Уэльс) в семье мелкого лавочника. В семь лет учитель местной школы уже использовал его как помощника, но ещё через два года школьное образование Оуэна навсегда закончилось, и он отправился искать счастья в больших городах. Оуэн служил учеником и приказчиком в мануфактурных магазинах Стэмфорда, Лондона и Манчестера. В Манчестере Оуэн сошелся со многими членами местного философского и литературного общества. Сначала он, взяв у брата взаймы деньги, открыл с одним компаньоном небольшую мастерскую, потом завел собственное крохотное прядильное предприятие, где работал сам с двумя-тремя рабочими. Оуэн на 20 году стал управляющим, а затем и совладельцем хлопковой мануфактуры. В 1799 году Оуэн переселяется в Нью-Ланарк, где он стал совладельцем и управляющим бывшей фабрики своего тестя. На примере своей фабрики он хотел показать, что обязанность заботиться о наемных рабочих вполне совпадает с интересами работодателя. На основании собственного опыта он выработал систему «патроната», которую впоследствии теоретически развил в сочинении «Essay on the Formation of Character»(1812). Непосредственным толчком для превращения Оуэна в проповедника послужили дискуссии 1815–1817 годов, связанные с ухудшением экономического положения Англии, ростом безработицы и бедности населения. В 1817–1824 гг. Оуэн объехал всю Британию, побывал за границей, произнес множество речей, написал массу статей и листовок, неустанно проповедуя свои идеи. В результате Оуэна стали считать опасным мечтателем, в особенности с того момента, когда он в 1817 году затеял борьбу со всеми религиями. Разочаровавшись в английском «образованном обществе», утратив даже своё влияние в Нью-Ланарке, Оуэн с сыновьями уехал в Америку. В 1825 году Оуэн покупает в Америке 30 тысяч акров земли и организовывает здесь, в штате Индиана общину «Новая гармония», которая окончилась провалом. В 1829 году он вернулся на родину. Выделив некоторые средства своим детям, Оуэн в дальнейшем вёл очень скромный образ жизни. В 1833–1834 годах он руководил попыткой создания первого всеобщего национального профессионального союза. Организационная слабость, недостаток средств, сопротивление хозяев, имевших поддержку правительства, – все это привело союз к распаду. После 1834 года Оуэн не

играл большой роли в общественной жизни, хотя продолжал много писать, издавал журналы, участвовал в организации ещё одной общины и неутомимо проповедовал свои взгляды. Умер Оуэн в ноябре 1858 года в своем родном городе Ньютауне.

Фурье Франсуа Мари Шарль (Fourier Francois Mari Charles) (1772-1837), французский социалист-утопист. Родился 7 апреля 1772 года в Безансоне в семье торговца одеждой. В годы Великой французской революции участвовал в Лионском антиправительственном восстании. Его семейная собственность была конфискована, а самого Фурье посадили в тюрьму. Спустя некоторое время он был призван на военную службу. В 1799 году стал коммивояжером. В 1808 году он опубликовал свой главный труд - "Теорию четырех движений и всеобщих судеб". Согласно Фурье, стержнем идеальной системы социальной организации является фаланга. Она заключает в себе идею всеобщего братства и основывается на соответствии частных и общих интересов. Фаланга строится на сельскохозяйственной основе, но предполагает взаимодействие с промышленным производством. В ней объединяются от 1700 до 2000 человек. При свободном проявлении способностей одна личность дополняется другой, что составляет основу счастья всех вместе и каждого в отдельности. На протяжении всей жизни Фурье пересматривал и уточнял свои идеи, вводя в "систему" новые термины и теории. Самые важные из его последних работ - "Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации" (1822), "Новый хозяйственный социетарный мир" (1829) и "Ложная промышленность" (1835-1836). Франсуа Мари Шарль Фурье умер в Париже 10 октября 1837 года.

Кабе (Cabet) **Этьенн** (1.1.1788, Дижон – 8.11.1856, Сент-Луис, США), французский публицист, писатель, утопический коммунист. Сын ремесленника, адвокат. Участник движения карбонариев и Революции 1830; историк революции («Популярная история французской революции 1789–1830», т. 1–4, 1839–40) и издатель журнала «Ле попюлер» («Le Populaire», с 1833). Из-за репрессий эмигрировал в Бельгию, затем в Великобританию (1834), где познакомился с Р. Оуэном. Автор книги «Как я стал коммунистом» (1840). В 1840 в романе «Путешествие в Икарию» (рус. пер., т. 1–2, 1935) изобразил коммунизм как ассоциацию, построенную на основе социального равенства, братства, единства и демократии в соответствии с принципами разума и требованиями природы. В целом в утопии Кабе много общего со взглядами коммунистов-утопистов 18 в. «Икарийский коммунизм» имел значительный успех в среде французских ремесленников и рабочих. К. Маркс характеризовал Кабе как «... самого популярного, хотя и самого поверхностного представителя коммунизма» во Франции. С 1843 Кабе издавал «Икарийский альманах...». При содействии Р. Оуэна К. получил в Техасе (США) участок земли и организовал колонию икарийцев (1848). Раздоры среди икарийцев привели к кризису, в результате которого Кабе был исключен из колонии; незадолго до смерти основал в 1856 другую общину.

Дезами (Dézamy) **Теодор** (4.3.1803, Люсон, – 24.7.1850, там же), французский коммунист-утопист, видный деятель Революции 1848, последователь Г. Бабёфа. В 30-х гг. примкнул к бланкистскому «Обществу времён года». В 1848 издавал газету «Ле друа де л'ом. Трибюн де пролетер» («Les droits de l'homme. Tribune des proletaires»). Дал глубокую для своего времени критику капитализма. В частной капиталистической собственности Дезами видел причину эксплуатации и угнетения трудящихся масс, антагонизма классов, поэтому частная собственность, по его мнению, должна быть уничтожена. Его главный труд – «Кодекс общности» (1842) – посвящён описанию общества будущего и революционных путей его осуществления. В основу социально-экономической организации «строя общности» Дезами положил «коммуну» – объединение трудящихся (примерно 10 тыс. человек), сочетающую преимущества города и деревни, промышленного и с.-х. труда. Каждый член коммуны обязан трудиться по своим силам и способностям, а потреблять в соответствии с объёмом и характером своих потребностей. Дезами считал социальную революцию, совершаемую трудящимися, беднотой, необходимым условием перехода к этому строю.

Бланки Луи Огюст (фр. Louis Auguste Blanqui; 8 февраля 1805 – 1 января 1881) – французский политический деятель и революционер, коммунист-утопист, организатор ряда тайных политических обществ и заговоров; провёл в общей сложности почти 37 лет в тюремных заключениях; сын члена Конвента Жана Доминика Бланки, брат Жерома Адольфа Бланки. Первоначальное образование получил в коллеже Карла Великого, потом изучал юриспруденцию и медицину. Рано выступил борцом за коммунистические идеи и уже в 1827 г. принимал участие в беспорядках, трижды был ранен, арестован и заключен в тюрьму. В 1830 г. он с оружием в руках участвовал в восстании и, недовольный установившейся новой монархией, образовал республиканское общество «Друзья Народа». Открытый поход, который он повёл против нового правительства, вызвал судебное преследование и 1832 он был осужден на годичное тюремное заключение и штраф. В 1836 г. он был вновь приговорён за участие в недозволенном обществе к 2-хлетнему заключению и штрафу, но в 1839 снова явился одним из вождей восстания. Но уже через полгода был арестован и в 1840 г. приговорён к смертной казни, заменённой королем на пожизненное заключение. Освобождённый революцией 1848, основал в Париже «Республиканское центральное общество». Но уже 2.04.1849 г. Бланки был осужден на 10-летнее заключение, которое отбывал в Бель-Иле и в Корте на о-ве Корсика. Освобожденный амнистией 1859 г., сначала жил в Лондоне, но уже в 1861 г. вновь был приговорён в Париже к 4-хлетнему тюремному заключению и штрафу, как глава противозаконного общества. В 1865–70 гг. жил в Брюсселе. Став душой восстания 18 марта 1871 г. и членом коммуны, Бланки после её падения был осужден к ссылке в Новую Каледонию, но из-за слабого здоровья наказание было заменено тюремным заключением. Вследствие агитации социалистической партии, был выбран в 1879 г. депутатом от Бордо, но избрание его не было утверждено палатой. Умер 1 января 1881 г., проведя в целом около 37 лет в тюремном заключении.

Моррис Уильям (англ. Morris William; 24 марта 1834, Уолтемстоу – 3 октября 1896) – английский поэт, художник, издатель, социалист. Крупнейший представитель второго поколения «прерафаэлитов», неофициальный лидер Движения искусств и ремёсел. Родился в обеспеченной семье. Учился в Мальборском и Экзетерском колледжах. Там познакомился и подружился с Бёрн-Джонсом. В 1855 г. Моррис и Бёрн-Джонс совершили путешествие по Франции. В январе 1856 г. начал работу в бюро неоготического архитектора Дж. Э. Стрита. Летом 1856 г. познакомился с Россетти, которого Моррис и Бёрн-Джонс считали «главной фигурой прерафаэлитского движения». Россетти дал согласие на работу в созданном Моррисом журнале Oxford and Cambridge Magazine, продолжавшем дело журнала прерафаэлитов «Росток». Моррис публиковал в нём свои поэтические произведения и статьи по теории декоративных искусств. В 1859 году женился на Джейн Бёрден. В начале 1860-х годов Моррис был поглощён строительством и оформлением Красного дома в Бексли-Хис для своей семьи и созданием фирмы по производству декоративных предметов. Вместе с тем он отходит от станковой живописи. Красный дом стал воплощением идеи о соединении высокого искусства с повседневной жизнью. В 1861 году Моррис создаёт фирму по производству предметов декоративно-прикладного искусства «Моррис, Маршалл, Фолкнер и Ко». В 1878 и 1881 годах в Лондоне и Бирмингеме он прочёл курс лекций «Надежды и страхи искусства» – в нём содержалась критика капиталистического общества, все устремления которого направлены лишь на извлечение возможно большей прибыли. В 1879 году он вошёл в Национальную Либеральную лигу (National Liberal League), её ряды покинул в 1881 году из-за позиции лиги по ирландскому вопросу. В январе 1883 года был зарегистрирован членом первой социалистической партии Великобритании – Социалистической Демократической федерации (Social Democratic Federation). В конце 1884 года из-за разногласий с руководителем СДФ Г. Гайндманом Моррис покидает федерацию. В январе 1885 года Моррис, Э. Эвелинг и Э. Маркс создают Социалистическую лигу, в которую вошли представители левого крыла СДФ и анархисты. Моррис стал редактором печатного органа лиги – журнала «Коммуноил» и публико-

вал в нём свои произведения. В 1891 году, когда в лиге влияние окончательно перешло к анархистам, Моррис отходит от активного участия в её делах. В конце 1880-х годов Моррис основал издательство «Келмскотт-пресс» (Kelmscott press). Целью его было возрождение средневековых традиций книгопечатания. Моррис сам верстал все книги, рисовал инициалы и миниатюры, создавал новые типографские шрифты, работал печатником.

Беллами Эдвард (Edward Bellamy) (1850-1898), американский романист и социальный реформатор. Родился 26 марта 1850 года в Чикопи-Фоллз (штат Массачусетс). После учебы в родном городке проучился год в Юнион-колледже и в восемнадцатилетнем возрасте совершил путешествие в Европу. В 1871 году Беллами вошел в штат газеты "Нью-Йорк ивнинг пост", в 1872-1876 годах писал передовицы и книжные обзоры для газеты "Спрингфилд юнион". Последующие десять лет целиком посвятил литературному творчеству, благодаря публикации трех с лишним десятков рассказов и трех романов прослыв одним из наиболее обещающих молодых писателей Америки. В своем главном произведении "Взгляд назад", утопическом романе о Бостоне в 2000 году, он описал пригрезившийся ему общественный строй. В книге рассказывается о бостонце, попавшем из 19 века в 2000 год и обнаружившем некий новый общественный порядок, в сущности, американский вариант социализма: "эпоха трестов обрела свою кончину в Великом Тресте", т.е. в Правительстве. "Равенство" ("Equality", 1897) – своего рода экономический трактат, в котором Беллами ответил на нападки многочисленных критиков его утопии и восполнил пробелы в описании предложенного в ней социального строя. Эдвард Беллами умер в Чикопи-Фолз 22 мая 1898 года.

Маяковский Владимир Владимирович (19.07.1893 - 14.04.1930) - российский поэт. Родился в селе Багдади Кутаисской губернии. Отец - дворянин, служил лесничим, предки - из казаков Запорожской Сечи; мать из рода кубанских казаков. В 1902-1906 годах Маяковский учился в Кутаисской гимназии, в июле 1906 года, после смерти отца, вместе с матерью и двумя сестрами переезжает в Москву, где поступает в IV класс 5-й классической гимназии (за неуплату денег за обучение был исключен из V класса в марте 1908 года). В Москве Маяковский знакомится с революционно настроенными студентами, увлекается марксистской литературой, вступает в начале 1908 года в партию большевиков, подвергается арестам, 11 месяцев проводит в Бутырской тюрьме, откуда освобождается в январе 1910 года как несовершеннолетний. В тюрьме Маяковский написал тетрадь стихов (1909). После освобождения из тюрьмы он прерывает партийную работу, чтобы "делать социалистическое искусство". В 1911 году Маяковский поступает в Училище живописи, ваяния и зодчества, где знакомится с Д. Д. Бурлюком, организатором футуристической группы "Гилея", который открывает в нем "гениального поэта". Через три года, в феврале 1914 года, Маяковский вместе с Бурлюком был исключен из училища за публичные выступления. В декабре 1912 года Маяковский дебютирует как поэт в альманахе "Пощечина общественному вкусу", где был опубликован и манифест русских кубо-футуристов. В манифесте провозглашалось нигилистическое отношение к русской литературе настоящего и прошлого. Творчески плодотворным стал для Маяковского 1913 год, когда вышел его первый сборник "Я". В 1915-1917 годах Маяковский проходит военную службу в Петрограде в автошколе. 17 декабря 1918 года поэт впервые прочел со сцены Матросского театра стихи "Левый марш (Матросам)". В марте 1919 года он переезжает в Москву, начинает активно сотрудничать в РОСТА, оформляет для РОСТА агитационно-сатирические плакаты. В 1919 году вышло первое собрание сочинений поэта - "Все сочиненное Владимиром Маяковским. 1909-1919". В конце 1910-х годов Маяковский связывает свои творческие замыслы с "левым искусством", выступает в "Газете футуристов", в газете "Искусство коммуны". В 1922-1924 годах Маяковский совершает несколько поездок за границу; пишет очерки и стихи о европейских впечатлениях. В Париже поэт будет и в 1925, 1927, 1928, 1929 годах, в 1925 году состоится поездка Маяковского по Америке. В 1925-1928 годах он много ездит по Советскому Союзу, выступает в самых разных аудиториях. В феврале 1930 года поэт вступает в РАПП. Этот поступок Маяковского был

осужден его друзьями. Отчуждение и общественная травля усугублялись личной драмой. Маяковскому упорно стали отказывать в выезде за границу, где у него должна была состояться встреча с женщиной, с которой он намеревался связать свою жизнь. Все это привело Маяковского к самоубийству.

Ха́йек Фри́дрих А́вгуст фон (нем. Hayek Friedrich August von; 8 мая 1899, Вена – 23 марта 1992, Фрайбург) – австрийский экономист и философ, представитель новой австрийской школы, сторонник либеральной экономики и свободного рынка. Фридрих Август фон Хайек был старшим сыном врача и профессора ботаники Венского университета Августа фон Хайека и его супруги Фелицитас. Семья происходила из рода военного и служилого дворянства и со стороны матери была финансово обеспечена. Отец матери, Франц фон Юрашек, был профессором, а позже президентом Центральной статистической комиссии. После военной службы во время Первой мировой войны Фридрих Август фон Хайек поступает в Венский университет на курс правоведения, однако посещает и лекции по политической экономии и психологии. Недостаточные возможности профессиональной работы в области психологии привели Хайека к решению углубить свои знания в области экономики, в частности по руководством профессора Фридриха фон Визера. В 1921 году Хайеку присваивается титул доктора юридических, а в 1923 - доктора экономических наук. С 1927 года Хайек и Мизес возглавляют Австрийский институт изучения экономических циклов. В 1931 году Хайека приглашают в Лондонскую школу экономики и политических наук, где он в 1930-е и 1940-е годы считается основным представителем Австрийской школы и оппонентом Джона Кейнса. В 1947 году фон Хайек приглашает учёных-либералов на встречу при Мон Пелерин в Швейцарии, положившей начало Обществу «Мон Пелерин». В 1950 году фон Хайек стал профессором в университете Чикаго, а в 1962 профессором университета Фрайбурга и после членом совета директоров Института Вальтера Ойкенса. В 1967 фон Хайек получает статус эмерита, однако продолжает преподавать до 1969 года. В 1974 году Фридриху Августу фон Хайеку присуждается Нобелевская премия в области экономики. После профессуры в университете Зальцбурга Хайек возвращается во Фрайбург, где он проживает до своей смерти в 1992 году. Ф.А.фон Хайек похоронен в Вене.

Янг Майкл (1915-2002) – английский политолог, социолог, экономист, юрист, политический деятель, автор концепции меритократии. Автор множества трудов по экономике и социологии. В своей главной работе – «Становление меритократии» (совместно с П. Вильмоттом, 1958) – сформулировал основы концепции меритократии, согласно которой в ходе развития общества формируется элита знаний, состоящая из наиболее талантливых и образованных представителей общества.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ[1]

Антиуто́пия (англ. *dystopia*) – 1) идеально–негативное общество; 2) литературный жанр, сменяющий на рубеже 19–20 веков идеалы классической положительной утопии, описывающее государство, в котором возобладали негативные тенденции развития. Сам же термин «антиутопия» (англ. *dystopia*) как название литературного жанра ввели Гленн Негли и Макс Патрик в составленной ими антологии

[1] *Словарь составлен по материалам сайтом и иных источников: Википедия. URL:http://ru.wikipedia.org; Викизнание. URL:http://www.wikiznanie.ru; Энциклопедии и словари. URL:http://enc-dic.com; Академик. URL:http://universal_ru_en.academic.ru; Национальная философская энциклопедия. URL:http://www.terme.ru; Библиотека диссертаций. URL:http://www.dslib.net.*

утопий «В поисках утопии» (1952). В середине 1960–х термин «антиутопия» (*anti–utopia*) появляется в советской, а позднее – и в англоязычной критике.

Архетипы (по Юнгу) – трансцендентные по отношению к сознанию принципы, вызывающие к жизни комплексы индивидуальных и коллективных представлений, которые выступают в виде мифологических мотивов. В утопии культурные архетипы символически представлены такими образами, как остров, город, герой, космос, творимый из хаоса, катастрофа и др.

Дистопия (от греч. dys – приставка для обозначения качественного нарушения и topos – место) термин, обозначающий нечто трудное, противное, дурное, и место). Один из модусов утопического мышления и соответствующего ему литературного жанра. Существует также точка зрения (как в России, так и за рубежом), различающая дистопию и антиутопию. Согласно ней, в то время как дистопия – это «победа сил разума над силами добра», абсолютная антитеза утопии, антиутопия – это лишь отрицание принципа утопии, представляющее больше степеней свободы.

Евтопия (eu– topos – греч. «совершенное место») – форма позитивной утопии, воплощающая мечту об идеально хорошем обществе.

Какотопия (от греч. Κακοσ – плохой, дурной) – название, которое придумал Дж. Бентам для обозначения места, где все плохо, в противоположность утопии Т. Мора.

Киберпаанк (от англ. *cyberpunk*) – поджанр научной фантастики. Сам термин является смесью слов *«cybernetics»* (от англ. *кибернетика*) и *«punk»* (от англ. *панк*, мусор), впервые его использовал Брюс Бетке в качестве названия для своего рассказа 1983 г.. Обычно произведения, относимые к жанру «киберпанк», описывают антиутопический мир будущего, в котором высокое технологическое развитие, такое как информационные технологии и кибернетика, сочетается с глубоким упадком или радикальными переменами в социальном устройстве. Жанр близок к антиутопи. Миры киберпанка, как правило, являются постиндустриальными дистопиями, и описывают общество, находящееся на пороге бурных социальных и культурных преобразований, где технологии используются способами, не предусмотренными их создателями.

Коммунизм *(от латинского communis – общий)* 1) сменяющая капитализм общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства; 2) в более узком значении – высшая по сравнению с социализмом ступень (фаза) развития этой формации – «...бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производственные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»[1].

Мессианизм – религиозное учение, основывающееся на вере в приход в мир спасителя всего человечества (или избранного народа).

Милленаризм (хилиазм) – религиозное учение о тысячелетнем Царстве Божьем на земле.

Новояз (англ. *newspeak*) – термин впервые использован в романе–антиутопии Дж. Оруэлла «1984» – так в этом романе назывался насаждаемый элитой язык, лексико–грамматический строй которого не позволяет использующим его

[1] *Программа КПСС. – М.: Госполитиздат, 1972. – С. 62*

сказать, а как следствие воспитания в среде, где употребляется только новояз, и подумать что–то крамольное, идущее вразрез с официальной идеологией. Например, на новоязе фраза «Партия ошибается» вызывает такое же отторжение как и фраза «Все люди – рыжие» в современном английском. В наше время термин «новояз» используется в сатирическом контексте, когда использующий хочет показать, что критикуемый использует не имеющие ничего общего с реальностью, искусственные термины чтобы скрыть реальное положение вещей.

Практопия (термин введён Элвином Тоффлером) – литературный жанр, в котором, как и в утопии, описывается модель лучшего общества, но, в отличие от утопии, признаётся неидеальность данного общества.

Рай – в христианской литературной, иконографической и фольклорной представлен как сад, как город, и как небеса. Каждая линия имеет отношение к человеческой истории: Эдем – невинное начало пути человечества; небесный Иерусалим – эсхатологический конец этого пути; небеса противостоят пути человечества как неизменное – переменчивому, истинное – превратному, ясное знание – заблуждению.

Социализм (франц. socialisme, от лат. socialis – общественный), 1) первая фаза коммунистической формации. Экономическую основу С. составляет общественную собственность на средства производства, политическую основу – власть трудящихся масс при руководящей роли рабочего класса во главе с марксистско-ленинской партией; С. – общественный строй, исключающий эксплуатацию человека человеком и планомерно развивающийся в интересах повышения благосостояния народа и всестороннего развития каждого члена общества. 2) Научный С. – учение, раскрывающее историческую необходимость установления С. и пути его постепенного перерастания в коммунизм, составная часть марксистско-ленинской теории[1].

Утопизм – это, во-первых, «особое функциональное *состояние* индивидуального, общественного сознания, направленное на получение нового социального знания методами умозрительного конструирования в образах–концепциях»; «Во-вторых, это получаемый в результате творческой реализации, объективации такого состояния сознания его литературный «продукт» – утопия (или антиутопия)... В-третьих, это особый тип поведения, обусловленный социально–утопическим сознанием и направленный на реализацию утопии»

Утопия – (u–topos – греч. «не» «место», «место, которого нет») – особый социокультурный феномен, универсальная форма чувственно–рационального освоения социальной реальности в образах – концепциях, синтезирующих человеческие представления о счастье и гармонии и отвечающих потребности в предвидении и моделировании альтернативных вариантов исторического развития. Два основных типа – позитивная и негативная утопия. Название жанра происходит от одноимённого произведения Томаса Мора – *«Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия»*, в котором «Утопия» лишь название острова. Классическая модель утопии представляет собой утопию места складывается в эпоху Возрождения. Отличается чертами изоляционизма, автаркии, калокагатии, регламентацией, ахронией, урбанизмом, эвдемонизмом и др. Впервые же в значении «модель идеального общества» это слово встречается в книге путешествий английского священника Сэмюэла Перчеса «Паломничество» (*Pilgrimage*, 1613). Там же впервые употребляется и прилагательное «утопический» (utopian). Несмотря на столь позднее укрепление этого термина, первой утопией в истории европейской литературы считается модель идеального общества в диалоге Платона «Государство» (он же впервые использует слово Утопия в значении «место, которого нет» в трактате «Государство» (427–347 гг. до н. э.)). Кроме того, утопические мотивы присутствуют в мифологиях практически всех народов.

---

[1] *Абалкин Л.И. Социализм // БСЭ. – М., 1969-1978. URL: http://slovari.yandex.ru.*

Ухрония (греч. «u», не, нет, и «chronos», время) – утопическая реконструкция истории, причем не такой, какая была на самом деле, а той, которая могла бы быть. Термин создан в 1876 г. Ренувье в рамках его теории, представляющей Европу, какой она могла стать, если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо. Понятие ухронии предполагает случайный характер исторических событий. Под ухронией также понимается безвременье, вневременье, прекращение времени; тип общества, политического режима или ситуации, в которых фактор времени, исторического изменения сведен на нет. Слово "ухрония" оттеняется его созвучием с "похороны", "захоронение". Ухрония – это результат хроноцида, похороны времени, массовое захоронение жертв, принесенных на алтарь жаждущей вечности.

Экотопия – экологическая утопия, пропагандирующая создание экообщин, исчезновение иерархии в обществе, объединение городов и деревень в экополисы. Считается, что экологическое общество предусматривает фундаментальный поворот всего развития человечества и отказ от пути, пройденного историей современной технологии и общества: специализации машин и труда, концентрации людей и ресурсов в гигантских индустриальных предприятиях и городах, однообразности жизни и бюрократического контроля за гражданами, разделения города и деревни и овеществления природы и людей.

Экспериментальная утопия – практическая деятельность, вдохновляемая утопическими идеалами, и направленная на их реализацию как межкультурный синтез и своеобразие утопического творчества.

Эсхатология – религиозное учение о конце света.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК УТОПИЙ, ПОЯВИВШИХСЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ[1]

ДО Н.Э.

1. Платон. Государство (IV век до н. э.).
2. Аристотель. Политика (IV век до н. э.).

2 век

1. Лукиан. Правдивая история (II век).

5 век

1. Тао Юаньмин. Персиковый источник (V век).

16 век

1. Томас Мор. Утопия (1516).
2. Иоганн Эберлин фон Гюнцберг. Вольфария (New Statuten die Psitacus gebracht hat auss dem Land Wolfaria, 1521).

---

[1] Материал подготовлен на основании сайта «Википедия – свободная энциклопедия». URL:http://ru.wikipedia.org/

3. Антон Франческо Дони. Миры (I Mondi del Doni, 1552).
4. Франческо Патриции. Счастливый город (La Città felice,1553).
5. Каспар Штиблин. Евдемония (Commentariolus de Eudaemonensium Republica, 1555).
6. Франсуа Рабле. Телемское аббатство (фрагмент романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», 1558).
7. Лодовико Агостини. Воображаемое государство (написано в конце XVI века, издано 1941, XVI век).

17 век

1. Джозеф Холл. Mundus alter et idem (1605).
2. Томас Артус. Новейшее путешествие на остров Гермафродитов (1605).
3. D. M. G. T. Антанжиль (*Histoire du grand et admirable Royaume d'Antangil…,* 1616).
4. Иоганн Валентин Андреэ. Христианополис (1619).
5. Роберт Бертон. «An utopia of mine owne» (из предисловия к книге «Анатомия меланхолии» 1621).
6. Томмазо Кампанелла. Город Солнца (1623).
7. Уильям Шекспир. Генрих VI, часть II (1623).
8. Уильям Шекспир. Буря (1623).
9. Лодовико Цукколо. Евандрия (La Repubblica d'Evandria, 1625).
10. Фрэнсис Бэкон. Новая Атлантида (1627).
11. Фрэнсис Годвин. Человек на Луне (1638).
12. Гэбриел Платтес. Макария (A Description of the Famous Kingdome of Macaria, 1641).
13. Сэмюел Готт. Nova Solyma («Новый Иерусалим», 1648).
14. Джеррард Уинстэнли. Закон свободы (1652).
15. Джеймс Гаррингтон. Республика Океания (The Commonwealth of Oceana, 1656).
16. Сирано де Бержерак. Государства и империи Луны (Les estats et empires de la lune, 1657).
17. Сирано де Бержерак. Государства и империи Солнца (Les estats et empires du soleil, 1662).
18. Ян Амос Коменский. Панортосия (Panorthosia, 1666).
19. Маргарет Кэвендиш. Пылающий мир (The Description of a New Blazing World, 1666).
20. Генри Невилл. Остров Пайнса (The Isle of Pines, or, A late discovery of a fourth island in Terra Australis, Incognita, 1668).
21. Эдвард Хоуард. The Six Days Adventure; Or, the New Utopia (1671).
22. Дени Верас. История севарамбов (1675).
23. Джозеф Глэнвилл. Anti-Fanatical Religion and Free Philosophy. In a Continuation of the New Atlantis (1676).
24. Габриэль де Фуаньи. Открытие Южной земли (Les Avantures de Jacques Sadeur dans la Decouverte et le Voyage de la Terre Australe, 1676).
25. Бернар де Фонтенель. Беседы о множественности миров (Entretiens sue la pluralité des mondes, 1686).
26. Мэри Астелл. A Serious Proposal to the Ladies (1694)
27. Фенелон. Приключения Телемаха (Les Aventures de Télémaque, 1699).

18 век

1. Доктор Мерримен. Остров Спокойствия (The Island of Content; Or, a New Paradise Discovered, 1709).
2. Амброуз Эванс (Ambrose Evans). Приключения Джеймса Дюбурдье и его жены (The Adventures and Surprizing Deliverances of James Dubourideu and his Wife, 1719).

3. Моррис Уильямс. Описание Новых Афин (The Fortunate Shipwreck, or a Description of New Athens, 1720).
4. Сэмюэл Блант (Samuel Blunt). Путешествие в Каклогаллианию (A Voyage to Cacklogalliania, 1727).
5. Жан Террассон. Сетос, или История жизни, почерпнутая из памятников и свидетельств Древнего Египта (1731).
6. Аббат Прево. Английский философ (1731—1739).
7. Ален Рене Лесаж. Приключения г-на Робера Шевалье, прозванного Бошеном, капитана флибустьеров в Новой Франции (1732).
8. Жак Пернетти. Спокойствие Кира, или История его жизни от шестнадцати до сорока лет (1732).
9. Луи Рюстен де Сен-Жори. Женщины-воительницы (1735).
10. Шевалье де Муи. Ламекис (1735—1738).
11. Ансар. Филоктет, или Поучительное и забавное путешествие с рассуждениями на политические, военные и моральные темы (1737).
12. Катальд. Крестьянин-дворянин (1737).
13. Саймон Берингтон. Приключения Гауденцио де Лукка (1738).
14. Шарль-Франсуа Тифэнь де ла Рош. Гифантия (1760).
15. Луи-Себастьен Мерсье. Год две тысячи четыреста сороковой (1771).
16. Томас Спенс. Описание Спенсонии. Конституция Спенсонии (Description of Spensonia. Constitution of Spensonia, 1795)

19 век

1. Джеймс Силк Бакингем. National Evils and Practical Remedies, with a plan for a model town (1818).
2. Шарль Фурье. «Трактат о домашней и земледельческой ассоциации» (Traité de l'Association domestique-agricole, 1822).
3. Шарль Фурье. Новый индустриальный мир (Le Nouveau Monde Industriel, 1829).
4. Этьен Кабе. Путешествие в Икарию 1845Роберт Пембертон. Счастливая колония (The Happy Colony, 1854).
5. Эдвард Бульвер Литтон. Грядущая раса (1871).
6. Эдвард Беллами. Взгляд назад (1888).
7. Теодор Герцка. Фрейланд (1889).
8. Уильям Моррис. Вести ниоткуда (1890).
9. Габриэль Тард. Фрагменты из истории будущего (1896).
10. Эбенезер Хоуард. Завтра (Tomorrow; 2-е изд. вышло под названием Garden Cities of Tomorrow, 1898).

20 век

1. Эмиль Тирион. Нейстрия (Neustria: Utopie Individualiste, 1901).
2. Герберт Уэллс. Современная Утопия (1905).
3. Герберт Уэллс. Люди как боги (1923).
4. У. Г. Хадсон. Хрустальный век (1906).
5. Ральф Адамс Крэм. Ограждённые города (Walled Towns, 1919).
6. Уильям Блейк Ричмонд. Демократия: ложная или истинная? (Democracy: False or True?, 1920).
7. Станислав Лем. Магелланово облако (1955).
8. Андрей Сахаров. Мир через полвека (1974).

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК УТОПИЙ, ПОЯВИВШИХСЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

16 век

1. Иван Пересветов. Сказание о Магмет-салтане (1540-е годы).

18 век

1. Александр Сумароков. Сон «Счастливое общество» (1759).
2. Михаил Херасков. Нума, или Процветающий Рим (1768).
3. Михаил Щербатов. Путешествие в землю Офирскую г-на С…, швецкого дворянина (написано 1784, издано 1896).
4. Иван Тревогин. Империя знаний (1780-е годы).
5. Михаил Херасков. Кадм и Гармония (1789).
6. Александр Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1790).
7. Пётр Захарьин. Арфаксад (1793).
8. Павел Львов. Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки (2 части, 1789 и 1794).
9. Николай Осипов. Несбыточные путешествия в небывалые страны света (1799).

19 век

1. Александр Улыбышев. Сон (написано 1812, издано 1927).
2. Фаддей Булгарин.Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке (1824).
3. Александр Вельтман. MMMCDXLVIII год. Рукопись Мартына Задека (1833).
4. Владимир Одоевский. 4348 год (в отрывках 1835—1840).
5. Владимир Соллогуб. Тарантас (1845).
6. Николай Чернышевский. Что делать? (1863).
7. Михаил Салтыков-Щедрин. Единственный (1871).
8. Федор Достоевский. Сон смешного человека (1877).
9. Тимофей Бондарев. О трудолюбии и тунеядстве (1888).
10. Исмаил Гаспринский. Страна блаженства (1891).
11. Николай Шелонский. В мире будущего (1892).

20 век

1. Александр Красницкий. За приподнятой завесой (1900).
2. Владимир Соловьев. Краткая повесть об Антихристе (1900).
3. Порфирий Инфантьев. На другой планете (1901).
4. Сергей Шарапов. Через полвека (1902).
5. Константин Мережковский. Рай земной, или Сон в зимнюю ночь: Сказка-утопия XXVII века (1903).
6. Александр Богданов. Красная звезда (1908).
7. С. Юрьевич. Университет Неизвестного города (1908).
8. Николай Олигер. Праздник весны (1910).
9. Александр Куприн. Королевский парк (1911).
10. Александр Ренников. Разденься, человек (1917).

---

[1] Материал подготовлен на основании сайта «Википедия – свободная энциклопедия». URL:http://ru.wikipedia.org/

11. Александра Коллонтай. Скоро! (через 48 лет) (1919).
12. Александр Чаянов. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии (1920).
13. Сергей Бобров. Восстание мизантропов (1922).
14. Вивиан Итин. Страна Гонгури (1922).
15. Петр Краснов. За чертополохом (1922).
16. Борис Вейнберг. К двухдесятитысячелетию начала работ по уничтожению океанов. Очерк истории человечества от первобытного состояния до 2230 года (1922).
17. Яков Окунев. Грядущий мир (1923).
18. Аполлон Карелин. Россия в 1930 году (1925).
19. Вацлав Сольский. Повесть о последней борьбе (1926).
20. Владимир Маяковский. Летающий пролетарий (1926).
21. Вадим Никольский. Через тысячу лет (1927).
22. Владимир Маяковский. Клоп (1929).
23. Эммануил Зеликович. Следующий мир (1930).
24. Михаил Козырев. Город Энтузиастов (1931).
25. Ян Ларри. Страна счастливых (1931).
26. Михаил Козаков. Время плюс время (1932).
27. Вадим Сафонов. Победитель планеты (1933).
28. Давид Дар. Утопия (1935).
29. Леонид Леонов. Дорога на Океан (1935).
30. Дмитрий Бузько. Хрустальная страна (1935).
31. Евгений Петров. Путешествие в страну коммунизма (неоконч.) (написано 1939-1942, фраг. опубликован 1965).
32. Иван Ефремов. Туманность Андромеды (1957).
33. Юрий и Светлана Сафроновы. Внуки наших внуков (1958).
34. Николай Носов. Незнайка в Солнечном городе (1958).
35. Александр Светов. Веточкины путешествуют в будущее (1960).
36. Аркадий и Борис Стругацкие. Возвращение: (Полдень 22-й век) (1962).
37. Георгий Мартынов. Гость из бездны (1962).
38. Георгий Антипов. Ортис — десятая планета (1963).
39. Владимир Тендряков. Путешествие длиной в век (1963).
40. Георгий Гуревич. Мы — из Солнечной системы (1965).
41. Олег Коряков. Формула счастья (1965).
42. Вадим Шефнер. Девушка у обрыва, или Записки Ковригина (1965).
43. Гавриил Бирюлин. Море и звезды (1962, в испр. виде 1968).
44. Сергей Снегов. Люди как боги (1966-1977).
45. Евгений Войскунский, Исай Лукодьянов. Плеск звёздных морей (1969).
46. Владимир Савченко. Пятое путешествие Гулливера (написано 1979, издано 1988).
47. Владимир Савченко. За перевалом (1984).
48. Ант Скаландис. Катализ (1993).
49. Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993).
50. Александр Лазаревич. Сеть «Нанотех» (1997).
51. Юрий Мухин. Командировка в город солнца (2000).
52. Михаил Юрьев. Третья Империя. Россия, которая должна быть (2006).

ЛИТЕРАТУРА К МОДУЛЮ

1. «1984» плюс пятилетка // Человек. 1990. № 3.
2. Абрамов И.С. В культурном скиту: (Среди неплюевцев). – СПб.: Тип. СПб. тов-ва печ. и изд-го дела «Труд», 1902. 127 с. То же. – СПб.: Жизнь и знание, 1914. 99 с.
3. Абрамов И.С. Неплюевская школа: (Письмо из Глуховского уезда) // Русское богатство. 1899. № 7 (10). Отд. 2. С. 177-194; 1900. № 3. Отд. 2. С. 1-27.
4. Абрамов М.А. Шотландская философия века Просвещения. – М., 2000.
5. Авторханов А. Технология власти. – М.: СП «Слово Центр, Новый мир», 1991. 638 с.
6. Агости Э. Возрожденный Тантал. – М. Прогресс. 1969.
7. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М., 2001. 416 с.
8. Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе /Предисл. Майора Ф.; Перевод с французского Гречаной Е., Стаф И.; РАН. Институт мировой Литературы им.А.М.Горького. – М.:Наследие,1999. 207 с.
9. Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе. – М.: Наследие, 1999. 207 с.
10. Айрапетов А.Г., Юдин А.И. Западноевропейский и русский утопический социализм нового времени: учебн. пособ. для вузов. – М.,1991.
11. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт //СОЦИС. 2002. № 10. С.3-11.
12. Александер Ф. Человек и его душа: познание и врачевание от древности и до наших дней: Пер. с англ /Ф.Александер, Ш.Селесник. – М.: Прогресс-Культура, Издательство Агентства «Яхтсмен», 1995. 608 с.
13. Алексеев В.И. Воспоминания // Летописи Гос. литературного музея. Кн. 12. Т. 2: Л.Н. Толстой. К 120-летию со дня рождения, (1828-1948). – М., 1948. С. 232-330.
14. Алексеева Г.В. Г.Д. Торо и Р.У. Эмерсон в восприятии Л.Н. Толстого: (По материалам яснополянской библиотеки писателя) // Толстой и о Толстом: Материалы и исследования. – М.: Наследие, 1998. Вып. 1. С. 175-185.
15. Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулса. – М., 1992.
16. Альмединген Н.А. Педагогические опыты и взгляды Р.Оуэна. – М., 1960.
17. Андерсон К.М. Общины в истории оуэнизма // Проблемы новой и новейшей истории / Под ред. З.В. Удальцовой. – М., 1979.
18. Андерсон К.М. Общины оуэнистов: Замыслы и воплощения // Коммунистический утопический эксперимент в истории общественной мысли и социальных движений. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 38-50.
19. Андерсон П. Размышления о западном марксизме: На путях исторического материализма. – М., 1991.
20. Анджапаридзе Г. Печальный контрапункт светлого завтра //Хаксли О. Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность. Рассказы: Перевод с английского. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2002. 986 с.
21. Андреев К. О Жюле Верне и «Таинственном острове» //Верн Ж. Таинственный остров. – М., 1955. С.5-21.
22. Аникин Г.В. Л. Толстой - Г. Успенский - Л. Толстой. Идеал земледельческого труда как нравственная проблема // Русская литература 1870-1890 гг. / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Свердловск, 1974. Сб. 7. С. 3-18.
23. Аникин Г.В. Л. Толстой и Г. Торо: Современной значение проблемы // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 3. С. 43-53.
24. Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т.1: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М., 1997.

25. Араб-Оглы Э. А. Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: Год 2000. – М., 1986.
26. Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4. – М.1983.
27. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1998. 517 с.
28. Асмус В.Ф. Историко-философские этюды. – М., 1984.
29. Ашин Г.К. Элитология. – М., 1995.
30. Бабеф Г. Сочинения в 4-х тт. – М., 1975-1982.
31. Бабкин В., Селиванов В. Народ и власть. Опыт системного исследования воззрений – М.Е.Салтыкова-Щедрина. К., «Манускрипт», 1996. 450 с.
32. Базилева З.П. К истории первых артелей разночинцев // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: Сб. ст. к 75-летию академика Н.М. Дружинина. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 204-212.
33. Бакулов В.Д. Утопизм как превращенная форма выражения положительной утопии: Философия и культура в контексте времени //Философские науки. 2003.№ 3. С.100-111.
34. Бакунин М.А. Государственность и анархия //Философия. Социология. Политика.– М. 1989. С. 363.
35. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм //Философия. Социология. Политика. – М. 1989.
36. Балакирев А. Русские коммунистические утопии и учение Н. Ф. Федорова //Россия XXI. 1996. № 1/2. С.117-130;
37. Баранов Е. Толстовцы. – М.: Дело, 1912. 96 с. (Историческая б-ка. № 26).
38. Баранов Е., Казманов Ф. Толстой жив. – М.: Читатель, 1911. 96 с.
39. Баренбаум И.Е. Из истории русских прогрессивных издательств 60-70-х гг. XIX в.: Женская издательская артель М.В. Трубниковой и Н.В. Стасовой // Книга: Исследования и материалы. 1965. Сб. 11. С. 223-241.
40. Бартенев В.В. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х гг. // От народничества - к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге, (1883-1894 гг.). Л., 1987. С. 162-221. (Б-ка рев. мемуаров "Из искры возгорится пламя").
41. Баталов Э. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М., 1998, 320 с.
42. Баталов Э. Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М. 1982, 335с
43. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М.: Наука, 1982. 336 с.
44. Баталов. Э.Я. Философия бунта. – М. Политиздат 1973.
45. Баткин Л. М. Утопия всемирной монархии у Данте: К вопросу о социально-политических взглядах Данте //Средние века. – М., 1958, вып. XI, С. 83-85.
46. Баткин Л. Ренессанс и утопия //Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М., 1976.
47. Батракова С.П. Искусство и утопия. Из истории западной живописи и архитектуры XX века. – М., 1990.
48. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. К., «NEXT», 1994.
49. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд.– М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
50. Бахтин Ю.Б. Дерзость воскрешения: Утопия Н. Ф. Федорова в свете современной генетики //Химия и жизнь. 1991. № 8. С. 12-14.
51. Беер М. Всеобщая история социализма и социальной борьбы, ч.I-II. К., 1922-1923.

52. Безчотникова С. Русская литературная антиутопия пределы XX-XXI веков-динамика развития, векторы модификаций, типология): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.02 - русская литература. – К., 2008. – 20 с.
53. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Перевод с английского. – М.: «Academia», 1999. 956 с.
54. Беллами Э. Будущий век. Роман / пер. с англ. Л.Гей. – СПб.: Типография Суворина, 1891. – 334 с.
55. Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. – М., 1966.
56. Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. – М., 1994.
57. Бердяев Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма //Проблемы идеализма. – М., 2002. С.341-392.
58. Бердяев Н. О назначении человека. – М.: «Республика», 1993. 383 с.
59. Бердяев Н. Философия неравенства. – М.: «ИМА-пресс», 1990. 288 с.
60. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
61. Бердяев Н.А. Русская идея //Россия и Европа. Опыт соборного анализа. – М., 1992.
62. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. – М., 1995.
63. Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. – СПб., 1891.
64. Бестужев-Лада И. В. Кризис буржуазных концепций будущего человечества. – М., 1979.
65. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. – М.: «ВЛАДОС». 1998. 352 с.
66. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.
67. Бибихин В.В. Создание «новой реальности» в театре Антонена Арто //Социокультурные утопии XX века. Реферативный сборник. Выпуск. 1. – М., ИНИОН. 1979. С. 230–243.
68. Бирюков П.И. Paroles de Tolstoi: (Colonies agricoles d"intellectuels Tolstoyens). Correspondance inedite de Leon Tolstoi avec ses amies. Lausanne, s.d.
69. Бирюков П.И. Л.Н. Толстой и Вильям Фрей: (Из биографических материалов) // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 69-91.
70. Бланки Л.О. Избранные произведения /Пер. с франц. и комм. Ф.Б.Шуваевой. – М.,1952. 394 с.
71. Бланшо М. Арто //Комментарии. 1995. № 5. С. 30–37.
72. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М.: «Политиздат», 1990. 479 с.
73. Богословская Л.П. "Что делать" Чернышевского и женские артели 60-х гг. XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. Т. 6. – М.: Наука, 1974. С. 124-134.
74. Богун Н.А., Ткаченко В.В. Истина Николая Неплюева: (Из истории Воздвиженского Трудового братства) // Философская и социологическая мысль. Киев, 1991. № 10. С. 147-167.
75. Борох Л. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). – М.: Наука, 1984. – 286 с.
76. Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 т. – М., 1994.
77. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. – М., 1996.
78. Бочкарев М.И., Федоркин Н.С. Методологические проблемы исследования истории социалистических учений. – М., 1986.

79. Брандис Е.П. Жюль Верн и вопросы развития научно-фантастического романа. Л., 1955.
80. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения /Перевод с французского М.М. Кириченко; Научная редакция М. Ф. Черныш. – М., «Аспект Пресс», 1998. 284 с.
81. Будущее человеческого общества /Под редакцией Е. Д. Модржинской и Ц. А. Степаняна. – М., 1971.
82. Бузгалин А. О будущем социализма в России //Свободная мысль. 1996. № 5.
83. Бузгалин А., Миронов В. Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. – М.: Культурная Революция , 2009. – 718 с.
84. Булгаков В.Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие: Воспоминания и рассказы. Тула, 1970.
85. Булгаков С. Два Града: Исследования о природе общественных идеалов. Т. 1-2. – М., 1911.
86. Булгаков С. От марксизма к идеализму. – СПб., 1903
87. Булгаков С. Средневековый идеал и новейшая культура //Булгаков С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – СПб. 1997.
88. Булгаков С. Философия хозяйства. Т. 1. – М., 1912.
89. Булгаков С. Христианство и социализм. – М., 1917.
90. Булгаков С. Церковь и социальный вопрос //Вопросы религии. В. 1. – М., 1906.
91. Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. – М., 1963. Т. I-II.
92. Буткевич А.С. Воспоминания // Летописи Гос. литературного музея. Кн. 2: Л.Н. Толстой М., 1938. С. 337-362.
93. Буткевич А.С. Становой "выручил": из воспоминаний бывшего толстовца // Возрождение. – М., 1909. № 9/12. С. 22-38.
94. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. 2-е изд., испр. и доп. Пг.: Тузов, 1915. 566 с.
95. Буткевич Т.И. Толстовство: Происхождение секты // Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. 2-е изд., испр. и доп. Пг.: Изд-во Тузова, 1915. С. 526-557.
96. Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1990.
97. Бьюмонт М. Мир как универсальный магазин: утопия и политика потребления в
конце XIX века / пер. с англ. // НЛО. – 2004. – №70.
98. Бэкон Ф. Новая Атлантида //Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х т. – М., 1972.
99. Вальская Б.А. Проект Н.Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии // Австралия и Океания: (История и современность). – М.: Наука, 1970. С. 35-52.
100. Варанов В. Ф. Политическое учение Марсилия Падуанского и его связь с коммунальным движением Северной и Средней Италии. Ученые записки Петрозаводского университета, 1966, т. 16. Выпуск №7. Исторические науки.
101. Василевский Г. Интеллигентная земледельческая община Криница: К истории искания общественных форм идеальной жизни. – СПб.: Посев, 1908. 133 с.
102. Василькова Ю.В. Педагогические взгляды Шарля Фурье. – М., 1986.
103. Василькова Ю.В. Фурье. – М., 1978.

104. Васюков С.И. "Край гордой красоты". Кавказское побережье Черного моря. Природа, характер и будущность русской культуры. – СПб.: А.Ф. Деврен, [1903]. 236 с.
105. Васюков С.И. В народ. Из эпохи 1870-х гг. // Исторический вестник. 1902. № 89. С. 665-669; № 90. С. 5-41.
106. Вдовиченко Л.Н. Альтернативное движение в поисках альтернатив. – М.: Мысль, 1988. 186 с.
107. Веер М. Всеобщая история социализма и социальной борьбы. – М.-Л., 1927.
108. Величкина В.М. В голодный год с Львом Толстым: Воспоминания / Вступ. ст. и примеч. В.Д. Бонч-Бруевича. – М.; Л.: Госиздат, 1928. 147 с.
109. Верас Д. История севарамбов. – М., 1956.
110. Верн Ж. Таинственный остров. – М., 1955.
111. Вернадский Г.В. Братство "Приютино" // Новый журнал. 1968. Кн. 93; 1969. Кн. 95-97.
112. Виленская Э.С. Производительные ассоциации в России в середине 60-х гг. XIX в.: (Из истории ишутинской организации) // Исторические записки. 1961. Т. 68. С. 51-80.
113. Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). – М.: Наука, 1965. 387 с.
114. Власть. Очерки современной политической философии Запада /Под ред. В. В. Мшвениерадзе. – М., 1989.
115. Водолазов Г.Г. От Чернышевского к Плеханову (Об особенностях развития социалистической мысли в России). – М., 1969.
116. Воейков М.И. Споры о социализме: о чем пишет русская интеллигенция. – М.: Эконом. демократия, 1999. 118 с.
117. Воздвиженское Трудовое Братство: [Альбом]. – СПб., 1903. 45 с.: ил.
118. Волгин В.П. История социалистических идей. М-Л., 1931.
119. Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. – М., 1976.
120. Волгин В.П. Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений, ч. I. – М.-Л., 1928.
121. Волгин В.П. Сен-Симон и сен-симонизм. – М., 1961.
122. Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. – М., 1960.
123. Волков Ю. Г. Личность и гуманизм: Социологический аспект. Челябинск. 1995.
124. Володин А.И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. – М. 1973.
125. Володин А.И. Утопия и история. Некоторые проблемы изучения домарксистского социализма. – М., 1976.
126. Воронихин А.В. Один год из жизни Веры Фигнер (новое о саратовском поселении землевольцев 1878-1879 гг.) // Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992. С. 95-113.
127. Восленский И. Номенклатура. – М., 1991.
128. Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. А.Б. Рогинский. – М.: Книга, 1989. 480 с.: ил.
129. Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. Нью-Йорк, 1982.
130. Гаджиев К.С. Политическая наука. – М., 1994.
131. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М., 1995.
132. Галкин В.В. Наука или утопия?: Опыт исследования социалистических учений последователей Р.Оуэна в Англии 20-40-х гг. XIX в. – М.,1981.

133. Гальцева Р., Рознянская И. Поиски человека //Новый мир. 1988. № 12. С. 50-56.
134. Гаркави А.М. Главы о мастерских Веры Павловны и журнальная полемика о производственных ассоциациях // Чернышевский Н.Г. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1975. Вып. 7.
135. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. в 3 тт. – М., 1995.
136. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: «НАУКА», 1977. 704 с.
137. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. – М., 1958.
138. Гершензон М. Вильям Фрей // Русские пропилеи. – М., 1915. Т. 1. С. 276-279.
139. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – М., 2003. 528 с.
140. Гинев В.Н. Народническое движение в Среднем Поволжье: 70-е годы XIX в. – М.; Л.: Наука, 1966. 154 с.
141. Глаголева Э. Эстетика антиразума – М.: Искусство. 1972.
142. Гнатовская Д.Ю., Зезина М.Р. Бытовые коммуны рабочей и студенческой молодежи во второй половине 20-х - начале 30-х гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 1. С. 42-58.
143. Гнедич П.П. Новый скит: Пьеса в 4-х д. – СПб., 1903.
144. Гоббс Т. Левиафан. Избранные произведения В 2-х тт., т.2. – М., 1964.
145. Годвин В. О собственности. – М., 1958.
146. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие. История, теория и современная практика. К., 1994.
147. Гомон М.Л. Л.Н. Толстой и харьковчане. – Харьков: Основа, 1993. 185 с.
148. Горбунова-Посадова Е.Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. – М.: Изд. ГМТ, 1929. 112 с.
149. Гордеева И.А. "Будущая Россия честных людей": Из истории несостоявшегося // Журнал ФИПП. 1999. №1. С. 2-9.
150. Гордеева И.А. Интеллигентная деревня // Азбука агробизнеса. 2000. июль. С. 27-28.
151. Графский В.Г. Политические и правовые взгляды русского народничества. Истоки и эволюция. – М., 1993.
152. Гребенникова Н.С. Зарубежная литература XX века: Учебное пособие по курсу «История зарубежной литературы XX века». – М.: ВЛАДОС. 1999. 128 с.
153. Греков А. Община интеллигентов // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 14 августа. № 221.
154. Гройс Б. Утопия и обмен. – М.: Знак. 1993.
155. Громан С.Г. Пешком по России: (Воспоминания о Л.Н. Толстом и его друзьях) // Летописи Гос. литературного музея. – М., 1948. Кн. 12. Т. 2. С. 331-362.
156. Громека М.С. [Письмо к Л.Н. Толстому от 25 января 1883 г.] // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 63. – М.-Л., 1934. С. 132-135.
157. Гроций Г. О праве войны и мира. – М., 1956.
158. Грунт З.А. Альтернативное движение и общество: Опыт американского коммунитаризма // Массовые движения в современном обществе / С.В. Патрушев, Г.Л. Кертман, Л.Л. Лисюткина и др. – М.: Наука, 1990. Разд. 2. Гл. 5. С. 84-102.
159. Грунт З.А. Идеология и практика американского коммунитаризма: Автореф. дис. канд. политич. наук. – М., 1992. 26 с.
160. Грунт З.А. Идеология и практика американского коммунитаризма: дис. канд. политич. наук. – М., 1992. 246 с.

161. Грунт З.А. Образ жизни и территориальная общность // США глазами американских социологов: Социальные аспекты американского образа жизни. – М.: Наука, 1982. Вып. 1. С. 92-135.
162. Грунт З.А. Современный коммунитаризм и американская культурная традиция // Американский характер: Очерки культуры США. – М.: Наука, 1991. С. 55-83.
163. Гуревич П.С. Социальная мифология. – М., 1983.
164. Гуторов В.А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989.
165. Гэлбрейт Дж. Политические теории и цели общества. – М., 1976.
166. Даль Р. Введение в теорию демократии. – М., 1992.
167. Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания Вл. Дебогория-Мокриевича: В 3 вып. Paris: Imprimerie J. Allemaine, 1894
168. Дебор Г. Общество спектакля. – М., 2000.
169. Дезами Т. Кодекс общности. – М., 1956.
170. Дерзость воскрешения: Утопия Н. Ф. Федорова в свете современной генетики //Химия и жизнь. 1991. № 8.
171. Дешан Л.М. Истина или истинная система. – М., 1973. – 532 с.
172. Джилас М. Новый класс //Лицо тоталитаризма. М.,1992.
173. Джорджадзе А.К. Опыт общественной организации нравственной жизни // Северный вестник. 1897. [1] 12. С. 151-158.
174. Дилигенский Г. Социально-политическая психология. – М.: «Новая школа», 1996. 352 с.
175. Днепров В. Черты романа XX века. – М.-Л., Советский писатель, 1965.
176. Дризен Н.В. Воспоминания // Иллюстрированная Россия. Париж. 1926. № 38, 43, 47, 48, 59, 69, 71, 73, 76.
177. Дружинин Н.М. А. Гакстаузен и русские революционные демократы // История СССР. 1967. № 3. С. 69-81.
178. Дубко Е.Л., Титов В.А. Идеал. Справедливость. Счастье. – М., 1989.
179. Дубов В. Лето среди сельских работ // Отечественные записки. 1878. № 7. С. 5-54.
180. Дубровский Д.И. Проблема идеального. – М., 1983.
181. Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. – М., 1981.
182. Дыдров А. Человек будущего в утопиях и дистопиях: философско-антропологическая интерпретация : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13. – Челябинск, 2011. – 192 с.
183. Дьяконова Е.А. Дневник Елизаветы Дьяконовой, 1886-1902. 4-е изд. – М., 1912. С. 1-713.
184. Дьяконова Е.А. Школы и братства Н.Н. Неплюева // Русский труд. 1898. № 47, 48.
185. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме: Перевод с французского. Дубна: Издательский Центр «ФЕНИКС», 1997. 304 с.
186. Дяченко-Ширшова М., Дяченко С. Утопия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 704 с.
187. Егоров Б. Российские утопии. Исторический путеводитель. С.-Петербург: Искусство–СПБ, 2007. – 416 с.
188. Егоров Б.Ф. Об особенностях русских социальных утопий 1840-х гг. // Проблемы изучения культурного наследия. – М.: Наука, 1985. С. 256-261.
189. Егоров Б.Ф. Петрашевцы - идеологи утопического социализма в России // Общественная мысль в России XIX в. Л.: Наука, 1986. Вып. 16. С. 78-91.
190. Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л.: Наука, 1988. 236 с.

191. Егоров Б.Ф. Русские кружки. Русские утопии // Из истории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5: XIX в. С. 225-276, 504-517.
192. Елисеев Г.З. Из рукописей Г.З. Елисеева "О Романе "Что делать"" и "Коммуна Слепцова"" // Шестидесятые годы в воспоминаниях М.А. Антонович, Г.З. Елисеева. – М.; Л.: Academia, 1933. С. 485-493.
193. Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. – Л.: Прибой, 1929. 399 с.
194. Ермолина Г.К. Идеал справедливости и действительность. – Ярославль, 1991.
195. Ермолина М.В. В интеллигентной колонии // Исторический Вестник. 1898. № 12. С. 909-937.
196. Жебелев С.А. Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля //Аристотель. Политика. – М., 1911. С.379-465.
197. Жукова Л.Н. Лодыгин. – М.: Молодая гвардия, 1983. 302 с.: 17 л. ил. (ЖЗЛ; Вып. 632).
198. Жуховицкий Л. Прекрасная утопия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvdaily.ru/info/1255.html.
199. Залесский Н.Н. Очерки истории античной философии, вып.1. – Л., 1975.
200. Замятин Е.И. Мы. – М., 1989.
201. Застенкер Н.Е. Очерки истории социалистической мысли. – М.,1985.
202. Захарьин И. В толстовской колонии // Миссионерское обозрение. 1899. Апрель. С. 472-476.
203. Зверев А. Когда пробьет последний час природы //Вопр. л-уры. 1989. № 11. С. 20-23.
204. Зверев А. Крушение утопии //Иностранная л-ра. 1988. № 11. С. 40-43.
205. Здешний. Колония толстовцев на кавказском берегу Черного моря: Путевые впечатления // Таганрогский вестник. 1898. № 26. Т. 1.
206. Зильберфарб И.И. Социальная философия Ш.Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. – М., 1964. 555 с.
207. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. 495 с.
208. Зиновьев А.А. Глобальный человейник. – М.: «Центрполиграф», 1997. 459 с.
209. Зотов А.Ф. Современная западная философия: Учебник. – М.: Высшая школа., 2001. 784 с.
210. Ивченко Е.Г., Усенко Л.В. Русская семья: опыт и ценностные ориентации //Проблемы современного общества: Лекции по социологии. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского пединститута,1996. 208 с.
211. Идеал, утопия и критическая рефлексия. Монография. – М.: РОССПЭН, 1996. 302 с.
212. Идеологические и психологические аспекты исследования массового сознания: Сборник обзоров.: АН ИНИОН, – М.,1989. 242 с.
213. Из-под глыб. Сборник статей. YMCA-Press, Paris, 1974.
214. Иконникова Г. И. Теория «постиндустриального общества»: Будущее человечества и его буржуазные толкователи. – М., 1975.
215. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. 464 с.
216. Ильин В.В., Панарин А. С. Философия политики. – М., 1994.
217. Ильин Н.Д. Дневник толстовца. – СПб.: Типо-литогр. М. Янца, 1892. 289 с.
218. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. – М.: Academia, Наука, 1998. 640 с.
219. Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой полровины XIX столетия. – М.,1981.
220. Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 152 с.

221. Иосько М.И. Николай Судзиловский-Руссель: Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. 336 с.
222. Исаев А.А. Земледельцы из образованного класса // Русская мысль. 1892. Кн. 10; 1894. Кн. 4.
223. История политических и правовых учений. Древний мир /Под ред. В.С.Нерсесянца. – М., 1985.
224. История политических и правовых учений: Учебное пособие /Под ред. Лейста О.Э. – М., 1997.
225. История русского утопического социализма XIX века. – М.,1985.
226. История социалистических идей и стереотипы массового сознания: Сборник обзоров. – М., 1990.
227. История социалистических учений. – М., 1984.
228. История теоретической социологии. Т. 1. От Платона до Канта. – М., 1995.
229. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и "хождение в народ" в 70-х гг. XIX в. – М.: Наука, 1965. 443 с.
230. К. Неплюевщина // Образование. 1900. № 1. С. 95-102.
231. Кабе Э. Путешествие в Икарию. М-Л. 1935, Т.1-2.
232. Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. – М.: Ультра-Культура, 2003. 320 с.
233. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: книга не рекомендованная для чтения. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. 480 с.
234. Кагарлицкий Ю. И. Г. Уэллс //Уэллс Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. – М., 1964. Т. 1. С. 24.
235. Кагарлицкий Ю.И. Вглядываясь в будущее. – М., 1989.
236. Кагарлицкий Ю.И. Уэллс и Ж. Верн //Вопр. л-ры. 1962. № 6. С. 116-133.
237. Кагарлицкий Ю.И. Уэллс: Очерк жизни и творчества. – М., 1962.
238. Кагарлицкий Ю.И. Человек и будущее человека //Иностранная л-ра. 1967. № 1. С. 48-58.
239. Кайтуков В.М. Эволюция диктата. – М.: Норд, 1992. 416 с.
240. Калиничева З.В. К анализу причин краха "земледельчески-трудовых" идеалов толстовства // ЛГПИ им. А.И. Герцена. XXIX Герценовские чтения. Науч. атеизм, этика, эстетика: Науч. докл. Л., 1976. С. 18-23.
241. Калиничева З.В. К вопросу о возникновении толстовства // ЛГПИ им. А.И. Герцена. XXVII Герценовские чтения. Науч. атеизм, этика, эстетика: Научные докл. Л., 1974. С. 56-63.
242. Калиничева З.В. К вопросу о социальной сущности идей толстовства // ЛГПИ им. А.И. Герцена. XXVIII Герценовские чтения. Науч. атеизм, этика, эстетика: Науч. докл. Л., 1875. С. 53-59.
243. Калинчук С.В. Психологический фактор в деятельности "Земли и воли" 1870-х гг. // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 46-58.
244. Кампанелла Т. Город Солнца //Утопический роман XVII-XVIII в.в. – М., 1971.
245. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство /Перевод с французского. – М.: Политиздат, 1990. 415 с.
246. Канетти Э. Масса и власть /Пер. с нем. – М.: Ad Marginem, 1997. 528 с.
247. Кант И. К вечному миру //Кант И. Сочинения: В 6 т. Т.6. – М., 1988.
248. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М., 1997.
249. Каплан А.Б. Коллективный страх и стереотипы ненависти: Научно-аналитический обзор //История социалистических идей и стереотипы массового сознания: Сб. обзоров. – М., 1990. С.11-49.
250. Капустин М. П. Конец Утопии? Прошлое и будущее социализма. – М.: Новости, 1990. 594 с.

251. Карабущенко П.Л. Элитология Платона. Античные аспекты философии избранности. – М., 1997.
252. Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Т.2. – М.,1919.
253. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. – М., 1972.
254. Киперман А.Я. Тамбовское поселение землевольцев: (К вопросу о кризисе "Земли и воли" 70-х гг. // Известия Воронежского педагогического ин-та. 1967. Т. 63. С. 230-251.
255. Кирвель Ч. С. Социальная утопия и ее роль в жизни общества. – Л., 1983.
256. Кирилюк Ф.М. Социалистический идеал: до и после Маркса. – К., 1989. – 128 с.
257. Кислова А.А. Социальное христианство в США. – М., 1974.
258. Китайские социальные утопии: Сборник статей /Под редакцией Л.П.Делюсина, Л.Н.Борох. – М., 1987.
259. Клибанов А. Народная социальная утопия в России. XIX век. – М.: Наука 1978. – 344 с.
260. Клибанов А.И. Социальные утопии в русских крестьянских движениях / Национальный комитет Советского союза. IV - я Советско-английская конференция историков, Москва, 15-22 сентября 1966 г. – М.: Наука, 1966. 48 с.
261. Кобзев А. И. Понятийно-теоретические основы конфуцианской социальной утопии. В. Китайские социальные утопии. Сборник статей. М,, 1987, С. 58-103.
262. Козелецкий Ю. Человек многомерный (психологические эссе). – К.: Лыбидь, 1991. 288 с.
263. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России: Избранные тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. 767 с.
264. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. 488 с.
265. Колодий А. Социальная справедливость и равенство: проблемы теории и практики. Львов, 1991.
266. Коменский Я.А. Избранны педагогические произведения в 2-х тт. – М.: Педагогика, 1982.
267. Коммунистический утопический эксперимент в истории общественной мысли и социальных движений / Андерсон К.М., Бондарев А.К., Градинар И.Б. и др.; Под ред. Прошиной Е.М. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 152 с.
268. Коммунитарное движение // Политология: Энциклопедический словарь. – М., 1993. С. 135.
269. Кон И.С. Студенческие волнения и теория "конфликта поколений" // США: Экономика, политика, идеология. 1971. № 3 (15). С. 27-39.
270. Короленко В.Г. История моего современника. Ч. 3. В Перми. I. Александр Капитонович Маликов. // Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1955. Т. 7. С. 174-185.
271. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего: Перевод с английского. – М.: «Когито-Центр», «Институт психологии РАН», 1997. 432 с.
272. Краснов А.П. Великий фантаст //Литература в школе. 1978. № 1. С. 87-91.
273. Краус В. Нигилизм и идеалы. – М. 1994.
274. Крейнин В. Конец утопии. Взлёт и крах финансовой пирамиды. – М.: Альпина Бизнес Букс (Юнайтед Пресс), 2008. – 183 с.
275. Кривенко С.Н. Культурные скиты // Русское богатство. 1893. № 2. С. 100-126; № 3. С. 92-126.
276. Кривенко С.Н. Культурные скиты. Культурные одиночки в деревне // Русское богатство. 1893. № 2. С. 100-126; № 3. С. 92-126; № 5. С. 107-126; № 6. С. 154-184.
277. Кривенко С.Н. На распутье: (Культурные скиты и культурные одиночки). 2-е изд. – М.: Изд. С. Дороватовского, А. Чарушникова; Типо-литогр. В. Рихтер, 1901. 338 с. То же. – СПб., 1895.

278. Кривенко С.Н. Собр. соч.: Внутр. обозрения, хроника и др. статьи из "Отечественных записок", (1873-1884): В 2 т. – СПб., 1911.
279. Криничане. Четверть века "Криницы". Киев: Изд. кооп. журн. "Наше дело", 1913. 493, [25] с.: ил. Рец.: Пешехонов А.В. Попытка обойти историю // Голос минувшего. 1914. № 1.
280. Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? // Революционное народничество семидесятых годов XIX века. Т.1. – М. 1964.
281. Кудрявцев О. Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». – М.: Наука, 1991.
282. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). – М., 1979.
283. Кузьмина А.В. Нравственные аспекты либеральной концепции справедливого общества в морально-политической философии Д. Роулса. – М., 1998.
284. Кучеренко Г.С. Некоторые сведения об отношении к Сен-Симону и сенсимонистам в России (XIX - начало XX в.) // История социалистических учений, 1985. – М., 1985. С. 45-66.
285. Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. – М., 1975.
286. Кучеровский Н.М. "Мундир" толстовства: (Молодой И.А. Бунин и толстовство) // Из истории русской литературы XIX в. – Калуга, 1966. 147 с.
287. Л.Н. Толстой и традиции ненасилия в двадцатом веке: (Материалы симпозиума) / ИФ РАН. Науч.-просвет. центр этических и социально-политич. исслед. "Этика ненасилия". – М., 1996. 40 с.
288. Ландесман П., Согомонов Ю. Спор с пессимизмом. – М. Политиздат 1971.
289. Ландор М. Фантастическая сатира Г. Уэллса //Вопр. л-. 1963. № 12. С. 20-51.
290. Ласки М. Утопия и революция //Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. – М., 1991.
291. Лебедев А. Е. Традиции Дж. Свифта в творчестве Г. Уэллса //Ученые записки Горьковского государственного университета. Выпуск 160. – Горький, 1973. С. 142-143.
292. Лебина Н.Б. Слеза социализма // Родина. 1999. № 6. С. 62-66.
293. Лев Николаевич Толстой: Юбилейный сб. / Сост. и ред. Н.Н. Гусева. – М.; Л.: Госиздат, 1928. 440 с.: ил.
294. Лейкина-Свирская В.Р. Утопический социализм петрашевцев // История социалистических учений, 1964. – М.: Наука, 1964. С. 399-441.
295. Лейст О.Э. Политическая идеология утопических социалистов Франции в XVIII в. – М., 1972.
296. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., – М., 5-е изд., т. 27.
297. Лифшиц М. Мифология древняя и современная. – М.: «Искусство», 1979. 582 с.
298. Лобачевский Д.В. Практика христианских отношений в детских школах // Воскресная беседа. 1896. № 25-26. С. 280-284.
299. Любимова А.Ф. Проблематика и поэтика романов Г. Уэллса 1900-1940-х годов. Иркутск. 1990.
300. Лютецкий А.А. К вопросу о реформе средней школы. Самобытное воспитание. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. 95 с.
301. Лютецкий А.А. О школах Н.Н. Неплюева // Неделя. 1899. № 47 (21 ноября). С. 1560-1563.
302. Лютецкий А.А. Открытое письмо к учащейся молодежи. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. 16 с.

303. Лютецкий А.А. Школы Н.Н. Неплюева как пример самобытного воспитания. – М.: Тип. Борисенко и Бреслин, 1900. 23 с. (Отт. из журн. "Знамя").
304. Мабли Г. Избранные произведения. М.-Л., 1950. – 340 с.
305. Мазурин Б.В. Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны "Жизнь и труд" // Новый мир. 1988. № 9. С. 180-226.
306. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 411 с.
307. Малинин В.А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX-начала XX века. – М., 1991.
308. Малинин В.А., Сидоров М.И. Предшественники научного социализма в России. – М., 1963.
309. Малышев М.А., Яскевич Л.В. «Социальная этология»: критика биологизаторской концепции человека //Историко-философские исследования. – Свердловск, 1983.
310. Малышевский А.Ф. Школа Н.Н. Неплюева // Мир человека. 1994. № 2-3. С. 36-51.
311. Мальцев Г.В. Буржуазный эгалитаризм: эволюция представлений о социальном равенстве. – М., 1984.
312. Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период). – М., «Наука», 1989. 256 с.
313. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества /Перевод с английского. – М., 2001.
314. Манхейм К. Идеология и утопия /Пер. с нем. М.И. Левиной //Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
315. Маравалль Х. Утопия и реформизм //Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. – М., 1991.
316. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии //Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.4.
317. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология //Избранные сочинения: в 9 т. – М., 1985. Т. 2.
318. Маркузе Г. Одномерный человек: Перевод с английского. – М.: Рефл-бук, 1994. 368 с.
319. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. – М., 2001. 335 с.
320. Маслоу А. Психология бытия: Перевод с английского. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. 304 с.
321. Материалы симпозиума: Социалистическое видение современности или современное видение социализма //Полис. 1994. №5.
322. Мачтет Г.А. Община Фрея // Мачтет Г.А. Полн. собр. соч.: В т. / Под ред. Д.П. Сильчевского. Т. 1. С. 183-214.
323. Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. ИХЛ. – М., 1969.
324. Медведев Р. Кризис марксизма? //Альтернативы. 1995. № 4.
325. Медоуз Д. и др. Пределы роста. – М., 1991.
326. Мелешко Е.Д. Толстовские земледельческие коммуны // Опыты ненасилия в XX столетия: Социально-этические очерки. – М., 1996. С. 157-166.
327. Мелешко Е.Д. Толстовство как социально-этический феномен // Л.Н. Толстой и традиции ненасилия в двадцатом веке. – М., 1996. С. 13-17.
328. Мелье Ж. Завещание. – М., 1954. Т. I-III.
329. Меньшиков М.О. В чем братство" // Неделя. 1900. № 1 (1 января). С. 26-30; № 2 (9 января). С. 61-68; № 3 (16 января). С. 107-110.
330. Мерсье Л.С. Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было. – Л.: Наука, 1977. – 240 с.
331. Мертваго А.П. Сельскохозяйственные воспоминания, (1879-1893 гг.): Не по торному пути. [2-е] изд., доп. – СПб.: Хозяин, 1897. 292 с. То же. 1900

332. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура (фрагменты) /Под общей редакцией В.В.Танчера; Реферативный перевод и вступительная статья В.Костинской. К., 1996.
333. Метелицына П.Н. Год в батрачках: [Рассказ / Под ред. М.Е. Салтыкова-Щедрина] // Отечественные записки. 1880. № 9. Отд. 1. С. 71-112.
334. Митараки П.Г. Доброй памяти Н.Н. Неплюева. Одесса: Тип. о-ва "Русская речь", 1911. 20 с.
335. Михайлов А. В "толстовской" колонии: По личным воспоминаниям // Вестник Европы. 1908. № 9. С. 101-139; № 10. С. 447-489.
336. Михеев М.Ю. Чувства ума и мыслимость чувства у Платона //Вопросы философии. 2001.№ 7. С.59-76.
337. Мокшин Г.Н. Общественно-политические взгляды и деятельность С.Н. Кривенко: (1847-1906): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 1995. 21 с.
338. Мокшин Г.Н. С.Н. Кривенко: Очерк жизни и деятельности, (1847-1906). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. 146 с.
339. Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства //Утопический роман XVII-XVIII в.в. – М., 1971.
340. Морелли. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. – М., 1956. 300 с.
341. Морен Э. Утраченная парадигма: природа человека /Пер. с франц. – К.: КАРМЭ-СИНТО, 1995. 240 с.
342. Морозов И.М. Сектантские колхозы. – М.; Л.: Московский рабочий, 1931. 55 с.
343. Моррис У. Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия Вести ниоткуда. – М.: Художественная литература, 1962. – 312 с.
344. Морсон Г. Границы жанра //Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. – М., 1991.
345. Мортон А. Английская утопия. – М., 1956.
346. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с франц. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
347. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии /Пер.с франц., послесл. и комм. А.Б. Гофмана. – М.: Восточная литература, 1996.
348. Мысляков В.А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия. – Л., 1984.
349. Мясоедова М.П. Трудовые христианские братства Н.Н. Неплюева: (Письмо к редактору) // Русский труд. 1898. № 3 (17 января). С. 11-12; № 4 (24 января). С. 7-9.
350. Н.Н. Неплюев - "подвижник земли русской": Некролог. – К.: Изд-во Крестовоздвиженского трудового братства, 1912. 40, [8] с.
351. Н.Н. Неплюев - подвижник земли русской. Член Братства. – Сергиев Посад, 1908. 39 с. (Отт. из журн. "Христианин" 1908. № 4).
352. Н.Н. Неплюев (1851-1908) - подвижник земли русской: (Венок на могилу). – Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. 199 с. (Отт. из журн. "Христианин". 1908. № 4).
353. Назиров Р.Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья» //Достоевский и его время. Л., 1971.
354. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. – М., 1991.
355. Научно-технический прогресс: Словарь /Составитель В. Г. Горохов, В. Ф. Халипов. – М.: «Политиздат», 1987.
356. Неелов Е. М. Фольклорная волшебная сказка и научная фантастика. – Петрозаводск, 1986,С. 103.
357. Некрасов С.М. Поиски "истинного христианства" русским масонством XVIII в. и Л.Н. Толстой // Социально-психологические аспекты критики религиозной

морали: Сб. тр. / Гос. музей истории религии и атеизма Мин-ва культуры РСФСР. – Л., 1976. Вып. 3. С. 80-96.
358. Неманов И. Промышленная революция в Великобритании и утопический коммунизм Роберта Оуэна. – Смоленск: Смоленский Гос.Педагогический Институт им. К.Маркса, 1987. – 88 с.
359. Неманов И.Н. Некоторые итоги и проблемы изучения Роберта Оуэна // История социалистических учений: Сб. ст. – М.: Наука, 1976. С. 213-239.
360. Неманов И.Н. Промышленная революция в Великобритании и утопический коммунизм Роберт Оуэна: Учебн. пособие по спецкурсу. – Смоленск, 1987. 88 с.
361. Неманов И.Н. Социальный утопизм и его отношение к истории домарксистской философии // Проблемы методологии историко-философского исследования. – М., 1974. Вып. 2. С. 37-126.
362. Неманов И.Н. Социальный утопизм и общественная мысль // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. – М., 1977. С. 93-112.
363. Неплюев Н.Н. [Материалы для проекта устава Всероссийского Братства]; Неплюева О.Н. Идите, братья дорогие: [Стихотворение]. – К.: Типо-литогр. И.И. Чоколова, 1907. 64 с.
364. Неплюев Н.Н. Воздвиженская школа - колыбель Трудового братства, 1885-1895. – СПб.: Паровая скоропечатня Я.И. Либермана, 1895. (8), IV, 181, 10 с. Рец.: Бирюкович В. Из воспитательных опытов // Русская школа. 1895. № 10. С. 110-118.
365. Неплюев Н.Н. Жизненное значение трудовых братств, церковное, государственное и общественное: (Беседа для друзей и врагов). – СПб.: Типо-литогр. В.А. Тиханова, 1905. 26 с.
366. Неплюев Н.Н. Конгресс единого человечества. – СПб.: Паровая скоропечатня– М.М. Гутзац, 1900. 24 с.
367. Неплюев Н.Н. Краткие сведения о Воздвиженской школе. – Чернигов, 1903.
368. Неплюев Н.Н. Краткие сведения о Православном Кресто-Воздвиженском Трудовом Братстве. – Чернигов: Изд. Трудового Братства, 1905. 80 с.
369. Неплюев Н.Н. Полн. собр. соч.: В 5 т. – СПб., 1901-1908.
370. Неплюев Н.Н. Трудовое братство и школы его. – СПб.: Типо-литогр. В.А. Тиханова, 1900. [IX], 124, [II] с.; 16 л. ил. То же на фр. яз.: Neplujev N. Confrerie Ouvriere et Ses Ecoles. Paris, 1900. 220 p. Рец.: [Рецензия]// Русское богатство. 1900. № 12. С. 88-91.
371. Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. – М., 1979.
372. Никитина И.В., Пловинкин С.М. "Московский Авва" // Флоренский П.А., Новоселов М.А. Переписка священника Павла Александровича Флоренского и М.А. Новоселова. Томск; Новосибирск, 1998. С. 9-38.
373. Николаев Д. Смех Щедрина. – М., 1988.
374. Николай Васильевич Чайковский: Религиозные и общественные искания: В 2 т. / Под ред. А.А. Титова. Париж, 1929.
375. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология /Под редакцией В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999, 640 с.
376. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991.
377. Новиков А.А. О парадоксах идеала //Идеал, утопия и критическая рефлексия. – М., 1996.
378. Новоселов М.А. Письма к друзьям. – М., 1994. [LIV], 354 с.: 6 ил.
379. Носов С.Н. Мечта об "истинной жизни" в русском славянофильстве // Славянофильство и современность: Сб. ст. – СПб.: Наука, 1994. С. 105-121.
380. Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. – М., 1992.

381. Нянковский М.А. Антиутопия. К изучению романа Е. Замятина «Мы» //Литература в школе.1998. № 3. С.97-107.
382. Общественно-политические и философские учения Древней Греции и Рима /Составление И.С.Свенцицкой. – М., 1976.
383. Оганесян А.К. Равенство и справедливость (концепции Д. Роулса и Д. Белла) //Этическая мысль: научно-публицистические чтения. 1990. – М., 1991. С. 214-229.
384. Огарев Н.П. О пропагандистских земледельческих коммунах // Литературное наследство. – М., 1953. Т. 61: Герцен и Огарев. Ч. 1. С. 572.
385. Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга: Перевод с английского. – М.: Ювента, 1996. 384 с.
386. Ожегов Ю. П. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. – М., 1975.
387. Ойзерман Т.Н. Марксизм и утопизм. – М., 2003.
388. Ольховский Е.Р. Сельскохозяйственные кооперативы 80-х гг. XIX в. в России и революционная пропаганда народников-чернопередельцев // Кооперация: Страницы истории. – М., 1993. Вып. 3. С. 156-164.
389. Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб., 2001. 368 с.
390. Онтология социального будущего: Учеб. пособие /Авт.-сост. А.Г.Некита, С.А.Маленко; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2006. 311 с.
391. Опыт тысячелетий. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. – М., 1996.
392. Опыты ненасилия в XX столетия: Социально-этические очерки / Под ред. Р.Г. Апресяна. – М.: Аслан, 1996. 288 с.
393. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник: Перевод с испанского. – М.: Радуга, 1991. 639 с.
394. Оруэлл Дж. 1984. Роман. Скотный двор. Сказка /Пер. с англ. – Пермь: КАПИК, 1992. 304 с.
395. Оруэлл Дж. Эссе. Статьи. Рецензии /Пер. с англ. – Пермь: КАПИК, 1992. 320 с.
396. Осиновский И.Н. Идеал совершенного человека у Томаса Мора: К 510-й годовщине со дня рождения автора «Утопии» //Научный коммунизм. 1988. N 2. С.104-111.
397. Осиновский И.Н. Томас Мор. – М., 1987.
398. Оуэн Р. Избранные сочинения. М-Л., 1950. Т. I-II.
399. Очерк теории социализма. – М.: Политиздат. 1989. 463 с.
400. Павлов И.П. Рефлекс свободы. – СПб. 2001. 432 с.
401. Пайпс Р. Русская революция. В 3-х тт. – М., 1994.
402. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 2000. 382 с.
403. Панкратов А.С. Ищущие бога: Очерки современных религиозных исканий и настроений: В 2 кн. – М.: Левенсон, 1911.
404. Пантин И. Социалистическая мысль в России - переход от утопии к науке. – М.: Политиздат, 1973. – 360 с.
405. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. – М., 1986.
406. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский " человек эпохи реализма. – М.: НЛО, 1996. (Научное приложение. Вып. VI).
407. Паренти М. Демократия для немногих. – М., 1990.
408. Парсонс Т. Система современных обществ /Под ред. М.С.Ковалёвой. – М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
409. Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. – СПб., 1910.

410. Переписка и личные свидания Вильяма Фрея с Л.Н. Толстым. – Б.м.: Б.и., 1886. 71, 100 с.
411. Петров С.Г. Толстовство в первые послеоктябрьские годы // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России. Калинин, 1989. С. 145-150.
412. Петухова Т.В. Земледельческие объединения крестьян-толстовцев (1917-1929): Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1995. 21 с.
413. Пиксанов Н.К. Роман Гончарова "Обрыв" в свете социальной истории. – Л.: Наука, 1968. 202 с.
414. Письма Толстого и к Толстому: Юбилейный Сб.– М.;Л.: Госиздат, 1928. 331 с.
415. Платон. Государство //Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3.
416. Платонов С. После коммунизма: книга, не предназначенная для печати /Предисловие В.Аксёнова и др. 2-е изд.; Второе пришествие: Беседы. – М., «Молодая гвардия», 1991. 555 с.
417. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. III. – М., 1957.
418. Побединский Н. Неплюевские братства и школы. Их основные тенденции. характер и значение // Вера и церковь. 1901. № 6. С. 117-141.
419. Подмарков В. Роберт Оуэн - гуманист и мыслитель. – М.: Наука, 1976. – 129 с.
420. Поливанова Е. Из прошлого. (Семидесятники) // Исторический вестник. 1913. № 5. С. 545-556.
421. Поликовский А. Пиратская Бухта - последний берег Утопии. – М.: Интернет, 2009. – 30 с.
422. Политология: энциклопедический словарь. – М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. 431с.
423. Полнер Т.И. Чайковский и богочеловечество // Николай Васильевич Чайковский: Религиозные и общественные искания. Париж, 1929. Т. 1. С. 97-166.
424. Понкратов Б. Что будем делать в третьем тысячелетии, или последняя технократическая утопия. Техника-молодежи, 1989, № 12.
425. Попов В.А. И.С. Проханов: Страницы жизни. – СПб.: "Библия для всех", 1996. 204 с.
426. Попов В.А. Христианские коммуны Проханова // Наука и религия. 1990. № 7. С. 48-52.
427. Попов Е.И. Двадцать лет вблизи Льва Николаевича Толстого: (Из воспоминаний) // Л.Н. Толстой и его близкие / Сост., подг. текста и примеч. Т.Н. Волковой. – М.: Современник, 1986. С. 177-212.
428. Поповский М.А. Русские мужики рассказывают. Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе, 1918-1977: Документальный рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР по материалам вывезенного на Запад крестьянского архива. L., 1983. 315 с.
429. Поршнев Б.Ф. Мелье, Морелли, Дешан //Век Просвещения. – М., 1970.
430. Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
431. Проблемы идеализма. Сборник статей /Под ред. М. А. Колерова. – М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002.
432. Проханов И.С. В котле России, 1869-1933: [Автобиография с изложением основных фактов движения Евангельских христиан в России: Пер. с англ.]. – М.: Протестант, 1993. 253 с.; То же. Chicago, 1992.
433. Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. Анархические течения в русском сектантстве. – М.: Задруга, 1918. 182 с.
434. Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. – М., 1911. 323 с.

435. Пругавин А.С. Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. – СПб.: Т-во "Общественная польза", 1909. 267 с.
436. Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства: В 2 вып. – М.: Посредник, 1906.
437. Пругавин А.С. Сютаевцы. – СПб.: В.И. Яковенко, 1910. 116 с. (Религиозные искания в народе).
438. Пруцков Н.И. Сибирская утопия Т.М. Бондарева "Торжество земледельца" // Очерки литературы и критики Сибири (XVII " XX вв.): Материалы к "Истории русской литературы Сибири"). Новосибирск: Сиб. Отд-ние изд-ва "Наука", 1976. С. 132-149.
439. Пруцков Н.И. Утопия или антиутопия? //Достоевский и его время /под редакцией Базанова В.Г., Фридлендера Г.М. Л., 1971.
440. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль /Пер. с франц. – СПб.: Кристалл, 1998.
441. Рассел Б. История западной философии. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.
442. Рахманов В.В. Князь Георгий Александрович Дадиани: (По личным воспоминаниям) // "К Правде": Литературно-публицистический сб. – М., 1904. С. 34-48.
443. Рахманов В.В. Князь Георгий Александрович Дадиани: По личным воспоминаниям. – М., 1905. 19 с., портр. (Для интеллигентных читателей. Вып. 129).
444. Рахманов В.В. Крестьянин-коммунист: (Воспоминания о Василии Кирилловиче Сютаеве) // Минувшие годы. 1908. № 8. С. 250-260.
445. Рахманов В.В. Л.Н. Толстой и "толстовство" в конце восьмидесятых и начале девяностых годов: (Из личных воспоминаний)// Минувшие годы. 1908. № 9. С. 3-32.
446. Революционное народничество 70-х гг. XIX в.: Сб. документов и материалов: В 2 т. – М.; Л.: Наука, 1964-1965.
447. Рейнгардт Н.В. Необыкновенная личность: (Вильям Фрей) // Наука и жизнь: Лит., худож., обществ. и популярно-науч. журн. 1905. № 2. Стб. 533-564; № 3. Стб. 849-871; № 4. Стб. 1179-1208.
448. Ренессансный гуманизм и утопия. – М., 1991.
449. Репин И.Е. Далекое близкое / Под ред. и со вступ. ст. К. Чуковского. 4-е изд. – М.: Искусство, 1953. 520 с.
450. Ретиф-де-ла Бретон Н. Э. Южное открытие. – М.-Л., 1936.
451. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. – М., 2007. – 256 с.
452. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
453. Рудницкая Е.Л. Н.П. Огарев - теоретик и практик крестьянской революции (к 150-летию со дня рождения) // История СССР. 1963. № 6. С. 33-56.
454. Рудницкая Е.Л. Н.П. Огарев в русском революционном движении / АН СССР. Ин-т ист. СССР. – М.: Наука, 1969. 424 с.
455. Рудницкая Е.Л. Социалистические идеалы Н.П. Огарева // История социалистических учений, 1964. – М.: Наука, 1964. С. 371-398.
456. Руколь Б. М. Элементы утопического социализма у таборитов //История общественной мысли. – М., 1972, С. 507-533.
457. Русская идея и современность /Под редакцией Е.С. Троицкого. – М., 1992.
458. Русская мысль в веке Просвещения /Сост. Н.Ф. Уткина. – М., 1991.
459. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.
460. Русский космизм. Антология философской мысли /Сост.С.Г.Семенова, А.Г.Гачева. – М., 1993.
461. Руссо Ж. Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969.

462. Рындзюнский П.Г., Жуков В.М. Община и трудовая артель в системе взглядов Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский и современность. – М.: Наука, 1980. С. 367-373.
463. Савельева И. В поисках новой гармонии: Социальные идеи альтернативных движений // Свободная мысль. 1991. № 17 (ноябрь). С. 108-118.
464. Савельева И.М. Альтернативный мир: Модели и идеалы / Отв. ред. И.Е. Гурьев. – М.: Наука, 1990. 207 с.
465. Сагатовский В.Н. Бытие идеального. – СПб., 2003. 103 с.
466. Самарская Е. Социализм в перспективе постиндустриализма //Свободная мысль. 1995. №4. С.39-50.
467. Сапрыкин Ю. М. О гуманистическом индивидуализме в политической мысли Англии в XV начале XVI в //Томас Мор, 1478-1978: Коммунистические идеалы и история культуры. – М., 1981.
468. Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. – М.: Материк, 2002. 600 с.
469. Светленко С.И. Революционно-народническое движение 70-х гг. XIX в. на Украине в воспоминаниях современников. – Днепропетровск, 1990. 76 с.
470. Светлов П.Я. Идея Царства Божия в ее значении для христианского миросозерцания: (Богословско-апологетич. исслед.). – Сергиев Посад, 1904. 462 с.
471. Свифт Дж. Путешествия Гулливера. – М. 1976.
472. Святловский В. История экономических идей в связи с историей экономического быта. – М.: Красанд, 2010. – 396 с.
473. Святловский В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. – Петроград: Путь к знанию, 1924. – 60 с.
474. Селезнев Н. М. Шавеевская община // Смоленский вестник. 1891. № 81, 85, 86, 92, 101.
475. Семенова С. Г. Философия «будущего века» //Молодая гвардия. 1997. № 1. С. 226-252.
476. Сен-Симон А. Избранные сочинения. – М.-Л. 1948.
477. Серова В.С. Как рос мой сын. [О В.А. Серове / Сост. и науч. ред. И.С. Зильберштейн. Статьи и комментарии И.С. Зильберштейна и В.А. Самкова]. Л.: Художник РСФСР, 1968. 294 с.: ил.
478. Серова В.С. Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович. Воспоминания В.С. Серовой. С прил. избр. ст. А.Н. Серова. – СПб.: Шиповник, 1914. 379 с.: ил.
479. Сказкин С. Д. Возрождение, гуманизм и Реформация //Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. Материалы научного наследия. – М.: «Наука», 1981.
480. Славинский Н. Письма об Америке и русских переселенцах. – СПб., 1873. С. 232-298.
481. Славянофильство и западничество: Консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого: Реферат. сб.: В 2-х вып. – М.: ИНИОН, 1991-1992.
482. Сливкер Б. Утопический социализм - один из источников марксизма. – М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. – 145 с.
483. Слобожанин М. Черты из жизни и деятельности С.Н. Кривенко: (К истории созидательного народничества) // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 129-178; № 3. С. 213-239; № 5-6. С. 278-296.
484. Современный философский словарь. – М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996.
485. Соловьев Е.А. В раздумье: Очерки и рассказы из жизни русской интеллигенции. – СПб., 1892. 156 с.

486. Соловьев Е.А. История одной интеллигентной колонии // Соловьев Е.А. В раздумье: Очерки и рассказы из жизни русской интеллигенции. – СПб.: Общественная польза, 1893. С. 127-155.
487. Солодовник Н.С. Воздвиженское Трудовое братство. Н.Н. Неплюев: Воздвиженское Трудовое братство - локальная модель будущего бесконфликтного общества социальной справедливости: [Теория, практика, печальный финал]. – М.: Издание автора, 1994. 289 с.
488. Софронов С. С. Политические и социальные идеи Мабли // Из истории социально-политических учений. – М., 1955.
489. Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки). Изд. 2-е. – М., Мысль; Прага: Свобода, 1978. 368 с.
490. Социальное управление: Словарь /Под ред. В.И.Добренькова, И.М.Слепенкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. 208 с.
491. Социально-утопические идеи Средней Азии. – Ташкент, 1983.
492. Социокультурные утопии XX в.: В 6 вып. – М.: ИНИОН, 1979-1988.
493. Спановский-Чвертка Ф.Е. В защиту Трудового Братства и Воздвиженской сельскохозяйственной школы: Опровержения, посланные в редакции "Биржевых ведомостей" и "Санкт-Петербургских ведомостей" управляющим Воздвиженской сельскохозяйственной школой Ф.Е. Чверткой. – СПб.: Типо-литогр. В.А. Тиханова, 1903. 12 с.
494. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1953.
495. Станковская С.А. Социально-утопический эксперимент в России // Коммунистический утопический эксперимент в истории общественной мысли и социальных движений. – Л., 1988. С. 85-101.
496. Стеклов Ю. Прудон - отец анархии. – Пг.: издание Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919. – 48 с.
497. Степун Ф.А. Миросозерцание Достоевского. – М., 1993.
498. Суслопарова Г.Д. Типология утопического мышления в литературе серебряного века (символизм, футуризм, новокрестьянская поэзия): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01.– М., 2012. – 22 с.
499. Сухотина-Толстая Т.Л. Друзья и гости Ясной Поляны. – М.: Колос, 1923. 196 с.
500. Сысоев Г.Д. Соотношения утопии и антиутопии в утопической традиции. Автореф. дис. канд… филос. н. Воронеж, 1997.
501. Тадевосян Э. В. Словарь-справочник по социологии и политологии. – М.: Знание, 1996. 272 с.
502. Тареев М.М. Живые души. 2-е изд. – Сергиев Посад, 1908. 176 с.
503. Тарнас Р. История западного мышления. – М. 1995.
504. Темиршина О.Р. Тело и знак: К проблеме утопии и антиутопии в поздней поэзии В.Маяковского // Творчество А.Ахматовой и Н.Гумилева в контексте поэзии XX века. Материалы международной научной конференции. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2004. С. 273 – 281.
505. Тенеромо И.Б. Воспоминания о Л.Н. Толстом и его письма. – СПб.: Образование, 1906. 193 с.
506. Тихомиров Л. А. Русские идеалы и К. Н. Леонтьев. Литературная учеба. 1992, №1-2-3.
507. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Подг. текста и коммент. Н.Н. Гусева и В.С. Мишина. – М.: Гослитиздат, 1955.
508. Толстой С.М. Дети Толстого. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1994. 271 с.
509. Торицын Т.М. Учение Роберта Оуэна и его влияние на распространение и развитие социалистических идей. – Рязань, 1972. 174 с.
510. Тоффлер О. Смещение власти: Знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. – М., 1991.

511. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. 784 с.
512. Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды, 1871-1874 гг. (так называемые "чайковцы"). – Саратов, 1963. 102 с.: ил.
513. Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды, 1871-1874 гг. – Саратов, 1991. 310 с.
514. Туган-Барановский М.И. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1919. 128 с. (Б-чка кооператора; № 61).
515. Туган-Барановский М.И. Величайшая в мире коммунистическая организация (община духоборов). – М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1918. 40 с. (Б-чка кооператора; № 57).
516. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. – М.: РОССПЭН, 1996.
517. Туган-Барановский М.И. Предисловие. [О трудовой колонии-общине] // Криничане. Четверть века "Криницы". – К.: Наше дело, 1913. С. I-VI.
518. Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение. – Пг. 1918.
519. Туган-Барановский М.И. Социалистические общины нашего времени // Вестник Европы. 1913. № 3. С. 170-193.
520. Туган-Барановский М.И. Социалистические общины последователей Оуэна и Фурье // Вестник Европы. 1913. № 2. С. 179-197.
521. Тун А. История революционных движений в России / Предисл. Г. Плеханова. – Женева: Тип. Лиги русской рев. социал-демократии, 1903. LXVIII, 311 с.
522. Уинстэнли Дж. Избранные памфлеты. – М.; Л., 1950.
523. Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. – М.: Идея Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 360 с.
524. Устав земледельческой артели "Криница". – СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1912. 28 с.
525. Утопический роман XVI-XVII веков. – М., 1971. – 516 с.
526. Утопический социализм в России. Хрестоматия. – М., 1985. 590 с.
527. Утопический социализм. Хрестоматия. – М., 1982.
528. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы /Сост., предисл. и общ. ред. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. 404 с. Библиогр. С. 397-403.
529. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.
530. Ушков А.М. Утопическая мысль в странах Востока: традиции и современность. – М., 1982.
531. Уэллс Г. Война миров. – М., 1983.
532. Уэллс Г. Д. Современная утопия. – М.: Терра, 2010. – 372 с.
533. Уэллс Г. Люди как боги. Пермь, 1989.
534. Уэллс Г. Машина времени. – М., 1983.
535. Уэллс Г. Приключения человечества //Полн. собр. соч.: В 15 т. – М., 1956. Т.14.
536. Уэллс Г. Современная утопия //Завтра: Фантастический альманах. Выпуск 1. – М.: Текст. 1991. С. 120-130.
537. Фаресов А.И. Один из "семидесятников" // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 225-260; Рец.: А.Б. // Мир Божий. 1905. № 5. С. 101-102.
538. Фаресов А.И. Семидесятники. Очерки умственных и политических движений в России. – СПб., 1905. 176 с.
539. Федоренко Л.С. Далекий свет неплюевского Братства // Общее дело. Челябинск, 1992. № 1. С. 8-10.
540. Федоркин Н.С. Утопический социализм идеологов революционного народничества. – М., 1984.

541. Философия власти. – М., 1993.
542. Фихте И. Замкнутое торговое государство //Фихте И. Сочинения в 2-х тт., Т.2, С.225-357.
543. Флоринский М.Ф. Российская государственность на рубеже XVIII-XIX веков //История России: народ и власть. – СПб., 1997.
544. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма //Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М., 1998.
545. Фогт А. Социальные утопии. – СПб., 1907.
546. Франк С.Л. Сочинения. – М.: Издательство «ПРАВДА», 1990. 608 с.
547. Франкл В. Человек в поисках смысла: Перевод с английского. – М.: «Прогресс», 1990. 368 с.
548. Фрей В. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – СПб., 1902. Т. XXXVI А. С. 713.
549. Фрей В. Дополнение к первому письму Л.Н. Толстому. Третье письмо к Л.Н. Толстому. Письма к русским друзьям // Русские пропилеи. – М., 1915. Т. 1. С. 279-364.
550. Фрей В. Письма В. Фрея к Л.Н. Толстому. Geneve: M. Elpidine, 1887. 92 с.
551. Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. – М.: Изд-во Всесоюзн. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1927. 339 с.
552. Фроленко М.Ф. Чайковский. Его богочеловечество // Каторга и ссылка. № 5 (26). – М., 1926. С. 217-223.
553. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. 447 с.
554. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1995. 256 с.
555. Фромм Э. Иметь или быть? /Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. 336 с.
556. Фурсей А.И. Имеют ли право говорить о "неплюевщине" и "неплюевцах"" – СПб.: Типо-литогр. В.А. Тиханова, 1902. 8 с.
557. Фурье Ш. Избранные произведения в 2 тт. М-Л. 1951.
558. Хабермас Ю. Социальная проекция Фрейда и утопия общества: О научном вкладе психоанализа //Философская и социологическая мысль. 1990. №2. С.88-90.
559. Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству /Пер. с англ.; предисл. Н.Я. Петракова. – М.: Экономика, 1992. – 176 с.
560. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. – М., 1992.
561. Халипов В. Ф. Власть: Кратологический словарь. – М.: Республика, 1997. 431 с.
562. Халипов В.Ф. Введение в науку о власти. – М., 1996.
563. Халтурин И.П. Семейные воспоминания о Степане Халтурине // Былое. 1921. № 16. С. 49-55.
564. Хартулари К.Ф. Итоги прошлого, 1866-1891 гг. – СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1891. 579 с.
565. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. – М., 1994.
566. Хилков Д.А. Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова: В 2 вып. Сергиев Посад, 1915-1916.
567. Хирьякова Е. Воспоминания и некоторые сведения о Дмитрии Андреевиче Лизогубе // Звенья: Сб-ки материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX в. / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича, Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского. – М.; Л.: ACADEMIA, 1932. Вып. 1. С. 482-499.
568. Хорьков А. Н.Н. Неплюев и Крестовоздвиженское Трудовое Братство // Православная община. 1992. № 4. С. 63-70.
569. Чайковский Н.В. Через полстолетия // Голос минувшего на чужой стороне: Журнал истории и истории литературы. 1926. № 3 (16). С. 179-195.

570. Чаликова В. А. Настоящее и будущее сквозь призму утопии //Современные буржуазные теории общественного развития /Под ред. Я. И. Бергера. – М., 1984.
571. Чаликова В. Предисловие //Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. – М., 1991. С. 3-20.
572. Чанцев А.В. Кривенко С.Н. // Русские писатели, 1800-1917: Биографич. словарь. – М., 1994. Т. 3. С. 153-155.
573. Чапек К. Война с саламандрами //Сочинения. Т.5. – М., 1959.
574. Чемена О.М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова. – М.: Наука, 1966. 160 с.
575. Чередниченко Т. Типология советской массовой культуры. – М., 1994.
576. Чернышевский Н.Г. Что делать? – Пермь, 1981.
577. Чертков В.А. Отношение Л.Н. Толстого к земледельческим колониям: (По неизданным письмам) // Голос минувшего. 1913. № 10. С. 46-64.
578. Черткова Г.С. От Бабёфа к Буонарроти: движение во имя равенства или заговор равных? // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о Французской революции конца XVIII века. – М., 2003. 255-266.
579. Черткова Е.Л. Метаморфоза утопического сознания //Вопросы философии. 2001. №7. С.47-58.
580. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала //Идеал, утопия и критическая рефлексия. – М., 1996.
581. Четвериков С.И. Новая попытка обновления человечества: ("К лучшему будущему" Н.Н. Неплюева) // Миссионерское обозрение. 1900. № 2. С. 335-346; № 3. С. 487-493; № 4. С. 627-631; № 5. С. 775-779; № 6. С. 895-903.
582. Четвериков С.И. Новая попытка обновления человечества: (По поводу ст. Н.Н. Неплюева). – СПб., 1901.
583. Чихачева Е.В. Студенчество военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии в революционном движении начала 70-х гг. XIX в. – Л., 1990. 67 с.
584. Чуковский К.И. История слепцовской коммуны // Слепцов В.А. Сочинения. – М.; Л.: Academia, 1932. С. 551-582.
585. Чуковский К.И. История слепцовской коммуны // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1967. Т. 6. С. 300-333.
586. Чумаков А. И. Философия глобальных проблем. – М.: Знание, 1994. 160 с.
587. Шарапов С.Ф. По черноморскому побережью // Русский вестник. 1895. № 1. С. 197-217.
588. Шарапов С.Ф. По черноморскому побережью. Письма из поездки в составе Экспедиции министра земледелия и гос. имуществ осенью 1894 г. – СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1896. 111 с.
589. Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Соч. в 3 тт. – М., 1994.
590. Шафаревич И. Социализм как явление мировой истории. – Париж: YMCA – PRESS. 1977. – 367 с.
591. Шаховской Д.И. Письма о Братстве / Публ. Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. – М.; СПб.: Феникс; Athenium, 1992. С. 174-318.
592. Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск. ; общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. 456 с.
593. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. – М., 1992.
594. Шелли П.Б. Освобожденный Прометей. – М., 1970.
595. Шендеровский Л. Иван Проханов (Биографический очерк). – Торонто: Евангельская вера, 1986. 170+59 с.

596. Шестаков В. П. Социальная утопия Олдоса Хаксли: миф и реальность //О современной буржуазной эстетике /Под ред. В. П. Шестакова. – М, 1976.
597. Шестопал Е.Б. Личность и политика. Критический очерк современных западных концепций политической социализации. – М.: Мысль, 1988. 203 с.
598. Шохор-Троцкий К.С. Сютаев и Бондарев // Толстовский ежегодник, 1913. С. 3-52.
599. Шпеман Р. Справедливость или: я и другие //Шпеман Р. Основные понятия морали. – М., 1993. С. 33-43.
600. Штекли А.Э. «Город Солнца»: утопия и наука. – М., 1978.
601. Штекли А.Э. Утопии и социализм. – М., 1993.
602. Щербакова Е.И. Роман Н.Г. Чернышевского "Что делать"" в восприятии радикальной молодежи середины 60-х гг. XIX в. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 1. С. 59-68.
603. Щетинина Г.И. Л.Н. Толстой как социальный реформатор: Основные идеи и последователи, конец XIX - начало XX в. – М., 1995. 104 с.
604. Эджертон У. Толстой и толстовцы // Новый мир. 1989. № 3. С. 266-267.
605. Экземплярский В.И. Памяти Николая Николаевича Неплюева. Киев, 1908. 104 с. (Отт. из журн. "Тр. Киевской духовной академии". 1908. май).
606. Энгельгардт А.Н. Из деревни, 12 писем, 1872-1887. – СПб.: Наука, 1999. (Литературные памятники).
607. Энгельгардт Н.А. Александр Николаевич Энгельгардт и батищевское дело // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем, 1872-1887. – СПб.: Наука, 1999. (Литературные памятники). С. 510-557.
608. Энгельгардт Н.А. Буковский интеллигентный поселок: (Очерк из истории культурных колоний) // Новое слово. 1895. № 3 (декабрь). С. 17-35; 1896. № 4 (январь). С. 11-30.
609. Энгельгардт Н.А. Буковский интеллигентный поселок: (Очерк из истории культурных колоний) // Новое слово. 1895. № 3 (декабрь). С. 17-35; 1896. № 4 (январь). С. 11-30.
610. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке //Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М., 1961. Т.19.
611. Энциклопедический социологический словарь //Общая ред. акад.Осипов Г. В. – М.: ИСПИ РАН. 1995. 939 с.
612. Эткинд А.М. The American Connection, или Что делал Рахметов, пока не стал Шатовым // Знамя. 1997. № 1. С. 153-182.
613. Эткинд А.М. Джемс и Коновалов: Многообразие религиозного опыта в свете заката империи // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 102-122.
614. Эткинд А.М. Народничество и люкримакс: классики филологии о русских сектах // Лотмановский сборник: Вып. 2. – М., 1997. С. 100-123.
615. Эткинд А.М. Русские секты и советский коммунизм: Проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. 1986. Т. 19. С. 275-319.
616. Эткинд А.М. ХЛЫСТ: (Секты, литература и революция). – М.: НЛО, 1998. 688 с. (Научное приложение; Вып. XII).
617. Юлэм А. Социализм и утопия. 1965.
618. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс-Универс, 1993. 332 с.
619. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Ответ Иову /Пер.с нем. – М.: Канон, 1995. 352 с.
620. Юнг К.Г. Человек и его символы /Пер. с англ. – СПб.: Б.С.К., 1996. 456 с.
621. Ям К.Е. Жан Мелье и французский атеизм XVIII века. – М., 1979.
622. Янов А. Русская идея и 2000-й год //Политическая культура России. – М., 1990. Вып. 4. С.158-163.
623. Ярославский Е. О Л.Н. Толстом и "толстовцах". – М., 1928. 22 с.

624. Ярославский Е. О религии. – М.: Госполитиздат, 1957. 640 с.: ил.
625. Aldanov M. A Russian Commune in Kansas // Russian Review. 1944. Autumn. P. 30-44.
626. Anarchism: Community and Utopia / Ed. by L. Sekej and V. Tomek. Praha, 1993. 272 p.
627. Armytage W.H.G. Heavens Below: Utopian Experiments in England. L.: Routledge and Kegan Paul, 1961. VII, 458 p. (Studies in Social History).
628. Aware of Utopia / Ed. by Plath D.W. Urbana; Chicago; L., 1971.
629. Beesly E.S. The Life and Death of William Frey: An Address Delivered at Newton Hall, Sunday, November 11, 1888. L.: Reeves and Turner, 1890. 12 p.
630. Bestor A. Backwoods Utopias: The Sectarian Origin and Owenite Phase of Communitarian Socialism in America, 1663-1829. 2nd ed. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1957. 330 p. [1950]
631. Bestor A. The Evolution of the Socialist Vocabulary // Journal of the History of Ideas. 1948. (June). Vol. IX. N 3. P. 259-302.
632. Bliss N.L., Spencer C.O. In Praise of Utopian Socialism in America // Alternative Futures. 1980. Vol. 3. N 1. P. 51-70.
633. Brower D.R. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca, 1975.
634. Chamberlen J.V. The Spiritual Impetus to Community // Utopias: The American Experience. N.Y.; L., 1980. P. 126-139.
635. Clecak P. America"s Quest for the Ideal Self: Dissent and Fulfillment in the 60-s and 70-s. N.Y., 1983.
636. Confino M. Revolte Juvenile et Contre-Culture: Les Nihilistes Russes des "Annees 60" // Cahiers du Monde Russe et Sovetique. Vol. XXXI. 1990. N 4. Octobre-Decembre. P. 489-537.
637. Davidson G. Our Jewish Farmers. The Story of the Jewish Agricultural Society. N.Y.: L.B. Fisher cop., 1943. IX, 280 p.
638. Fogarty R.S. All Things New: American Communes and Utopian Movements, 1860-1914. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1990. VII, 286 p. Bibliogr. P. 261-273.
639. Fogarty R.S. Dictionary of American Communal and Utopia History. Westport (Conn.); L.: Greenwood Press, 1980. XXVI, 271 p. Bibliogr. P. 247-253.
640. Frey W. On Religion. A Paper Read Before the Fellowship of the New Life. L., 1988. 22 p.
641. Frey W. The Testament of William Frey. L. 1889. 7 p.
642. Gleason A. Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860-s. N.Y.: Viking press, 1980. XVI, 437 p.
643. Goodheart E. The Romantic Critique of Industrial Civilization // Alternative Futures: The Journal of Utopian Studies. Vol. 3. N 2: Technology and Pessimism. P. 126-138.
644. Gotz I.L. The Commune as Symbol // Alternative Futures: The Journal of Utopian Studies. Vol. 2. 1978. N 1. P. 76 " 96.
645. Hardy D. Alternative Communities in Nineteenth Century England. N.Y.; L.: Longman, 1979. 5, 268 p.
646. Hecht D. Russian Radicals Look to America, 1825-1894. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1947. P. 16-40, 78-96.
647. Hicks G.L. Utopian Communities and Social Networks // Aware of Utopia / Ed. by Plath D.W. Urbana; Chicago; L., 1971. P. 135-150.
648. Hine R.V. California"s Utopian Colonies. Berkeley etc.; University of California Press, 1983. XVIII, 209 p.

649. In Gods We Trust: New Patterns of Religious Pluralism in America / Ed. by Thomas Robbins and Dick Anthony. New Brunswic (Ind.); L.: Transaction Books, 1981. 338 p. Bibliogr. P. 327-335.
650. In Search for Community: Encounter Groups and Social Change / Ed. by K.W. Back. Colorado, 1978. XV, 175 p.
651. Jeffrey K. The Family as Utopian Retreat From the City: The Nineteenth Century Contribution // The Family, Communes, and Utopian Societies. N.Y., 1972. P. 21-41.
652. Kanter R.M. Commitment and Community: Communes and Utopias in Sociological Perspective. Cambridge (Mass.), 1972.
653. Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 1989. 438 p.
654. Keniston K. Youth and Dissent. N.Y., 1971.
655. Knoll S.B. Form or Content" Reflections on the Concept of Utopia in Asian and West European Thought // Alternative Futures: The Journal of Utopian Studies. Vol. 3. 1980. P. 3-14.
656. Kraushaar O.F. America: Symbol of a Fresh Start // Utopias: The American Experience N.Y.; L.: Scarecrow Press, 1980. P. 11-29.
657. Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / Ed. R. Barlett. N.Y., 1990.
658. Lukes S. Marxism and Utopianism // Utopias. L., 1984. P. 153-168.
659. McDermott J.J. Nature Nostalgia and the City: An American Dilemma // The Family, Communes, and Utopian Societies. N.Y., 1972. P. 11-20.
660. Melville K. Communes in the Counter Culture: Origins, Theories, Styles of Life. N.Y.: William Morrow and comp., inc., 1972. 256 p.
661. Muncy R.L. Sex and Marriage in Utopian Communities: XIXth century America. Bloomington; L.: Indiana University Press, 1973. 275 p.
662. Mutual Criticism / Intr. by Murray Levine and Barbara Benedict Bunker. Syracuse University Press, 1975. 96 p.
663. Negley G. Utopian Literature: A Bibliography. With a Supplementary Listing of Works Influential in Utopian Thought. Lawrence, 1977.
664. Nisbet R. The Quest for Community: A Study in the Ethics of Order and Freedom. San Francisco (Calif.): ICS Press, cop., 1990. XXXV, 272 p.
665. Nordhoff Ch. The Cedar Vale Commune // Nordhoff Ch. The Communistic Societies of the United States. N.Y.: Schocken books, 1965. P. 353-365. [1875]
666. Ogilvy J. and Ogilvy H. Communes and the Reconstruction of Reality // The Family, Communes, and Utopian Societies / Ed. by Sallie TeSelle. N.Y.: Harper Torchbooks, 1972. P. 83-99.
667. Rigby A. Alternative Realities: A Study of Communes and Their Members. L. and Boston, 1974.
668. Rigby A. Communes in Britain. L.; Boston: Routlege and Kegan Paul, 1974. 157 p.
669. Sargent L.T. British and American Utopian Literature, 1516-1975: An Annotated Bibliography. Boston, 1979.
670. Stites R. Utopias in the Air and in the Ground: Futuristic Dreams in the Russian Revolutions // Russian History. Irvine (Cal.), 1984. Vol. 11: Utopia in Russian History, Culture and Thought. N 2/3. P. 236-257.
671. Tailor K. Politics as Harmony: Utopian Responses to the Impact of Industrialization, 1830-1848 // Alternative Futures. Vo. 2. 1979. N 1. P. 60-75.
672. The Family, Communes, and Utopian Societies / Ed. by Sallie TeSelle. N.Y.: Harper Torchbooks, 1972. VI, 137 p.
673. Utopias / Ed. by Alexander P., Gill R. L.: Duckworth, 1984. XXI, 218 p.

674. Utopias: The American Experience / Ed. by Moment G.B. and Kraushaar O.F. Metuchen (N.J.); L.: Scarecrow Press, 1980. VII, 251 p.
675. Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1983. XXXVI, 850 p.
676. Veysey L. The Communal Experience: Anarchist and Mystical Counter-Cultures in America. N.Y.: Harper and Row, 1973. XIX, 495 p.
677. Walicki A. Personality and Society in the Ideology of Russian Slavophiles: A Study in the Sociology of Knowledge // California Slavic Studies. 1963. Vol. 2. P. 1-20.
678. Walicki A. The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. University of Notre Dame Press, 1989. XIII, 197 p.
679. Wortman R. The Crisis of Russian Populism. Cambridge, 1967. XII, 211 p.
680. Yarmolinsky A. A Russian"s American Dream: A Memoir on William Frey. Lawrence: The University of Kansas press, 1965.
681. Zablocki B.D. Alienation and Charisma: A Study of Contemporary American Communes. N.Y., 1980.
682. Zablocki B.D. Communes, Encounter groups and the Search for Community // In Search for Community: Encounter Groups and Social Change. Colorado, 1978. P. 97-142.

Учебное издание

Архетипическая диалектика социокультурных проектов

Часть 1.
Утопическая традиция

Учебное пособие

Оригинал-макет подготовлен учебно-методической лабораторией философского факультета «Берестяная грамота»

Подписано в печать 15.12.2013 г. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ.л. 24,2. уч.-изд.л. 26,8. Тираж 175 экз. Заказ №
Издательско-полиграфический центр
Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б.Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано в ИПЦ НовГУ им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б.Санкт-Петербургская, 41.